

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА

Сборник статей по материалам Международной
научно-практической конференции

Краснодар
КубГАУ
2017

УДК 316.7(063)

ББК 60

А43

Редакционная коллегия:

А. И. Трубилин (председатель),

П. С. Волкова, К. С. Чикаева,

ответственный за выпуск – В. В. Шалин

**А43 Актуальные проблемы современного социокуль-
турного пространства :** сб. ст. по материалам Между-
нар. науч.-практ. конф. / отв. за вып. В. В. Шалина. –
Краснодар : КубГАУ, 2017. – 500 с.

ISBN 978-5-00097-383-7

В сборнике представлены материалы Международной науч-
но-практической конференции, посвященной проблемам россий-
ского социокультурного пространства и детерминирующим его
факторам.

Предназначен широкому кругу гуманитариев, интересую-
щихся актуальными проблемами современности, решаемыми
сквозь призму социологии, культурологии, философии, филоло-
гии, истории, государства и права, экологии и экономики, а также
искусствознания.

The collection presents materials of the International Scientific
and Practical Conference, devoted to the problems of the Russian so-
cio-cultural space and its determinative factors. The collection is in-
tended for a wide range of humanists interested in pressing contem-
porary problems, solved through the prism of sociology, culture, philoso-
phy, philology, history, the state and law, ecology and economics, as
well as art history.

УДК 316.7(063)

ББК 60

© Коллектив авторов, 2017
© Макарец И., Аксариди П.,
рисунки на обложке, 2017
© ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный аграрный
университет имени
И. Т. Трубилина», 2017

ISBN 978-5-00097-383-7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА

Е. А. Зорина
(Россия, Краснодар)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В РАБОТАХ ИТАЛЬЯНСКИХ ФИЛОСОФОВ XX ВЕКА

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению проблемы свободы и ответственности личности в трудах итальянских философов XX века. Представлены различные подходы к решению этой проблемы, предложенные Прети, Банфи, Кроче, Аббаньяно, Ведальди, Спирито.

Ключевые слова: свобода, ответственность, норма, личность, общество, взаимодействие, итальянская философия, мораль, закон.

E. A. Zorina
(Russia, Krasnodar)

THE CONCEPTUAL COMPREHENSION OF PERSONAL RESPONSIBILITY IN THE WORKS OF THE ITALIAN PHILOSOPHERS OF THE TWENTIETH CENTURY

Annotation: the article is devoted to the problems of liberty and responsibility of personality in the works of the Italian philosophers of the twentieth century. It presents various approaches to the solution of this problem proposed by Preti, Banfi, Croce, Abbagnano, Vedaldi, Spirito.

Keywords: liberty, responsibility, standard, person, society, interaction, Italian philosophy, moral, law.

«Ответственность, – писал один из наиболее ярких представителей итальянского неопозитивизма Дж. Прети, – это основополагающая этическая категория, в которой редуцируется весь смысл проблемы свободы как этической проблемы...» [1, 128]. Бесспорность этого высказывания подтверждается тем вниманием, которое было уделено исследованию этой категории в итальянской философии и этике XX века. Не было ни одного значительного философа, который бы не высказался по этому вопросу, и это касается представителей всех направлений и школ, начиная с позитивизма и прагматизма и кончая экзистенциализмом и проблематизмом, где проблема ответственности становится во всей ее широте и многогранности¹.

Возрастание интереса к обозначенной проблеме в XX столетии было обусловлено многими причинами. Прежде всего, все больше мыслителей приходят к выводу, что история не есть арена деятельности каких-то безличных сил: подлинным субъектом и творцом ее является сам человек. Действуя как сознательное и свободное существо, он несет и весь груз ответственности за свое прошлое, настоящее и будущее. Осознание своей ответственности перед человечеством внушает индивиду чувство собственного достоинства, собственной значимости, заставляет его поступать осмысленно и продуманно. Но в то же время в XX появилась тенденция и иного рода. Политический авантю-

¹Анализировать все концепции ответственности, которыми богата итальянская философия XX века, в данной статье не представляется возможным, и в этом нет необходимости, поскольку многие из них перекликаются в своих основополагающих пунктах. На наш взгляд, более плодотворным будет прежде рассмотреть ключевые моменты тех учений, в которых проблема ответственности решается традиционно, а затем остановиться на воззрениях философов, внесших в свое исследование элементы новизны и неординарности.

ризм, экстремизм, непродуманные эксперименты в различных сферах общественной жизни являют собой примеры безответственного отношения к людям и их судьбам. Более того; жизнь целых народов ставится на карту в угоду непомерным амбициям честолюбивых политиков, ученых, общественных деятелей, которые не всегда осознают свою все возрастающую ответственность за судьбы своих народов и всего человечества, а часто и просто ее игнорируют. Парадоксальность сложившейся ситуации была хорошо схвачена А. Банфи, который писал: «С одной стороны, в принципе на личность теоретически никогда не возлагалась такая ответственность, в то время как, с другой стороны, никогда не оказывалось столь распространенным и легким уклонение от нее...» [2, 346].

Важным стимулом к разработке данного вопроса явились исследования в области человеческой психики, особенно в области бессознательного. Спонтанное воздействие бессознательных влечений на человеческое поведение, неразрывное переплетение сознательных и бессознательных моментов в процессе осуществления решения и выбора, – все это поколебало устоявшиеся представления о человеке как рациональном существе, сделав проблематичным определение границ свободы, а, следовательно, и ответственности. Пересмотр устоявшихся канонов иногда приводил к созданию экстравагантных и, на первый взгляд, шокирующих концепций, с аргументацией которых нетрудно было спорить, но которые все же содержали в себе и некоторые рациональные зерна, позволяющие по-новому посмотреть на, казалось бы, уже давно решенные вопросы.

С давних пор в философии и этике было признано, что основой ответственности является свобода. Итальянские философы не обходят стороной этого вопроса. Проблемой соотношения детерминизма и свободы занимались многие из них, и выводы, к которым они пришли, не отступают от традиции. Большинство авторов сходится на

том, что абсолютной свободой воли человек не обладает. Его поведение в определенной степени детерминировано внешними обстоятельствами или факторами: наследственностью, социальной средой, воспитанием.

Но признание детерминированности воли таило в себе и ряд опасностей, которые проявились еще в так называемой школе позитивного права, представленной Ч. Ломброзо и Э. Ферри. В частности, занимаясь проблемами криминологии, Ломброзо приходит к выводу, что склонность к совершению преступных деяний обусловлена морфологическими особенностями индивида, т. е. генетически запрограммирована. В свою очередь, Ферри утверждал, что, поскольку характер человека формируется обществом, то последнее определяет и все его не только хорошие, но и дурные поступки. Абсолютизируя роль генетических и социальных факторов в поведении человека, сторонники позитивистской школы права с необходимостью приходили к выводу, что ответственность за преступления должна возлагаться на общество, а не на индивида.

Сходное заключение делал и Б. Кроче. Рассматривая исторический процесс, как результат деятельности Духа, он отказывал индивиду в свободе, ибо воля последнего с необходимостью определяется диалектикой развития Истории. Отсюда Кроче делал вывод, что «индивид не является ответственным за свои действия, т.к. действия не выбираются им самим по произволу» [3, 126–127]. Однако в более поздних работах философ пересматривает свою позицию. Теперь, по его мнению, история как непосредственный исторический процесс, т. е. до тех пор, пока она остается в плане практики, или действия, включает в себя понятие свободы и, следовательно, выбора и ответственности. «Человек, – пишет Б. Кроче, – всегда действует ... и всегда является свободным и ответственным, потому что жизнь до тех пор, пока она длится, есть не что иное, как

непрерывная сеть волеий и поэтому свободных актов» [4, 124]. Когда же действие совершилось, и мы начинаем рефлектировать над ним, оно переходит из плана свободы и проблематичности в план необходимости и универсальности. Таким образом, у Кроче наблюдается своеобразный дуализм: пока действие совершается, оно основывается на свободе воли индивида, но как только оно завершилось и стало объектом нашего познания, оно должно подпадать под категорию необходимости.

Итак, если исключить некоторые крайние позиции, итальянские философы в основном были склонны сочетать свободу воли с детерминизмом. Подводя итог многолетним спорам по данному вопросу, Н. Аббаньяно сделал следующее заключение: «Совершенно верно, что полемика между индетерминистами и детерминистами сегодня во многом утратила свое значение с тех пор, как вышли из употребления понятие абсолютной свободы, которая делала бы невозможным сам детерминизм нормы, и понятие абсолютного детерминизма, которое вело бы к тому, что считали бы преопределённым каждое событие и, следовательно, также и каждый человеческий поступок...» [5, 358].

Ответственность не может основываться ни на абсолютной свободе, ибо тогда не с чем был бы соотносить поступки индивида, ни на неукоснительной необходимости, которая бы лишала человека свободы выбора, делая из него запрограммированного робота. Ответственность всегда предполагает диалектическую взаимосвязь свободы выбора индивида с необходимостью некой общезначимой нормы, к которой можно было бы относить его поступки. Она может возникать только в рамках отношения: поступок – норма, т. е., с одной стороны, предполагается свободно мотивированное действие, а, с другой, – общезначимый критерий, согласно которому можно было бы судить об этом действии. Все это позволяет говорить об объективной сто-

роне ответственности, определяемой нормой, т. е. правилом, ограничивающим выбор поступков, и о субъективной – под которой подразумевается способность индивида предвидеть последствия своих действий. Но здесь Аббаньяно справедливо добавляет, что суждение об ответственности высказывается не на основе простого отношения: норма – поступок, ибо не всякое нарушение нормы влечет за собой ответственность. Поэтому для определения ответственности важно фиксировать не только нарушение норм, но также и контекст, или условия в которых совершено то или иное действие. Следовательно, суждение об ответственности строится на более сложном отношении: поступок–контекст–норма.

Отказ от понятия абсолютной свободы заставляет многих итальянских философов отвергнуть и понятие абсолютной, или тотальной ответственности. Резюме по данному вопросу можно также найти в работах Аббаньяно. «Истинная проблема ответственности, – указывает он, – это проблема границ ответственности. Суждение об ответственности – это суждение о мере и степени самой ответственности, и оно равным образом исключает бесконечную ответственность и отсутствие ответственности» [5, 359].

Итак, проблема, кажется решена. Человек несет ответственность только за те действия, которые он совершил на основе свободно принятого решения, учитывая и принимая во внимание сопутствующие обстоятельства. Мера ответственности определяется как мотивами, которыми он руководствовался при совершении действия, так и последствиями, которые повлекло это действие для окружающих и для него самого. Границы ответственности совпадают с границами свободы, которой он обладал в том или ином совершаемом им действии.

Пока мы остаемся в рамках чистой теории, все представляется ясным и понятным. Но стоит только перейти в

область практики, как вновь начинают возникать парадоксы и противоречия.

Прежде всего, оказывается проблематичной сама свобода выбора. Мы уже говорили, что суждение об ответственности может произноситься только в рамках отношения: поступок–контекст–норма. Норма же, как правило, говорит абстрактно и обобщенно о том, что должен делать индивид и чего он делать не должен. Поэтому для принятия правильного решения ему необходимо знать досконально контекст или обстоятельства. В экстремальных случаях, как, например, в случае самозащиты, время на раздумье часто не бывает, поэтому индивид не всегда может адекватно оценить угрозу, исходящую от нападающего, что может вполне повлечь за собой превышение меры самозащиты. А если это произошло еще и без свидетелей, как тогда определить суду меру ответственности?

Аналогичный факт исследует в одной из своих работ последователь Аббаньяно А. Ведальди. Так, командир получает во время военных действий приказ ни в коем случае не оставлять занимаемых позиций. Но натиск врага приводит к тому, что его отряду грозит окружение и неминуемая гибель. Связь с вышестоящим начальством прервана, поэтому отменить свой приказ оно не может, даже если бы этого и захотело. Перед командиром стоит дилемма: или выполнять приказ до конца, но тогда он с необходимостью обречет свой отряд на гибель. Причем еще неизвестно, будет ли это героическая смерть или бессмысленная. Может быть, отступив и заняв более выгодную позицию, врагу можно было бы нанести более существенный урон. С другой стороны, он может принять решение отступить, но как это скажется на состоянии соседних с ним подразделений и общей стратегической обстановке? Всех обстоятельств дела командир не знает, поэтому все его логические размышления не позволяют сделать окончательного вывода. В ко-

нечном счете, он идет на риск, полагаясь на свою интуицию или, если угодно, на некий инстинкт. Таким образом, решение, если дойти до его глубинных основ, принимается в «глубоком интеллектуальном безмолвии». Это как бы игра в кости: выпал счастливый номер – значит ты герой, нет – значит, ты подлец и трус. Но здесь важно и другое: индивид сам иногда не знает, как он приходит к тому или иному решению; он как бы извлекает сам себя из неведомого. Однако, если решение принимается «при безмолвии разума», ответственен ли за него индивид?

Общепринято, что можно чувствовать себя добрым или злым, моральным или аморальным, т.е. ответственным только в том случае, если выбор осуществляется сознательно. Ответственность, как мы знаем, включает в себя преднамеренность, а преднамеренность – знание. Но если действие совершалось в «интеллектуальном тумане», при безмолвии разума, можно ли вменить за него ответственность? Здравый смысл говорит, что нет. Ведальди говорит, что да. Все дело в том, что, по его мнению, моральный закон (норма) не является для нас путеводителем в тот момент, когда действие нами совершается, он лишь критерий для оценки и суждения об уже свершившемся. Закон следует за действием, а не предшествует ему. Безусловно, в общих чертах, абстрактно индивид знает смысл и содержание действующих норм, долга. Но, когда от полагания он переходит к действию, он уже точно не знает, согласуется оно или нет с моральным законом. Происходит некое «головокружение», «затмение разума» в момент принятия решения. Ведальди прямо говорит, что «... познания могут обогатить багаж моей личной культуры, но никогда не смогут помочь мне разумно принять решение» [6, 174]. И, тем не менее, решение, принятое во мраке неведения, не может освободить нас от обвинения, сняв с нас груза ответственности. «Мы отвечаем за то, чем мы выбрали быть, не зная, что мы выбрали». Или

еще: «в общем, я отвечаю перед разумом и законам за то, что я сделал вне разума и закона» [6, 176], – таков вывод Ведальди. Как отмечает философ, «это – вещь отвратительная для здравого смысла», однако дело обстоит именно так, ибо моральный закон – это не заботливая нянька, всячески пытающаяся предотвратить неосмотрительные действия дитяти, за которым она приставлена наблюдать, напротив, он строгий судья, который произносит свой вердикт, после того, как действие совершено.

Выводы Ведальди можно, безусловно, оспаривать, но проблема, которую он ставит, действительно существует. Психологи и антропологи давно уже отказались рассматривать человека как исключительно рациональное существо. Урок Фрейда также не пропал даром. Бессознательное действительно играет существенную роль в жизнедеятельности индивида, и особенно оно дает о себе знать в экстремальных ситуациях. Бессознательное спонтанно, но лежит ли в его основе свобода? Будь оно половой инстинкт, как у Фрейда, или некие архетипы, как у Юнга, в обоих случаях бессознательное является принуждающей силой. Однако если в решающие моменты именно такое бессознательное доминирует при принятии решения, можно ли собственно решение назвать свободным вопреки тому, что ответственность за него никоим образом не снимается?

В данном контексте неизбежен вопрос: может, не так уж был неправ Дж. Маркезини, который еще в начале века отмечая роль бессознательных факторов в поведении человека, писал: «Скрыто индивид отвечает также и за бессознательные побуждения, потому что они ... вносят вклад в определение характера и, следовательно, действий, при том, что, несомненно, подлинным носителем ответственности является сознание» [7, 114].

Согласимся, невозможно с достаточной точностью определить, какую роль играют при принятии решения сознательные и бессознательные факторы. Это делает очень рискованным предприятием в каждом конкретном случае найти меру ответственности. Определение точной меры ответственности затруднено еще и тем, что человеческая свобода не есть некая пассивная данность, детерминированная внешними обстоятельствами. Человек – активное, деятельное существо; осуществляя собственную экспансию, он может расширить границы своей свободы и, следовательно, ответственности. Поэтому при определении меры ответственности важно не только то, насколько человек был свободен в рамках данных условий и обстоятельств, но и то, насколько он мог и должен был изменить их, т. е. насколько он мог и должен был сделать себя свободным и, следовательно, ответственным. Но в этом случае вообще вряд ли применимы какие-либо объективные критерии; это больше дело его совести, и только он сам может судить себя за это.

И здесь возникает еще одна проблема: за что общество вправе возлагать ответственность на индивида, а за что он может брать на себя ответственность только сам? И вообще, правомерно ли обществу судить индивида, если он является его продуктом и проявлением? На сей счет в итальянской философии были сторонники того, чтобы ответственность за аморальные и даже криминальные действия возлагать на общество, а индивида представлять в виде жертвы неудачно сложившихся обстоятельств.

Поучительной в этом плане является и концепция У. Спирито, представленная им в работе «Мораль будущего». С одной стороны, ее автор придерживается тезиса, что природа человека «есть как раз природа совместного проживания, или социальной жизни» [8, 429]. Но если индивид является продуктом определенной системы и если его действия строго детерминированы ею, то не имеет смысла

вменять ему ответственность за них: ведь он лишь элемент системы. Отсюда новое истолкование христианской заповеди: «Не судите, да не судимы будете». Один человек не может судить другого не только потому, что этим правом обладает только Бог, но и потому, что судящий не может полностью отстраниться от другого, он сопряжен с ним неразрывной связью, а, следовательно, у них и общая ответственность. Применяя этот принцип к судебной практике, Спирито считает, что общество не вправе осуждать преступника за совершенное им преступление, потому что в большинстве случаев виновато оно само, а не индивид.

Так что же, понятие ответственности утрачивает свой смысл и значение? Если твердо стоять на позициях социального детерминизма и считать индивида лишь «проявлением общества и космоса», то иного ответа, по Спирито, быть не может. Но все дело в том, что, по мнению итальянского философа, человек не есть лишь «следствие причины», и его единение с миром и другими людьми может выходить за рамки «казуального отношения». Тогда единение Я и мира будет уже не следствием социальной обусловленности человека, но актом свободного выбора. А раз так, то понятие ответственности вновь обретает свое значение с той лишь оговоркой, что последняя обосновывается уже не принадлежностью индивида к социуму, а его нравственной позицией. Отождествляя себя с целым и считая себя центром мира, индивид сам вменяет себе ответственность за все происходящее. Дальнейший анализ проблемы приводит Спирито к рассмотрению отношения Я и Ты, но не как казуального, а как интересубъективного.

Итак, каждый индивид, как Я может отождествлять себя с целым и поэтому нести за все полную ответственность; однако, если, с точки зрения другого, он рассматривается как Ты, он уже становится не центром, а периферией и, следовательно, не может быть мной судим, не будучи

произвольно оторванным от универсума. Поэтому Я вправе судить самого себя, но не Другого.

Как же тогда заставить его поступать морально, если Я не могу его судить? Как обосновать ответственность Ты по отношению к Я? По Спирито, это можно сделать, если понять сущность морального закона (нормы), ибо поступать морально, значит признавать и уважать норму. Так как норма носит универсальный характер, оказывается, что Я, поскольку Я отождествляю себя с целым, не отличаю себя от этой нормы. «Закон – это мой закон, который вытекает из моего существа и из моей воли действовать» [8, 441]. Повинуясь закону, Я как носитель доброй воли повинуюсь только самому себе. Тогда закон приобретает для меня значение программы, и, поскольку это моя программа, я несу за нее полную ответственность, но другой (Ты) не тождественен с целым, поэтому норма является для него только законом, но не программой. Следовательно, «делать другого ответственным за несообразование с установленным мной законом не может быть ничем иным, как произволом и насилием. Судья (или общество), который осуждает меня от имени закона, как раз и совершает акт произвола и насилия» [8, 442]. Я могу судить только себя за то, что моя программа не стала твоим законом, но в то же время я должен стремиться к тому, чтобы она стала и твоей программой. Это возможно только в том случае, если Ты и Я, мы оба принимаем универсальную ответственность за мир. Если каждый будет считать центром мира не только себя, но и другого, то две программы тогда станут одной программой, а мораль осуждения будет заменена моралью согласия. Итак, отношения между индивидами должны строиться не на принуждении, а на консенсусе, тогда и ответственность обретет новый смысл, она станет «соответственностью», или взаимной ответственностью.

Гуманистические устремления Спирито несомненны, хотя аргументация его не всегда убедительна. Если рассматривать ответственность в сугубо моральном аспекте, то можно еще согласиться с его выводом о том, что ответственность на себя может возлагать только сам индивид. Принцип «не суди» тоже должен в определенной мере соблюдаться: ведь чтобы судить, нужно понять мотивы поступка другого, как говорится, «влезть в его шкуру», а это сделать очень сложно. Трудно бывает поставить себя на место другого, хотя для объективной оценки его действий это, безусловно, необходимо. Но, если заповедь «не суди» из сферы морали переносится в область уголовного права, не становится ли она попустительством в отношении преступника? В представлении Спирито, уголовные преступники всего лишь невинные жертвы общественной системы, которые требуют сострадания, а не наказания.

Безусловно, среди них могут быть и такие, но должно ли подобное утверждение распространять на всех без разбору? Поэтому абсолютизация принципа «не суди» может иметь далеко идущие социальные последствия. Проявляя гуманизм по отношению к отдельному индивиду, не следует забывать и об общественной безопасности.

В целом концепция Спирито, несмотря на ее гуманистическую направленность, содержит в себе ряд изъянов, которые бросаются в глаза при первом приближении. На наш взгляд, это объясняется ее радикализмом, стремлением решить одним махом сложные коллизии, которые порождает жизнь. Но простые и однозначные решения не всегда являются лучшими. А проблема ответственности относится к одной из тех, где теоретические ошибки и заблуждения могут привести к далеко идущим социальным последствиям. Таким образом, проблема остается вопреки всем попыткам разрешить ее. Впрочем, такова судьба всех философских проблем и вечных вопросов.

Литература:

1. Preti G. Liberta e responsabilita // Studi filosofici, 1948. – № 2. – P. 122–130.
2. Banfi A. L'uomo copernicano. – Milano, 1965. – P. 36–365.
3. Croce B. Etica e politica. – Bari, 1945. – P. 125–128.
4. Croce B. Filosofia della pratica. – Bari, 1945. P. 123–127.
5. Abbagnano N. Fra il tutto e il nulla. – Milano, 1973. – P. 356–360.
6. Vedaldi A. Essere gli altri. – Torino, 1948. – P. 172–178.
7. Marchesini G. La dottrina positive delle idealta. – Roma, 1913. – P. 112–119.
8. Spirito U. Morale dell'avvenire // Giornale critic della filosofia italiana, 1963. – № 4. – P. 425–435.

М. А. Гусарова
(Россия, Краснодар)

РОССИЙСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФИИ СЛАВЯНОФИЛОВ (на примере взглядов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского)

Аннотация: данная статья посвящена проблеме российского правосознания в философском творчестве славянофилов. В центре внимания находятся философские взгляды А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, в учении которых российское правосознание рассматривается как явление духовной культуры, обусловленное историческими и социокультурными условиями формирования российской государственности и российского социально-правового

пространства. Автором делается вывод об актуальности рассмотренных идей славянофилов об уникальности русского правосознания и необходимости возрождения нравственных ценностей как основополагающих ориентиров правосознания и правового поведения, значении гражданской правовой активности в условиях становления правового государства и гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: правосознание, правовое поведение, нравственные ценности, соборность, индивидуализм, социально-правовая реальность, общественное воспитание.

**M. A. Gusarova
(Russia, Krasnodar)**

**RUSSIAN CONSCRIPTION
IN THE PHILOSOPHY OF SLAVANOPHILES
(on the example of the views of A.S. Khomyakov
and I.V. Kiryevsky)**

Annotation: this article is devoted to the problem of Russian sense of justice in the philosophical work of the Slavophiles. The focus is on the philosophical views of A. S. Khomyakova and I. V. Kireevsky, in whose teachings the Russian sense of justice is regarded as a phenomenon of spiritual culture, conditioned by the historical and sociocultural conditions of the formation of the Russian statehood and the Russian social and legal space. The author makes a conclusion about the relevance of the ideas of the Slavophiles considered on the uniqueness of Russian sense of justice and the need to revive moral values as the basic guiding lines of legal awareness and legal behavior, the importance of civil legal activity in the conditions of the formation of the rule of law and civil society in modern Russia.

Keywords: legal awareness, legal behavior, moral values, sobornost, individualism, social and legal reality, public education.

XIX век в истории российской культуры стал временем напряженных интеллектуальных исканий и осмысления российской элитой особого места России в мировом сообществе и культуре, обоснования поиска наиболее эффективных и адекватных российскому сознанию правовых и политических форм общественного порядка. Переплетения сложных геополитических, международно-политических и национальных отношений, в которые была вовлечена Россия в XVIII веке, еще более простимулировали развитие интереса к проблеме национального самосознания русских, что в итоге привело к подъему в науке и философском знании.

Процесс осуществления западноевропейской «прививки» в российском социокультурном пространстве, вопреки ожиданиям его великих инициаторов, привел к тому, что высшие слои российского общества, принявшие европейские культурные образцы в качестве ориентиров реформаторской деятельности, еще более отделились от простого народа, уклад жизни и представления и мире которого остались прежними. Результатом такого диссонанса в социальной структуре и российской культуре стало появление духовного разрыва, ощущение которого буквально «витало в воздухе» как непримиримое противоречие. Осмысление причин духовного раскола названного времени и проблема поиска способов его преодоления была наиболее четко актуализирована в творчестве виднейших представителей славянофильского течения русской философии XIX в., которые в споре с западниками представили оригинальные идеи об уникальности феномена русского правового сознания и необходимости устройства рос-

сийской социально-правовой реальности на характеристичных для российской культуры духовных основах.

Общей отправной идеей в философских взглядах славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского о сущности права и особенностях российского правосознания было признание факта сложности и неоднозначности российской государственно-правовой жизни на всех ее исторических этапах, следствием которых были социальные бедствия российского общества, состояние «раздвоенности» и «раскола» общественного бытия и сознания. Данное явление выражалось, согласно учению славянофилов, в конфликте между сознанием высшего сословия, интеллигенции, принявшей в качестве духовных ориентиров ценности западноевропейской культуры, и народным сознанием, получающим идейную «подпитку» от духовных основ русского общества. Так, А. С. Хомяков видел разрешение проблемы духовного противоречия, раскола российской духовной культуры в достижении соборности как всеобщего принципа «единства во множестве», всеобщего согласия, единодушия в принятии значимых духовных ценностей на основе любви к Богу и к ближнему. В соборности, согласно учению Хомякова, благодаря христианской любви достигается искомое единство «внутреннего» и «внешнего» закона, а стало быть, восприятие мира как целого. Философ постулировал приоритетность нравственного закона над позитивным, в чем, по его мнению, выражается не регресс, а, напротив, духовное превосходство российского государства по сравнению с духовно разрозненными европейскими народами. В одной из своих работ он категорично заявлял, что наиболее приемлемым способом социально-правового развития для российского правосознания является эволюционный путь, построенный на возвращении нравственного сознания как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне. «Нравственное возвышение об-

щества, писал философ, – свидетельствуя о возрастающей зрелости народа и государства и находя точки отправления или опоры в нравственном и умственном превосходстве законодателей и нравственных общественных деятелей, движется постепенно и постепенно делается достоянием всех. В законе положительном государство определяет, так сказать, постоянно свою среднюю нравственную высоту, ниже которой стоят многие его члены (что доказывается последующим усовершенствованием закона). Такова причина, почему общество не может допустить слишком быстрых скачков в своем развитии. Закон, слишком низкий для него, оскорбляя его нравственность, оставляется без внимания; слишком высокий не понят и остается без исполнения... Участь общества гражданского зависит от того, какой духовный закон признается его членами и как высока нравственная область, из которой они черпают уроки для своей жизни в отношении к праву положительному» [10, 239–240].

Основываясь на том факте, что «нравственное достоинство человека высказывается только в обществе, а общество есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем за – одно...» [5, 6], Хомяков приходит к заключению о невозможности нравственного самосовершенствования вне социума, вне взаимодействия, вне социальных ограничений. Причудливое переплетение в самобытном российском сознании христианских ценностей с морально-нравственными и формально-юридическими, позволили, по мнению философа, появиться такому феномену, как «русское правосознание». Об этом он писал следующее: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащая чувству любви... в народах, развивающихся самобытно, богатое содержание предшествует усо-

вершенствованию формы» [5, 6–12]. Российское правовое сознание, «питающееся» из народного духа, в отличие от других народов, по мнению философа, способно чувствовать истинную законность, это чувство, по словам Хомякова, «принадлежит собственно России, как общине живой и органической; оно не принадлежит и не могло принадлежать условным и случайным обществам Запада, лежащим на беззаконной основе завоевания» [5, 55]. Как представляется, в данном суждении были заложены предпосылки психологического подхода к объяснению сущности феномена права и правосознания, поддержанного и развитого затем в философско-правовых взглядах Л. Петражицкого.

Обрушивая свою жесткую критику на западноевропейскую правовую науку как знание одностороннее, не отражающее целостность мира, А. С. Хомяков писал, что она изначально строится на неправильных мировоззренческих основаниях, отрываясь от общей системы обязанностей, понятия человека, истины и справедливости, сформировавшихся в культуре, и отмечал по этому поводу, что «понятие об обязанности находится в прямой зависимости от общего понятия человека о всечеловеческой или всемирной нравственной истине, и, следовательно, не может быть предметом отдельным для самостоятельной науки. Очевидно, что наука о нравственных обязанностях, возводящих силу человека в право, не только находится в прямой зависимости от понятия о всемирной истине, будь оно философское или религиозное, но составляет только часть из его общей системы философской или религиозной» [5, 15]. Главным недостатком западноевропейского юридического знания, как утверждает философ, является разрыв между нравственной и формально-юридической сферой, в результате которого формируются неправильные мотивации человеческого поведения. «Человек, – пишет А. С. Хомяков, – является в совокупности сил умственных и телесных... Для

того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное как сила (как например, завоевание), но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права» [5, 14]. Отсюда следует особое понимание смысла правовой науки как знания «о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т. е. о нравственных обязанностях» [5, 14].

То обстоятельство, что российское правосознание или «правочувствование» является следствием самобытного российского сознания, объясняет, почему использование культурных, в том числе и правовых, форм в процессе реформирования социальной реальности, является недопустимым, контпродуктивным для России мероприятием. «Всякая система, как и всякое учреждение Запада, – отмечает Хомяков, содержит в себе решение какого-нибудь вопроса, заданного жизнью прежних веков. Перенесение этих систем на новую народную почву небезопасно и редко бывает безвредно» [5, 61]. Далее он констатирует, что результатом копирования правовой наукой западных правовых теорий привели к проникновению в высшие умы формализма, который, не имея исторической корней в российском сознании, попытался заменить «жизненную гармонию полицейскою симметрией в науке, где он более боится заблуждений, чем ищет истины» [5, 61]. Для преодоления противоречий законов и реального состояния правовой жизни философ рекомендует опираться на традиционные для российского правосознания авторитеты патерналистских ценностей и правового обычая как истинных источников права. Он отмечал, что «сличение всех памятников... приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между

законом и жизнью, между учреждениями писанными и живыми правами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении» [6, 15].

Выделяя факторы, способствующие нравственному совершенствованию общества, А. С. Хомяков особо выделял общественное и семейное воспитание как дело, «посредством которого одно поколение prepares следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа» [8, 351], а также нравственно-правовое просвещение посредством книгопечатания, которое есть «разумное орудие общественного голоса» [8, 372]. При этом вмешательство государства в названные мероприятия должно быть строго ограниченным. К числу обязанностей государства и правительства он относил «устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества, и удовлетворение тех потребностей, которых само общество еще не может удовлетворить вполне...» [9, 353], а также устранение жесткой цезуры, так как «честное перо требует свободы для своих честных мнений, даже для своих честных ошибок» [8, 374].

Актуальной и в наши дни остаются проблемы гражданской активности и личной ответственности человека перед обществом и государством, условий гражданского общества, затронутые в творчестве А. С. Хомякова. Он писал, что «при всяком изменении внутреннего устройства государственного, будь оно в области администрации или в области правосудия, частный человек имеет право и, скажу более, некоторую обязанность способствовать успешному и разумному ходу дела сообщением своих мыслей о нем или обществу (если такое сообщение дозволяется), или тем лицам, которым дело по преимуществу поручено» [9, 291–292]. Главными условиями формирования гражданского общества в России, по мнению А. С. Хомякова, является,

во-первых, гласность, особенно в судопроизводстве, которая «оказывается необходимостью, разумной потребностью нашего времени» [7, 325], а, во-вторых, верховенства закона как «человеческой правды, как той цели, к которой оно (*гражданское общество – курсив мой*) обязано стремиться. Это признание, по необходимости, сопровождается верою в святость, обязательность и силу правды для всех членов общества» [7, 331].

То обстоятельство, что государственный и социальный организм имеют двойственную природу, включая в себя и естественные элементы, бытующие в недрах самой культуры, и искусственные, возникшие как ответ на потребность решения временных задач, является, по мнению Хомякова, весомым аргументом в вопросах сохранения традиционного уклада жизни и государственного устройства в соответствии с российскими правоментальными началами. Философ писал, что «всякое государство или общество гражданское состоит из двух начал: из живого исторического, в котором заключается вся жизненность общества, и из рассудочного, умозрительного, которое само по себе ничего создать не может, но мало-по-малу приводит в порядок, иногда отстраняет, иногда развивает основное, т.е. живое начало» [7, 461]. Примечательно, что будущее российского общества А. С. Хомяков связывал с возрождением в общественном сознании нравственных начал, детерминированных христианскими ценностями. «Для России, писал философ, – возможна одна только задача: быть обществом, основанным на высших нравственных началах... Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствия к ближнему; все, что основывается на самоотречении и самопожертвовании, – все это заключается в одном слове: Христианство» [7, 335]. На основании этого Хомяков сделал заключение о необходи-

мости культивирования в обществе ценности добра, братства, справедливости, общего блага и правды.

Как представляется, идеи, развитые А. С. Хомяковым, не потеряли своей актуальности и современных условиях построения правового государства и гражданского общества в России, предполагающих верховенство закона, высокий уровень индивидуального и общественного правосознания и правовой культуры. Помимо этого нельзя не отметить возрастающую социальную потребность в осознании каждым индивидом своей сопричастности к социально-правовому прогрессу, к достижению общественной солидарности в вопросах развития общества, что невозможно без единых духовных оснований в социуме. Данное обстоятельство актуализирует проблемы внутренней свободы и внешнего принуждения, значения перманентных и временных культурных элементов, соотношения общечеловеческого и национального в социальной реальности.

Другой представитель славянофильства – И. В. Киреевский – представил не менее глубокое исследование природы и сущности феномена российского правосознания, сформировавшегося как один из самобытных способов осмысления, познания и понимания мира российским сознанием. Как и остальные славянофилы, И. В. Киреевский оценивал европеизацию и Петровские реформы как неорганичные российской культуре социальные преобразования, насажденные искусственно и противоречащие естественной логике развития российского общества, а, стало быть, приводящие к тяжелым последствиям в культуре, выражающимся в потере ею собственной индивидуальности. По этому поводу философ писал следующее: «Это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав Европейских обществ не было плодом нашей прежней жизни, необходимым следствием нашего внутреннего развития; оно пришло к нам извне, и частью даже насиль-

ственно, так что внешняя форма его до сих пор еще находится в противоречии с формой нашей национальной» [3, 97] и подчеркивал, что переворот, совершенный Петром I, «был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности; не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением» [3, 103].

И. В. Киреевский справедливо подчеркивал, что особые социокультурные, исторические условия развития форм правового бытия породили соответствующее правосознание на Западе, принципиально отличающееся от российского доминированием в нем индивидуалистических ценностей над коллективистскими. «Весь частный и общественный быт Запада, – писал он, – основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности, и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь. Князь или город, внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само по себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостью, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями» [2, 113].

И. В. Киреевский указывал, что в российском обществе изначально не было конкуренции сословий, а, стало быть, отсутствовала внутренняя социальная борьба, противоборство: «И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская – все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковой потребностью общего блага... Таким образом, Русское общество выросло самобытно и естественно, под влиянием одного внутреннего убеждения, Церковью и бытовым преданием воспитанного» [4, 206].

Поддерживая славянофильскую идею соборности как ключа к гармонизации всех сфер жизни, целостности «бытия внутреннего и внешнего, общественного и частного, умозрительного и житейского, искусственного и нравственного» [4, 218], которая отличает русскую культуру и российское социальное бытие от других культур и обществ, Киреевский отмечал. Соборность носит не умозрительный характер, но находит свое конкретное выражение в устройстве российского общества. Взаимоотношения в системе «человек – мир» определялись философом как возникшие естественным путем из самой русской жизни: «Поземельная собственность была у нас... принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества... Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вече и т. д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже само слово право было у нас неизвестно в Западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому ни какая власть, ни какому лицу, ни сословию, не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений» [2, 115–116]. Общинные отношения, по мнению И. В. Киреевского, привнесли в народное сознание отеческий, семейный, морально-нравственный характер и определили в целом традиционалистскую специфику общественного и правового уклада русской жизни, и как следствие, правового сознания на Руси.

В едином с остальными славянофилами духе Киреевский акцентировал внимание на уникальном способе вос-

приятия русским сознанием права и правовых явлений, в котором отправным пунктом являются не формально-юридические, а морально-нравственные механизмы. Проблему взаимодействия права как правды и справедливости И. В. Киреевский решает исходя из принятия их духовных оснований как естественных начал, коренящихся в ментальности и отмечал: «Вследствие таких естественных, простых и единокоренных отношений, и законы, выражающие эти отношения, не могли иметь характер искусственной формальности; но, выходя из двух источников: из бытового предания и из внутреннего убеждения, они должны были, в своем духе, в своем составе и в своих применениях, носить характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости – буквальному смыслу формы; святость предания – логическому выводу; нравственность требования – внешней пользе. Я говорю, разумеется, не о том или ином законе отдельно, но о всей, так сказать, склонности (тенденции) древнерусского права. Внутренняя справедливость брала в нем перевес над внешнею формальностью» [4, 207–208].

Иными словами, русское общество традиционно предпочитало жить по внутреннему морально-нравственному закону в общине и не нуждалось во внешних нормах, установленных государством. Сам позитивный закон появился, по мнению Киреевского, в связи с реформами Петра I и носил принудительный характер, потому и не имеет большого авторитета в российском правосознании. Он подчеркивал, что «закон в России не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами, не обсуждался глубокомысленно и красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании, и не падал потом как снег на голову, посреди всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь уже заведенный порядок отношений. Закон в России не сочинялся, но обыкновенно

только записывался на бумагу, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-по-малу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт. Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых. Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества» [4, 208].

Следует также отметить, что особое место в философском учении И. В. Киреевского уделено вопросу собственности, феномен которой стал одним из факторов, определяющих специфику формирования права и правосознания в России. Философ писал: «Одно из самых существенных отличий правомерного устройства России и Запада составляют коренные понятия о праве поземельной собственности... все здание Западной общественности стоит на развитии этого личного права собственности, так, что и самая личность, в юридической основе своей, есть только выражение этого права собственности. В устройстве Русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только её случайное отношение... Общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность» [4, 209–210].

То обстоятельство, что русское общество уклонилось от естественного хода развития, было, по мнению И. В. Киреевского, скорее, случайностью, чем закономерностью, произошедшей под влиянием искусственно внедренных реформ и западноевропейских социально-правовых идей на русское сознание. Следствием данного явления явилось

рассогласование интересов дворянства и народа, духовный раскол формы и содержания, материи и духа. Разрешение этой проблемы Киреевский усматривал в соборности, благодаря которой возможно примирить внешний закон с внутренней правдой, органичной российскому правосознанию. Однако условия этого примирения, по мнению И. В. Киреевского, следует искать не во внешних правовых институтах и революционных способах социальных преобразований, как рекомендовали западники, но в возрождении традиционных оснований русской культуры и русского общества с активным участием в этих процессах Православной Церкви.

Подводя итоги размышлениям о российском правосознании в творчестве ранних славянофилов 40-х гг. XIX века – А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, следует отметить, что отнесение данной проблематики к числу философских, социальных, культурологических вопросов можно объяснить тем фактом, что правосознание трактовалось славянофилами как явление духовной культуры, порожденное историческими и социокультурными условиями становления русского общества. Именно поэтому правосознание в учениях славянофилов рассматривалось как явление, уровень и специфика которого обусловлена нравственным сознанием. Данная позиция была впоследствии поддержана в трудах ряда выдающихся деятелей российской философии и правовой науки К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова, единство воззрений которых позволяет отнести названных представителей «русского консерватизма» к поздним славянофилам.

Как представляется, в учении славянофилов был принят достаточно смелый подход к решению проблемы рассмотрения системы русского мировоззрения, в которой нашлось свое особое место человеку, русской общине, нрав-

ственному и социальному идеалу, соотношению духа и материи, естественных и искусственных начал социальной жизни. Как справедливо отмечал А. С. Ахиезер, в философии славянофильства, была представлена российская модель жизни духа, культуры, правосознания. Вместе с тем, славянофилы в попытке построить «промежуточный слой культуры», допустили, по мнению ученого, множество просчетов. Один из них «заключался в том, что, преклоняясь перед определенными аспектами массового сознания, они не знали пути построения реальной государственности на основе локалистского сознания, пути его соединения с реальными потребностями воспроизводства большого общества. Вместо государственности они защищали утопию крестьянского государства во главе с царем, но без государственного аппарата. Они пытались ввести в высшую культуру антигосударственные мифы массового сознания. Тем самым славянофилы углубляли основное заблуждение интеллигенции, т.е. слепую веру в народ, который они, по словам Бердяева, отождествляли с простонародьем, представлением, что народ, освобожденный от власти, начальства, бюрократии, способен дать высочайшие образцы творчества, построить идеальное общество Правды» [1, 225].

С данным суждением следует согласиться, так как ни одному из представителей славянофильства не удалось избежать излишней идеализации народного сознания, которое, по мнению славянофилов, изначально ориентировано на следование высоким нравственным идеалам. Вместе с тем, нельзя не отметить, что несомненной заслугой ранних славянофилов является то, что в их философском творчестве была представлена первая попытка отразить представления об обществе, государстве и культуре как о единой системе, что является, на наш взгляд, новаторским подходом, в котором нельзя не заметить «ростков» интегративного, междисциплинарного подхода к данной проблеме,

актуального в современном научном знании в связи с переходом от неклассической к постнеклассической науке с ее междисциплинарными трендами.

Литература:

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.

2. Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Полн. собр. соч.: в 2-х т. / Под ред. М. Гершензона. – Том I. – М.: Типография императорского Университета, 1911.

3. Киреевский И. В. Деятельный век // Полн. собр. соч.: в 2-х т. / Под ред. М. Гершензона. – Том I. – М.: Типография императорского Университета, 1911.

4. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к гр. Е. Е. Комаровскому) // Полн. собр. соч.: в 2-х т. / Под ред. М. Гершензона. – Том I. – М.: Типография императорского Университета, 1911.

5. Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Полн. собр. соч.: в 8 т. – Изд. третье. Дополненное. – Том I. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

6. Хомяков А. С. О старом и новом // Полн. собр. соч.: в 8 т. – Изд. третье. Дополненное. – Том III. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

7. Хомяков А. С. О юридических вопросах // Полн. собр. соч. – Изд. третье. Дополненное. – Том III. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

8. Хомяков А. С. Об общественном воспитании в России // Полн. собр. соч.: в 8 т. – Изд. третье. Дополненное. – Том I. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

9. Хомяков А. С. Об отмене крепостного права в России // Полн. собр. соч.: в 8 т. – Изд. третье. Дополненное. – Том III. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

10. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Полн. собр. соч.: в 8 т. – Изд. третье. Дополненное. – Том I. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book18631/#page/1/mode/1up> (дата обращения 01.04.2016.)

О. А. Стойко
(Россия, Краснодар)

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА В АСПЕКТЕ ИДЕИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Аннотация: в статье поднимается вопрос о формировании правовой культуры молодого поколения россиян, рассматриваемой сквозь призму евразийской цивилизации. Признавая истинность положения, согласно которому одним из камней преткновения в достижении мировой регионализации и интеграции остаются религиозные предпочтения, автор связывает процесс согласования противоречий с установкой на такое осмысление религии, которое коррелирует с понятием целостной личности, отмеченной единством рационального и иррационального. Именно в данном контексте как светское образование, так и религиозные духовные практики оказываются одинаково востребованными в решении одной единственной задачи: формирования личности, отмеченной высокой культурой, неотъемлемой частью которой выступает культура правовая.

Ключевые слова: евразийство, интеграция, согласование противоречий, религия, правовая культура.

O. A. Stojko
(Russia, Krasnodar)

TRENDS OF LEGAL LIFE OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY IN THE ASPECT OF THE IDEAS OF THE EURASIAN CIVILIZATION: TO THE QUESTION OF THE QUESTION

Annotation: in article the question of formation of the legal culture of the younger generation of Russians considered

through a prism of the Euroasian civilization is brought up. Recognizing a truth of situation according to which religious preferences remain one of stumbling blocks in achievement of world regionalization and integration, the author connects process of coordination of contradictions with installation on such judgment of religion which correlates with a concept of the complete person who is marked out by unity rational and irrational. In this context both secular education, and familiarizing with religious experience will be aimed at a difference of approaches at the solution of the unique task: formation of the citizen of the world. In other words, religious experience, as well as secular education are equally aimed at helping the person to find freedom from the given the nature of the program and, having killed in themselves «animal», to take place as exclusively spiritual entity.

Keywords: eurasianism, integration, coordination of contradictions, religion, legal culture.

В настоящее время проблема становления евразийской идеи, в том числе, ее реализации как на постсоветском пространстве, так и в пространстве общемировом, оказывается в ряду актуальных проблем современности. Достаточно обратить внимание на тот факт, что именно сегодня получают широкое освещение вопросы мировой регионализации и интеграции, затрагивающие самые разные аспекты жизнедеятельности социума. В числе наиболее знаковых назовем языковые, политические, экономические, культурные, религиозные, этнические, геополитические, правовые и многие другие социокультурные факторы. Своего рода свободной трибуной для обсуждения самых разных вопросов, связанных с обозначенной проблемой, стал Евразийский юридический журнал. На его страницах свою точку зрения на проблему евразийской цивилизации представляют ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Владивосто-

ка, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Нальчика, Петропавловска-Камчатского, Уфы, Ростова-на-Дону, Ульяновска, Хабаровска, Читы, Казахстана, Армении, Таджикистана, Азербайджана, Беларуси, Украины и других стран бывшего СНГ.

Не менее интересным в данном контексте видится монографическое исследование Р. А. Курбанова, в котором читатель имеет возможность познакомиться с авторской концепцией формирования евразийского права, «разработанной на основе анализа доктринальных подходов, раскрывающих теоретико-правовые основы, генезис, основные черты и особенности евразийского права как составной части международного права» [7, 2]. Вместе с тем, утверждать, что пристальный интерес к евразийской идее, рассматриваемой в самых разных ракурсах, инициируется исключительно процессом глобализации, было бы не вполне корректным. На наш взгляд, подобное положение дел полностью отвечает ситуации, в рамках которой возрождение идей евразийства происходит, как правило, в наиболее критические периоды истории стран и народов². Аргументацию представленной позиции мы также находим в следующем, предпринятом Ж. С. Сыздыковой, историческом экскурсе [10].

Один из первых опытов актуализации евразийской идеи исследователь связывает с крестьянской реформой 1861 года – временем напряженного поиска оптимальных путей развития России, решения острейших вопросов о сущности нации, о специфических особенностях русской культуры, о целях реформирования общества. Очередной всплеск идеи евразийства Ж. С. Сыздыкова определяет

² В данном контексте мы разделяем точку зрения М. А. Гусаровой, согласно которой появление философских концепций основоположников евразийского течения – Н. С. Трубецкого и Н. Н. Алексеева – было обусловлено кризисом отечественного правосознания в предреволюционный период, а затем – необходимостью переосмысления исторических событий в постреволюционный период [4].

двадцатыми годами прошлого века. Имеется в виду эпоха слома старого мира, начало которому положила революция 1917 года. Как пишет ученый, «евразийство 20-х годов как мощное социально-философское движение стало своеобразным духовным братством отторгнутых от родины русских эмигрантов, вынесших из происшедшего катастрофическое мироощущение» [10].

Наконец, повторное возрождение идей евразийства, с одной стороны, сохранившей свою концептуальную основу, с другой, вобравшей в себя новые черты, обусловленные современной социокультурной ситуацией, происходит в 1994 году. Имеется в виду концепция евразийской интеграции, представленная в стенах Московского государственного университета Н. А. Назарбаевым [8]. Основанием для реализации последней, по мысли президента Казахстана, были:

1) экономический прагматизм, следствием которого становится единое экономическое пространство;

2) добровольная интеграция;

3) равенство;

4) уважения суверенитета и, как следствие, неприкосновенность как государственных границ, так внутреннее невмешательство [8];

5) наднациональные органы Евразийского Союза, действующие на основе консенсуса, с соблюдением интересов каждой из стран, входящих в Евразийский Союз.

На современном этапе социокультурного развития идеи Н. А. Назарбаева получили свое продолжение и развитие в концепции В. В. Путина, представленной в работе «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» [9]. В целом, на фоне активной разработки идей евразийской цивилизации, которая является собой «сложную социальную общность, имеющую полиэт-

нический, поликонфессиональный характер, объединенную метакультурным кодом», представленным «внутренним Западом» и «внутренним Востоком», а также «пространством («месторазвитием») и исторической судьбой» [10], особую значимость приобретает формирование правовой культуры молодого поколения россиян. Неслучайно, выдвигая идею развития регионализации, которая выступает альтернативой глобализации, Р. А. Курбанов подчеркивает, что в процессе становления многовекторной культурной политики, сфокусированной, в первую очередь, на евразийских ценностях, «не последнюю роль в данном вопросе играет право, которое является регулятором отношений как на национальном, так и на межгосударственном уровне» [9, 9].

Принимая во внимание тот факт, согласно которому становление ряда существующих сегодня цивилизаций во многом связано с мировыми религиями, каждая из которых по-своему решает проблему совершенствования человека, обретения им устойчивых оснований в отмеченном нестабильным характером социуме [13, 410], нельзя не признать верность позиции С. Хантингтона. Фиксируя внимание на значимости для современного социума так называемой «двойной морали», ученый констатирует следующее. Неизбежный для настоящего времени процесс интеграции приводит к тому, что по отношению к так называемым братским странам, которые становятся таковыми автоматически, ввиду исповедования одной религии, используется одна мораль, а по отношению ко всем остальным – другая [13]. Очевидная для всех необходимость скоординировать усилия представителей самых разных религиозных конфессий в поисках общих оснований тем более значима, что реализуемая в рамках евразийской проблематики установка на интеграцию коррелирует с диалогом культур, неотъемлемой составляющей которого выступает диалог

религий. Специально заметим, что отмеченный диалог не имеет ничего общего с религиозным экуменизмом³, который на сегодняшний день опознается на уровне двух тенденций:

1) объединение всех христиан (межхристианский экуменизм);

2) объединение представителей самых разных исповеданий (межрелигиозный экуменизм).

В данном случае речь идет, прежде всего, об опыте согласования противоречий, в рамках которого происходит обсуждение неизменной для всех участников диалога темы, осуществляемое по единым для каждого смысловым правилам. Знаменательно, что в процессе такого культурного диалога никто из включенных в диалогическую ситуацию субъектов не оказывается в проигрыше, поскольку преодоление разногласий – результат готовности к совместному поиску подлинной сути происходящего, обнаружение которой неизменно оборачивается благом для представителей любой религиозной культуры. В этой связи мы солидаризируемся с мнением, согласно которому на основе признания прав и свобод других лиц и позиции готовности к социокультурному диалогу базируется феномен истинной толерантности, без формирования которой нормальное функционирование современного российского общества не представляется возможным [1, 25].

Поскольку задача эта не из легких, возможность примирить разность сторон связывается нами с таким «буквальным пониманием религии», которым руководствуется в своем творчестве София Губайдулина. Как свидетельствует композитор, «... te-ligio – восстановление ... жизни.

³ Экумена (ойкумена) – термин, употребляемый для обозначения населенной человеком части земли. В контексте религиозного экуменизма – движение за сближение и объединение всех мировых конфессий.

Жизнь разрывает человека на части. Он должен восстанавливать свою целостность – это и есть религия» [12, 346]. Несомненно, что речь здесь идет о духовной целостности человека, которая является высшей ценностью для каждой личности, независимо от ее вероисповедания. Неслучайно другой композитор – Галина Уствольская – неоднократно подчеркивала, что ее музыка «духовна, но не религиозна» [5]. Отдавая себе отчет в том, что дух – это то, что объединяет в противоположность религии, которая разъединяет⁴, заметим, что собственно духовные практики, которые доминируют в той или иной религиозной культуре есть не что иное, как средство, обеспечивающее верующему вхождение в пространство духа.

По сути, искомое пространство определяется целостностью двух сторон психической жизни всякого человека, которая реализуется посредством единства рационального и иррационального⁵. Примечательно, что такое единство не является неотъемлемым свойством человеческого сознания, обусловленным природной данностью. Другими словами, достижение отмеченного единства не под силу человеку, выстраивающему свою жизнь исключительно на уровне рефлексов. Напротив, единство двух сторон психики ученые связывают исключительно с человеческим поступком, который осуществляется изнутри сознания, коррелируя с рефлексией.

⁴ В качестве аргумента вспомним о цикле передач, транслируемых по каналу «Культура», где иеромонах Илларион (Алфеев) дирижировал произведениями, авторы которых принадлежали к разным религиозным конфессиям. В частности, наряду с культовыми произведениями П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова в концерте прозвучали «Реквием» В.-А. Моцарта и «Времена года» итальянского священника Антонио Вивальди.

⁵ Подробнее об отечественной философской традиции поиска духовной целостности личности и общества в аспекте учения славянофилов о соборности см.: [3].

Отталкиваясь от положения, согласно которому рефлексия – это «обращение назад», логично предположить, что «поступающее сознание» (М. М. Бахтин) есть не что иное, как «встреча» рациональности с иррациональностью. Результатом такой встречи становится рациональная иррациональность, в рамках которой преодолевается имманентно присущая человеку формальная целостность как один из главных источников двойной морали. Имеется в виду ситуация, когда человек говорит исключительно то, что думает и делает только то, что говорит, поскольку единство мысли, слова и дела и есть показатель полноценной жизнедеятельности сознания.

Знаменательно, что в данном контексте предложенное Ж. С. Сыздыковой определение евразийской цивилизации звучит в унисон с пониманием цивилизации Н. Н. Моисеевым. Речь идет о всей «совокупности форм существования человека на Земле, всей совокупности особенностей его активной деятельности, его духовного мира, его взаимоотношений с Природой, с другими людьми» [6]. Интересно, что предложенная формулировка, по мысли академика, верна не столько в отношении «просто человека и его разнообразных предков», сколько в отношении определенного завершающего этапа антропогенеза, отсчет которого можно вести лишь тогда, когда человек окончательно порывает с животным миром, следствием чего становится переход эволюции «на рельсы общественного развития» [6]. Поскольку опыт преодоления животного начала в себе не является прерогативой исключительно религии, выступая неотъемлемой составляющей процесса образования, в первую очередь, процесса воспитания, религиозные практики, равно как и практики образовательные одинаково преследуют одну общую цель. Последняя может быть сформулирована следующим образом: помочь человеку обрести свободу от заданной природой программы и, убив

в себе «зверя», состояться в качестве исключительно духовного существа.

В этом случае собственно правовое сознание, примиряющее в себе совокупность рациональных и иррациональных элементов правовой жизни социальных субъектов и общества в целом [2], выступает надрелигиозным, равно как и наднациональным феноменом, обретение которого, однако, напрямую связывается с тем духовным опытом и теми духовными практиками, которые отвечают традициям представителей конкретной религиозной культуры, подкрепленными светским образованием. Именно в данном контексте становится оправданным принятие православными людьми ислама и наоборот, поскольку речь идет не о вероотступничестве, не о предательстве Создателя, а всего лишь о свободном выборе пути к искомой целостности. Того пути, который в большей степени отвечает внутренней потребности гражданина и, соответственно, будет более эффективным в достижении обозначенной цели.

Литература:

1. Гусарова М. А. Проблема формирования этнокультурной толерантности в вузе (опыт социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 1.
2. Гусарова М. А. Соотношение правосознания, правовой ментальности, правового менталитета и правовой культуры // Almatater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 6.
3. Гусарова М. А. Проблема духовных оснований русского правосознания в социально-философских учениях славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11(73): в 2-х ч. – Ч. 2.

4. Гусарова М. А. Проблема российского правосознания в социальной философии евразийства (на примере взглядов Н. С. Трубецкого и Н. Н. Алексеева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 1. С.

5. Гладкова О. Музыка как наваждение. – М., 1999. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/867183/> (дата обращения 03.01.2017).

6. Моисеев Н. Н. Цивилизация на переломе. Пути России. – М., 1996.

7. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы: монография. – М., 2015.

8. Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. – М., 1997.

9. Путин В. В. Владимир Путин, «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», Известия, 3 октября 2011. [Электронный ресурс]. – URL: news/502761

10. Сыздыкова Ж. С. Евразийское пространство: от евразийской идеи к евразийской цивилизации // Евразийское пространство: прошлое, настоящее, будущее: материалы Круглого стола. – М., 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurasi-alaw.ru/> (дата обращения 29.05.2017).

11. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – Michigan, 1998.

12. Холопова В. Н. София Губайдулина. – М., 2008.

13. Eisenstadt S. N. The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. – Brill, 2006.

Г. А. Крятова, И. Е. Стаценко
(Россия, Армавир)

РОЛЬ ДИАЛОГА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Аннотация: в статье рассмотрена структура диалога в науке. Диалог как механизм формирования научного знания имеет следующую онтологическую структуру: объект познания, субъекты познания, вербальное общение, используемые понятия, определения и суждения, критерии оценки представлений о предмете диалога.

Ключевые слова: диалог в науке, наука, новое знание.

G. A. Kryatova, I. E. Statsenko
(Russia, Armavir)

THE ROLE OF DIALOGUE IN SOCIALLY-HUMANITARIAN COGNITION

Annotation: the article considers structure of the dialogue in science. Dialogue as a mechanism for the formation of scientific knowledge has the following ontological structure: the object of knowledge, subjects of cognition, verbal communication used by the definitions and judgments, criteria for evaluating ideas about the subject of dialogue.

Keywords: dialogue in science, science, new knowledge.

Будем исходить из доминирующего в науке представления о познании как деятельности, направленной на получение адекватных знаний об окружающей реальности. Эти знания предназначались для использования в процессе целенаправленного преобразования окружающего мира в соответствии с потребностями социализованного человека [1, 227–234].

Процесс познания можно представить в виде модели: субъект => взаимодействие с окружающей средой => дифференциация окружающей среды => объект внимания => система субъективных представлений об объекте => отражение субъективных духовных представлений об объекте в знаково-символической форме => передача информации об объекте другим субъектам => диалог => уточнение, расширение и углубление субъективных знаний об объекте => формирование научного знания об объекте [2, 258–264].

Таким образом, диалог в научном познании снимает абстрактность (односторонность, фрагментарность, элементарность) субъективных представлений об объекте, обусловленных субъективным восприятием объекта и целями познания, и формирует конкретное (полное, целостное, разностороннее, глубокое) знание о реальности, т.е. обеспечивает научное познание этой реальности.

Конечным результатом познания является система научных представлений об окружающем мире. Однако, как показывает история, развитие науки является реверсивным и противоречивым процессом, а если исходить из идеи бесконечности и неисчерпаемости материи, то и бесконечным процессом. И в этом процессе могут быть следующие результаты диалога:

– согласие, в результате чего формируются доминирующие в обществе представления, которые и приобретают статус официальной науки;

– углубление разногласий, которые приводят к формированию разных теорий об одном и том же объекте, разных научных школ и направлений.

Можно назвать следующие функции диалога в механизме научного познания реальности: уточнение индивидуальных представлений о выбранном объекте; обогащение индивидуальных представлений об объекте; углубление знания об объекте. Таким образом, диалог выступает

как важный элемент в механизме познания актуальных объектов как отдельными индивидами, так и в механизме формирования знаний общества об этих объектах, т. е. развития науки в обществе. «Основное правило диалога – это равенство возможностей коммуникантов, основанное на рациональном дискурсе, который отвергает двойственность позиций коммуникантов, иллюзорность экспектаций, дезинформацию» [3, 55].

Монологическая активность в познавательном процессе формирует исходные предпосылки научного знания в виде базовых понятий и определений, абстрактных (частных) умозаключений об отдельных свойствах, признаках, внутренних и внешних связях исследуемого объекта. Диалог обеспечивает соучастие отдельных индивидов в коллективной деятельности по формированию научных знаний общества. Следует указать на принципиальное значение диалога при формировании методологии науки. Как показывает практика, кризис и застой науки в какой-либо области часто связан с прекращением диалога между оппонентами.

Механизм диалога в познавательной деятельности можно представить следующим образом: субъекты, характеризующиеся диалогичностью, => объект внимания => инициирование диалога => изложение позиции сторон => уточнение исходных представлений сторон => взаимная оценка представлений (высказанных суждений, аргументов) => корректировка исходных позиций посредством общения => результаты диалога (достижение цели диалога, сближение/расхождение позиций участников диалога).

Диалог как механизм формирования научного знания, имеет следующую онтологическую структуру: объект познания, субъекты познания, вербальное общение, используемые понятия, определения и суждения, критерии оценки представлений о предмете диалога.

В качестве факторов эффективности диалога в процессе познания можно назвать: актуальность диалога как инструмента познания; предметность обсуждения; логическая культура участников диалога; психологические аспекты диалога; этика взаимодействия участников диалога⁶.

Литература:

1. Крятова Г. А. Социокультурный подход при исследовании общества: к вопросу о философских и методологических основах // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: сб. науч. тр. по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В. В. Шалина. – Краснодар: КубГАУ, 2014.

2. Крятова Г. А. Человек в контексте политико-экономического анализа экономики общества // Россия и современный мир: ключевые проблемы и решения в экономической, правовой и социальной сферах. Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар: ЮИМ, 2013.

3. Могилевич Б. Р. Социальная актуализация диалога // *Primo Aspectu*. 2013. – Т. 13. – № 9 (112).

4. Краснова А. А., Семенов А. А. Профессиональная этика как основа внутреннего общественного диалога // Диалогическая этика: Материалы международной научно-практической конференции (г. Армавир, 24–25 июня 2016 г.) / отв. ред. Ю. П. Ветров. Редактор Похилько А. Д. – Армавир: РИО АГПУ, 2016.

5. Хворостяный Д. М., Карапетян Е. А. Современная Россия как страна диалога культур // Диалогическая этика: Материалы международной научно-практической конференции (г. Армавир, 24–25 июня 2016 г.) / отв. ред. Ю. П. Ветров. Редактор А. Д. Похилько. – Армавир: РИО АГПУ, 2016.

⁶ Подробнее по данному вопросу см.: [4, 159; 5, 189-191].

Ю. В. Копенкина
(Россия, Москва)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА: ОПЫТ АНАЛИТИКИ

Аннотация: в центре статьи – диалог культур, реализуемый в пространстве социально-философского дискурса. Осмысление феномена диалога осуществляется посредством сравнительного анализа диалогических концепций и коммуникативных теорий отечественных (М. Бахтин, В. Библер) и зарубежных (К.-О. Апель, М. Бубер, Ю. Хабермас) философов.

Ключевые слова: диалог, внутренняя социальность, рациональность, язык, неязыковое сознание, этика поступка.

Yu. V. Kopenkina
(Russia, Moscow)

DIALOGUE OF CULTURES IN THE SPACE OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE: ANALYTICAL EXPERIENCE

Annotation: in the center of the article is the dialogue of cultures, realized in the space of social-philosophical discourse. The understanding of the phenomenon of dialogue is realized through a comparative analysis of the dialogical concepts and communicative theories of the native (M. Bakhtin, V. Bibler) and foreign (K.-O. Apel, M. Buber, J. Habermas) philosophers.

Keywords: dialogue, inner sociality, rationality, language, non-linguistic consciousness, ethics of action.

В 2008 году при Институте философии РАН и действующем на его базе философском факультете Государственного университета гуманитарных наук была утвер-

ждена первая в Российской Федерации кафедра ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур». Как свидетельствует сотрудники кафедры во главе с доктором философских наук профессором М. Т. Степанянц, в числе основных задач, стоящих перед коллективом ученых оказываются, во-первых, проведение научно-исследовательской работы; во-вторых, обучение и подготовка кадров в области философской компаративистики [19]. Подобное положение дел обусловлено тем, что выход на диалог культур невозможен без выявления общего и особенного в мировоззренческих основаниях культуры, что с наибольшей полнотой проявляется в философских воззрениях представителей мирового сообщества.

Отмеченная установка нашла свое воплощение и в реализации проекта «Школы диалога культур». Ее моральным императивом стал выход на культурное многообразие человеческого сообщества, чье будущее напрямую связано со способностью налаживать диалог культур и цивилизаций. Причем, важность такого диалога обусловлена как внешними факторами, в числе которых основное значение придается процессу глобализации, так и внутренними, связанными с притоком в Россию иммигрантов из бывших республик, некогда входящих в состав Советского Союза. В обоих случаях речь идет о поисках обретающим новое гражданство населением своей идентичности и ее самоопределения.

Знаменательно, что, как свидетельствуют представители кафедры, наряду с участниками проекта «Школа диалога культур», их совместные усилия проходят под знаком тотальной неготовности к поликультурному диалогу как со стороны «верхов» (политической элиты), так и «низов» (общественное сознание в целом) [19]. С этой точки зрения нельзя не признать правоту В. Л. Махлина, констатирующего следующее: в современной социокультурной ситуации «бахтинский диалогизм может быть адекватно понят

только диалогически: как радикально другая для нас система мышления» [12, 3].

То обстоятельство, что у диалога культур нет альтернативы, а насущная потребность в нем очевидна, выдвигает, по мысли В. М. Розина, в качестве определяющих жизнеспособность глобального мира факторов коммуникацию, общение и диалог [17]. Отдавая себе отчет в рядоположенности обозначенных отечественным философом факторов и, как следствие, недопустимости их рассмотрения на уровне синонимов, попытаемся выявить специфическую особенность коммуникации, общения и диалога.

Сразу заметим, что для настоящего времени наиболее адаптированным к современной социокультурной ситуации оказывается опыт коммуникации. Имеется в виду противоположное живому человеческому общению как *взаимодействию* субъектов, осознающих «неразрывность *меня и другого*» [15, 8], однонаправленное *воздействие*, которое осуществляют средства массовой коммуникации. В данном случае мы солидаризируемся с М. С. Каганом, раскрывающим суть коммуникации через ситуацию, в рамках которой активность отправителя уравнивается пассивностью получателя [11, 145–150].

Неслучайно именно теперь вера в то, что происходящее на экране телевизора – это и есть сама реальность, достигла своего апогея. Как свидетельствует В. М. Розин, на сегодняшний день значительное количество людей склонно слепо копировать именно ту модель поведения, которую демонстрирует человек «из ящика» [18]. Причем, как правило, подобное большинство даже не подозревает о том, что газетный репортаж либо запечатленная в документальном фильме хроника тех или иных событий – всего лишь часть реальности, поданная под определенным углом зрения, о чем красноречиво поведал на страницах своего романа «Generation “П”» Виктор Пелевин [15].

Соответственно, подлинное взаимодействие происходит лишь тогда, когда налицо равноправие партнеров. Подобное партнерство, по мысли М. С. Кагана, заведомо оставляет «за кадром» обособленность его участников, что видится вполне оправданным. Дело в том, что совместное общение невозможно вне какой бы то ни было изначальной общности участников взаимодействия [11, 145–150]. Практически в унисон с М. С. Каганом мыслит и В. З. Демьянков – представитель российской школы лингвистики. Настаивая на том, что вне подлинного взаимообмена речевых субъектов невозможен опыт общения, отечественный ученый аргументирует свою точку зрения следующим образом. Чем более кооперированным становится «общение людей, тем более согласованны их действия» [10, 31]. В данном контексте понятия «кооперация», «согласованность» одинаково предполагают направленность «на выполнение общей задачи» [10, 31].

В силу того, что вопрос о качестве решения такой задачи может привести к столкновению интересов представителей той или иной социальной группы, занимающейся общей проблемой, собственно общение уступает место диалогу. Речь идет об особом взаимодействии субъектов, которое нацелено на согласование противоречий даже тогда, когда видимой общей платформы для принятия совместного решения нет. Подчеркнем, что этот третий тип человеческого взаимодействия оказывается равно как одним из самых сложных, так и самых востребованных на современном этапе развития мирового сообщества.

Базируясь на таком постинформационном феномене, как взаимопонимание, диалог прежде с необходимостью требует своего осуществления на уровне внутренней социальности и только потом – на уровне социальности внешней. При этом, как пишет М. М. Бахтин, выступающее в качестве знака слово в обоих случаях ориентировано на

собеседника. Речь идет о том, что «внутренний мир и мышление каждого человека имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и пр.» [4, 144]. По сути, необходимость поэтапно продвигаться от внутренней социальности к внешней и делает культурный диалог столь труднодостижимым. Подчеркнем: до тех пор, пока речевой субъект не осознает необходимости осуществлять мыследеятельность изнутри поступающего сознания, внешний диалог обречен на провал.

Аргументацией представленной позиции может послужить пример, который иллюстрирует, по мысли В. Л. Махлина, важность разрабатываемой М. М. Бахтиным концепции диалогизма для общественного сознания. «Скажем, в некотором царстве-государстве пришла к власти одна политическая партия. Партия ощущает себя изначально во враждебном окружении, поэтому ее главной силой является единство рядов. Но члены партии – живые люди, а в руководстве – яркие, не похожие друг на друга индивидуальности, между которыми неизбежно начинаются раздоры и борьба за власть, опасная для единства рядов. Ясно, что победить в этой ситуации идейно и фактически должен тот, кто ближе к идее единства рядов. Но с другой стороны, ясно и то, что воплощать идею единства может лучше всего один лидер, причем «идейно» наименее индивидуальный, наименее талантливый из лидеров партии. Единство рядов, единство партийной идеи и единственность лидера, наименее «единственного» и незаменимого, логически требуют друг друга. И, следовательно, чистоту партийной теории должен, в конце концов, воплотить тот, кто в наименьшей степени является теоретиком, ибо только посредственность, самая выдающаяся посредственность в ситуации разброда и шатаний, может сплотить ряды, оперируя в теории «само собой разумеющимися» утверждениями»

ями и идеями теоретически более талантливых лидеров, а на практике устраняя этих последних, то есть опять-таки всесторонне реализуя идею единства.

Но это еще не все. Реализация теоретической программы в жизни возможна не только при условии уничтожения реальных теоретиков партии, но и при условии уничтожения самой партии, жизненного ядра теории. Ведь изначально партия – часть общества – противопоставила себя другим партиям, другим теориям, другим точкам зрения; устранив все «другое» вне себя, она неизбежно должна устранить «другое» и в себе. И окончательный лидер, воплощение единства, – это не тот, кто имеет идеи, а тот, кто их не имеет. Личность вообще должна быть устранена; нужно развоплотить исходную теоретическую идею, чтобы практически воплотить ее, а такое развоплощение личности и идеи логически требует своего воплощения в одной-единственной личности, в культе личности» [13, 16].

Столь пространная цитата видится весьма важной для наших последующих рассуждений. Дело в том, что заимствованный у В. Л. Махлина пример делает очевидным факт, согласно которому одним из главнейших достоинств, которым должна обладать упоминаемая нашим современником «выдающаяся посредственность» – это дар упрощения, обретающий свою значимость в способности субъекта быть для всех предельно понятным. Отталкиваясь от столь популярных сегодня в народе телепередач, в числе которых не последнее место занимают программы «Жить здорово», «Пусть говорят» (1 канал), «Час суда» (РЕН ТВ) и т.п., нельзя не согласиться, что именно сегодня дар упрощения определяет собой стиль общения телеведущих и зрительской аудитории. Трагизм ситуации заключается в том, что, осуществляя «образованщиной. Неслучайно Со-

крат призывал помнить, что «в приобретении знаний изнутри поступающего сознания?»

С наибольшей полнотой данный феномен раскрывается в работах М. М. Бахтина, написанных в 20-е годы XX века. В первую очередь, в небольшой по объему статье «Искусство и ответственность», а также в фундаментальном исследовании, названном «Философия поступка». В частности, размышляя на тему искусства и ответственности, М. М. Бахтин видит возможность преодоления обособленности науки, искусства и культуры исключительно в единстве личности гражданина, которое определяется единством «вины и ответственности» [4, 7]. Потому, по мысли М. М. Бахтина, «поэт должен помнить, что в прошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов» [4, 7].

Поскольку отмеченное М. М. Бахтиным единство «вины и ответственности» требует четкого понимания того, какова та вина, за которую важно быть готовым ответить, исключая ситуацию отвечать помимо себя еще за кого бы там ни было, субъект оказывается поставленным перед необходимостью знать, чем он отличается от другого. Подобное знание невозможно без осознания границ, отделяющих мое я от того, что таковым не является. Собственно, момент осознания этих границ и определяет собой поступок, который актуализирует внутренне-социальную жизнь субъекта, будучи одновременно продиктован как внешней необходимостью, так и свободным волеизъявлением. Речь идет о некотором акте, «обусловленном и свободным («нудительным») в одно и то же время» [13, 11], не допускающим какого бы то ни было абстрактного теоретизирования.

Дело в том, что осознание собственного я, его неповторимости можно только «участно пережить». Потому, – пишет М. М. Бахтин – «весь теоретический разум» – лишь «момент практического разума, т. е. разума нравственной ориентации единственного субъекта в событии единственного бытия», которое в категориях теоретического безучастного сознания заведомо неопределимо...» [4, 20]. Открывая свой «неофициальный» с точки зрения теоретического познания мир – мир участного сознания – М.М. Бахтин говорит о «категориях действительного причащения, то есть поступка в категориях... действительного переживания конкретной единственности мира» [4, 20].

Пытаясь разобраться в том, что являет собой философия поступка М. М. Бахтина, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Дело в том, что проблему поступающего сознания отечественный мыслитель с наибольшей наглядностью раскрывает обратившись к художественному слову как результату диалога сознаний его создателя. Речь идет о написанной в 20-е годы XX века работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Неслучайно на страницах исследования, посвященного философии поступка, Бахтин констатирует: эстетический разум есть момент практического разума [4]. Поскольку несколько ранее приводилась цитата, в которой отечественный мыслитель настаивал на том, что собственно практический разум есть «разум нравственной ориентации», очевидно следующее. Искусство, рассматриваемое классической философией как самая низшая форма познания, в философии М. М. Бахтина кардинально меняет свой статус.

Подобная трансформация обусловлена тем, что «эстетический рефлекс живой жизни принципиально не есть саморефлекс жизни в движении, в ее действительной жизненности», поскольку «он предполагает внеаходящегося,

другого субъекта вживания» [4, 22], однако именно в процессе рефлексии, актуализируемой посредством работы с эстетическим объектом, «я активно вживаюсь в индивидуальность, а следовательно, ни на один миг не теряю себя до конца и своего единственного места вне ее» [4, 22]. Потому, как уточняет далее М.М. Бахтин, «... для теоретической философии эта данность искусства не может остаться только нейтральным знанием» [4, 22].

Комментируя позицию отечественного философа, В. Л. Махлин пишет по этому поводу: «данность «диалогичности» искусства для гуманитарных наук может и должна стать заданностью, долженствованием, задачей... Диалогический принцип должен быть перемещен из сферы эстетического акта, где он был открыт, в сферу гуманитарии, то есть теоретическая мысль должна выйти за пределы «теоретизма» и стать новой формой исторического познания (другой эпохи, другого сознания), – ее Бахтин и назовет скоро «диалогизмом»» [13, 21].

Другими словами, являя собой одновременно как процесс диалога сознаний творца, так и результат такого диалога, в том числе, выступая в качестве «отправной точки» диалога творца и ценителя, искусство демонстрирует способность «компенсировать и «овнешнить» те сферы жизни и речевого мышления, которые в условиях господства идеологических фетишей вообще не сообщаемы, т. е. перекрыты для реального общения» [14, 21]. Соответственно, то, что в немецком классическом идеализме квалифицировалось с позиции низшей формы авторства, которую превосходит продуцирующее чистое понятие авторства научное, «у Бахтина становится... прообразом всякого авторства» как «творческого конкретного отношения человека к действительности» [13, 21].

На первый взгляд, концепция диалогизма, в которой именно этическая составляющая определяет собой качество

взаимодействия творца и ценителя звучит в унисон с коммуникативной этикой К.-О. Апеля, чье творчество сфокусировано на рациональном обосновании универсальных моральных норм. Разрабатывая проблемное поле дискурсивной этики в своей фундаментальной работе «Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали», К.-О. Апель видит необходимость обоснования универсально действующей этики по одной простой причине. В эпоху глобализма, отмеченную единством многообразия, а также разностью культурных традиций, религии, этнической принадлежности, социальных ролей существует лишь одно, объединяющее представителей мирового сообщества начало. Имеется в виду основанная на принятых всеми нормами морали этика, обуславливающая «солидарную ответственность человечества за сохранение условий дальнейшего существования своего человеческого рода» [8].

Несмотря на то, что задача рационального обоснования универсальной этики есть своего рода ответ на вызовы современности, ее решению мешают такие факторы, в числе которых К.-О. Апель называет, с одной стороны, «общее место» постмодерна, связанное с критикой разума, что, по сути, снимает с повестки дня вопрос о должном. С другой стороны, – разделяемую большинством представителей научного сообщества уверенность в том, что такое обоснование в принципе невозможно. Свою систему доказательств Апель выстраивает в опоре на язык, утверждая, что поскольку язык актуализируется исключительно на уровне intersubjectivity (как пишет Апель, «частный язык невозможен»), постольку «...всякое серьезное мышление – научное ли, философское – являясь аргументацией, имеет форму аргументативной речи» [2, 33, 41].

Соответственно тот, кто пытается опровергнуть данный тезис, высказывая свое несогласие с обозначенной точкой зрения философа, вступает, по мнению Апеля, в

перформативное противоречие. Последнее определяет противоречие между содержанием сказанного и речевым актом, рассматриваемым в качестве действия, совершаемого говорящим своим высказыванием [1].

Другими словами, установка на мышление как аргументацию обеспечивает К.-О. Апелю условия для выявления необходимой предпосылки последнего. Речь идет об имманентной мышлению ориентации на intersubjectivity характер притязаний на истинность мышления, актуальный для неограниченного коммуникативного сообщества [8]. «К условиям возможности действительной аргументации (а вместе с этим и объективной науки), – замечает по этому поводу К.-О. Апель – принадлежит предпосылка принципиально неограниченного сообщества идеальной коммуникации, в котором должны быть принципиально возможными взаимопонимание относительно смысла и достижение консенсуса относительно притязаний на истину. Без этого – явно или неявно – утрачивает смысл каждая серьезная общая дискуссия» [2, 33].

Специально подчеркнем, что основу intersubjectivity значимости этики сообщества идеальной коммуникации К.-О. Апель связывает с его нормами и принципами, вследствие чего всевозможные противоречия должны преодолеваются исключительно посредством аргументации. В своем законченном виде основной принцип этики дискурса оказывается напрямую связанным с критерием обоснования конкретных моральных норм. Как утверждает Ю. Хабермас, мысль которого К.-О. Апель полностью разделяет, «всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные следствия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются» [20, 103–104].

Однако, в силу того, что полная реализация такого универсального принципа в реальном коммуникативном процессе труднодостижима, Апелю считает необходимым заострить внимание на разности двух этик, разрабатываемых М. Вебером. Имеется в виду «этика убеждения» и «этика ответственности» [9, 696–705]. Если этика убеждения определяет собой строгое следование принципам при полном отказе от необходимости нести за это какую бы то ни было ответственность (таковая остается в ведении Бога), то этика ответственности, напротив, призвана взять на себя обязательства отвечать за конечный результат того или иного предприятия.

При этом представитель конкретного сообщества – будь то семья, религиозная община или же государство, отвечающий за свое сообщество и осознающий невозможность избежать разногласий посредством коммуникации или, как ее еще называет К.-О. Апелю, посредством практического дискурса должен быть готов к применению дискурса стратегического. Последний, в отличие от коммуникативного взаимодействия, игнорирует аргументацию, на смену которой приходит манипулятивная техника, подкрепляемая как угрозами, так и поощрениями.

Очевидно, что в случае актуализации стратегического дискурса мы опять возвращаемся к коммуникации как процессу одностороннего воздействия, который не имеет ничего общего с диалогическим взаимодействием. Соответственно, несмотря на то, что поддерживающие идеи Апеля зарубежные ученые предпринимают ряд шагов для того, чтобы со всей полнотой раскрыть сущностные характеристики коммуникативной этики⁸, в своей основе коммуни-

⁸ В частности, американские профессора кафедры коммуникативных дисциплин Колледжа изобразительных искусств и коммуникации в Техасском университете (Сан-Маркос) С. А. Биби и Т. П. Мотет

кативная этика К.-О. Апеля строится на нетождественности жизненного мира как мира реальной коммуникации и мира коммуникации идеальной.

Подобное положение дел приводит к формализации этических принципов, абстрактному характеру морали, которая выступает в качестве конструкта должного поведения, оторванного от конкретной жизненной ситуации. Не менее сомнительным в данном контексте видится и тезис Апеля о неразрывном единстве рациональности и социальности, следствием чего становится следующее утверждение: «социальность и рациональность невозможны без языка и наоборот – ... языковое выражение не может являться таковым вне и помимо коммуникативного сообщества» [2, 23].

В качестве контраргумента приведем фундаментальное исследование В. П. Эфроимсона «Генетика этики и эстетики» [21]. В своем труде отечественный ученый приводит неоспоримые доказательства того, что в основе социальности, зачатки которой складывались в те времена, когда человечество еще пребывало в немоте, лежал альтруизм, т. е. сугубо нравственное чувство. Неслучайно поэтому, осуществляя критику Канта, пренебрегающего нравственностью в угоду морали, М. М. Бахтин имеет все основания настаивать на верности следующего положения. «Вообще ни одно теоретическое определение... не может заключать в себе момент долженствования и он невыводим из ничего. Нет эстетического, научного и ряда с ними эстетического долженствования, но есть лишь эстетиче-

выявили пять принципов этики коммуникаций, которые в действительности основываются на трех базовых установках:

- 1) коммуникация должна быть осмысленной;
- 2) коммуниканты должны обладать способностью чутко реагировать на слова и действия партнеров, эффективно используя как вербальные, так и невербальные информационные каналы;
- 3) корректность информации [5, 11–32].

ски, теоретически, социально-значимое, причем, к этому может присоединиться долженствование, для которого все эти значимости техничны. Эти положения обретают свою значимость в эстетическом, научном, социологическом единстве: долженствование в единстве моей единственной ответственной жизни... Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысли и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания... Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственных субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально нравственного долженствования)» [4, 14].

По сути, принципиальное несовпадение концепций Бахтина и Апеля просматривается в «Никомаховой этике» Аристотеля, на страницах которой античный мыслитель размышляет по поводу так называемого дианоэтического уровня, т.е. уровня рассудка, и собственно этического. В первом случае мы имеем дело с установлением некой правильной нормы поведения. Во втором – с такой деятельностью сознания, которая сфокусирована исключительно на внутренней жизни человека, его характере и нравах [3]. Соответственно, дианоэтический уровень отвечает внешней социальности, этический – социальности внутренней.

Знаменательно, что в поисках механизма, обеспечивающего со-бытие познавательного и этического моментов текста культуры, Бахтин также делает ставку на язык лишь с одной существенной оговоркой. Как пишет отечественный мыслитель, «...язык исторически вырос в услужении частного мышления поступка, и абстрактному служению он начинает служить лишь в сегодняшний день своей исто-

рии. Для выражения поступка изнутри и единственного бытия-события, в котором свершается поступок, нужна вся полнота слова: и его содержательно-смысловая сторона (слово-понятие), и наглядно-выразительная (слово-образ), и эмоционально-волевая (интонация слова) в их единстве. И во всех этих моментах единое полное слово может быть ответственно-значимым – правдой, и не субъектно случайным» [4, 34].

Другими словами, особую значимость в концепции диалогизма М. М. Бахтина обретает не столько акт говорения, опосредованный исключительно языковым сознанием, сколько *мыслеречевая деятельность*, актуализация которой предполагает наряду с языковым сознанием вовлечение в речевой процесс неязыкового сознания. Именно подобное положение дел, собственно, и позволяет Бахтину квалифицировать опыт со-бытия познавательного и этического как опыт диалога сознаний или, что то же – диалога рационального и эмоционального пластов сознания. При этом, предостерегает философ, «не следует преувеличивать силу языка: единое и единственное бытие-событие и поступок, ему причастный, принципиально выразимы, но фактически это очень трудная задача, и полная адекватность недостижима, но всегда задана» [4, 34].

На наш взгляд, если говорить о зарубежной науке, так или иначе звучащей в унисон с идеями Бахтина, то с наибольшей полнотой диалогическая концепция, разрабатываемая в творчестве отечественного философа, созвучна исследуемой М. Бубером проблемы веры⁹. Рассматривая опыт веры сквозь призму диалога, все многообразие отношений самых разных представителей социума М. Бубер сводит к трем его видам:

– подлинному диалогу, выражаемому как в молчании, так и в слове;

⁹ Подробнее по данному вопросу см.: [12].

– техническому диалогу, обусловленному «необходимостью объективного взаимопонимания» [7, 42–43];

– «замаскированному под диалог монологу, в котором два человека или несколько собравшихся людей странными извилистыми путями говорят с самим собой» [7, 42–43].

В данном контексте можно предположить, что, по сути, «подлинный диалог» отвечает ситуации со-бытия внутренней и внешней социальности как единству неязыкового (невербализованного) и языкового (вербализованного) личностного смысла. Тогда технический диалог будет отвечать опыту общения. В свою очередь, «замаскированный под диалог монолог» являет собой вариант коммуникативного воздействия. Потому, пишет Бубер, «жизнь в диалоге – не та, в которой много имеют дело с людьми, а та, в которой, имея дело с людьми, действительно с ними имеют дело» [7, 108–109]. Вот это указание на «действительное дело» позволяет квалифицировать подлинный диалог Бубера как опыт мыследеятельности участников диалогического общения.

Подтверждением верности данного вывода могут служить следующие слова философа: «Если мы серьезно утверждаем мышление между Я и Ты, то недостаточно мыслить другого субъекта мысли, надо жить, мысля, именно мысля, другого – не вымышленного, а существующего во плоти человека, его конкретность; не другого мыслителя, о котором не хотят ничего знать, кроме его мышления, но даже если этот другой и мыслитель, мыслить его не как мыслителя, а как личность, которой принадлежит и деятельность мышления» [7, 115].

Знаменательно, что не что иное, как внутренний диалог определяет, по мысли М. Бубера, и внешний диалог как универсальный опыт взаимоотношений, определяющих качество жизни человеческого сообщества. «Ни одиночка

как таковой, ни совокупность как таковая, – пишет по этому поводу философ, – не являются фундаментальными фактами человеческой экзистенции лишь постольку, поскольку он вступает в жизненное отношение с другим одиночкой; совокупность есть факт экзистенции лишь постольку, поскольку она складывается из жизненных отношений человеческих единиц» [7].

Соответственно, одной из характерных особенностей человеческого мира, его фундаментальным основанием выступают отношения, которые складываются между человеком и человеком. Примечательно, что в качестве примера истинного «между»¹⁰, М. Бубер приводит отличный от обусловленного заранее во всех своих частях технического диалога, опыт. Имеется в виду «вполне спонтанный» диалог, в пространстве которого «каждый обращается непосредственно к своему партнеру, вызывая его на непредсказуемый ответ» [7, 153–154]. Другой пример подлинного диалога – «настоящий урок (а не автоматически повторяемый, и не тот, результаты которого наперед известны преподавателю, но сулящий обоюдные сюрпризы), настоящее, а не обратившееся в привычку объятие, настоящий, а не игрушечный поединок – вот пример истинного «между»», – заключает философ [7, 153–154].

Другой, коррелирующий с диалогической концепцией М. М. Бахтина зарубежный опыт, связан с именем Ю. Хабермаса, для которого вопросы практической проявленности языка в культуре оказываются на первом месте. Универсальная прагматика Ю. Хабермаса, в центре которой стоит исследование языка в действии, также нацелена

¹⁰ Суть такого «между» реализуется, согласно позиции М. Бубера, «не в том или в другом участнике и не в том реальном мире, в котором те пребывают наряду с вещами, но в самом буквальном смысле – между ними обоими, словно в некоем, им доступном измерении» [7, 37]

на поиск универсальных условий для возможного взаимопонимания. Делая ставку на коммуникативную рациональность, в основе которой лежит коммуникативная компетентность субъекта, обеспечивающая ему возможность понимания языка, Ю. Хабермас считает верным утверждать следующее. Человек не только должен, но и пребывает в состоянии ориентироваться на универсально значимое в языке речи, что становится условием как для приобретения им знаний, так и для формирования рефлексивной способности, которая позиционируется как внутренний дискурс.

При этом перспективность исследований немецкого философа видится в том, что Ю. Хабермас указал на тесную связь способности индивида к языку и действию с формированием субъективности, природа которой диалогична. Рассматривая субъективность в качестве одного из источников рациональности, Ю. Хабермас настаивает на том, что фундаментальная роль языка в культуре может быть понята только с учетом его использования. По сути, в рассуждениях Ю. Хабермаса о двойственной роли рациональности, которая предстает и как интеллектуальное конструирование смыслов, и как категориальная схема языковой игры, угадывается мысль М. М. Бахтина о роли диалогизма в жизнедеятельности человека и социума. Однако даже явный приоритет, который в философии Ю. Хабермаса остается за языком, не позволяет ему избежать трансцендентализма с его вечно открытыми вопросами о роли теоретического знания в культуре.

В отечественной науке одним из последователей создателя диалогической концепции гуманитарного знания признан на сегодняшний день В. С. Библер. В своих теоретических разработках он пошел дальше Бахтина, поскольку библеровский диалог выходит за рамки гуманитарной науки, выступая в качестве основы творческого мышления как такового. Имеется в виду ситуация, когда «в процессе

творческого мышления каждый субъект деятельности интериоризирует («овнутряет») свои внешние напряжения, напряжения социально разделенного труда, в форме антимического диалога мыслителя с самим собой» [6, 52]. Очевидно, что именно внутренний диалог позиционируется В. С. Библером в качестве фундаментального принципа творческого процесса, поскольку там, «где господствует монологика» – «нет возможности для обоснования логического скачка, там нет логики творчества» [6, 69].

Таким образом, диалогизм оказывается альфой и омегой самых разных типов мышления в силу того, что, как утверждает В. С. Библер, без освоения логики внутренней диалогии творческого интеллекта постижение сути интуитивного процесса изобретения теорий становится недостижимой задачей. «Логическое обоснование логики (ее исходных положений, начал) требует, – по мысли В. С. Библера, – чтобы логик взглянул на свое мышление со стороны (а что тут «сторона»? какое-то другое мышление что ли, не мое?). Очевидно, здесь может быть лишь один рациональный выход: моя логика должна быть освоена мной как диалогическое столкновение двух (минимум) радикально различных культур мышления, сопряженных в единой логике – логике спора (диалога) логик. Логик должен быть не тождественен своей логике, должен быть «над» ней, «больше» нее, вне ее» [6, 42].

Другими словами, аргументируя верность представленного положения, В. С. Библер, подобно О.-К. Апелью, отстаивающему интерсубъективный характер языка, подходит к идее логики диалога предельно рационально. В частности, современный исследователь считает правомочным утверждать следующее. «Мысль о том, что в «логику» (в непосредственную логику мышления и в науку логики) необходимо включить критерий ее истинности, критерий ее (логики) самообоснования, неизбежно ведет к

предположению, к предопределению какой-то «диалогичности», какого-то радикального спора с самим собой, такого спора, когда каждое из моих «Я» (внутренних собеседников) обладает своей собственной логикой – не «худшей», не «лучшей», не более «истинной», чем логика «другого Я»» [6, 49].

Подобное положение дел, по мысли нашего современника, исключает какую бы то ни было металогичку, стоящую над имманентным мышлению спором по той простой причине, что «само бытие моей логики – в качестве диалогичности – определяет ее постоянное развитие: в ответ на реплику внутреннего собеседника «Я» развиваю и коренным образом трансформирую, совершенствую «свою» аргументацию, но то же самое происходит с логикой моего другого «Я» (alter ego). Это постоянное развитие «постоянно» лишь до той точки, где происходит коренное преобразование всякой диалогичности в целом, где формируется новый диалог, новые «действующие лица» внутреннего спора» [6, 42–43].

На фоне представленной позиции В. С. Библер считает необходимым обратить внимание на синонимичность, с одной стороны, понятий «внутренняя диалогичность» и «микродиалог», с другой, – «внешняя диалогичность» и «макродialog». То обстоятельство, что «макродialog» всегда обусловлен «микродиалогом» В. С. Библер аргументирует следующим образом: «макродialog... не просто идет «между культурами» в нашем сознании, как некоем пассивном, как некоем пассивном, статичном «поле боя»», но именно по той причине, что такой большой культурный диалог веду я, «я каждый раз заново изменяю смысл этого диалога, обогащаю его новыми смыслами, я свободно решаю (и перерешаю) свою судьбу. Грубо говоря, «два Больших Я» (культур, образов культуры) не более (хотя и не менее) значимы в этом внутреннем диалоге, чем два «малых я», – мое я и мое Ты, трагически соединенных и вне находимых в моем сознании» [6, 53].

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что точка зрения Апеля, согласно которой «рефлексия над нормативными основаниями коммуникативного сообщества должна стать основой социальной науки» видится верной лишь наполовину. Отталкиваясь от диалогической концепции Бахтина, Бубера, а также Библера, мы считаем возможным дополнить тезис Апеля, обратив внимание на следующий момент. Основой современной социальной науки должна стать рефлексия над тем, каким образом способствовать:

1) достижению субъектом единства рационального и эмоционального пластов сознания как условия выхода на внутреннюю социальность;

2) осуществления единства внутренней социальности и социальности внешней, в рамках которого «Я – единственный из себя исхожу, а всех других нахожу...» [4, 66].

Аргументацию положения, согласно которому рационализация этики обречена на неизбежный разлад сущности и существования мы связываем с тем, что только погружение вглубь себя выступает залогом осмысленной терпимости, которая зиждется на признании труда мысли, равно как и к личности носителей мысли.

Специально заметим, что искомая готовность учитывать границы другого, другую ответственность не допускает никакого теоретизирования, поскольку является собой активность, в корне противоположную пассивному созерцанию. Знаменательно, что, как пишет М. М. Бахтин, демонстрируя реальную, а не формальную только готовность «учитывать эту другую ответственность, этого «другого», как другого именно», я не должен ставить его на свое место точно так же, как не должен вставать на его. Однако, «не сливая его <другого> с моим местом в мире», я, тем не менее, не должен «отрывать «другого» от моего «я»» [13, 11–12]. «Пусть, пишет М. М. Бахтин, я насквозь вижу

данного человека, знаю и себя, но я должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас единого и единственного события, в котором мы участники...» [4, 29]. Очевидно, что овладение такой правдой требует некоторого отречения от собственного «я» именно с целью его сохранения, поскольку в процессе взаимодействия «я» и «другого» другой может полностью подавить мою индивидуальность точно так же, как нежелание «другого» быть готовым к самоотречению может привести к утрате его «я» под воздействием моей личности. Соответственно, каждый из нас должен от чего-то отказаться в себе, чтобы сохранить себя в качестве неотъемлемой части некой новой, не существующей до того общности.

Литература:

1. Апель К.-О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001.
2. Апель К.-О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до постконвенціональної моралі. – Київ: Дух і літера, 2009.
3. Аристотель. Никомахова Этика. В 10-ти кн. Кн. 10. – М.: Эксмо-Пресс, 1997. [Электронный ресурс]. – URL: http://Nikomahova_etika.html<http://lib.ru>.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Работы 1920-х годов. – Т. 1. – Киев: Next, 1994.
5. Биби С. А., Мотет Т. П. Коммуникация и ценности // Вестник РГГУ. Серия: Политология, История, Международные отношения, Зарубежное регионоведение, Востоковедение. – 2007. – № 1.
6. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.
7. Бубер М. Я и Ты. – М.: Республика, 1995.

8. Бусова Н. А., Апель К.-О. Об этике дискурса как этике ответственности // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Серія: філософія, філософські перипетії. – 2011. – № 952. [Электронный ресурс]. – URL: http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/6351/2/2_busova.pdf (дата обращения: 05.11.2016).

9. Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.

10. Демьянков В. З. Кооперированность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. ст. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.

11. Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988.

12. Ковалева С. В. Проблема «добра» и экзистенциальный анализ бытия человека: Дис. ... канд. филос. наук. – Кострома, 2005.

13. Махлин В. Л. Михаил Бахтин. Философия поступка. – М.: Знание, 1990.

14. Мейдер В. А., Громова Е. А. Пайдейя и алетейя: очерки философии образования. [Электронный ресурс]: сб. статей. – М.: Изд-во «Флинта», 2014.

15. Пелевин В. Generation «П»: Роман. – М.: Изд-во АСТ ООО Фирма «Издательство АСТ», 2003.

16. Пешков И. В. Человек общающийся // И. В. Пешков. Введение в риторику поступка. – М.: Лабиринт, 1998.

17. Померанц Г. С. Очерки культурологии // Выход из трансa. – М.: Юрист, 1995.

18. Розин В. М. Культурологические исследования. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.park.futurerussia.ru/upload/iblock/> (дата обращения 17.11.2016)

19. Степанянц М. Т. Проект «Школа диалога культур» / Институт Философии. [Электронный ресурс]. – URL: iphras.ru (дата обращения: 07.010.2016)

20. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

21. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. – СПб.: Талисман, 1995.

**Ю. М. Менчинская
(Россия, Армавир)**

**КУЛЬТУРА КАК ДИАЛОГ
И ДИАЛОГ В КУЛЬТУРЕ
(на примере диалога о ценностях
семейного микросоциума)**

Аннотация: в данной статье рассматривается проблематика диалога в культурах, семейном микросоциуме. Делается вывод о влиянии ценности диалога в семье на ее микроклимат. В современном социокультурном пространстве семья играет роль генератора культуры, поскольку формирует личностную автономию и автономию индивидуальности. Личностная автономия раскрывается в диалоге.

Ключевые слова: культура, диалог, семья, автономия, интеграция, коммуникационное пространство, ценности, семиосфера, идеал, норма.

**Yu. M. Menchinskaya
(Russia, Armavir)**

**CULTURE AS A DIALOGUE
AND THE DIALOGUE IN THE CULTURE
(on the example dialogue about family values)**

Annotation: in this article, the problems of dialogue in cultures, family micro society are discussed. A conclusion is made about the influence of the value of dialogue in the fami-

ly on its micro climate. In modern socio cultural space, the family plays the role of a culture generator, a site forms personal autonomy and autonomy of individuality. Personal autonomy is revealed in dialogue.

Keywords: culture, dialogue, autonomy, family, integration, communication space, values, semiosphere, ideal, norm.

В современную эпоху актуальной становится проблема диалога, взаимодействия различных культур, вопрос интеграции культур и достижения высшего синтеза, нацеленного на гуманистические эталоны. Само понятие культуры наполнено внутренним диалогизмом. Это видно даже из элементарного семантического анализа данного термина.

Например, для понимания сегодняшней культуры как феномена обратимся к истории термина «культура». В течение многих столетий культура соотносилась с отдельными личностями и этим словом выражалась просвещенность, воспитанность, высокая нравственность индивидуума. В словаре В. И. Даля «культура» – образование умственное и нравственное. В переводе с латинского слово означало «воспитание, образование, уважение, развитие, пестование». В этом значении данный термин употребляется и в наше время. Д. Жюлиа писал: «Культура – это социальное и интеллектуальное развитие индивида (культура содержит тот же корень, что и культ) и подразумевает уважение к традиции» [1, 202]. Начиная с эпохи Возрождения, культура становится определением, охватывающим разные области деятельности человека: науку, искусство, философию, религию. В марксизме (XIX в.) под культурой стало пониматься совокупность духовных и предметных образований, то есть материальная и духовная культура общества. В западноевропейской литературе XX века часто употребляли термин культура как нечто антагонистичное цивилизации. О. Шпенглер писал, что цивилизация «следует за

культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окопение за развитием... Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры» [2, 42]. Культура – форма деятельности людей по воспроизведению и обновлению социального бытия, а также вводимые в эту деятельность ее продукты и результаты [3, 226].

Существуют различные типы культур: западная и восточная культуры, национальная и профессиональная культуры, социально-групповая и индивидуальная, общегосударственная и региональная, элитарная и массовая культуры. Однако различие между ними не означает вражду и неизбежное противостояние. Напротив, эти различия порождают необходимость диалога.

На сегодняшний день мы, жители планеты Земля, оказались внутри всемирного коммуникационного пространства, которое резко трансформирует характер диалога между культурами. Реалии нашего времени коммуникация как самостоятельная сила, находящаяся вне диалога культур, но оказывающая на диалог культур огромное влияние. Культуры как бы погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, формируя предпосылку для Интегрального Диалога и для замыкания его в среду Глобального Коммуникационного Пространства.

Нынешнее состояние культуры акцентирует стадию ее перехода от локального к интеграционному уровню. В нынешнее время обнаруживается резкое убыстрение процессов внутри культуры. Мы будем говорить о кризисе культуры, понимая под этим ситуацию быстрого изменения коммуникационного пространства, разрывающего границы между культурами и создающего предпосылки, которые могут связать культуры воедино.

В результате нарушается семиосфера локальных культур, которая обеспечивает диалог между ними. Подоб-

ный диалог был осуществим лишь в условиях различия культур друг от друга.

Современные изменившиеся виды коммуникации приводят к тому, что в общемировом общении начинают преобладать интегративные лингвистические тенденции. Результатом этого становится субординирование всех языков тому, который в максимальной степени способен себя распространить. Мир начинает говорить на языке тех стран, которые господствуют в нем. Это расширяет псевдокультурное поле общения, диалог в котором осуществляется по типу познания наиболее доступных смысловых структур. В этом поле господствуют общие стандарты, общие оценки, общие характеристики требований поведения. Это связано с массой удобств, но в то же время лишает диалог между культурами всякого смысла.

Однако глобальная коммуникация вовсе не означает отмены традиций. Рассмотрим диалогическую ситуацию в культуре на примере диалога о семейных ценностях. Именно семья в современном мире удерживает этот мир от глобальной катастрофы. Благоговение перед жизнью выражается в благоговении перед ее высшими формами – становящимися детскими душами. Человек высшая ценность природы и общества. Ценность – не любая значимость явления, предмета, а его положительная значимость, которая своим началом имеет человека, его цели и идеалы. Из определений следует, что семейные ценности – то, что значимо для семьи как современного микросоциума, что имеет положительную оценку для всей системы в целом. Семейные ценности в каждой конкретной семье свои, но они подвержены воздействию со стороны общества, государства. Диалог о ценностях в семье должен строиться на диалоге между супругами, а также между родителями и детьми. Из общесемейных ценностей вытекают социальные нормы. А на ценности, нормы, идеалы ориентируется человек при выборе и реализации цели в жизни.

В современное время семейные ценности занимают приоритетные позиции в системе ценностей человека. Хотя институт семьи, брака претерпел значительные изменения, семейное бытие по-прежнему является основной формой сосуществования индивидов. Это связано и с функциями семьи: репродуктивной, воспитательной и экономической. Современная семья должна строиться на таких ценностях, как взаимоуважение, взаимопомощь, Любовь, Доброта, способность к Диалогу, признание права автономии каждого члена семьи. Семья нуждается в признании не только правовой [4, 87–89], но и этической автономии [5, 12–17], чтобы раскрыться в нравственном диалоге. При этом российской семье близки те ценности, которые являются общечеловеческими, христианскими: вера, верность, любовь к ближнему, покаяние, прощение. Кризис семьи в противоречии, поскольку близок к экзистенциальному кризису. Экзистенциальный же кризис, как подчеркивают В. П. Ермаков и А. Д. Похилько, обладает позитивной значимостью, он может быть точкой роста, а не распада [6, 193].

Семейный диалог только тогда будет конструктивным для семенного бытия, когда он выражает самораскрытие личностной и семейной автономии. Семейная автономия – это внутренний закон семьи, образуемый не столько интеллектуальными ее основаниями, сколько эмоциональными и ценностными компонентами [7]. Именно ценностная автономия является подлинным фундаментом российской семьи и основой для нравственного диалога и успешной социализации личности детей.

Таким образом, в современном социокультурном пространстве семья играет роль генератора культуры, поскольку формирует личностную автономию и автономию индивидуальности. Личностная автономия раскрывается в диалоге. Диалог важен как внутри семьи, так и вне ее, поскольку семейная автономия образуется с помощью супер-

позиции личностных автономий взрослых и выступает в качестве проекта становящейся автономии детей. Кризис семейной автономии под влиянием глобальных факторов коммуникации и информатизации вовсе не означает ее распад. Она трансформируется и обновляется на основе духовных ценностей.

Литература:

1. Жюлия Д. Философский словарь. – М.: Междунар. отношения, 2000.
2. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993.
3. Кемеров В. Е. Культура. [Электронный ресурс]. – URL: http://csp.ispn.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_72_6399/KULTURA.pdf (дата обращения 21.03.2017).
4. Бондов С. Н. Свобода развода и автономия семейной жизни: принципы современного семейного права // Современное право. – 2008. – № 2.
5. What's the Role of Autonomy in Patient- and Family-Centered Care When Patients and Family Members Don't Agree? // AMA Journal of Ethics. January 2016, Volume 18, Number 1: 10.1001/journalofethics.2016.18.01.texas2-1601.
6. Ермаков В. П., Похилько А. Д. Позитивная значимость экзистенциальных кризисов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 13.
7. Похилько А. Д., Ромас Т. А. Автономия индивидуальности в диалогической этике и праве // Философия права. – 2013. – № 3 (58).

Л. М. Ашнокова, О. А. Шаваева
(Россия, Нальчик)
Салех Хусам
(Сирия)

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация: рассматривается историчность, конкретность, изменчивость семейных ценностей, подчеркивается, что внесемейные ценности ослабили институт семьи. Причиной снижения потребности в традиционной семье, детях называются достижения современной цивилизации.

Ключевые слова: система семейных ценностей, внесемейные ценности, отчуждение в семье.

L.M. Ashnokova, O.A. Shavayeva
(Russia, Nalchik)
Saleh Husam
(Syria)

FAMILY VALUES AS AN OBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Annotation: the paper considers the historicity, specificity, and variability of family values, it is emphasized that nesamani values has weakened the institution of the family. The reason for the lower demand in the traditional family, children are called achievements of modern civilization.

Keywords: family values, nesamani values, alienation in the family.

Для социальной философии ценности являются одной из основных универсалий, составляющих глубинный слой

структуры личности, понятие «ценность» занимает одно из центральных мест. К. Клакхон дал определение ценности, которое считается классическим: «Ценность – это явное или неявное представление о желательном, характерное для индивида или группы, которое влияет на выбор возможных вариантов, средств и типов действия» [1, 298]. В XXI веке огромное значение приобретает разработка системы общечеловеческих и семейных ценностей, направленных на выживание и дальнейший прогресс мировой цивилизации и семейных отношений. Ценности определяют и организуют поведение человека в обществе, способствуют успешной социализации личности. Система ценностей формируются и трансформируются в историческом развитии общества. Поскольку эти процессы связаны с изменениями в различных сферах человеческой жизни, их временные масштабы не совпадают с масштабами социально-экономических, политических и других изменений. Хотя у каждой эпохи, у различных народов есть свои определенные специфические ценности, которые могут быть неодинаковыми, нельзя полагать, что ценность – это нечто преходящее, временное, относительное. Ценностям одновременно присущи и относительность, и устойчивость. М. С. Мацковский отмечает историчность, конкретность, изменчивость ценностей, разделяемых семьей. Он считает, что нормы и традиции исторически меняются, различаются также в зависимости от определенной стадии жизненного цикла семьи [3, 23].

Вся история человечества свидетельствует о том, что семья всегда была и остается необходимым компонентом социальной структуры общества. Семейные ценности отражают объективно существующие ценности социальной среды, признаются членами семейного коллектива, определяют их поведение. Семья несет ответственность за сохранение и развитие всеобщих начал человеческого бытия. Семья является первичной социальной группой, в которой происходит

передача культуры, в семье формируются и транслируются необходимые общечеловеческие нравственные и культурные традиции, обычаи, ценности, в том числе и семейные, отражающие этнические, бытовые, национальные, исторические особенности народа, особенности его менталитета. А. И. Антонов полагает, что система ценностных приоритетов современной семьи сформирована под влиянием двух факторов: экономического фактора и индивидуализма. Он приходит к выводу, что ценностный конфликт личности и общества, касающийся рождения и социализации детей, который приводит к невыполнению репродуктивной и социализационной функции семьи, сопровождающийся ослаблением семьи как союза родственников, родителей и детей может быть назван кризисом семьи [2].

Аксиология отводит значительную роль семейным ценностям, которые представляют собой совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Ценности семьи формируются на основе общечеловеческих ценностей, к которым относятся: жизнь, здоровье, мир, время, свобода личности, её честь, личное достоинство, роскошь общения с другими людьми, опыт человечества, истина, добро, красота, справедливость, благородство, милосердие и др. В идеальном варианте ценности семьи должны быть сформированы в соответствии с общечеловеческими ценностями общества, в котором живёт семья. Среди всего многообразия ценностей супружества можно выделить такие основные ценности, как ценность брака, ценность равноправия супругов или ценность доминирования одного из них, ценности различных половых ролей в семье, ценность межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов. К основным ценностям родительства относятся ценность детей, включающая в себя ценность многодетно-

сти или малодетности, а также ценность воспитания и социализации детей в семье. К ценностям родства можно отнести ценность наличия родственников, ценность взаимодействия и взаимопомощи между родственниками, ценность расширенной или нуклеарной семьи.

Деформацию российского образа жизни, которая наиболее ощутима в семье, отмечают многие исследователи. Российская культура частично потеряла свою специфику, стала подверженной вестернизации, что привело к кризису традиционной системы ценностей. Молодежь столкнулась с крушением одних и возвышением других ценностей. Ценности, обеспечивавшие прочность семьи, в настоящее время стали малозначимы. Выпадение семейных ценностей из системы ценностей индивида привело к увеличению количества разводов, высокому уровню внебрачных рождений и отказов от рожденных детей. Причиной снижения потребности в традиционной семье, детях можно назвать достижения современной цивилизации. Нежелание жертвовать своим комфортом, своим временем, успехом исключает как деторождение, так и семью вообще. Ориентация на более престижные, чем дети, символы социального успеха особенно заметна среди наиболее обеспеченных слоев, где наблюдается меньший уровень рождаемости.

Таким образом, состояние современной семьи можно охарактеризовать наличием противоположных тенденций. С одной стороны – уменьшение прочности брачно-семейных отношений, снижение рождаемости, рост количества неполных семей, рост внебрачной рождаемости, ослабление роли семьи в процессе социализации детей. С другой стороны, вовлечение женщин в общественную и профессиональную деятельность привело к их раскрепощению, росту экономической и социальной независимости женщин, что является одной из причин увеличения количества разводов. Внеfamilial ценности ослабили институт семьи.

Отчуждение в семье обострилось в связи с повышением значимости ценностей профессиональной самореализации, карьерного роста, уровня образования и материального достатка. В конце XX века в нашей стране с переходом к рыночным отношениям произошла трансформация социальной структуры, переоценка ценностей, что оказало влияние на все социальные институты. Мировоззренческий кризис является следствием перехода от одной системы ценностей к другой, что оказало существенное влияние на всю социальную систему, включая институт семьи.

В оценке современного состояния семьи, ее роли в обществе, несмотря на умножение числа разводов, снижение уровня рождаемости мы полагаем, что незыблемость института семьи остается. Задача науки – определить, какую конкретную форму примет семья будущего и каковы будут основные семейные ценности.

Литература:

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998.

2. Антонов А. И. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996.

3. Мацковский М. С. Социология семьи. – М.: Наука, 1989.

Д. А. Цымбал
(Россия, Краснодар)

СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЛИНИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются два основных ракурса рассмотрения вопроса социального субъекта в период XX–XXI века. Эти линии соотносятся с периодами новейшей истории, имеющими ключевое значение в формировании общественного и индивидуального мировоззрения.

Ключевые слова: социальный субъект, социокультурное пространство, личность, общество, индивидуализация социального субъекта, всеобъемлющий субъект.

D. A. Tsybal
(Russia, Armavir)

SOCIAL ACTORS IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE: ANALYSIS RESEARCH LINES

Annotation: The article considers two main perspectives to an issue of a social subject during the XX–XXI centuries. These lines correspond with the periods of the modern history of importance in the formation of public and individual outlook.

Keywords: social subject, personality, society, individualization of a social subject, a comprehensive subject.

В условиях различного рода социально-экономических, политических и других трансформаций современных социокультурного пространства, анализ линий осмысления

самой сущности социальности, личности и общества позволяет в упорядоченном виде обозначить качества и характеристики социального субъекта современности. Авторитетными исследователями социального субъекта являются зарубежные мыслители: М. Вебер, К. Маркс, Г. Гегель, Г. Гадамер, Э. Гуссерль, В. Дильтей, Э. Дюркгейм, Г. Риккерт, Ж.-П. Сартр, Ж.-Ж. Руссо, Д. Мид, П. Рикер, К. Леви-Строс, Т. Парсонс, К. Поппер, З. Фрейд, В. Франкл, Э. Фромм, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер, К. Юнг, К. Ясперс и др.

В отечественной науке понимание субъекта освещено в работах В. А. Лекторского, А. Ф. Лосева, М. Мамардашвили, К. А. Сергеева, В. В. Соколова и др. Социологический подход к данному вопросу освещен в исследованиях В. И. Добренкова, В. Н. Иванова, А. Г. Здравомыслова, Н. И. Лапина, Б. И. Линского, Г. В. Осипова, В. П. Ратникова, Ж. Г. Тощенко, Ю. М. Шилкова, В. А. Ядова и др.

Объектом исследования в статье выступает социальный субъект. Предметом – подходы, позволяющие рассматривать сущность, характеристики и типологию социального субъекта. Целью данной статьи является анализ двух основных линий, применимых к изучению сущности и характеристик социального субъекта. Исходя из поставленной цели, были определены две задачи: проанализировать ракурсы изучения понятия «социальный субъект»; обозначить основные черты двух подходов, применимых к изучению сущности и характеристик социального субъекта.

«Социальный субъект» сложен и многомерен, противоречивость характеристик и определений данного понятия заставляют еще раз обратиться к анализу различных взглядов на данный феномен. Ракурсы изучения вопроса социального субъекта в XX веке соотносятся с периодами новейшей истории, событиями XX и XXI века, имеющими ключевое значение в формировании общественного сознания,

мировоззрения личности, в целом на науку, занимающуюся вопросом человека и общества (философию, социологию, политологию и т. д.). Н. И. Яблокова ясно обозначает, что «на примере XX века можно отчетливо увидеть ... закономерности: взаимосвязь генезиса категории «социальный субъект» в философии, в других областях социального познания и становления социального субъекта (или социальных субъектов) в действительной истории» [1].

XX век, с одной стороны грандиозно развернулся в технолого-интеллектуальном освоении мира, явив нам в XXI веке феномен информационного или высокотехнологического общества, с другой стороны, мир оказался на грани социальных, экологических и других катастроф и общество все чаще называют термином У. Бека «*risk society*». Это пододвигает рассматривать проблему социального субъекта в контексте вариаций общественного устройства, специфики отношений человек – общество на различных стадиях развития XX–XXI века.

Принято считать, что существует две линии в изучении социального субъекта: первая провозглашает определяющую роль личности, исторического лица и тяготеет к *индивидуализации* социального субъекта. Н. И. Яблокова следующим образом комментирует эту ситуацию: «Здесь и для ученого, и для отдельного рядового человека вполне проявляет себя соблазн слабого возложить ответственность на другого, проявляются элементы пассивности и авторитарности, в конечном счете, надежда на «чудо», а то и жажда всеспасающей «сильной руки»» [1, 115]. Сложностью в этом плане является факт того, что объективная оценка того или иного исторического деятеля фактически невозможна по причине небольшого временного разрыва между жизнью, эпохой исторической личности и самим исследователем (как правило, 50–90 лет). Кроме этого, оценки их деятельности часто политизированы определенными заинтересованными

лицами или группами лиц, тогда как выход из тени споров и полемик, очевидных фактов истинного лица того или иного деятеля, мотивы его поступков наиболее объективно проявляются в условиях существования «временного буфера» между осмысливающим и осмысливаемым.

Вторая тенденция соотносится с глобализацией общественных процессов и рисков, что фокусирует на *всеобъемлющем* субъекте, к коим относят страны и государства, целые общности, различные институты и вообще все человечество. Данный подход характеризуется наличием междисциплинарного взгляда на проблему и позволяет получить новое знание о социальном субъекте, используя достижения (методологию, язык, теоретические допущения и т. д.) различных научных дисциплин (в том числе естественных, технических и т. д.). В качестве теоретических наработок по этому направлению относят труды ученых-космистов. В частности, теория ноосферы крупного отечественного исследователя В. И. Вернадского подчеркивает, что с развитием разума у эволюционных процессов приобретение черт сознательности и целесообразности. Этому способствует и научно-техническое развитие человечества, совершенствование форм социального взаимодействия: «Создание ноосферы из биосферы есть природное явление более глубокое и мощное в своей основе, чем человеческая история...эта новая стадия в жизни планеты, которая не позволяет пользоваться для сравнения, без поправок ее историческим прошлым. Ибо эта стадия создает по существу новое в истории Земли, а не только истории человечества» [2, 221]. Кроме этого, концептуальные построения К. Э. Циолковского о неразрывной связи биологических, антропологических и социально-культурных процессов в развитии человечества как субъекта развития, организации адекватной разумной жизни космоса; В. С. Соловьева о «вселенском человечестве» как интегральном факторе истории; П. А. Флоренского и др. [1, 117].

Идеи ученых-космистов все чаще актуализируются и звучат в обращениях ведущих политиков [3] и имеют целью предупреждение от возможных социально-экологических катастроф. Кроме этого, эти же политики указывают на важную роль общества как целостного социального организма в условиях «достижений» глобализации и технологической революции, приведшим к кибер-военной конкуренции, кризису системы международного права и глобального регулирования, неуправляемости экономической, политической сферы. Это еще раз позволяет переосмыслить основные тезисы о всеобъемлющем социальном субъекте и увидеть всю полноту и многомерность этого феномена в условиях современного информационного общества. Исследователи все больше обращают внимание на параметры автономности социального субъекта, его автономность [5], его активность в качестве гражданского общества [6].

Таким образом, существует несколько исследовательских линий рассмотрения вопроса социального субъекта в период XX–XXI века. Эти линии соотносятся с периодами новейшей истории, имеющими ключевое значение в формировании общественного и индивидуального мировоззрения.

Литература:

1. Яблокова Н. И. Социальный субъект: генезис, сущность, факторы становления и развития: дисс. ... д-ра филол. наук: 09.00.11. – М., 2000.
2. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1998.
3. Владимир Путин на заседании Госсовета, посвященном вопросам экологии 27 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ltv.ru/news/2016-12-27/316961-vladimir_putin_provel_zasedanie_gossoveta_posvyaschennoe_voprosam_ekologii (обращения 18.02.2017).
4. Музыка О. А. Социальный субъект и темпоральность // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-subekt-i-temporalnost> (дата обращения: 26.03.2017).

5. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2007..

6. Орлова О. В. Автономия личности и автономия гражданского общества // Государство и право. – 2006. – № 1.

**А. Д. Похилько, Т. А. Ромас
(Россия, Армавир)**

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В МЕТРИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: рассматриваются парадоксы положения индивидуальности в социокультурном пространстве. Дана типология парадоксов индивидуальности. Сделан вывод о релевантности методологии герменевтической феноменологии и экзистенциализма в отношении познания и культивирования индивидуальности. Выделен парадокс индивидуализма и коллективизма и предложено его диалектическое и феноменологическое решение.

Ключевые слова: индивидуальность, социокультурное пространство, личность, парадоксы, индивидуализм, диалектика, феноменология, экзистенциализм.

**A. D. Pokhilko, T. A. Romas
(Russia, Armavir)**

INDIVIDUALITY IN METRICS OF A SOCIO-CULTURAL SPACE

Annotation: paradoxes of the position of individuality in sociocultural space are considered. The typology of the para-

doxes of individuality is given. A conclusion is made about the relevance of the methodology of hermeneutic phenomenology and existentialism in relation to the cognition and cultivation of individuality. The paradox of individualism and collectivism is singled out and its dialectical and phenomenological solution is proposed.

Keywords: individuality, sociocultural space, personality, paradoxes, individualism, dialectics, phenomenology, existentialism.

Индивидуальность выполняет в метрике социокультурного пространства роль сингулярности, которая образует континуум, но при это не может быть четко зафиксирована в параметрах пространства и времени. Трудности бытия и познания индивидуальности неизбежно выражаются в парадоксах, которые аналогичны парадоксам Зенона, выражающие движение в объективном астрономическом пространстве [2].

1. Индивидуальность существует. Индивидуальности нет.

2. Индивидуальность – это бытие. Она – сознание, а не бытие.

3. Познаваема. Непознаваемая «вещь-сама-по-себе».

4. Можно дать дефиницию индивидуальности. Нельзя дать определение.

5. Неделима и едина. Делима на части, свойства и качества.

6. Связана с самоидентичностью. Связана с саморазличением.

7. Индивидуальность – определяет творческое начало в контексте культуры. Культура детерминирует творческое начало в автономии индивидуальности.

8. Индивидуальность уникальна. Она типологизируется.

9. Индивидуальность – это ценность, это хорошо [1, 203]. Индивидуальность – это девиация, порок, грех.

10. Индивидуальность зарождается в религиозной культуре. Индивидуальность связана с антропоцентризмом и гуманизмом [3].

Данный список парадоксов можно продолжить. Или расшифровать эти парадоксы, например, парадокс онтологический задать антиномическим образом:

а) индивидуальность обладает бытием – это чистое ничто;

б) индивидуальность присуща всем – она свойство только одаренных, достойных людей;

в) она есть феномен, она – эпифеномен.

Или в развернутом виде эксплицировать гносеологически какой-либо один парадокс, например, парадокс познаваемости индивидуальности:

а) индивидуальность познаваема, объяснима – необъяснима, таинственна;

б) истинна – ложна;

в) выразима в образовании и культурном контексте – совсем не опредмечивается как чистая субъективность в культуре;

г) осознана субъектом – бессознательна;

д) философия не имеет методологии исследования индивидуальности – напротив, такая методология есть, существует в виде дилектики общего и единичного;

е) можно дать определение понятия «индивидуальность» – нельзя дать дефиницию.

Данная экспозиция парадоксов подчеркивает сложность познания феномена индивидуальности в философском аспекте. Трудность целостного осмысления индивидуальности заключается в том, что она не осваивается в теоретическом исследовании с позиций универсального [4]. Соответственно, претензии индивидуальности на роль

центра экзистенциалов, особого вида индивидуально-личностного бытия вполне обоснованы. Более того, претендовать на это почетно. При этом сугубо объективное категориальное исследование индивидуальности как единичности, восходящей к особенному и к конкретно-общему также возможно. Такое объективное исследование будет дополнительным к ее субъектному анализу. Однако мы остановимся только на одном парадоксе индивидуальности, который играет наибольшую роль для понимания социокультурного пространства современной России.

Предлагаемый парадокс допускает различные интерпретации, например, такую: «Индивидуализм: “за” или “против”»? Казалось бы, кто может быть против индивидуальности, но в реальности индивидуальность вызывает резкое неприятие толпы, масс, а также общества коллективистского типа именно ввиду того, что ее отождествляют с индивидуализмом [5, 3]. Однако и сам индивидуализм бывает различным.

Индивидуализм в качестве концепции культурологии, когда окружающий мир рассматривается сквозь призму предпочтений конкретного человека, имеет негативную составляющую («против»), поэтому мы анализируем индивидуализм в качестве типа социально-культурной ориентации индивида, который сознает свою личную ответственность и причастность, несовершенство бытия, движется мотивом и потребностью усовершенствовать сущее («за»). Итак, аргументы за индивидуализм как онтологическую форму защиты индивидуальности.

Анализируемый феномен (т. е. индивидуализм) имеет следующую существенную характеристику: он представляет собой исторический тип поведенческой и ментальной ориентации в социокультурном пространстве, в метрике которой акцент делается на абсолютную ценность индивидуальности, ее автономию, права и свободы, на право са-

тому устанавливать векторы собственной деятельности, акцент на ответственность за свою судьбу и счастье семьи, на возможность обнаруживать самостоятельность [5]. Важнейшая проблема для индивидуализма – это органическое перспективное сочетание ответственности и свободы. Чем больше свободы, тем больше ответственности. Бегство же от свободы означает как раз бегство от индивидуальной ответственности, хотя коллективную ответственность принимают.

К сожалению, современные темпы жизни резко ускоряются, настолько, что человек не может осваивать все новые вызовы времени, которые Тоффлер назвал «шоком будущего» [8]. Возникает ряд следствий. «В демократическом государстве, – пишет Я. М. Неплох, – есть большая группа людей, которая не может привыкнуть к правилам игры общества личной инициативы» [6, 9]. По некоторым оценкам, в последнее время и на индивидуалистическом либеральном Западе возвращаются к идее коллективизма, растет интерес к теоретической разработке данной проблемы [9]. В обществе что-то не так, отмечает Э. Тоффлер, если в соответствии с объективными исследованиями авторитетного Института душевного здоровья даже в сытой и благополучной Америке нет такой семьи, которая бы совсем избежала значительного или умеренного психического или нервного расстройства [7]. Реакцией на неблагоприятный менталитет выступает движение человеческих возможностей. Кстати, успех восточных культов и эвангелистских движений, которые прибывают и в Россию, подтверждает растущие потребности людей в традиционных надындивидуальных ценностях. А. Тоффлер, как и некоторые другие, считает, что растущая дифференциация среди людей, их индивидуализация содействует нарастанию чувства одиночества. Чтобы гарантировать здоровую психологическую атмосферу, нужно возродить общность людей.

Таким образом, можно высказать за органическое соединение индивидуализма и коллективизма. Их нельзя слишком противопоставлять. В нравственном отношении индивидуальная ответственность необходима, поскольку невозможно нормировать все формы человеческого поведения внешним образом. Российское общество индивидуализируется, оставаясь, по-видимому, обществом коллективистского типа. В связи с этим индивидуальность недооценивается. Однако прогресс есть, поскольку слова «единоличник» и «отрыв от коллектива» утратили силу крайне негативной оценки.

Литература:

1. Абрамова С. Г. Феномен индивидуальности в образовании // Новые ценности образования. Индивидуальность в образовании. – М.: НПО «Школа самоопределения», 2004. – Вып. 2.
2. Кучуковский П. В. Роль парадоксов в научном познании // Динамика систем, механизмов и машин. – 2014. – № 5.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 2000.
4. Похилько А. Д., Ромас Т. А. Автономия индивидуальности в диалогической этике и праве // Философия права. – 2013. – № 3 (58).
5. Замошкин Ю. А. За новый подход к проблеме индивидуализма // Вопросы философии. – 1989. – № 6.
6. Неплох Я. М. Человек, познай себя! Записки психиатра. – СПб: Наука, 1991.
7. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2009.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008.
9. Kateb G. Notes on pluralism // Socialresearch. – 1994. – Vol.61. – № 3.

В. Н. Фомин
(Россия, Армавир)

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛИЧНОСТЬ»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация: в данной работе рассматривается интерпретация концепта «личность» представителями различных философских и психологических направлений. Также проводится анализ социокультурного пространства, в котором прослеживается нивелирование аксиологического значения личности.

Ключевые слова: личность, социальность, культура, концепт, интерпретация, общество.

V. N. Fomin
(Russia, Armavir)

**INTERPRETATION OF CONCEPT
«PERSONALITY» IN SOCIO-CULTURAL
CONTEXT OF THE RUSSIAN
SOCIETYS DEVELOPMENT**

Annotation: in this paper the interpretation of the concept «personality» is considered by representatives of various philosophical and psychological directions. The analysis of socio-cultural space is also given in which leveling axiological values of the persona can be traced.

Keywords: individual, social, culture, concept, interpretation, society.

В настоящее время, по нашему мнению, актуальным является вопрос о становлении и развитии личности рос-

сийского человека в контексте мировых интеграционных процессов. Многообразие подходов, связанных с выражением взаимоотношения личности и общества в современном социально-философском дискурсе [6], может не упрощать, а даже усложнять выделение наиболее актуального аспекта данной проблемы. С одной стороны, интенция цивилизации западного типа, с так называем «обществом потребления», признаки которого на первый взгляд кажутся более объективными, может быть взята за образец развития российских социальных институтов. Здесь, в первую очередь, следует говорить о характеристиках постиндустриального общества, в которое Россия еще не вступила. С другой стороны, у общества данного типа существует ряд проблем, основной из которых, по мнению ряда мыслителей, является проблема деперсонализации. Актуальность обостряется тем, что коллективизм российского общества не дает возможности усмотрения необходимости и возможности права на личность как творческую индивидуальность в форме абсолютной модальности [7].

Иными словами, в процессе социального развития на первый план выходят ценности материального плана. Общество забывает о человеке как личности, атомизирует и рассматривает его как индивида, способного более производить и потреблять, нежели развиваться духовно, что приводит к односторонней мыслительной интенции, которая ведет к процессам нивелирования личности.

Еще одной немаловажной проблемой является процесс перехода к цифровым технологиям и, так называемого, виртуального пространства, которое создает свою особую социокультурную среду, отводящую человека от реального мира вещей. Так, один из ведущих современных философов Жан Бодрийяр говорит об электронном наркотическом действии, которое является неким соблазном, приводящим к нарциссизму. Мыслитель обращается к

Маршаллу Мак-Люэну, который утверждает, что современный мир путем цифровых технологий и развития «биологии и информационных технологий сопровождается распадом структуры личности именуемой эдиповской» [1, 287]. Или, иными словами, в традиционной структуре личности перестает присутствовать отцовское начало, на первый план выступает женское океаническое начало имеющее влечение к смерти. В данной связи могут наступать психические расстройства, но самое основное то, что в социальной сфере перестают присутствовать авторитеты, взамен которых для власти остаются только средства оболыщения общества [1, 287].

Вышеизложенные проблемы, по нашему мнению, в дальнейшем могут еще более усугубиться, следствием чего будет продолжение процессов нивелирования личности. В данной связи, по-видимому, стоит более тщательно подходить к изучению концепта «личность», так как его объективная интерпретация поможет разработке теоретических положений, при которых общественное мнение будет более внимательно подходить к процессам деперсонализации. Здесь особо следует отметить, что существуют различные дефиниции данного концепта, но, по нашему мнению, в данном контексте более уместным будет привести позицию американского философа и психолога одного из основателей американской школы психологии – Уильяма Джеймса, который говорит о телесной, социальной и духовной личности, причем последней мыслитель отводит доминирующую роль. По его мнению, все, что касается соматики или телесной личности, можно отнести к врожденным природным физиологическим данным, которыми обладает тот или иной индивид. Социальная личность подразумевает поведение, одежду, имущество, определенный вид деятельности, круг общения и т. д. Также, социальная личность постоянно апеллирует к общественному мнению тех или иных соци-

альных групп, и к Божественному Суду, который выравнивает нижние и верхние слои общества. [3, 49-51].

В данном ключе можно привести гегелевское понимание концепта личность, определяемое им через категорию бесконечной свободной воли, которую следует отличать от свободы, необходимой лицу для выхода во внешнюю свободу или мир вещей, который отделим от лица. В этом контексте автор видит разумность собственности, так как она заключается «не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [2, 101]. Что же касается «духовной личности», то, по мнению У. Джеймса, она представляет собой все знания, умения, навыки и, в первую очередь, интенцию к катарсису, причем именно в религиозном контексте. Джеймс подчеркивает, что для большинства, спасение души ассоциируется с социальными заградными привилегиями, в то время как следует заботиться о духовной личности, прилагая усилия к очищению души.

Автор говорит о том, что людям свойственно молиться, и это заложено в их природе, которая, по его мнению, никогда не изменится, и вполне вероятно, что делают они это наперекор бурно развивающейся науке. В конечном итоге он приходит к выводу о том, что «телесная, социальная и духовная личности образуют *естественную личность*» [3, 50–52].

В подобном ключе рассуждает один из видных представителей русской философской мысли И. А. Ильин. Для него тело не есть нечто отличительное, но оно вводит нас в мир природы, оно есть тот инструмент, посредством которого мы приобщаемся к Богу. Тело есть художественный символ мудрости Божией, и входит в состав нашей личности. По мнению автора, мы не должны его переоценивать, но отводить ему соответствующее место. И здесь следует

отдавать приоритеты не «чувственно-телесному», но созерцанию своего внутреннего мира, отход от телесных ощущений и впечатлений, где открывается «наша собственная духовная личность» [4, 867].

В современной школе Российской психологии подобные интенции к рассмотрению личности несколько нивелированы, так как преобладает интерпретация данного концепта в традиционном марксистском понимании через деятельный подход, одним из основателей которого является А. Н. Леонтьев. Для него личность отлична от индивида, что является ее основным определяющим фактором. Личностью не рождаются, а становятся в процессе общественных отношений [5, 194–196]. Недостатком данного подхода является то, что не каждый человек имеет право называться личностью, так как такого рода интенция предполагает некую героизацию.

Таким образом, говоря о векторе социального развития Российского социума в русле постиндустриального общества, предполагающего высокотехнологичное развитие, а также переход к сфере услуг, которые во многом формируют «общество потребления», не следует забывать о том, что данные процессы могут привести к нивелированию личности. В современной Российской психологии личность часто интерпретируется в марксистском понимании через «деятельный подход» и, как следствие, «духовная личность» уходит в небытие, в связи с чем, в данном ключе не следует забывать отечественное культурное наследие Русской религиозной философии.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: AdMarginem, 2000.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
3. Джеймс Уильям Психология. – М.: Педагогика, 1991.

4. Ильин И. А. Путь духовного обновления. / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011.

5. Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из научного наследия. – М.: Изд-во Моск. Ун.-та, 1994.

6. Личность и общество в современном социально-философском дискурсе: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Екатеринбург, 23 января 2016 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2016.

7. Похилько А. Д. Предпосылки автономии правового сознания // Общество и право. – 2005. – № 1 (7).

А. Н. Пинчук
(Россия, Краснодар)

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ: МНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы развития и интеграции дистанционного образования в современное образовательное пространство с позиций участников учебно-педагогического взаимодействия. Анализируется мнение преподавателей и студентов о том, какую нишу следует занимать дистанционному образованию в секторе образовательных услуг относительно традиционной формы обучения в вузе и какие пути интеграции и сочетания различных видов получения образования являются наиболее оптимальными. Выявляется позиция обучающихся и обучаемых относительно определенных образовательных практик, воспроизводство которых важно сохранить как в традиционной, так и в дистанционной форме получения образования.

Ключевые слова: система высшего образования, дистанционное образование, субъекты учебно-педагогического процесса, образовательные практики.

A. N. Pinchuk
(Russia, Krasnodar)

TO THE QUESTION OF EDUCATIONAL PRACTICES IN DISTANCE EDUCATION: OPINION OF TEACHERS AND STUDENTS

Annotation: the article considers the issues of development and integration of distance education in the modern educational space from the standpoint of the participants of pedagogical interaction. Analyses the opinion of teachers and students about what niche should take a distance education relative to traditional forms of education in the sector of educational services and what integration and combination of different types of education are most suitable. Reveals the position of teachers and students in relation to certain educational practices, which reproduction is important to keep both in traditional and in distance form of education.

Keywords: higher education, distance education, subjects of academic process, educational practices

Сегодня на страницах научной периодики развернулась обширная полемика ученых, специализирующихся в различных областях социологии, педагогики, психологии о внедрении и развитии дистанционного вида обучения в системе российского образования [1; 2; 3; 6]. В научной литературе дистанционное образование определяется как новая форма обучения, «...при которой учащиеся отдалены от преподавателя в пространстве и (или) во времени и в то же время имеют возможность в любой момент реализовывать

процесс обучения и поддержать диалог посредством дистанционных образовательных технологий и средств телекоммуникации» [5, 74–75].

Неудивительно, что, подчеркивая все возрастающую роль дистанционного высшего образования, ученые опираются на ряд его существенных преимуществ, выделяя оперативность, возможность обеспечить индивидуальный подход к каждому обучающемуся, эффективность инновационных педагогических технологий, основанных на функциональном диапазоне сети Интернет и компьютерных программ, минимизацию фактора территориальной удаленности и временных ограничений за счет возможности учиться, когда и где предпочитает пользователь [2, 6]. Казалось бы, перечисленные достоинства являются достаточно весомыми аргументами в пользу активного продвижения на рынке образовательных услуг дистанционной формы обучения. Однако в среде ученых существуют неоднозначные мнения о массовом распространении дистанционного образования в связи с наличием определенных проблем. В частности, обсуждаются вопросы мотивации, самодисциплины и самоорганизации обучающихся, показываются проблемы аутентификации студентов и обеспечения достоверности результатов проверки знаний, указывается на невозможность дистанционного обучения некоторым техническим и медицинским специальностям, для которых необходимо реальное выполнение определенных практических заданий [1, 3].

Следует признать, что, несмотря на ряд обозначенных трудностей, за информационными технологиями будущее, и дистанционная форма обучения является перспективным направлением, которое меняет облик всей системы образования, во многом репрезентируя траектории его дальнейшего развития. В этой связи на поверхности возникают вопросы не только о том, как наиболее эффективно реали-

зовать дистанционное обучение и на какие сложности при этом следует обратить особое внимание, но и как уйти от риска потери важных образовательных практик, воспроизводимых в рамках традиционного обучения в вузе. Последнее рассмотрим подробнее.

Образовательные практики, как социокультурный феномен, представляют собой разновидность социальных практик. В рамках социологических теорий практик определим образовательные практики как «совокупность опривыченных способов приобретения, освоения новых знаний, умений, навыков, поиска и отбора необходимой информации в учебных задачах, реализуемых в контексте более или менее организованного образовательного процесса» [4, 125]. Изучение образовательных практик позволяет увидеть то, как привыкли учиться современные ученики, студенты и другие обучающиеся в различных формах обучения.

Возвратимся к ранее поставленным вопросам о дистанционном образовании и выдвинем проблему воспроизводства образовательных практик, отвечающих за личностно-профессиональное становление обучающихся в учебном процессе, организованном дистанционно. Ограничивая круг вопросов, можно обратиться к ученым, экспертам и специалистам для получения компетентного мнения, но здесь также важно помнить, что в центре полемики находятся непосредственные участники образовательного процесса – обучающие и обучающиеся, от выбора и действий которых во многом зависит будущее развитие образования. В данной статье мы как раз и попытаемся отразить то, как сами преподаватели и студенты определяют место дистанционного образования в современной системе высшего образования, как оценивают его сочетание с традиционной формой обучения в вузе и какие образовательные практики, на их взгляд, обязательно должны сохраниться в дистанционной форме обучения.

Основываясь на материалах интервьюирования 92 студентов и 30 преподавателей, проведенного в рамках авторского социологического исследования, посвященного изучению образовательных практик (исследование проводилось с 2014 по 2016 гг. в трех российских вузах Москвы, Костромы, Краснодара), попытаемся показать точку зрения участников учебно-педагогического процесса о роли и месте дистанционного образования в современном образовательном пространстве и воспроизводстве определенных образовательных практик в нем.

Рассмотрим позицию *преподавателей* вузов относительно развития дистанционного образования. В целом педагоги сошлись во мнении, что полный переход на дистанционное образование не примем. Все-таки преимущество остается за обучением в вузе с ежедневным посещением аудиторных занятий и непосредственным общением в реальном времени и пространстве. Объяснялось это тем, что обучение дистанционно отчасти «лишает студентов эмоциональной вовлеченности в учебно-педагогический процесс, возможности увидеть реакцию собеседника, его невербальные жесты, вживую обсудить возникающие вопросы, услышать идеи и мысли других участников». Нередко упоминалось то, что «отсутствие непосредственного социального контакта во многом уменьшает возможности заинтересовать студентов в изучении предмета». Более того, преподаватели опасаются того, что студенты станут относиться равнодушно к учебному процессу, что может привести к формальному выполнению норм и требований. Также тревогу вызывает тот факт, что дистанционное образование построено на высокой мотивации обучающегося к самообразованию, самоорганизации и самодисциплинированию, которые постоянно необходимо поддерживать.

В целом высказывания педагогов позволяют сделать вывод, что воспроизводство образовательных практик в

рамках социальной интеракции с другим актором ценится особо высоко в учебном процессе. Поэтому, разрабатывая различные модели дистанционного образования, необходимо с особой осторожностью подходить к тем из них, которые минимизируют виртуальное общение преподавателя и студента. Не менее значимой является и сформированная практика студента самоорганизации для учебы, осуществляемой дистанционно, что в принципе и так очевидно. Заметим, что, признавая активную роль преподавателя в процессе обучения в ходе аудиторных занятий, участники интервью указывали на то, что продуманное, педагогически обоснованное применение возможностей дистанционных технологий может способствовать повышению эффективности образовательного процесса. Например, обучение дистанционно рекомендуется в случае получения второго высшего, либо дополнительного образования. Помимо этого, преподаватели считают, что возможно частичное включение дистанционных технологий для студентов очной формы обучения в рамках самостоятельной работы, либо в использовании определенных форм контроля знаний. Особо выделялась необходимость развития дистанционного образования для людей с ограниченными возможностями.

Позиция *студентов* в вопросах соотношения традиционного очного вузовского и дистанционного образования в принципе аналогична позиции преподавателей. Так, студенты, участвовавшие в интервью, особо подчеркивали значимость сохранения традиционной формы обучения в вузе в контексте развития дистанционного образования и предлагали варианты их оптимального сочетания. Часть студентов, указывая на важность обучения в вузе, аргументировали свое мнение следующим: «взаимодействие с преподавателями является обязательным, а также системное обучение (график, определённое время) помогает студенту лучше организовать свое время и учебу». Заметим, что ра-

бочая обстановка, по мнению студентов, является важнейшим критерием для успешного протекания образовательного процесса, на что часто ссылались интервьюируемые: «дистанционное обучение не обеспечивает рабочую обстановку», «посещение лекций и семинаров способствует дисциплинированию и учит соблюдать субординацию». Было выявлено, что для большинства молодых людей особо остро стоит проблема самоорганизации. Прочитируем высказывание одного из студентов: «для меня важна среда обучения (одногоруппники, преподаватель, кабинеты и т. д.). Ну и сам я себя не смог бы заставить что-либо делать, учить и т. д.». О том, что стимулировать себя сложно, студенты говорили часто и иногда очень красноречиво: «...моя лень оставила бы меня без образования».

К числу существенных составляющих образовательного процесса, как считают современные студенты, безусловно, относится непосредственная социальная коммуникация между педагогом и обучающимися: «Обучение – это не просто зубрежка материала, а также общение, которое помогает получить определенные навыки для жизненного опыта».

Образовательные практики в ходе непосредственного взаимодействия для студентов очень важны: «Посещая лекции и взаимодействуя с одногруппниками, полученные знания лучше усваиваются». Более того, встречался вариант, когда в первую очередь подчеркивалось значение функции интеграции в социальное пространство посредством включения в практику коллективного взаимодействия в вузе: «Мне нравится контактировать с людьми, а также, если бы не учеба, то я бы из дома не выходил, потому что у меня нет друзей, с кем можно гулять. Традиционное обучение компенсирует это в какой-то мере». Одна из студенток указала на особую атмосферу, эмоциональную связь, сохраняющуюся при непосредственной интеракции: «Живое общение всегда лучше помогает усвоить информа-

цию. К тому же традиционная система сложилась в результате долгих поисков наиболее оптимального варианта нашими предками». Также участники интервью подчеркивали фактор источника получения информации, например: «гораздо легче услышать все на лекции, а не искать неизвестно где в Интернете», «ученик в Интернете получает много лишней информации».

Некоторые студенты видят возможность частичного включения дистанционного образования в традиционное обучение в вузе следующем виде: «Лекции – дистанционно, семинары – очно, так как необходимо более детальное рассмотрение некоторых вопросов», «возможно было бы неплохо ввести дистанционное образование повсеместно, но не полностью, а только лекции. На семинарах лучше присутствовать самому».

Таким образом, в ходе интервьюирования удалось выявить, как относятся нынешние студенты и преподаватели к дальнейшему развитию и распространению дистанционного образования. На данный момент и обучающиеся, и преподаватели подчеркивают важность сохранения традиционной формы обучения в вузе с ежедневным посещением занятий. Между тем, признавая то, что дистанционное обучение имеет свои преимущества, преподаватели полагают, что использовать его желательно либо в ходе получения второго образования и выше, либо в сочетании с формами традиционного обучения. Студенты же видят оптимальным вариантом дистанционными сделать лекции, семинары же лучше оставить в традиционной форме. Возможно, полученные данные послужат полезной информацией в полемике специалистов о траекториях дальнейшего развития дистанционного образования.

Литература:

1. Григораш О. В. Дистанционное обучение в системе высшего образования: преимущества, недостатки и перспективы // Политематический сетевой электронный науч-

ный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101 (07). – С. 2048–2059. [Электронный ресурс]. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22567496> (дата обращения 27.05.2017).

2. Марчук Н. Ю. Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 3.

3. Миннегалиева Ч. Б. Некоторые проблемы применения дистанционных образовательных технологий // Интеграция образования. – 2013. – № 1 (70).

4. Пинчук А. Н. Образовательные практики обучающихся: теоретико-методологический аспект // Культура. Духовность. Общество. Сб. мат. XXIX Межд. науч.-практ. конф. / под ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – № 29.

5. Рак Е. А. Особенности применения дистанционных технологий обучения в виртуальном образовательном пространстве вуза // Власть. – 2010. – № 10. С.

6. Спивакова В. В. Специфика дистанционной формы обучения в образовательном процессе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 77.

А. Г. Лугинина
(Россия, Краснодар)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ КАК СРЕДА, ФОРМИРУЮЩАЯ ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация: виртуальное пространство социального порядка – это новый тип взаимодействия, осмысление которого возможно в рамках исследования механизмов формирования информационного поля. Коммуникация в со-

временном обществе – это продукт высоких технологий, требующий возникновения особых навыков общения, ценностных и нормативных установок.

Ключевые слова: виртуальное пространство, интеракция, социум, кибернетика, информационное поле, коммуникация, Интернет, симуляция, виртуальная реальность.

A. G. Luginina
(Russia, Krasnodar)

INFORMATION FIELD AS THE MEDIUM FORMING THE VIRTUAL SPACE

Annotation: the virtual space of the social order is a new type of interaction, the understanding of which is possible in the study of mechanisms of formation of the information field. Communication in today's society is the high-tech product that requires the emergence of special communication skills, values and regulatory systems.

Keywords: virtual space, interaction, society, cybernetics, information field, communication, Internet, simulation, virtual reality.

В современной трактовке информация – общенаучное понятие, включающее в себя обмен сведениями между людьми, человеком и машиной, машиной и машиной, обмен сигналами в растительном и животном мире. Меняется содержание сведений, возникают новые способы трансляции и приема информации.

Принципиально иная медиальная среда, требующая особых методов коммуникации и специфических форм ее осмысления, появляется в результате замещения традиционных способов общения виртуальной интеракцией и симу-

ляциями социальности. Информационное поле в новых условиях – это не только объект исследования, оно становится носителем методологических принципов постижения социального бытия. Норберт Винер, один из основоположников кибернетической философии, отметил, что информация в современном обществе сделалась общенаучным понятием, которое стало широко применяться для характеристики самых разнообразных процессов, вплоть до мышления и общечеловеческих отношений. Значимость процессов передачи и приема информации для исследования общества определяется тем, что «информация и связь как механизмы организации действуют не только в индивидууме, но и в обществе. Совершенно невозможно понять устройство таких социальных систем, как муравейник, без подробного анализа их средств связи» [1, 78], учитывая, что «сообщество простирается лишь до того предела, до которого простирается действительная передача информации» [1, 146].

Вне всяких сомнений, роль информации была важной всегда. Человечество то бережно хранило источники информации, то варварски уничтожало, оставляя бреши в истории и в проблеме понимания самих себя. Нам, сегодняшним, приходится иметь дело с такими носителями информации, которые далеки от традиционных. Имеется в виду тот факт, что в ситуации прогрессивно нарастающего использования информационных технологий образовалась «специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям... обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [3, 42]. Неслучайно некоторые исследователи считают возможным говорить о формировании особой «инфосферы» – динамичной, открытой, весьма неустойчивой системе, элементы которой взаимозависимы и инвариантны сами в себе. При этом единое информационно-коммуникативное пространство, как свое-

образный коллективный интеллект обитателей планеты, образует виртуальную среду взаимодействия «симуляций социально реальной идентичности» [3, 138].

В свою очередь, технические средства передачи информации структурируют язык коммуникаций, формируя информационное поле из набора сообщений как «части мультисемантического текста, синтаксис которого становится крайне расплывчатым» [3, 322]. В данном контексте весьма примечательным видится следующее обстоятельство. Н. Винер определяет общество не только как информационный объект, но и как сложный преобразователь информации [2], в пространстве которого проблема авторитетности источника информации, множественное тиражирование поправок и интерпретаций текстов, включенность в специфические коммуникативные среды случайных собеседников затрудняет возможность определить ответственность и достоверность информации.

Отдавая себе отчет в том, что на протяжении истории своего развития человечество неоднократно было подвержено всевозможным заблуждениям, заметим, однако, что объективность информации зависит от многих обстоятельств. В их числе:

- степень развитости интеллектуальных способностей представителей социума;
- расширение познаваемого поля;
- осознание особенностей социальных потребностей и т. д.

Более того, в своем интеллектуальном становлении человечество проходило этапы истинных откровений и фундаментального прироста знаний, а также этапы забвения и утверждения ложных постулатов. Соответственно, рассматривать виртуальное пространство только в отрицательном контексте недопустимо хотя бы потому, что это состояние может иметь в себе вполне позитивные, рацио-

нальные и даже гуманистические компоненты. Вспомним, так называемое «темное» средневековье заложило основы для возникновения высоких идеалов Возрождения, человечество справилось с вызовом печатного текста и научилось правильно использовать наукоемкую информацию.

Новый вызов, брошенный обществу в виде технологий виртуальной реальности, которые выходят за пределы компьютеров и вторгаются в реальный мир, преобразая окружающее нас пространство, отличает мощь, всепроникаемость и скорость. Потому необходимо набирать опыт мгновенного реагирования, в том числе даже на бытовом уровне. Принимая во внимание тот факт, что мультимедиа наделяют социальную структуру такими особыми характеристиками, как широкая социальная и культурная дифференциация, рост социальной стратификации среди пользователей, интеграция всех видов сообщений в общей когнитивной структуре, нельзя не признать верность следующей позиции. В целом мультимедиа создают новую символическую среду, «делая виртуальность нашей реальностью» [3, 351].

По мнению Н. Винера, «преодоление трудностей, связанных с установлением подлинного общественного регулирования, недопустимо посредством замены одной жесткой схемы, которая не подвергается постоянно переоценке, другой жесткой схемой, аналогичной по форме и противоположной по содержанию» [2, 287]. Насколько жесткая сложившаяся система?

Пожалуй, ее характеристики будут противоречить друг другу, поскольку доступ к информации не означает доступ ко всей информации, и уж тем более не факт, что она достоверна. При этом ничего общего не имеющие с практикой «имиджсодержащие сообщения» [4] обладают мощным воздействием на чувства и мышление человека, формируя устойчивые образы желаемого. Передача такого

рода кодированной информации возрастает. Как свидетельствуют ученые, «сегодня большая часть нашей системы образов строится на основе информационных сообщений, созданных человеком, а не на основе личных наблюдений «некодированных» явлений [4, 187].

В силу того, что такая информация более сжата, жестко структурирована и настолько выверена, что создается впечатление ее истинности, виртуальный мир завораживает кажимостью осуществления любой мечты. В силу того, что скорость реализации желаемого играет важную роль, удовлетворение запроса ожидается в максимально сжатые сроки. Современный человек торопится жить? поглощая и воспроизводя огромное количество информации. Он как элемент мощного компьютера, в роли которого выступает общество. Находясь в непрерывном потоке информации, сенсорные системы человека перегружены, что обуславливает особый тип восприятия информации – слоганы, реклама, видео, sms, электронные письма, громкий и мощный звуковой ряд, быстро меняющиеся картинки, доступность информации в Интернете.

С одной стороны, подобное положение дел меняет механизмы познавательной активности воспринимающего, с другой, – требует невероятных усилий и методологической компетентности транслирующего. ««Полисенсорный» тип культуры, – пишет по этому поводу М. Маклюэн, – провоцирует многомерное восприятие мира на новой электронной основе – через замещение письменно-печатных языков общения радиотелевизионными и сетевыми средствами массовых коммуникаций» [5, 14]. Образы и языковые системы становятся посредниками между реальностью и человеком. В итоге сама реальность оборачивается для нас тем, что мы видим и слышим из опосредующих источников.

Неслучайно поэтому вдумчивое восприятие информации нивелируется, массы поглощают готовый продукт.

Глобальный электронный текст принимает в свои ряды всех желающих его преобразовывать и дополнять. Создается иллюзия причастности к созиданию чего-то большого и важного, вследствие чего все негативные характеристики виртуализации общества сводятся к тому, что реальность не отпускает человека. Она «мешает» ему наслаждаться иллюзией. Человек разрывается между двумя мирами, ведь правила игры разные. Причем виртуальное игровое поле отвоевывает все большее пространство, традиционные социальные связи «тяжким грузом» лежат на плечах современного человека. Столкновение с реальностью уже опасно. Она вызывает негативные реакции своей инертностью, инвариантностью, необратимостью некоторых процессов, неподчинением нашей воле. Психика человека дает сбой, потому что смирение как атрибут регуляции взаимодействия реальности мира и человека отсутствует. Иллюзия безграничных возможностей разрушающе воздействует на мыслительные процессы.

Анализ виртуальной реальности вышел за пределы классического дискурса. Информационное поле начинает осмысливать само себя. Потоки сознаний, пересекаясь, рожают новый тип сознания.

Литература:

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине // Информационное общество. – М., 2004.
2. Винер Н. Творец и Будущее. – М., АСТ, 2003.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. – М., АСТ, 2004.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005.

З. А. НАТХО
(Россия, Краснодар)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ СМИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Аннотация: в статье рассматривается роль информации в массовом сознании общества. Выявлено взаимовлияние средств массовой информации и социума, приводящее к позитивным или негативным развитиям государств.

Ключевые слова: информация, массовое сознание, СМИ, информационное общество.

Z. A. Natkho
(Russia, Krasnodar)

INTERDEPENDENCE OF MASS MEDIA AND SOCIETY

Annotation: in article information role in mass consciousness of society is considered. The interference of mass media and society leading to positive or negative developments of the states is revealed.

Keywords: information, mass media, mass consciousness, societynegative developments.

Важность информации в жизни каждого человека, а тем более общества, сложно переоценить. Она сопровождает людей на протяжении всей жизни. До сих пор ученые всего мира ведут спор о содержании данного понятия, хотя простому человеку ясно, что информация – это те сведения, которые помогают ему изучать окружающий мир, знакомится с разными людьми, решать любые проблемы, развиваться во всех сферах деятельности. При помощи ин-

формации организуется труд людей, создаются профсоюзы, общественные организации, политические партии. Она является главным элементом деятельности институтов государственной власти, на ее основе осуществляется борьба с преступностью, формируются решения о сборе налогов, штрафах и т. д. Информация служит «фундаментом» деятельности органов государственной власти и всей системы государственного управления. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что информация правит миром.

Учитывая многообразие понятий термина «информация» в настоящее время не существует единого определения. Даже если не учитывать внушительный объем научной литературы, опубликованной как в России, так и в зарубежных странах за почти 70 лет, прошедших с момента появления первого издания «Кибернетики» Н. Винера, решение вопросов об определении понятия, которые бы раскрывали и отражали бы в большей степени общие и значительные свойства информации, и в наше время являются предметом научных и философских споров. В своих исследованиях М. Н. Грачев обозначил, что ранее данная дефиниция неразрывно была связана с жизнедеятельностью людей, а с появлением кибернетической теории возникла необходимость раздвинуть границы ее содержания, так как информация почти всегда принимает форму, которая в наибольшей степени приемлема для слуховых или зрительных рецепторов [2], так как «части машины должны разговаривать друг с другом на соответствующем языке, не обращаясь к человеку и, не слушая его, кроме как на начальной и конечной ступенях процесса».

Информационное общество – качественное состояние, которое социум приобретает на высоком уровне своего политического, экономического и культурного развития. Отличается информационное общество от общества, в котором преобладает традиционная промышленность и сфера услуг

тем, что информация, информационные услуги, знания, и все отрасли, связанные с их производством (компьютерная, телекоммуникационная) развиваются значительно быстрее, и, следовательно, становятся источником новых рабочих мест, преобладающими в экономическом развитии [6]. Субъекты информационного пространства (производители, трансляторы и потребители информации) постоянно контактируют между собой и при этом не могут не влиять сами и не испытывать влияния на себе. Совсем с другой стороны можно рассматривать механизм либо степень данного взаимовлияния. В данной ситуации современные оценки воздействия средств массовой коммуникации на политическое, экономическое, культурное поведение и сознание людей в значительной степени противоречивы.

Широко распространено мнение о том, что политическое и экономическое сознание и поведение человека в значительной степени зависит от информационного поля, которое создает пресса. Так, Э. Деннис считал, что средства массовой информации формируют мышление людей, воздействуют на их установки и мнения и как следствие подталкивают население к конкретным стереотипам поведения (отдать свой голос на выборах за конкретного кандидата) [3]. Другие ученые предполагают, что воздействие массмедиа на поведение человека осуществляется с помощью формирования конкретного общественного мнения. «Благодаря возможности придавать общественному мнению массовость СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им» [7, 34]. Кроме этого, некоторые исследователи массовых коммуникаций с некоторых пор начали говорить о будущей эпохе «медиакратии» – власти прессы, которая не столько объективно отражает действительность, сколько формирует ее по своим правилам и усмотрению, т. е. воздействие массмедиа в значительной степени зависит от понимания человеком главного субъек-

та этого воздействия (генерального директора издания средств массовой коммуникации, журналиста, органа государственной власти), и, конечно же, от осознания, в чьих интересах (элитных слоев населения, массовой аудитории) это влияния осуществляется. Вместе с тем, восприятие массмедиа в значительной степени как органа социального управления, чем как средства отражающего мнение общества и социальной активности, может не только не увеличивать авторитет прессы и доверие к ее информации со стороны граждан, но, наоборот, понижать его.

Информированность является главным когнитивным элементом политического и экономического сознания. Однако следует объективно отметить, что обычному человеку получить политическую и экономическую информацию кроме как из средств массовой коммуникации почти неоткуда. Только очень значительный круг лиц имеет возможность получать информацию «без посредников», то есть непосредственно из первоисточников [4]. Благодаря созданию глобального информационного пространства увеличивается влияние общественного мнения на внутреннюю и внешнюю политику государства. В современном мире средства массовой информации в значительной части становятся главным каналом трансляции информации и как следствие модифицирования общественного мнения. Полагаясь на сведения, полученные с помощью различных средств массовой информации, общественность создает свое мнение о происходящем. В настоящее время качественный рывок в эволюции информационных технологий, осуществившийся за последние четверть века, позволил им оказывать с каждым днем все больше влияния на политику, культуру, экономику, науку [6].

Пресса в нашей стране преимущественно ориентирована на инструментальную роль в экономической и политической системах и обществе. Несмотря на это в реальной

жизни формируется тенденция к повышению ее самостоятельности. Зачастую она имеет собственные, отличающиеся от потребностей социума цели и задачи деятельности и применяет для их достижения и решения множество различных методов [1].

Опросы общества демонстрируют, что в социуме встречаются прямо противоположные оценки и мнения по поводу деятельности массмедиа. Так, с одной стороны, публично провозглашаемая приверженность прессы принципам свободы слова и в большинстве случаев весьма сдержанное отношение (а иногда дистанцирование и порой даже противостояние) корреспондентов к государственной власти привлекают к ней симпатии части населения. С противоположной стороны, необходимость выживания в рыночных условиях вынуждает массмедиа использовать в своей работе не этические принципы и пренебрегать общественными интересами из интересов прибыли. В итоге существенная часть общества обвиняет средства массовой информации в лоббировании интересов и необъективности [5].

Неоднозначность и противоречивость общественного мнения в высказывании своей позиции по отношению к работе массмедиа выражает сложные и двойственные взгляды самой прессы в обществе. Задача объединить в своей деятельности основы профессиональной этики и получение наибольшей прибыли решается разными средствами массовой информации совершенно неоднобразно, также как различно понимаются место и функции массмедиа в социуме и нынешние интересы данного социума. Данные обстоятельства вызывают совершенно адекватную реакцию в общественном суждении. Не случайно в своих оценках работы средств массовой информации, в том числе электронных, граждане разделились, в основном, по своим политическим интересам: отрицательные оценки характерны в значительной степени для респондентов, оппозицион-

но настроенных к сегодняшнему политическому строю и экономическому развитию России.

На основании значительных изменений в отношении к средствам массовой информации, произошедших в нашем обществе за последние 25 лет, можно обосновать следующее предположение. В условиях политической нестабильности или революционных изменений увеличивается потребность в привлечении больших объемов информации, и, следовательно, социальная роль и воздействие средств массовой коммуникации неизмеримо увеличиваются. При этом во времена стабилизации большинство граждан интересуются только собственной индивидуальной жизнью, бытовыми вопросами, семьей, и, как следствие, средства массовой информации теряют политическое воздействие на общество, оставаясь значимыми только для узкого круга граждан и их интеллектуального окружения.

Вместе с тем, мифическая всесильность средств массовой коммуникации и становление «медиакратии» выгодно в первую очередь самой прессе и «медиакратии». Так как, имея символический капитал «влиятельности» возможно при определенных условиях без особого труда переводить его в финансовый капитал. В большей степени подходящие для данной ситуации условия наступают во время проведения выборов, когда, с одной стороны, гражданин является избирателем и испытывает большой интерес к политической информации, а с другой – политические деятели, находящиеся в активном поиске дополнительных ресурсов влияния.

В условиях предвыборной кампании «холдинг массмедиа» в большинстве случаев испытывает соблазн использовать свои возможности влияния на массовое политическое сознание. Чаще всего данные возможности многократно повышаются при объединении «корпоративных»

сил. Однако даже сильный кумулятивный эффект всеобщего информационного воздействия может быть весьма кратковременным, так как данное воздействие, не подкрепленное реальной политикой, будет через определенный промежуток времени воспринято общественным сознанием как обман. Данная ситуация приведет к разочарованию и следовательно к очередному отчуждению граждан от прессы. Средствам массовой информации, чтобы вернуть потерянное доверие и влияние необходимо будет приложить значительные усилия.

Следовательно, можно сделать вывод, что средства массовой информации также зависимы от общества и массового сознания и соответственно подвержены его влиянию [4].

Литература:

1. Боск Ч. Л., Хилгартнер С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. – Казань, 2000.
2. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004.
3. Деннис Э. Мэррилл Д. Беседы о масс-медиа. – М.: Вагриус, 1997.
4. Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediasprut.ru/info/bibliothek/ru/smi-polit.shtml>.
5. Ивченкова М. С. Роль современных российских СМИ в процессе формирования гражданского общества // Известия Саратовского университета. – 2008. – № 2.
6. Кузина К. А. Роль СМИ в формировании имиджа Каспийского региона: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Астрахань, 2008.
7. Кузьмен О. В. Социология общественного мнения. – Новосибирск. 1996.

А. В. Маркин
(Россия, Краснодар)

ВОЗДЕЙСТВИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПРАКТИК НА СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ АНОМИИ

Аннотация: проблемы развития информационно-коммуникационной среды во всем мире, и в Российской Федерации в частности, определяют актуальность данной статьи. Социокультурное пространство в условиях информационной аномии создает предпосылки для осуществления различного рода манипуляций индивидуальным и групповым сознанием. Рассмотрению этого феномена и посвящена эта статья.

Ключевые слова: информационная аномия, манипулятивные практики, массовое сознание, социокультурное пространство.

A. V. Markin
(Russia, Krasnodar)

THE EFFECT OF MANIPULATIVE PRACTICES ON THE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE INFORMATION ANOMIE

Annotation: problems of development of information and communication environment globally and in the Russian Federation, in particular, determine the relevance of this article. Socio-cultural space in the information anomie creates the preconditions for implementing various manipulations of individual and group consciousness. This article is also devoted to consideration of this social phenomenon.

Keywords: information anomie, manipulative practice, mass consciousness, social and cultural space.

Значительные перемены в духовной сфере жизни российского общества и общественном сознании россиян объективно связаны с противоречивой динамикой социальных, экономических, культурных отношений в стране и мире. Современное общественно-экономическое и социальное развитие страны требует от гражданина максимального проявления интеллекта, творческих возможностей, восприимчивости к происходящим изменениям, высокой социальной мобильности и психологической устойчивости. Вхождение в глобальное пространство в современных условиях происходит в результате применения электронно-информационных технологий, эксплуатирующих природу бессознательного человека, что не позволяет оставлять без внимания тему манипуляции массовым сознанием, носящую теперь уже глобальный характер. Такой регулятивный механизм, каким является манипуляция сознанием, существовал практически всегда, однако до недавнего времени он использовался в подавляющем большинстве случаев либо индивидуально, либо локально. Информационные электронные средства доставки информации и построенные на их основе СМИ дают возможность распространить манипулятивные практики на все человечество. Риск использования манипуляции сознанием выступает как неопределенность в результате деятельности человека.

Исследование социальных проблем манипуляций как индивидуальным, так и общественным сознанием в девиантологическом аспекте позволяет определить возможные сценарии поведения индивида, стратегии формирования общественных настроений и общественного мнения. Сегодня невозможно говорить о манипуляции сознанием без учёта роли СМИ и массовой коммуникации в жизни соци-

ума. Многие исследователи отмечают отрицательное воздействие СМИ на массовое сознание, так как именно эти средства участвуют в формировании потребительских ценностных установок в массовом сознании, продвигают массовую культуру, лишённую практически всякой связи с национальной культурой, а также их деятельность приводит к информационной перегрузке, являющейся одним из важнейших факторов риска [1, 123–137].

Наряду с этим, современная Россия, как и другие страны, включена в объективный процесс формирования и развития глобального политического, экономического, информационного и культурного пространства, взаимосвязанного функционирования мировых товарных рынков, рынков капитала и труда, знаний, информации и культуры. Всестороннее развитие различных сфер жизнедеятельности человеческого общества является главным условием продвижения к его принципиально новому качественному состоянию, которое определяется как «информационное». Для нашей страны, стремящейся занять значимое место в новом мире, все более актуальным становится не только решение целого ряда проблем экономического и политического характера, но и формирование социальной среды, способствующей развитию принципов социальной справедливости, гражданского общества, складыванию новой политической культуры. Развитие указанных процессов происходит в особой социокультурной среде, неотъемлемой составляющей которой является ее информационно-культурная часть.

Ценность информационно-культурной среды определяется тем, что она с одной стороны, представляет собой фундамент для развития социума и личности, а, с другой, – средство для удовлетворения разносторонних потребностей социальных групп и индивидов. Учитывая высокую динамику современного общественного развития, роль и

значение информационно-культурной среды в различных областях человеческой деятельности становятся все более очевидными [2, 45].

Очевидно, что усиливающаяся зависимость состояния общественного сознания российских граждан от влияния социокультурной среды требует целенаправленного участия институтов государства и общества в процессах создания, распространения и потребления информационно-культурных продуктов и услуг, активизации позитивного информационно-культурного воздействия на общественное сознание социальных групп и индивидов [3, 3].

Сознание человека формируется под влиянием процессов созидания, освоения и распространения культурных ценностей, а также находится под воздействием информационных потоков различного содержания, объема и интенсивности. При этом СМИ выступают не только как каналы доставки информации, но и как активное средство формирования образов и стереотипов восприятия и поведения человека. Одновременно, культура во всем многообразии ее форм и видов оказывает непосредственное воздействие на мировоззрение, чувства и эмоции человека, непосредственно участвуя в процессах формирования и функционирования политического сознания граждан. Таким образом, культурная и информационная среды комплексно, совместно и всеобъемлюще влияют на адаптацию и функционирование личности в социуме – в его социализации как способе и средстве освоения личностью сферы социальной жизни, а связующим звеном процессов взаимодействия информационно-культурной среды и социализации личности выступает сознание [4, 125]. В связи с этим, следует отметить актуальную потребность формирования научного представления о содержании и направленности влияния информационно-культурной среды на сознание россиян с учетом изменений, происходящих в различных сферах человеческой деятельно-

сти, формах и методах воздействия на общественное сознание в целом. По мнению ряда исследователей, в российском обществе, с одной стороны, отсутствует консолидированное понимание роли и значения информационно-культурной среды для обеспечения национально-государственных интересов, и, с другой стороны, – нет единства в подходах к проблеме целенаправленного формирования общественного сознания гражданина вообще.

Манипуляция сознанием является противоречивым феноменом в силу того, что использование манипулятивных технологий в процессе влияния на сознание ведёт не только к негативным последствиям. Манипулятивный тип общения может быть использован в политике, для разрешения социальных конфликтов как способа выхода из социальной депрессии. Эффективность манипулятивного воздействия как альтернативы императивному, более жёсткому, налицо в чрезвычайных ситуациях, когда апелляция к разумному, осознанному восприятию ситуации невозможна, а единственный выход – это обращение к бессознательной сфере как единственной возможности регулирования сложившейся ситуации.

Манипуляция сознанием, имеющая древнюю историю, активно использовалась как в советском, так и в постсоветском обществе. Главные цели советского общества, развивавшегося по экстенсивному типу, были выражены в идеологемах, внедряемых в массовое сознание и рассчитанных на усиленное поддержание трудового энтузиазма членов экстенсивно развивающегося общества, в котором оценка труда носила уравнилительный характер. Идеологемы советского общества носили долгосрочный характер, имели конкретную декларируемую цель – построение коммунистического общества, и базировались на коллективистских ценностях.

В постсоветском обществе меняются субъект, применяющий манипуляцию массовым сознанием, и сам характер манипуляции. Субъектом манипулятивной стратегии становятся представители правящей элиты, бизнесмены, владельцы средств массовой информации и рекламных компаний. Ставшие коммерциализованными социальные институты, в том числе и институты культуры, внедряют в массовое сознание новые идеологемы, отражающие ценности рыночного человека с потребительской ориентацией [5, 150].

Общественные приоритеты советского общества, опиравшиеся на характерные для российского менталитета идеи справедливости и поиск правды, сменились в постсоветском рыночными. Подобное положение дел привело к обострению социальной аномии, проявляющейся в невозможности достичь определяемых культурой целей средствами, одобряемыми обществом. Состояние аномии приводит к нарушению равновесия между намерениями, интересами и целями, являющимися законными для всех членов социума, и приемлемыми способами достижения этих целей. Неспособность членами общества выбирать культурно одобряемый тип адаптации приводит к бегству от трудностей жизни, замене её различными суррогатами: членством в оккультных сектах, увлечением психоделическими практиками и медитацией, нетрадиционными сексуальными опытами, уходом в мир наркотических галлюцинаций, виртуальную реальность.

Пропагандируемые манипулятивными стратегиями ценности – наслаждение, погоня за успехом, нажива, победа любой ценой, выступающие в качестве экзистенциального эрзаца, противоречат тем ценностям, которые обеспечили процветание капиталистическому обществу: трудолюбию, скромности, активности, устойчивости представлений о мире. Освобождение от потока фрагментарной информации, от знаковости, не отражающей реальность, то

есть от информационной аномии, стало исключительно сложным занятием для человека. Личность не может чувствовать свою полноценность без стабильных, ясных представлений о жизни, где принципиально несоединимы фрагментарные опыты человека. Такое существование личности, из которого элиминирована устойчивость, есть «пустое существование», как правило, приводящее к социальной напряжённости и бунту [6, 44].

Растущее в обществе недоверие к правящей элите выражает несостоявшееся согласие между ней и обществом. Недоверие вместо «веры – доверия» в несформированном гражданском обществе при отсутствии практической гарантии прав личности и механизмов контроля её обязанностей, может привести к непредсказуемым последствиям в отношениях между элитой и народом. Правящая элита, не сумевшая доказать свое предназначение и отягощенная грузом эгоистичных интересов, в общественном сознании традиционно оценивается как паразитический слой [7, 84]. Манипуляция сознанием создает предпосылки для популистской оценки всех решений и действий элиты без их дифференциации, в упрощённой оценочной системе координат, где доминируют леньность массового сознания, склонность массы к проявлению агрессии, образуется порочный круг, в котором манипуляторы и агенты манипуляции становятся заложниками стереотипного обывательского типа мышления.

Таким образом, необходимо отметить, что реалии современных социальных процессов в России свидетельствуют о серьезных противоречиях в информационной и культурной сферах. Все это с необходимостью требует реализации новых научных подходов к оценке роли и места информационно-культурной среды в общественной жизни общества, формировании политического сознания российских граждан, соответствующего интересам развития и совер-

шенствования демократических принципов жизнедеятельности, формирования современного гражданского общества, обеспечения поступательного характера развития социального процесса и стабильности в обществе.

Литература:

1. Маркин А. В. Функции отклоняющегося поведения в условиях информационной аномии. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
2. Ковалева Н. Н. Информационное право России. – М.: Дашков и К. 2008.
3. Почепцов Г. Г. Управление массовой активностью населения в социосистемах. [Электронный ресурс].– URL: <http://psyfactor.org/lib/massactivity.htm>
4. Козлова О. Н. Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // Вестник РГГУ. – 2010. – № 3
5. Тартыгашева Г. В. Демагогия – форма деформации общественно-политической жизни // Вестник РГГУ. – 2010. – № 3.
6. Карпова А. Ю. Информационная аномия: выбор на грани фолла // Власть. – 2014. – № 1.
7. Шалин В. В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость. – LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Э. Р. Глечян, А. Д. Похилько
(Россия, Армавир)

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Аннотация: выявляются нравственные основания противодействия правовому нигилизму. Используется философский подход к анализу проблемы автономности правового сознания. Делается вывод о том, что автономность нравственного сознания выступает основой для автономности правового сознания.

Ключевые слова: право, правовое сознание, автономия, гетерономия, нигилизм, правовая социализация.

E.R. Glechyan, A.D. Pokhilko
(Russia, Armavir)

MORAL REASONS OF LEGAL SOCIALIZATION OF YOUTH IN RUSSIA

Annotation: the author reveals the moral foundation counteract the legal nihilism. Used philosophical approach to the analysis of the problem of the autonomy of legal consciousness. The conclusion is that the autonomy of the moral consciousness is the basis for the autonomy of legal consciousness.

Keywords: law, legal consciousness, autonomy, heteronomy, nihilism, legal socialization.

В качестве основных предпосылок автономности правового сознания социальных субъектов в ходе правовой социализации в статье выступают нравственные ценности. А. С. Бондарев отмечает, что человек с рождения не владеет правилами общественного порядка [1]. Эти правила он

должен постигнуть в процессе социального познания и деятельного включения в социум - социализации, а современное динамичное общество обязывает человека социализоваться всю жизнь. Однако базовую социализацию личность проходит в период взросления. Целью статьи является рассмотрения основных предпосылок и оснований правовой социализации российской молодежи. Автор связывает правовую социализацию с вхождением субъектов права в сложившуюся в данном обществе правовую культуру на основе нравственных ценностей.

Ряд отечественных и зарубежных ученых анализируя правовую социализацию, особо выделяют ступени нравственного развития. Американский психолог Л. Кольберг выделяет следующие ступени нравственного развития личности: предконвенциональный (доморальный), конвенциональный (условно моральный), постконвенциональный уровень (собственно уровень автономной полноценной нравственности) [2]. Кольберг изучал скорее то, каким образом люди оправдывают свои нравственные позиции, нежели сами эти позиции. Однако это очень симптоматично для социального диагноза патологии правовой социализации в России.

Применительно к рассматриваемой нами правовой социализации можно вести о трех основных этапах, каждый из которых делится на две стадии.

1. Преднравственный уровень продолжается с 4 до 10 лет. На данном уровне поступки детерминируются внешними, гетерономными обстоятельствами и факторами, точка зрения другого человека не влияет на это обуславливание сознания. Суждение же формулируется в зависимости от вознаграждения либо наказания, которое влечет за собой поступок.

На второй стадии этого этапа суждение о поступке соответствует той полезности, которую можно извлечь.

2. Конвенциональный уровень начинается с 10 и продолжается до 13 лет. Человек, который находится на этом уровне своего нравственного развития, придерживается роли, ориентируясь на моральные принципы близких людей.

На третьей стадии высказывания основываются на том, получит поступок одобрение людей или же нет.

На следующей, четвертой стадии суждение подростков выносится в соответствии с социально установленным порядком, с уважением к власти и ее законами.

3. Постконвенциональный уровень начинается с 13 лет, это уже подлинная нравственность, по Кольбергу, которая достигается впервые именно на данном уровне развития. На этом уровне личность судит о своем поведении, руководствуясь своими собственными критериями, что предполагает достаточно высокий уровень интеллектуальной деятельности.

На пятой стадии третьего этапа оправдание поступка полностью основывается на принятии и уважении совместно принятого (демократического) решения или на понимании прав человека.

На шестой стадии тот или иной поступок квалифицируется как хороший или правильный, если он определяется совестью, причем, независимо от законности или мнения людей.

Итак, первый этап – это формирование первичных общих представлений и простое подражание другим, второй этап – «зачатки» автономной нравственности с преобладанием гетерономии (стыд), наконец, подлинно автономное поведение, подчиняющее себе гетерономные факторы, трансформирующее их в автономию (совесть). Высший этап знаменует приобретение правового сознания в качестве итога достаточно длительного процесса такой нравственно-правовой социализации. Подчеркнем очень

важный момент: многие люди так никогда и не переходят четвертую стадию второго этапа нравственного развития, а шестой стадии достигает меньше 10 % людей в возрасте 16 лет и старше.

Что еще обращает на себя внимание, так это непростое соотношение морали и права. На третьем этапе нравственность начинает доминировать над законами. Однако это не означает доминирования над правом. Право и нравственность начинают асимптотически сближаться, хотя могут потом всю жизнь отклоняться в ту или иную сторону в зависимости от условий жизни или характера личности.

Специфика процесса социализации социального субъекта – современной молодежи в целом состоит в том, что данной социально-демографической группе надо проходить процесс созревания в сложных условиях, вызванных аномизацией общества [3]. Аномия означает, что второй и третий этапы будут протекать не столь легко и плавно, как в стабильном обществе. Как это ни странно, но роль гетерономных факторов (награды и кары) оказывается при этом не исполненной. Поэтому рассогласование морали и права становится значительным. Следствием и симптомом этой приобретенной социальной болезни в процессе социализации становится правовой нигилизм.

Российская природа нигилизма имеет свою определенную уникальность, с учетом ряда глобальных перемен, прошедших в эпоху XX–XXI вв. Рассматривая характерные черты проявления правового нигилизма российских субъектов правового сознания, стоило бы отметить организованную преступную среду, имеющую свою уникальную и характерную идеологию, которая создала свою «воровскую» субкультуру. Зачастую бывает так, что криминальные идеологии доминируют над разумом молодежи. Воздействие на эмоции и чувства молодежи идет по линии романтизации нигилизма. Воровская романтика, песни, шут-

ки, сам язык российского общества, в который инкорпорирована криминальная лексика, порождают нигилистическую криптонормированность поступков молодежи. Этому способствует ослабленные социально-политические устои в государстве. Достаточно вспомнить 90-е годы новой российской истории.

Надо отметить, что правовое сознание в виде правового нигилизма большей частью ориентировано не на рациональное познавательное отношение человека к праву, которое зафиксировано в знания, оно является предпочтительным, – т. е. предпочитающим в ценностях и идеалах. Эти явления связаны с культурными особенностями страны, историческими и политическими, духовной и психологической комфортностью жизни субъектов.

Важной лакунной в процессе социализации на рациональном уровне выступает элементарное правовое просвещение. В 2011 г. Президентом РФ были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правового сознания граждан. В п. 10 Основ сказано, что «недостаточный уровень правовой культуры и правового сознания, правовой нигилизм граждан России являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права» [4]. Таким образом, правовой нигилизм находится в прямой зависимости от низкого уровня правовой культуры, а правовая культура базируется на правовой грамотности.

Генеральная Прокуратура РФ утвердила приказ № 182 от 10.09.2009 года «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению», где в пункте 3 говорится, что «... правовое просвещение – один из способов привития членам общества уважения к защищаемым правом социальным ценностям, воспитания у них навыков пользоваться конституционными правами и гарантиями и эффективно отстаивать их» [5].

Тонкость заключается в том, что кольберговская теория социализации ориентирована на близость позитивного и естественного права в правовом государстве. В таком государстве мораль и право могут даже заменять друг друга. Возможно, что это даже имеет некоторые негативные последствия. Например, западный одномерный человек понимает все процессы в объективизованном экономико-правовом измерении. Будучи позитивно правовым, он может терять из виду нравственные основания за их «ненужностью». Однако исключения подтверждают правила, а парадокс разрешается тем, что российской молодежи в семье, образовании и обществе в целом не удастся приобрести подлинно автономное регулирование своего поведения по совести. В результате молодежь готова подчиняться тем, кто сильнее.

Исследуя нравственные основы правовой социализации молодежи необходимо говорить и о религии, о ее духовном величии. Без всякого преувеличения можно сказать, что именно религия сдерживает сознание людей от проявления того или иного антисоциального поведения. В ней соединяется в традиционной форме нормативного регулирования право и нравственность. Папа Римский – Иоанн Павел второй говорил: «там, где человек не опирается более на величие, которое связывает его с трансцендентностью (единое, истинное, благое), он рискует допустить неограниченную власть произвола и, псевдоабсолютов, которая уничтожает его» [6]. Митрополит Филарет (Дроздов) подчеркивал необходимость жить в соответствии с канонами церкви и светскими законами (правом), быть добродетельным, исключать полностью из соображения зло. Почитая государство, люди должны почитать внутренние порядки в виде законов и права, быть законопослушными исходя из своей внутренней религиозной убежденности [7]. Сложность состоит в данном случае в том, что Русская православная цер-

ковь неоднородна, в ней сильна тенденция гетерономии, что уменьшает привлекательность православия у молодежи.

В правовой социализации еще недостаточно учитываются законы социальной и индивидуальной, личностной психологии. В. Франкл считал главной особенностью человеческой натуры, прежде всего, духовность, свободу и ответственность. Он считал, что проблема деликвентного поведения человека связана с бездуховностью, отсутствием способностей осмысления ценностей, самоопределения в мире ценностей. В основу мотивационной силы В. Франкл положил стремление к смыслу, создал логотерапию, лечение, которое возрождает смысл существования [8, 23-30]. Нигилизм выражает «экзистенциальный вакуум» в мировоззрении личности, т. е. отсутствие истинного смысла человеческого существования.

Проявление правового нигилизма есть не что иное, как результат психологического состояния человека, утратившего бытие в философском смысле («забвение бытия») или Бога – в религиозном аспекте. На экзистенциальном уровне субъект, воспринимая право с помощью познания и мышления, руководствуется своими действиями относительно того, быть правопослушным либо игнорировать и отрицать право как общественную ценность.

Таким образом, автономность нравственного сознания выступает основой для автономности правового сознания. При этом в России процесс правовой социализации протекает очень сложно ввиду аномии, традиционного нигилизма и правовой неграмотности.

Литература:

1. Бондарев А. С. Правовая культура – цель правового самовоспитания // 20 лет Конституции РФ: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства:

Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 20136 г.): Избранные материалы. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1954201/> (дата обращения: 29.12.2016 г.).

2. Kohlberg L. The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) Gtiilin D. A. Handbook of Socialization Theory and lie-earch. – Chicago, 1969. См. также на рус. яз.: Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. / Пер. с фр. – М.: Мир, 1992. – Т. 2.

3. Гусарова М. А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период анонимизации // Общество: политика, экономика, право. 2011. №3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-sotsializatsii-sovremennoyrossiyskoy-molodezhi-v-period-anomizatsii> (дата обращения: 03.01.2017).

4. Официальные сетевые ресурсы Президента РФ. URL.: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 10.02.2017 г.).

5. ИПП «ГАРАНТ.РУ». [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256857/> (дата обращения: 10.02.2017 г.)

6. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.: Логос, 1998. [Электронный ресурс]. – URL: http://window.edu.ru/resource/201/42201/files/Geopolitika_chapter9.html (дата обращения 10.02.2017).

7. Катихизис православной церкви, составлен Митрополитом Филаретом (Дроздовым), переиздание, Свято-Троицкая Лавра, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.saintkatherine.orthodoxy.ru/5/22/28/Drozdo> (дата обращения 11.02.2017).

8. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.

П. В. Прохода
(Россия, Краснодар)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются подходы к определению толерантности и мультикультурализма, а также анализируется западноевропейский опыт и опасности реализации западноевропейского опыта межэтнической политики применительно к Российской Федерации. В работе анализируются различия исторических и социально-политических условий формирования практики мирного сосуществования в Западной Европе и России.

Ключевые слова: толерантность, мультикультурализм, либеральные идеи, ассимиляция, миграция, мирное сосуществование, культура.

P. V. Prohoda
(Russia, Krasnodar)

EUROPEAN TOLERANCE AS AN IDEA OF NATIONAL BETRAYAL

Annotation: the article discusses approaches to the definition of tolerance and multiculturalism, while also exploring the Western European experience and the dangers of implementing Western European experience of interethnic policy in Russia. The paper analyzes the differences of historical and socio-political conditions of formation of practice of peaceful coexistence in Western Europe and Russia.

Keywords: tolerance, multiculturalism, liberal ideas, assimilation, migration, peaceful coexistence, culture.

XX век – век гуманизма, человеколюбия и толерантности – в просвещенной Европе закончился. Начало XXI века принесло новое осмысление красивых и гуманных лозунгов, которые десятилетиями внедрялись в сознание рядового европейца. Последствия этой идеологической концепции проявились не сразу, и только второе десятилетие нового XXI века позволило представить дальнейшую логику развития ситуация в рамках традиционных европейских ценностей. В этой связи представляется актуальным проанализировать ценность и применимость к нашей отечественной действительности «священной коровы» западных ценностей – понятия толерантности.

Толерантность появилась из потребности в мирном сосуществовании. Она, как таковая, отсутствует там, где модель взаимодействия исходит из принципа абсолютного господства и абсолютного же подчинения. Так, не приходится говорить о толерантности времен всех великих войн и военных колонизаций – например колонизации Северной Америки [1, 124].

Идея либеральной терпимости появилась как необходимость компромисса между католиками и протестантами в XVII в., причем, интересно то, что при полной победе какой-либо из сторон этого религиозного конфликта, потребность в концепции толерантности и не возникла бы вовсе [2, 27].

Основанием терпимости Дж. Локк справедливо считал нравственность, призывая прививать те ценности, которые позволяют обществу стать терпимым, – великодушные, мягкость нравов [4, 95]. Таким образом, европейская толерантность возникла как инструмент примирения общества в области религии. Таковым понятие толерантности оставалось для большинства европейцев вплоть до середины XX века.

Достигнув относительной гармонии внутри своих государств, европейцы мало внимания обращали на своих соседей. О толерантности к коренному населению колоний никто и не вспоминал, ну а не слишком значимые социальные группы внутри государства проще было устранить физически, нежели выстраивать модель мирного с ними сосуществования.

В очередной раз идея толерантности понадобилась в середине XX века, сразу после мировой войны, когда ведущие экономики Европы отчаянно нуждались в дешевой рабочей силе. И следующей всплеск идеи толерантности был связан уже с экономическими причинами.

Франция принимала алжирцев, тунисцев, марокканцев, Германия – мигрантов из Турции. Эти мигранты приносили прибыль государству, были полезны с точки зрения экономики, и недовольство местного населения стало бы эквивалентом экономических потерь. Дешевые рабочие руки были благом для государства в краткосрочной перспективе. Возможные проблемы в будущем перевешивала осязаемая выгода в настоящем. А проблемы связанные с миграцией проявились достаточно быстро. Германия – яркий тому пример. Эта страна всегда принадлежала к моноэтническим государствам, в ней жили только немцы. С тех пор, когда Германия, на Востоке и, особенно, на Западе, широко открылась мигрантам, положение начало меняться. На германской территории образовались компактные этнические общины, наиболее многочисленная из них – турецкая, насчитывающая около трех миллионов человек, многие из которых живут в ФРГ в третьем поколении.

В 1961 году по соглашению с Турцией рабочим из этой страны было предоставлено право на трудоустройство, предполагалось, временное, но практически оно стало

неограниченным. В 1981 году бундестаг запретил привозить детей старше 18 лет, а в 1983-м принял закон, поощрявший возвращение турецких иммигрантов на родину, которым мало кто воспользовался. С возникновением обширной турецкой общины образовались замкнутые этнические анклавные со своими правилами, неписаными законами, которые нередко расходятся с местными законами и Конституцией, сформировалось твердое ядро исламизма в прежде чисто христианской стране. Возникла проблема нежелания значительного числа иммигрантов исламской веры адаптироваться к условиям страны пребывания. «Наша конституция – Коран», – говорят они, отрицая любые формы интеграции [5, 72].

Подобную картину можно увидеть во Франции и Англии. За довольно небольшой промежуток времени в этих странах появились сплоченные этнические группы, которые и не собираются интегрироваться в культуру принявших их государств, но которые требуют от этих самых государств всех социальных льгот и привилегий. И такие требования с течением времени становятся все более агрессивными. В такой ситуации понятие толерантности в очередной раз изменилось. Сегодня толерантность для европейцев – это вынужденная мера уже не экономического, а политического характера. Очевидно, что ассимиляция не достигает своей цели в современном западном обществе, испытывающем значительный наплыв иммигрантов из бывших колоний. Лояльное отношение к иноязычным и инокультурным мигрантам – это попытка откупиться от стремительно растущей, агрессивной чуждой европейцам социальной прослойки.

В толерантном взаимодействии есть только два субъекта – те, кто терпит и те, кого терпят. Следовательно, толерантность в современном западном ее понимании неизбежно связана с насилием. Если представители культурно-

го большинства не хотят воспринимать политические идеи правящей элиты, то с целью защиты идей толерантности по отношению к ним неизбежно должны последовать меры государственного принуждения – и не всегда это связано с правом. Именно поэтому стала широко культивироваться концепция мультикультурализма. Внешне, идея мультикультурализма более чем благая – признание за каждой этнической (и не только) группой собственной культурной, а то и национальной (даже и в политическом смысле слова) идентичности и требование к обществу равно соответствовать интересам всех таких групп. С мультикультурализмом появилось понятие «политкорректность», а уважение к «другому» перешло в культ многообразия.

Практика мультикультурализма существенно способствовала повышению морального комфорта для этнических меньшинств, и наверняка предотвратила многие конфликтные ситуации. Но как она отразилась на этническом большинстве? К сожалению негативно.

Мультикультурализм одновременно способствовал распространению изначально присущих «праву наций на самоопределение» пороков. Первый – подмена индивидуальных прав человека, на которых базируется современная демократия, правами групповыми, которые требовали уже и нарушения индивидуальных прав (например, в практике позитивной дискриминации). Второй – признание этнической группы реальной, природной (вариант – созданной Богом) сущностью, выступающей как единый субъект общественной жизни. Таким образом мультикультурализм защищает, в ущерб правам большинства, интересы самопровозглашенных групп, возглавляемых, а порой и создаваемых соответствующими активистами – «этническими антрепренерами» [6, 68]. И вот уже в толерантной Европе «неполиткорректно» акцентировать внимание на этническом происхождении преступника, или демонстрировать неодобрительную реак-

цию к представителям нетрадиционной ориентации. Носители традиционной культуры, религии и моральных ценностей становятся изгоями в собственных странах. И главным гонителем выступает собственное же их государство, используя широкую палитру инструментов насилия – от правовых нововведений до неузнаваемо измененной общественной морали, так как идеология либерализма подразумевает, что такие меры сохраняют политическую стабильность европейского и мирового общества.

Обратимся теперь к причинам внедрения толерантности в сознание западного обывателя. Активное распространение идеи толерантности выгодно, прежде всего, экономической элите государства и ее политическим ставленникам. Это инструмент, который направлен, прежде всего, на увеличение нормы прибыли. Для толерантного общества идеи мультикультурализма куда как важнее сохранения национальной культуры и этнической самобытности [3, 105]. Унификация социума, формирование общества потребления, общества поклоняющегося Золотому тельцу – вот задача толерантности в современном ее понимании.

Для нашей страны эта идея является губительной. Терпеть чуждые идеалы, отказываться от гармонично вписанных в культурный контекст, веками опробованных и выверенных социальных институтов и моделей поведения в угоду позитивному мнению о нашей стране за ее пределами – абсурдно. Желание влиться в семью европейских народов становящиеся в отдельные исторические периоды просто маниакальным – как это было во время Петра I или Горбачева – крайне опасно для нашего государства.

Очень удачно эту мысль выразил Л. А. Тихомиров: «Политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монар-

хия, как верховенство национального-нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеванию, ко всемирной роли, к первой роли среди народов земных – именно на основе такого характера государства» [5, 215]. Заметьте, речь идет не об экономике, политике или праве – о нравственности и культуре как краеугольном камне русской государственности.

Таким образом, толерантность, или терпимость, источником которой является экономические интересы государства и общества, прекрасно вписываясь в протестантское мировоззрение Западной Европы и США для России является явлением чуждым, ведущим к разрушению исторически сложившегося мировоззрения и национальной культуры как объединяющих элементов общества, и в том виде, в котором преподносится в современной действительности является идеей национального предательства.

Литература

1. Ильинская С. Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. – 2004. – № 3.
2. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. – М.: Практис, 2007.
3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – М.: Традиция-Прогресс-Традиция, 2000.
4. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. : в 3 т. – М., 1988. – Т. 3.
5. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.
6. Толерантность против ксенофобий / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005.

В. А. Передерий
(Россия, Краснодар)

**К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ
ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА**

Аннотация: проблема экстремизма и противодействия ему требуют систематического мониторинга, своевременного реагирования со стороны государственных, административных и правительственных органов, местного самоуправления, ученого сообщества, общественных организаций. Сквозь призму толерантности необходимо находить компромиссные решения для различного ряда конфликтов, либо их предупреждения. С её осмыслением возможны межэтнический мир и согласие, равноправное взаимодействие между различными конфессиями, политическими и этническими группами, отказ от насилия и жестокости.

Ключевые слова: экстремизм, толерантность, толерантная культура, толерантное сознание, полиэтничный регион.

V. A. Perederiy
(Russia, Krasnodar)

**THE ISSUE OF COMBATING EXTREMISM
IN THE CONTEXT OF A STUDY
OF THE TOLERANCE AND THE CULTURE
OF THE POPULATION MULTI-ETHNIC
REGION**

Annotation: the problem of the extremism and the counteraction require systematic monitoring, timely response from

the public, administrative and governmental bodies, local authorities, scientific community, public organizations. Through the prism of the tolerance is necessary to find compromise solutions for different number of the conflicts or their prevention. With its awareness of possible inter-ethnic peace and harmony, equal interaction between different religions, political and ethnic groups, the rejection of the violence and the cruelty.

Keywords: extremism, tolerance, tolerant culture, tolerant mind, multiethnic region.

Понятие экстремизма прочно вошло в разговорную речь современного человека, став доступным большинству жителей планеты независимо от их принадлежности. Очевидно, что проблема экстремизма в условиях глобализации масштабна и привлекает внимание политиков, общественных деятелей, ученых, публицистов и простых граждан своей злободневностью и актуальностью. С помощью идеологии экстремизма распространяются течения и доктрины, направленные на дифференциацию индивидов по широкому ряду признаков, приносящие материальную выгоду определенным лицам, жаждущим власти. Экстремизм, имеющий многоликий образ (этнический, религиозный, социальный, политический и др.), представляет собой опасность и угрозу для населения, распространяя вокруг себя жестокость, ненависть и агрессию. Человечество XXI века находится в постоянном поиске действенных рычагов и механизмов, защищающих население мирового сообщества. Это соотносится с регулированием законодательства в вопросах пресечения религиозной или национальной враждебности, выработке правовых механизмов профилактики экстремизма в его различных проявлениях. За последнее время опубликовано большое количество научных и публицистических работ, посвященных изучению данной проблематики, тем не менее, современные разновидности

экстремизма модифицируют, что осложняет нахождение единой системы способов защиты гражданского населения от экстремистской агрессии.

Как нам кажется, проблему экстремизма как фактора, негативно влияющего и дестабилизирующего обстановку в полиэтничном регионе, необходимо решать посредством формирования и развития толерантного сознания и культуры населения, что неизбежно должно положительно повлиять на межнациональные отношения и развитие национальных культур региона, где совместно проживает большое количество этнических групп и национальностей. На наш взгляд, вопросы противодействия экстремизму имеют множественные точки соприкосновения с проблемой толерантного воспитания и культуры гражданского населения полиэтничного региона. Нетерпимость к людям другой национальности/вероисповедания, имущественного или политического признака может послужить причиной проявления ненависти и агрессии по отношению к тем или иным группам населения, а напряженность и конфликтность способствовать развитию экстремистских настроений. Противодействие данным негативным явлениям оказывает работа по формированию среди населения толерантности – одной из составляющих прав человека как представителей гражданского общества и правового государства.

Мы изучили проблему противодействия экстремизму полиэтничного региона в контексте толерантного сознания и толерантной культуры населения на примере Краснодарского края – многонационального центра, где проживают более 120 национальностей. Несмотря на преобладание в составе населения восточно-славянского элемента, население региона на основе этнического критерия выглядит неоднородным. Вследствие различных темпов воспроизводства этнических групп и национального состава мигрантов, для региона за последнее десятилетие характерно измене-

ние соотношения численности основных этносов. Перечисленные факты могут способствовать созданию напряженности и конфликтности, нетерпимости в межнациональных отношениях, негативно влиять на состояние социальной стабильности, сотрудничества и согласия в регионе.

Данная статья содержит основные результаты социологического исследования, проведенного в период с 2014 по 2016 гг. сотрудниками лаборатории сельских территорий КубГАУ им. И. Т. Трубилина. Цель исследования – изучение вопросов противодействия экстремизму в контексте формирования толерантного сознания и культуры населения полиэтничного региона (на примере Краснодарского края). Объектом исследования выступили толерантное сознание и культура населения полиэтничного региона, а предметом социологического исследования – формирование и развитие толерантных качеств и установок населения полиэтничного региона, влияющих на межэтнические и межконфессиональные отношения. В число задач социологического исследования вошли: определение уровня толерантности кубанских жителей по отношению к мигрантам, проживающих на территории КК с выявлением ряда проблем, связанных с их присутствием в регионе; степень осведомленности жителей о политике краевых властей относительно профилактики и противодействию экстремизму; определение мер, способствующих установлению межэтнического и межконфессионального диалога населения полиэтничного региона. Объем выборочной совокупности исследования составил 900 кубанских жителей были охвачены (города: Краснодар, Армавир, Анапа, Тимашевск, Ейск, Павловский, Тбилисский, Красноармейский, Динской, Каневской районы Краснодарского края), выборка квотная, двухступенчатая, репрезентативная по полу\возрастному критерию.

Итак, что касается процесса самоидентификации населения Кубани в рамках обладания и наделения себя толерантными качествами, то посчитали себя толерантными личностями 81,5 % жителей Краснодарского края. В плане изучения отношения жителей региона к мигрантам была выявлена следующая картина: положительно к мигрантам относятся 18,3 %, нейтрально – 51,5 %, негативно – 12,5 %, затруднились с ответом – 17,7 % респондентов. Если рассматривать относительно социально-демографических показателей опрашиваемых, то толерантными по отношению к временно проживающим на территории Краснодарского региона мигрантам, оказались: взрослое население (67,8 %), жители села (71,2 %) и студенческая молодежь (53,2 %).

Тем не менее, 63,0 % жителей региона считают, что мигранты вносят в их жизнь определенные трудности. Среди проблем опрошенные респонденты выделили в первую очередь социальные (39,1 %), экономические (30,4 %), а затем уже уголовные (14,1 %) и другие проблемы (политические, культурные, трудовые) (16,4 %). Оказались осведомленными с проведенной политикой со стороны краевых властей по противодействию экстремизму и гармонизации межнациональных отношений 74,0 % респондентов, что позволяет высоко оценить разработку и внедрение различного уровня программ антиэкстремистской и общественно-политической направленности в Краснодарском регионе. Одновременно с этим, можно отметить значительную роль социальных институтов, действующих на территории края, целью которых является развитие и совершенствование системы российских культурных ценностей. Кубанские жители выделили следующие ценности, которые по их мнению, являются доминантными в их регионе: семья (23,4 %), патриотизм (19,7 %), российская гражданственность (16,9 %), социальная солидарность (15,6 %), социальная справедливость (14,8 %), самореали-

зация и самосовершенствование личности (9,6 %), выражающие сущность общенациональной идентичности «Мы – российский народ».

Относительно выявления мер, способствующих, по мнению кубанских жителей, повышению уровня межличностного межэтнического диалога между людьми полиэтничного региона, то в ходе социологического исследования было отмечено: во-первых, отведение ключевой роли работе с молодежью и подрастающим поколением воспитательного характера (57,2 %), во-вторых, организация системной работы с семьями (с межнациональной брачностью) со стороны социальных институтов в вопросах культуры межнационального общения (23,1 %), в-третьих, проведение совместных мероприятий, посвященных различным праздникам, отмечаемые представителями разных культур в рамках установления согласия между этническими группами, проживающими на территории Краснодарского края (10,7 %). Кубанские респонденты отмечали важность создания и обеспечения благоприятной комфортной жизни для людей в полиэтничном регионе со стороны государства и местного самоуправления (9,0 %).

В ходе проведенного социологического исследования была подтверждена гипотеза о том, что толерантность определенно влияет на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений индивидов в полиэтничном регионе. Её составляющими выступают уважение к культурам других народов, запрет насилия над людьми, неприятие экстремизма, расизма, национализма и ксенофобии. Необходимо находить эффективные способы и меры противодействия экстремизму как на глобальном, так и региональном уровнях. Простые мирные граждане со своей стороны не должны поддаваться различным провокациям, ослабляющих внутривнутриполитический государственный курс, чего в свою очередь ожидают организаторы / заказчики экстремистских группирований.

Таким образом, результаты проведенного социологического исследования показали, что укрепление гражданского мировоззрения, привитие с детства молодому поколению толерантной культуры являются основными ориентирами, предупреждающими развитие экстремизма на основе религиозного или национального фактора в полиэтничном регионе. Консолидация российского общества основана на социальной справедливости и солидарности, мире и согласии совместно проживающих представителей различных этносов и культур. А эффективная работа органов государственной и муниципальной власти по укреплению толерантности среди населения будут способствовать отсутствию экстремистских проявлений, обеспечивая жизнь и безопасность гостям и жителям полиэтничного региона.

Литература:

1. Арутюнян Ю. В. Россияне: проблема формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 4.
2. Гречко П. К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. – М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2006.
3. Куква Е. С. Образование в ресурсе национальной консолидации // *Электронный журнал «Вестник МГОУ»*. [Электронный ресурс]. – URL: www.evestnik-mgou.ru. 2013. – № 4.
4. Плужников Е. Н. Понятие экстремизма в религии и его проявления в современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. – 2010. – № 1.
5. Шалин В. В. Человек. Общество. Толерантность. – Ростов-на-Дону: Наука Пресс, 2005.

А. М. Сабирова
(Россия, Краснодар)

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Аннотация: философы Серебряного века в вопросах свободы России и свободолюбия русского человека сходились в том, что быть истинно свободным – значит не быть поработанным материальным, а стремиться к поискам истины, справедливости, добра. Россия – развивающийся народ, и понимание свободы развивается вместе с ним, проходя трудные этапы ига, крепостничества, череду революций и эпоху тоталитаризма. Понимание свободы у нас связано со свободой внешней, с независимостью государства.

Ключевые слова: Россия, свобода, воля, анархия, тоталитаризм, Серебряный век, либеральные ценности, западная культура.

A. M. Sabirova
(Russia, Krasnodar)

THE PROBLEM OF FREEDOM IN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Annotation: the philosophers of the Silver age in matters of freedom in Russia and freedom of the Russian people agree that to be truly free means to be enslaved by the material, and to seek truth, justice, goodness. Russia is a developing nation, and the understanding of freedom evolving with it passing difficult stages of the yoke, of serfdom, a series of revolutions and

the era of totalitarianism. The understanding of freedom we have is related to external, with independence of the state.

Keywords: Russia, freedom, anarchy, totalitarianism, Silver age, liberal values of Western culture.

О России написано много. Разгадать душу русского народа и определить его историческую судьбу стремились многие, и, пожалуй, нет ни одного русского философа, писателя или поэта, который бы не обращался к теме России, русского народа, российской государственности и места России в этом мире. Особый вклад в осмысление этих вопросов внесли философы Серебряного века – С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов, Н. Лосский, Б. Вышеславцев, И. Ильин и другие, и особое место в них занимает проблема свободы, ее значение в жизни русского человека, которая сегодня приобрела особую остроту и значимость.

В Новое время вопросы свободы становятся краеугольным камнем всей западноевропейской философской мысли, в которой личность и ее свобода были провозглашены высшей ценностью буржуазного общества, и этот посыл не утратил своего значения до сегодняшнего дня. Поэтому неудивительно, что через отношение к свободе европейцы определяли и определяют степень зрелости и цивилизованности общества, и в этом плане Россия всегда была излюбленной мишенью для критики не только со стороны просвещенной Европы, но и российских либералов-западников. Очень многие из них и по сей день утверждают о несовместимости понятий «свобода» и «Россия». Как только не клеймили нашу страну за отсутствие в ней свободы, будь то времена императорской России («Россия – тюрьма народов»), либо советская эпоха («СССР – империя зла», «советский тоталитаризм, советская диктатура»), что очень многие стали искренне верить в рабскую психологию нашего народа, которому спокойно живется

только под плеткой и «добрым» царем! Но давайте посмотрим непредвзято на этот вопрос, воскрешая в памяти глубокие по проникновению и гениальные по содержанию работы русских философов Серебряного века.

Так, Н. Лосский пишет следующее: «К числу первичных свойств русского народа... принадлежит и любовь к свободе и высшее выражение ее – свобода духа... Даже крепостное право духовно не превратило русского крестьянина в раба. Пушкин рассказывает, как он, едучи в дилижансе из Москвы в Петербург, беседовал с англичанином. «Я обратился к нему с вопросом, что может быть несчастнее русского крестьянина. Англичанин ответил: «английский крестьянин». Пушкин удивился: «Как! Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба? Неужто Вы русского крестьянина почитаете свободным?» – Англичанин сказал: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи?». В другом месте этой же работы Н. Лосский продолжает: «Великая Российская империя с абсолютной монархической властью создавалась не только благодаря усилиям правителей ее, но и благодаря поддержке со стороны народа против анархии. Искание абсолютного добра и связанное с ним служение высшему началу побуждают целые слои русского народа подчинить свою свободу государству, как необходимому условию обуздания зла; таковы духовенство, купечество и военные люди» [1, 59–63].

Н. Бердяев, отмечавший антиномичность характера русского народа, не мог не обратиться к проблеме свободы, и вот что он пишет по этому поводу: «Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... Славянофилы и До-

стоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком порабощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия – страна быто-вой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами» [1, 158–159].

У И. Ильина в статье «О русской идее» мы находим такие строки: «Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян... Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего... И если мы, учитывая это органическое свободолюбие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклоняться перед той силой государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории» [2].

Но есть и другие высказывания о свободолюбии русского народа, и, например, Г. Федотов в статье «Россия и свобода» (1945 г.) пишет: «Ну а как же «воля», о которой мечтает и поет народ, на которую откликается каждое русское сердце? Слово «свобода» до сих пор кажется переводом французского *liberte*. Но никто не может оспаривать русскости «воли». Тем необходимее отдать себе отчет в различии воли и свободы для русского слуха. Воля есть

прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля – всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо. Разбойник – это идеал московской воли, как Грозный – идеал царя» [3, 285–286].

Все эти размышления о свободе русского человека представляют собой два полюса, два края, и водоразделом между этими краями, на мой взгляд, служит отношение к России, ее народу, уважение или неуважение к ее историческому выбору, восхищение духовными качествами русских людей или презрение к ним. Последнее высказывание, принадлежащее Г. Федотову, по сути, отрицает наличие у русского народа (за исключением небольшого слоя либеральной прозападной интеллигенции) свободолюбия, который «сам протягивает руки царским приставам: вяжите меня». Поэтому, согласно логике Г. Федотова, русский народ нужно научить ценить свободу, как школяру вдалбливать ценности западного мира, ибо, вопреки астрономическому светилу, «солнце свободы» восходит только на Западе, но никак не на Востоке.

Конечно, никто не отрицает, что в истории России были периоды порабощения (татарское иго), крепостного права, советский тоталитаризм, которые во многом формировали характер русского/российского народа – отсюда и терпение, и миролюбие, и стремление сохранить любой ценой политическую свободу, искание правды, справедливости и т. д. Но, как ни странно, эти вековые традиции «держания в узде русский народ», связанные у Г. Федотова исключительно с Москвией, нисколько не смогли умалить потребности русского/российского народа в свободе. Русь/Россия

со времен татарского ига и небольшого по длительности Смутного времени, более не позволяла помыкать собой. Но почему же так настойчиво нам твердят о нашей рабской психологии? Может стремление к внешней независимости и желание быть самостоятельными неизбежно вызывают внутреннюю закрепощенность, подчинение диктату властей? Безусловно. А может анархичный, свободолюбивый характер русских/россиян требует вмешательства внешней регулирующей силы, которая их же и спасает от полного саморазрушения, как отец или мать спасают свое дитя, чья шалость переходит границы и угрожает здоровью и жизни неразумного ребенка? Думаю, что верно.

Возможно, это не слишком удачная аналогия, но, начиная с XVII века вплоть до XX века (период наибольших исторических волнений) российский народ, по сути, находился в состоянии искания собственного пути развития, формирования собственного «я» (вспомним яростные споры славянофилов и западников XIX века об идентичности России, религиозные искания XVIII века, стремление в XX веке создать первое в мире государство равенства и справедливости – социалистическое), что очень напоминает юношеский максимализм в переходный подростковый период. И в периоды наибольшей опасности для мятущегося и взрослеющего народа ему требовалась твердая рука, направляющая сила, ибо слабая власть ведет к развалу страны и может угрожать внешним закабалением, и это инстинктивно чувствовал и чувствует русский народ. А такая неволя, внешняя, хуже внутренней. Двести лет ига многому научили, да и Смутное время напомнило о прошлом опыте, и эти ошибки вовремя исправили.

Прав С. Булгаков, утверждавший, что «история не есть лишь хронология, отсчитывающая чередование событий, она есть жизненный опыт, опыт добра и зла, составляющий условие духовного роста» [1, 95]. А поскольку

развивающийся, пока еще юный народ с бурлящей натурой, слишком свободолюбивый и раскинутый на необъятной территории, способен доходить до крайностей – жестокости и анархии, ему необходимы сдерживающие факторы – будь то традиции, законы или абсолютная монархия. Народ инстинктивно чувствовал необходимость «узды» как способа спасения и выживания. Н. Лосский описывает такой случай: «В Петербурге весной таял лед на Неве, и градоначальник распорядился поставить полицейских, запрещающих переход по льду. Какой-то крестьянин, несмотря на крики городского, пошел по льду, провалился и стал тонуть. Городовой спас его, а крестьянин вместо благодарности стал упрекать его: «Чего смотрите?» – «Так я же тебе кричал!» – «Кричал! Надо было в морду дать!». Поэтому следует согласиться с В. Розановым, утверждавшим, что «необходимость и произвольность – это закон роста растения, но и также закон всего высшего одухотворенного... Если мы обратим внимание на соотношение этой необходимости со свободой, мы и увидим, что то одно свободно снаружи, что столь необходимо изнутри» [1, 36].

Мы продолжаем набираться опыта и взрослеть. Время стремительно сжимается и для осознания многих вещей, в том числе и проблемы свободы, не требуются столетия. Десять лет хватило, чтобы понять, что после развала Советского Союза мы не нужны Западу в качестве его придатка, и стремление к либеральным ценностям, свободе в западном ее понимании, столкнулось с желанием Запада унижить наше национальное достоинство, с его презрением и ненавистью. Мы взрослеем, становимся мудрее, у нас появляется «выработанность характера», об отсутствии которой сокрушались философы Серебряного века, а значит, и свободолюбие как природное качество русского народа, приобретает зрелые формы. Мы будем знать, точнее, уже знаем, для чего она нам нужна, и во имя чего к ней стремимся.

Литература:

1. Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX–XX веков. – М.: Алгоритм, 2007.
2. Ильин И. А. О русской идее [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ladim.org/st03b4700102.php>
3. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. – СПб.: София, 1992.

А. А. Семенов, С. В. Симоненко
(Россия, Армавир)

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: статья посвящена месту и значению русской культуры как важнейшего средства поддержания единства и межкультурного взаимодействия народов, проживающих на пространстве бывшего СССР. Автором анализируется ее вклад в развитие постсоветских республик, а также ее значение в качестве основы межкультурного взаимодействия народов Северной Евразии.

Ключевые слова: цивилизация, этнос, глобализация, постсоветское пространство, российская культура, межкультурный диалог.

A. A. Semenov, S. V. Simonenko
(Russia, Armavir)

RUSSIAN CULTURE AS A FACTOR OF UNITY AND INTERCULTURAL COOPERATION IN THE FORMER SOVIET UNION

Annotation: the article is devoted to the place and significance of Russian culture as a key means of promoting unity and

cross-cultural interaction of the nations, living in the former Soviet Union. The author analyzes its contribution to the development of post-Soviet republics, as well as its importance as the basis of intercultural interaction of people of Northern Eurasia.

Keywords: civilization, ethnicity, globalization, post-Soviet space Russian culture, intercultural dialogue.

Распад СССР привел к разрушению некогда крепких связей между народами, населявшими просторы бывшего Советского Союза. С политическим распадом единого государства данные связи существенно ослабли, но не исчезли совсем, и в этом значительную роль сыграла российская культура, которая стала своего рода социокультурным мостом между народами бывшего СССР. Именно через нее происходило их общение и взаимодействие в постсоветский период. Распад СССР, по сути, был одной из крупнейших геополитических катастроф за всю историю существования российской цивилизации. Большинство из таких катастроф пришлось именно на XX век: это три русские революции, распад Российской империи, повлекший за собой неисчислимые жертвы, это мировая война (Великая Отечественная война советского народа) и, наконец, это распад самого Советского Союза, который повлек за собой разрушение не только евразийского геополитического пространства, но и советской идентичности и в значительной мере означал, помимо всего прочего, и кризис советской, а шире – российской культурной традиции. «Последствия системного кризиса и характер перемен... сказываются и по сей день, на современном российском обществе» [1, 3].

Как известно, культура является основой существования любой цивилизации. Если разрушить культурную основу цивилизации, то погибнет и сама цивилизация, поскольку в значительной мере ее историческое бытие базируется на определенной культурной традиции и системе ценностей. Поэтому-то современные войны и предусмат-

ривают не столько разрушение промышленного потенциала противника и захват его территории, сколько разрушение его системы ценностей, его культурной основы, на которой базируется альтернативная цивилизация.

Российская культура вышла из процесса распада СССР в крайне ослабленном состоянии, ведь собственно существование Советского Союза и было в определенной степени формой бытия самой исторической России. Поэтому крах СССР оказал мощное негативное воздействие на все сферы жизни российской цивилизации. И российская культура, конечно, не могла находиться в стороне от этих процессов. После распада Советского Союза российская культура оказалась в очень сложном переходном состоянии. С одной стороны, она утратила советские смыслы, присутствующие в ней на протяжении семидесяти десятилетий, а с другой стороны, она так и не смогла вернуться полностью к российской культурной традиции, которая существовала до распада Российской империи и революции 1917 года.

Но, тем не менее, российская культура продолжала оставаться мощным средством межкультурного диалога на постсоветском пространстве. И по сей день она служит мостом, который связывает между собой различные национальные культуры ныне независимых республик бывшего СССР. Однако, несмотря на это, кризисные явления в ней заметны и сегодня. Чем же обусловлен нынешний кризис российской культуры?

В первую очередь, идеологическим, ценностным кризисом постсоветского общества. Раньше значительную роль в поддержании целостности и единства культурной традиции играла государственная идеология. Она определяла коллективную идентичность социума, на ней основывались принципы солидарности его членов, т.е. по сути дела она выполняла интегративную функцию, связывая между собой различные части общества.

Сейчас в современный период проблема коллективной идентичности стоит очень остро, без осознания своего единства, устойчивых культурных и идейных связей внутри себя, ни один социум не может успешно развиваться. Ранее существовавшая советская идеология позволяла объединять огромные массы, она скрепляла весь общественный государственный организм. Особенно важным было то, что она способствовала консолидации различных национальностей и этносов, существующих на евразийском пространстве. Она представляла собой ту наднациональную основу, на которой и строилось многонациональное советское государство.

Теперь эта эпоха уже отошла в безвозвратное прошлое. Сейчас вряд ли можно вернуться к прежней идеологии, но совершенно очевидно, что на смену ей должна прийти какая-то новая идея, новый общественный проект, который бы предоставлял и обозначал новые исторические смыслы, а также цели и перспективы общественного развития уже в постсоветский период.

Сейчас на повестке дня стоит проблема выживаемости возникших не так давно новых постсоветских обществ. Представляется, что в современный период должен возникнуть некий социальный и идеологический институт в постсоветском обществе, который мог бы заменить собой существование прежней советской идеологической системы. Ведь если взамен старого и ушедшего не создать какой-то новой альтернативы, дающей возможность дальнейшего общественного развития, то общество так и будет пребывать в перманентном кризисе и так и не обретет собственной идентичности. Вполне вероятно, что таким необходимым в современный период социальным институтом может быть культура. Исходя из этого, ее значимость в структуре постсоветского общества сложно переоценить.

Возрастание значения культуры в современном обществе, конечно же, не может базироваться на прежней советской традиции. Оно должно происходить с учетом национальных, этнических особенностей России и постсоветского пространства. Не стоит думать, что можно все его народы привести к какому-то общему единому знаменателю. Русская культура в данном случае должна выполнять не функцию наднациональной надстройки, а играть связующую, коммуникативную, интегративную роль и в силу своего богатства и разнообразия связывать различные народы Северной Евразии.

Для реализации такой возможности существует только один путь – путь межкультурного диалога. На основе принципов диалогического взаимодействия и возможно формирование общих интересов, общих идей и культурных ценностей для всего постсоветского мира. Это ни в коем случае не должно означать подавление национальных традиций, национального самосознания проживающих на постсоветском пространстве этносов, напротив, русская культура должна находиться в органичной связи с ними, вплетать в себя паутину различных этнических, конфессиональных предпочтений и традиций.

Она должна быть неким фундаментом, некой платформой для выработки общих ценностей, общих направлений исторического, общественного развития, т. е. стать своего рода некой площадкой для межкультурного диалога различных народов постсоветского пространства. Усиленный богатством русской культуры, ее вариативностью, он вполне может создать вначале общее культурное пространство для всех постсоветских стран, а затем политическое и цивилизационное единство в разнообразии всех народов Евразии, некогда входивших в СССР.

Опора на русскую культуру в качестве главного средства межкультурного диалога на постсоветском евразий-

ском пространстве может значительно облегчить переход постсоветских обществ от индустриального, а где-то даже от аграрно-индустриального к постиндустриальному типу исторического развития. Русская культура обладает для этого всем необходимым потенциалом, учитывая уровень научных знаний, духовного развития и материальной культуры Российского общества, хотя и пережившего в 90-х годах XX века масштабную социально-политическую катастрофу, но все еще сохраняющего основные смыслы и коды, выработанные веками в процессе развития российской цивилизации.

Объективно никакая другая культурная традиция на постсоветском пространстве не может на себя взять эту функцию. Лишь российская культура имеет поистине универсальный характер, понятный представителям других постсоветских обществ. С этой ее функцией не может справиться никакая иная культурно-цивилизационная традиция: ни англосаксонская, ни тюркская, ни какая-либо другая, поскольку именно российская культура традиционно на протяжении веков экстраполировала свои культурные коды, смыслы и социокультурные ориентиры на окружающие Россию народы, объективно в соответствии с логикой исторического процесса она обеспечивала связующую сеть единого евразийского пространства, чьи ценности и ориентиры стали частью национальных культурных традиций народов Северной Евразии [2].

Таким образом, принцип межкультурного диалога, основанный на русской культуре, является наиболее перспективным путем объединения и консолидации стран бывшего СССР. Она дает возможность им сформировать собственные цели и задачи исторического развития, занять свое место в меняющемся мире, избежать многих опасностей глобализационных процессов, развивающихся в мировой цивилизации. По сути, такой диалог является своего рода ответом на

вызовы современной эпохи, он может помочь формированию собственной идентичности постсоветских государств и сделать их вхождение в глобальную систему мировых отношений более продуктивным и безопасным.

Литература:

1. Семенов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2005.

2. Карапетян Е. А. Ментальность в этноязыковой картине мира как форма концептуального восприятия действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3.

С. М. Сергеев
(Россия, Армавир)

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

Аннотация: рассматривает общее понятие ментальности с целью выяснения сущности провинциальной ментальности как особого типа мышления и действия. Делается вывод о том, что фактор стабильности провинциальной ментальности играет важную функцию стабилизации всей общественной жизни в сложном социокультурном пространстве Юга России.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, провинция, социокультурное пространство, самоорганизация, этнос.

S. M. Sergeev
(Russia, Armavir)

PROVINCIAL MENTALITY IN THE SOCIO-CULTURAL AREA OF SOUTHERN RUSSIA

Annotation: he considers the general concept of mentality with the aim of expressing the essence of provincial mentality as a special type of thinking and acting. It is concluded that the stability factor of the provincial mentality plays an important function of stabilizing the entire social life in the complex socio-cultural space of the South of Russia.

Keywords: mentality, province, socio-cultural space, self-organization, ethnos.

В XIX веке перед исторической наукой встала проблема. При описании или реконструкции некоторых событий, действия отдельных участников или отдельных социальных групп не поддавались аналитическому объяснению [1, 2]. В отличие от богатых сословий, простолюдины письменных источников потомкам не оставили, которые могли бы подсказать исследователям способы мышления, преобладающие в данный исторический отрезок в этих социальных группах.

Гораздо проще было поэтам и писателям, они с лёгкостью использовали термины в духе обыденного склада мысли, привычек, образа национального мышления и тому подобное. Термины ученых лишь частично отражали так называемый дух народа. Поэтому, потребовался обобщающий термин, связывающий сознательное с бессознательным, а также учитывающий природные, географические и исторические факторы.

Спорадически термин «ментальность» употреблялся в работах Р. Эмерсона и в произведениях М. Пруста, но в научный оборот его ввел Леви-Брюль [3]. Основным характерным признаком ментальности является необъяснимость поведения с точки зрения логики и здравого смысла отдельных этнических и социальных групп в различных исторических ситуациях. Термин «ментальность» имеет множество определений, приведем здесь только некоторые. Наиболее распространённое определение: ментальность – глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом [4].

В настоящее время, термин ментальность, используется практически во всех гуманитарных науках. Однако в разных дисциплинах термину «ментальность» придаётся различное смысловое содержание. Дело в том, что, понятие ментальность, с одной стороны неуловимо, а с другой стороны имеет временные, устойчивые константы. До сих пор не удалось понять, каким образом в подсознание человека и отдельных социальных групп попадают устойчивые векторы мышления, то есть, каким образом формируется механизм предрасположенности мышления. По нашему мнению, ответ на этот вопрос будет получен после того, как учёные поймут, каким образом в неравновесной открытой системе из хаоса формируются упорядоченные процессы.

В рамках современной научной парадигмы можно дать следующее определение: ментальность – это самоорганизованная система взглядов, социальной группы, сформированная под воздействием внутренних факторов и влияния внешних условий. Самоорганизация – есть способ существования и преобразования данной системы. Одним из важнейших признаков ментальности является устойчи-

вость на достаточно длительных исторических отрезках времени. Чем же обусловлен феномен устойчивости ментальности?

Немецкий философ, один из основоположников психоанализа Э. Фромм, считал, что разум человека состоит из двух составляющих, это рациональное и эмоциональное. Хотя чёткой границы между составляющими нет, однако, функционируют они по-разному. Рациональная часть разума применяет логические способы мышления, основанные на причинно-следственных связях. Эмоциональное мышление, зачастую, не подчиняется логике, а использует иные, не до конца нам понятные способы мышления. Соответственно, эмоциональное мышление можно отнести к бессознательному.

Э. Фромм в своей работе «Бегство от свободы» [5] утверждал, что эмоциональное значительно отстаёт в своём развитии от рационального, причём, отставание может составлять столетия. Исходя из вышеизложенного, попытаемся создать образный портрет ментальности социальной группы. Портрет представляет собой здание, фундаментом которого, является: бессознательное и иррациональное, крышей здания является: сознательное и рациональное, стенами являются традиции и обычаи. Отсюда видно, что основную роль в устойчивости ментальности играет её фундамент (бессознательное, иррациональное). Однако немаловажную роль играют стены здания, кроме своего вклада в устойчивость конструкции, они ещё осуществляют функции ограничения и защиты.

Исторически сформированные традиции и обычаи в социальной группе, ограничивая мировосприятие, одновременно задавая направление вектора мышления, сохраняют предрасположенность миропонимания в данной социальной группе. Соответственно, традиции и обычаи, как несущие стены ментальности социальной группы, опреде-

ляют степень устойчивости глубинного уровня мышления социума. Проявление этих традиций отчетливо видно, например, в немецком характере – это педантизм, любовь к порядку, в кавказском характере – это уважение к старшим, незыблемость родовых связей, в характере русском – это долготерпение, сентиментальность и другое.

Ярким примером устойчивости ментальности является происходящий в настоящее время крах западноевропейской теории мультикультурализма. Надежды на то, что западноевропейская среда, пропитанная духом либерализма и толерантности, повлияет на ментальность арабских беженцев, оказались несостоятельны. В результате западная Европа получила огромный комплекс социальных проблем, к решению которых, западноевропейское общество оказалось неготовым. В условиях информационного общества традиции и обычаи, выполняющие защитную функцию, начинают играть значительную роль. Массированная информационная атака на коллективное мышление имеет своей целью повлиять на мировосприятие отдельных социальных групп. Барьером, препятствующим этому влиянию, являются, культурно и исторически сложившиеся традиции и обычаи.

Необходимо отметить, что, несмотря на свою относительную устойчивость, ментальность изменяется под влиянием внешней среды обитания социальной группы и воздействием внутренних процессов, происходящих внутри этих групп.

Одним из примеров изменчивости ментальности, является, используемой в социальных исследованиях, термин «провинциальная ментальность» [6; 7, 16–29]. «Провинциальная ментальность может рассматриваться как совокупность ярко выраженных интеллектуальных и эмоциональных качеств (черт), характерных для социальных групп, проживающих в отдалении от столицы. Степень удаленности, средства коммуникаций, характер и уровень экономи-

ческих, политических, правовых и культурных связей со столицей так же отражаются в ментальности, как и «местные» условия бытования. Провинциальная ментальность охватывает весь образ жизни целиком, но сама может быть структурирована, согласно своему рефлексивному происхождению, как система ценностей, ориентированная на природу, человека и человеческие отношения, вещи и знания (образование, науку, литературу и искусство, на власть и право и соответствующие им учреждения, на традиции, веру и религии). Она, естественно, распространяется на символику и на нравственное кредо, которое каждый в себе укореняет и с которым себя отождествляет. В ней коренятся нравственные начала общественного сознания и личностного самосознания» [7, 37–50].

Приведенное выше определение используется для исследования ряда социальных процессов происходящих в городской среде под влиянием прибывающих в эту среду провинциалов. Инновационная и мобилизующая роль города увязывается со стабилизирующим воздействием провинции. Однако, в вышеизложенном определении не учитывается многонациональный и поликонфессиональный характер современного Российского общества. На Северном Кавказе в течение многих столетий компактно проживают много численные народы различного вероисповедания имеющие совершенно различные культурные архетипы. Феноменальность этого явления, на наш взгляд, может быть объяснена диффузной структурой ментальности различных народов. Взаимопроникновение наиболее ярких черт характеров и модели поведения воздействует на внешние условия системы ментальности, тем самым создавая ментальный фон в данном регионе, который и определяет благоприятные условия совместного проживания различных этнических и социальных групп. Возникает ряд вопросов о социокультурной автономности сознания этих народов [8], о необходимости и возможности диалога между ними [9].

Таким образом, ментальность социальной группы имеет двойственный характер. С одной стороны она устойчива, а с другой изменчива. Взаимопроникновение отдельных черт ментальности различных социальных групп формирует более сложную саморегулируемую взглядов и моделей поведения. Фактор стабильности провинциальной ментальности играет важную функцию стабилизации всей общественной жизни в сложном социокультурном пространстве Юга России.

Литература:

1. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. – Вып. 1. – М., 1989.
2. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Исторические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. – М., 1980.
4. Ментальность // Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990.
6. Дмитриева Э. Я. Провинциальная ментальность и культурная самобытность // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994.
7. Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004.
8. Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение: автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2007.
9. Похилько А. Д., Шматько А. А., Новикова О. С. Диалогическая этика: поиск педагогической концепции. – Армавир, 2016.

**Хамдан Махмат Хамдан
(Республика Чад, Нджамена),
А. Д. Горovenko
(Россия, Ростов-на-Дону),
Л. А. Горovenko
(Россия, Армавир)**

ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АФРИКАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Аннотация: в статье рассмотрены традиционные формы африканской жилой постройки и проблемы их вытеснения современными архитектурными формами.

Ключевые слова: архитектура, традиционное африканское жилище, строительные материалы, урбанизация.

**Hamdan Hamdan Mehman
(Republic Of Chad, Ndjamaena)
A. D. Gorovenko
(Russia, Rostov-na-Don)
L. A. Gorovenko
(Russia, Armavir)**

ISSUES OF CONSERVATION OF NATIONAL TRADITIONS IN MODERN AFRICAN ARCHITECTURE

Annotation: in the article we will talk about traditional forms of African residential constructions and the problems of their displacement by modern architectural forms.

Keywords: architecture, traditional African dwelling, building materials, urbanization.

Традиционная архитектура всегда являлась уникальным компонентом культуры той или иной страны. Она тесно связана со строительными материалами, которые можно найти поблизости, с приемами возведения сооружений, передаваемыми из поколения в поколение. Как известно, национальные дома народов Африки очень разнообразны по форме, планировке и материалам, используемым для строительства. И, если форма и планировка жилищ чаще всего зависят от тех или иных этнических традиций, то выбор строительного материала диктуется, как правило, природными и климатическими условиями, а также образом жизни африканского народа (оседлым или кочевым). Так, в полупустынях при строительстве жилищ традиционно использовали камень, глину, низкие травы и кустарники; в саваннах – пальмы, стебли хлопка и проса; в лесных районах – бамбук, рафию, ротанг, листья фикуса и банана. Также для обустройства своих домов африканцы применяют ил, навоз, циновки, ткани и шкуры животных.

Сегодня в африканских городах строительством домов занимаются преимущественно профессионалы, однако, в сельской местности основную работу по постройке жилищ по-прежнему выполняют главы семей – мужчины, а завершают её женщины, которые покрывают строение соломой и листьями, обмазывают и украшают его.

Основная часть жизни африканских сельчан проходит на открытом воздухе – здесь располагается очаг, женщины занимаются домашними делами, а мужчины – ремёслами и охотой. Дом нужен в основном для ночлега и укрытия от непогоды. По этой причине основная масса традиционных африканских жилищ не имеет окон. Исключение составляют только некоторые регионы Африки с более прохладным климатом (горные районы Эфиопии, Камеруна и Нигерии), где дома оснащены не только окнами, но и отапливаемыми лежанками. Такая система обогрева представляет

собой глинобитные скамьи с топкой, украшенные лепными орнаментами и расписанные геометрическими узорами.

В Африке при строительстве жилищ господствует форма конуса с овальным или круглым основанием. В разных регионах строят разные круглые дома, которые могут отличаться друг от друга высотой стен, наклоном крыши, наличием окон и отделки. В некоторых местах жилища украшают росписью и резьбой, тогда как в других наружный вид домов довольно прост и однообразен. В домах простейшего типа крыша и стены неотделимы друг от друга: обычно их плетут из древесных ветвей или тростника, они не имеют окон и снабжены только одним низким входом (рисунок 1). Своим внешним видом такие хижины напоминают пчелиные улья. Подобные строения свойственны тропическим районам Африки.

Рисунок 1 – Плетёная африканская хижина

Если же обратиться к северным границам Африки, то можно увидеть, что здесь архитектурное искусство достигло куда больших высот. С самых незапамятных времен здесь строили хижины с колоннами и дверями-створками, украшенными искусной резьбой и рельефными бронзовыми пластинками. Однако, нельзя не отметить, что такие дома принадлежали исключительно африканским правителям. Простой же народ жил в домах попроще. Одним из наиболее известных представителей круглых домов является рондавель (рисунок 2), который по большей степени распространен в странах Южной Африки. Обычно рондавель изготавливается из тех материалов, которые доступны в природе. Чаще всего стены строят из камня, а «цементный раствор» делают из земли, песка или их смеси с навозом. Для того чтобы поверхность пола была ровной, ее обрабатывают навозосодержащей смесью.

Рисунок 2 – Рондавель: традиционное африканское жилище

Каркас крыши рондавелия обустраивается при помощи веток деревьев, очищенных от сучков, или балок, изготовленных из круглого лесоматериала. Готовый каркас крыши покрывается тростником, который прикрепляется к основанию при помощи травянистых канатов.

Перекочевки и бродячий образ жизни, который ведут некоторые африканские народы (например, бушмены), не требует прочных жилищ и постоянных поселений. В данном случае достаточно обычного шалаша или примитивного навеса, который чаще всего имеет традиционную полусферическую форму. Нередко укрытием для кочевников служат природные пещеры или углубления в земле, если, конечно, они имеются поблизости.

Во времена глубокой древности в Африке строили дома на деревянных опорах – сваях, которые и сегодня можно увидеть в некоторых тропических поселениях. Сваи помогают уберечь строение от сырости в сезон дождей, а также предотвратить проникновение внутрь дома змей, грызунов и насекомых. Нужно отметить, что дома на сваях встречаются в Африке гораздо реже, нежели другие типы жилищ.

Современная архитектура Центральной и Западной Африки условно может быть разделена на две основные категории: архитектура народного жилища и современное городское строительство. Несмотря на значительный рост городов, архитектура народного жилища продолжает играть большую роль, так как основная масса населения по-прежнему живет в постройках, сохраняющих конструктивные особенности и приемы декоративного оформления, выработанные в прошлом. Однако, народная архитектура, рожденная в иных исторических условиях, при всей ее эстетической привлекательности оказывается не в состоянии решить многие технические и конструктивные проблемы, выдвинутые современностью.

Процесс утраты традиционной культуры в условиях городской застройки обусловлен множеством причин, и одна из них – негативное отношение к традиционным домам и способам строительства. Западные бетонные дома рассматриваются как образец для подражания, как жилье для богатых и успешных. Местные хижины, наоборот, расцениваются как нечто устаревшее, подходящее только беднейшим слоям населения.

Местная устойчивая архитектура постепенно вытесняется. Африканские дома востребованы в основном туристами, да незначительной частью местных жителей. Туристы, как правило, селятся в небольшом традиционном домике, чтобы полнее ощутить культуру той или иной страны, окунуться в ее повседневную жизнь. Возможно, вскоре целый пласт африканской культуры исчезнет навсегда. Тем не менее, функциональность местной архитектуры сомнениям подвергать сложно – для жарких стран она подходит как нельзя лучше.

В Африке местная архитектура выработала весьма совершенные приемы строительства в условиях влажного тропического климата, которые далеко не сразу удалось переосмыслить в формах современной архитектуры.

Такова проблема вентиляции, решая которую современные архитекторы используют ряд приемов, выработанных еще в древности местными африканскими строителями. С той же целью строятся дома галерейного типа, где почти каждое внутреннее помещение комбинируется с глубоким балконом-лоджией, прием, также позаимствованный у народной архитектуры.

С большими трудностями сталкиваются архитекторы при решении проблемы затененности внутренних помещений, так как слепящее солнце Африки доставляет не меньше неприятностей, чем горячий влажный воздух. Для борьбы с проникающим повсюду светом создаются далеко

вынесенные кровли и козырьки над дверями и окнами, одновременно служащие для защиты стен во время тропических ливней, разнообразные решетки и жалюзи, горизонтальные тяги, пересекающие окна и террасы вдоль всего здания.

Деятельность европейских инженеров и архитекторов, бесспорно обладающих высокой технической культурой и построивших немало конструктивно совершенных зданий, лишь заложила основы национального стиля современной африканской городской архитектуры. Подлинное развитие современной архитектуры Африки началось после освобождения континента от колониального господства. Добившись национальной независимости, молодые африканские государства при поддержке Советского Союза и других социалистических стран смогли приступить к подготовке кадров новой интеллигенции, в том числе инженеров, архитекторов, строителей. Многие из них проходили обучение в дружественных странах, что естественно, повлияло на стиль их профессиональной деятельности.

Урбанизация на глазах меняет Африку. Люди уходят из глиняных хижин, чтобы жить в многоэтажных домах или городских трущобах. Недалеко то время, когда большинство африканцев, будут проживать в панельных городских многоэтажках, а традиции строительства самобытных домов сохранятся лишь в удаленных районах.

Л. А. Горовенко, Н. А. Кузьмина
(Россия, Армавир)

**ИДЕИ СИМБИОЗА ПРИРОДЫ
И АРХИТЕКТУРЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН В ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы симбиоза живой природы и современной архитектуры на основе архитектурного творчества Кисе Курокавы.

Ключевые слова: архитектура, живая природа, архитектурные формы, симбиоз.

L. A. Gorovenko, N. A. Kuzmina
(Russia, Armavir)

**THE IDEAS OF THE SYMBIOSIS OF NATURE
AND ARCHITECTURE AS
THE IMPLEMENTATION
OF CULTURAL CHANGES IN THE SOCIETY**

Annotation: in the article we have considered the questions of symbiosis of wildlife and modern architecture on the basis of Kise Kurokawa's architectural creativity.

Keywords: architecture, living nature, architectural forms.

Архитектура всегда считалась зримым воплощением перемен общества, многие исследователи называют ее философией в камне. Так, С. Б. Веселова утверждает, «движение архитектуры является не простой сменой строительных стилей и инженерных конструкций, но «воплощением духа», отражением мировоззрения эпохи, зримой философией своего времени» [1]. Это оправдано тем, что с помощью зодчества можно выразить идеи и теории об обществе и

мире, а также изменить этот мир. Например, японский архитектор Курокава Кисе соединяет зодчество и философскую теорию симбиоза, главные идеи которой – симбиоз истории и настоящего, традиций и современности, разных культур, а также техники и природы [2]. В зданиях он стремится выразить свое видение решения проблем современного общества, предлагает человечеству находить выходы в ситуациях симбиоза, в компромиссах.

На родине зодчего Кисе Курокава воспринимают в большей степени философом, нежели архитектором. Идея симбиоза природы и архитектуры пронизывает все основные периоды в теоретических размышлениях Курокавы, претерпевая при этом некоторые трансформации. Она присутствовала в философии метаболизма, прослеживалась в постметаболический период, когда начала активно складываться его философия симбиоза, одним из компонентов которой стал симбиоз природы и архитектуры, она не теряет своей актуальности и в XXI веке, провозглашенном Курокавой эпохой «принципа жизни». Впервые о своих идеях архитектор заявил в 1960 г. на международной конференции по дизайну в Токио. Вместе со своими коллегами он сформулировал основные положения новой архитектурно-градостроительной теории, сравнив строительство с метаболическим процессом. Концепция метаболизма базировалась на представлениях об изменяемом, динамичном пространстве, открытом к дальнейшему системному развитию, в противовес западной ориентации архитектуры того времени с жестко зафиксированными принципами формообразования. Курокава объяснял, что метаболизм исходит из аналогии с живыми организмами, чья главная особенность в том, что живое может развиваться и расти [2]. Только метаболический подход к строительству способен создавать архитектурную среду будущего, способную развиваться, адаптироваться к социальным, экономическим и

другим изменениям в образе жизни людей, подобно тому, как живые организмы приспосабливаются к изменяющимся условиям внешней среды.

Метаболический подход – это способ решить проблему морального старения архитектуры и последующего ее разрушения: «если заменять только то, что программно заменимо...сооружения будут долговечны». Наиболее полно идеи метаболизма нашли отражение в капсульных постройках Кисе Курокавы. Капсульная система представляла сочетание двух структур: неизменной основы, подобной древесному стволу, и гибкой системы ячеек, словно листья нанизанных на конструктивную основу – ствол, способных к трансформации и обновлению. Тесная взаимосвязь архитектуры и природы в творчестве Курокавы основана на особом отношении к природе в японской культуре. В книге «Философия симбиоза» одна из глав посвящена симбиозу человека и природы, здесь подробно описывается традиционное отношение японцев к природе, принципиально неизменное до сегодняшнего дня. В отличие от западной позиции, в которой человек нередко захватывает себе право управлять природой или ее контролировать, у японцев «идеал, к которому человек должен стремиться, – это не покорять природу, а жить как часть природы, в соответствии с ее правилами». Японский термин «природа» означает «быть, как есть это» или «гармонизировать со средой», и, что интересно, в японском языке выражения «эксплуатировать природу» и «эксплуатировать человека» звучат одинаково.

Идея архитектуры как непрестанно изменяющейся части природы и общества, которую развивал в своих трудах Куракава, идеально гармонизирует с буддистской доктриной переходящего характера всех вещей – традиционного элемента японской культуры. Его подробное описание национальных особенностей японской архитектуры

помогает понять причины возникновения концепции метаболизма и последующей за ней философии симбиоза. С древнейших времен японцы строили свои дома по принципу временных укрытий, отчасти это связано с принятием образа жизни в симбиозе с природой на основе буддистского учения о непостоянстве и бренности всего сущего [3, 4]. А отчасти – с частыми природными катаклизмами – тайфунами и землетрясениями, после которых им приходилось заново перестраивать свои жилища. Отсюда и характерный выбор материалов для японских традиционных построек: дерево, татами из рисовой соломы и бумага, которые легко можно было заметить при повреждении или износе. Курокава пишет, что «японская культура – это культура древесины», которую так ценят японцы, привыкшие жить в среде, тесно связанной с природой.

Начиная с 70-х годов, в период постметаболизма, Курокава все больше начинает придерживаться мысли о том, что современная архитектура должна следовать принципам, составляющим сущность японской культуры. Японцы всем строем своего жизненного уклада опровергают распространённое мнение о том, что научно-технический прогресс необратимо отдаляет человека от самого себя и от природы. Они показывают возможность гибкого и умелого сочетания старого и нового, культуры и науки, природы и новейших технологий, не изменяя первым и не игнорируя последние. Нещадно критикуя архитектуру модернизма и всю западную архитектуру, обвиняя последнюю в состоянии «фундаментальной оппозиции к природе», Курокава сосредоточивает «усилия на том, чтобы найти в симбиотичной японской традиции то, что может внести свой вклад в будущее архитектуры мира» [2]. Для него симбиоз оппозиционных или даже взаимно противоположных, конкурентных понятий, таких как «архитектура и природа, человек и техника, исторического прошлого и будущего, од-

ной культуры с другими культурами», возможен благодаря возникновению посредника между ними – некой «священной зоны», промежуточного пространства.

В архитектуре для обозначения этого промежуточного пространства Курокава вводит понятие «серых зон», которые, являясь неким срединным элементом между внутренним и внешним пространством, вбирающим качества обоих, но, не являясь ни тем, ни другим, помогает в их объединении. Образцом для «серых зон» послужила энгава – внешняя открытая галерея в традиционной японской архитектуре, связующая здание с окружающим его садом. Вторым приемом, помогающим в достижении симбиоза между внутренним пространством здания и внешней средой, Курокава называл «обратимость» или взаимопроникновение. Примером может послужить введение внутрь здания элементов естественного ландшафта или символическое моделирование природы, такое как идеально гладкое напольное покрытие, имитирующее гладь воды.

В настоящее время эта тема волнует многих архитекторов. Так, например, в китайском городе Нанкин, где живут 8 млн. человек, будет построена копия знаменитого небоскреба Bosco Verticale, название которого переводится на русский язык как «Вертикальный лес». Новый проект получил название Nanjing Green Towers (в переводе с английского «Зеленые башни Нанкина»). Отличительной особенностью этих зданий служат деревья и кустарники, высаженные на всех этажах. Масштабное озеленение вызывает внутренний микроклимат небоскреба с окружающей средой, создавая иллюзию парка, который растет прямо внутри здания. Также растения защищают внутренние помещения от прямого солнечного света и пыли, формируют новую городскую экосистему. В «вертикальном лесу» с удовольствием селятся птицы и насекомые, занимая нужные им по высоте этажи. Выбор видов растений, их по-

этажное распределение, а также распределение по сторонам света – одни любят юг, другие любят север – является серьезной работой ботаников и экологов. Все балконы, где есть растения, подключены к «умной» оросительной системе, которая запрограммирована на дозированный полив растений в зависимости от их природных потребностей во влаге и месторасположения.

В «Зеленых башнях Нанкина» планируется высадить 1,1 тыс. деревьев 23 местных сортов, а также 2,5 тыс. более мелких растений и кустарников, которые займут 6 тыс. кв. м. Согласно подсчетам архитектора, эти насаждения способны производить по 60 кг кислорода ежедневно. «Зеленые башни Нанкина» будут представлять собой два здания высотой 200 м и 108 м соответственно. В более высоком корпусе разместят офисы – они займут этажи с восьмого по 35-й, а также музей, школу зеленой архитектуры и частный клуб на верхних этажах. Площадь 200-метрового здания составит 56,2 тыс. кв. м

Архитектурные сооружения дают представление о социальном строе и культуре народа в различные времена истории [5, 70]. Эволюция жилища с древнейших времен и вплоть до наших дней предоставляет картину быта, уклада семьи, общественных отношений. Поскольку произведения архитектуры материальны и имеют определенную практическую ценность и утилитарное назначение, постольку на них распространяется эстетическая оценка человеком внешней формы произведения и соответствия этой формы задуманному творцом назначению [6, 355].

Архитектурное творчество – особая форма постижения действительности. Оно одновременно является продуктом действительности и изменяет ее, создавая вещественный объект определенного назначения. Курокава рассуждал о важности использования различных средств

обеспечения симбиоза человека и природы в городе на практическом уровне повседневной жизни. Он видит такой симбиоз не только в применении природных материалов, близости к пейзажу и прямом контакте с растениями и животными, но и в разумном использовании природных ресурсов, восстановлении нарушенных территорий и охране окружающей среды. Японская архитектура очень близка природе, японцы стремятся к гармонии с ней, традиция сближения с природной средой актуальна для современного человека, который уже не стремится жить в каменных коробках, быть окруженным машинами, а желает обрести гармонию с природой. Он признавал, что от способности существовать в симбиозе с другими жизненными формами и экосистемами нашей планеты зависит вопрос выживания человека.

Момент прозрения для многих развитых стран уже наступил. Появление все новых зеленых технологий и переход к реализации стратегии устойчивого развития заставили пересмотреть многие разрушительные парадигмы отторжения природы [7].

Литература:

1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://refrend.ru/900244.html>
2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://archvuz.ru/>
4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://greenevolution.ru/>
5. Горovenko Л. А., Гамм М. В. Расчёт поправок на перспективные искажения при проектировании зданий и сооружений // Сб. докладов победителей и лауреатов XXII студенческой научной конференции АМТИ. – Армавир: ООО «Редакция газеты «Армавирский собеседник», подразделение Армавирская типография», 2016.

6. Калашникова О. Б., Горovenko Л. А. Использование оптических иллюзий в архитектуре и строительстве // Электронный журнал «Международный студенческий научный вестник». Типография ИД «Академия Естественных наук». – Саратов, 2016. – № 5. – Ч. 3.

7. Коврига Е. В., Горovenko Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учебное пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

Д. Е. Липаева
(Россия, Краснодар)

ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Аннотация: в фокусе научного интереса автора статьи – Восток в контексте современной визуальной культуры. Краткий экскурс в историю взаимоотношений Востока и России сквозь призму визуальности позволяет читателю узнать, каким образом и на примере каких художественных произведений осуществлялось культурное взаимодействие наших соотечественников и представителей Японии и Китая.

Ключевые слова: Япония, Китай, Россия, визуальность, выставка, музей, театра, буто.

D. E. Lipaeva
(Russia, Krasnodar)

EAST IN CONTEXT OF MODERN VISUAL CULTURE OF RUSSIA

Annotation: in the focus of the scientific interest of the author of the article – the East in the context of modern visual culture. A brief excursion into the history of the relationship between

the East and Russia through the lens of visuality allows the reader to learn how and on the example of what works of art the cultural interaction of our compatriots and representatives of Japan and China was carried out.

Keywords: Japan, China, Russia, visuality, exhibition, museum, theater, buto.

В 1859 году, более 150 лет назад, бывшая простая рыбацкая деревушка, впоследствии получившая статус города с новым именем Йокогама, стала первой гаванью, открывшейся для кораблей иностранцев, прибывающих с западной стороны. На двадцать седьмой день после своего возникновения порт для иноземных гостей принял мичмана Романа Мофета, который был отправлен в сопровождении двух матросов с клипера «Аскольд» на берег за провизией. Безо всякого предупреждения на них напали, уложив на месте мичмана и матроса Соколова. Второй матрос сумел убежать, поведав команде о печальной участи наших соотечественников. Выказав ноту протеста, российский представитель граф Муравьев потребовал не только разыскать убийц, но и уволить местного губернатора. Убитых же было предложено похоронить самым достойным образом. То была эра Спокойного правления, но судьба для троих русских первопроходцев Японии определила им быть первыми на кладбище японской земли.

Несмотря на скорбное и трагическое начало знакомства русских с восточным населением Страны восходящего солнца, Россия по сей день находится в культурном диалоге с Японией, с каждым годом открывая многогранные стороны в различных формах культуры соседней страны. На протяжении многих лет у писателей, композиторов, художников, режиссеров, в том числе театральных, не ослабевал интерес к Востоку. И сегодня как никогда культурный диалог Запада и Востока находится в стадии кульми-

нации. Подтверждение тому – многочисленные международные фестивали, конференции, круглые столы, выставки различного масштаба и уровня, постановки, единичные и коллективные выступления театрального характера.

В частности, на российскую сцену театра «Гулливер» (г. Курган) пришла постановочная группа со спектаклем «Сияющая в ночи». Режиссер спектакля Ёити Нисимура в интервью «Российской газете» так поведал о сюжете спектакля: «Мы не знаем, какое преступление совершила девушка, но видим, как ей тяжело расставаться с Землей и любимым. Эта сказка про очищение кармы». Основа сюжета «Сияющей в ночи» – сказ¹¹, а точнее, «Повесть о старике Такэтори»¹², в центре которых – лунная дева, чья история несет в себе отголоски народных мифов, легенд, песен и сказок, перекликаясь по сюжету с такими известными русскими сказками, как «Мальчик с пальчик» и «Снегурочка».

Режиссер Ёити Нисимура и художник Кадзунори Ватанабэ создали произведение, в котором доминирует гипнотическое действие, схожее с медитацией. Это и экзотическо-аутентичная музыка, исполняемая двумя музыкантами на современных глюкофонах, по звучанию напоминающих

¹¹ Моногатари – роман по-японски, дословно означает сказ о каком-нибудь событии. Моногатари занимает видное место в классической литературе с IX по XV столетия. Отличительные черты старинного классического романа – отсутствие какого-либо одного жанрового прототипа. Как правило, такой роман, зачастую считающийся повестью, может содержать элементы поэзии, соприкасаться с устной традицией, оперировать вымышленными сюжетами, которые вплетаются в исторические пересказы.

¹² «Повесть о старике Такэтори» входит в золотой фонд всемирно известных шедевров древней японской классики. Она неоднократно служила сюжетной основой кинематографических жанров. Так в 1987 году Кон Итикава осуществил экранизацию популярного сюжета в фильме «Принцесса с луны» (в главных ролях Тосиро Мифунэ и Ясуко Савагати). В 2013 году режиссер Исао Такахата снял по данной повести полнометражный анимационный фильм.

гонги, и «рассказ» без слов, воплощенный в театральных действиях, и игра контрастов – света и тьмы, неба и земли, борьбы и нежности. Присутствующие на просмотре зрители словно попадают в неведомый мир, пробуждающий новые ощущения, которые рождаются от соприкосновения с другим пространством. Спектакль «Сияющая в ночи» награжден российской национальной премией «Золотая маска» в 2016 году.

В этом же году в студии современного танца «Воздух», расположенной в Краснодаре, прошли мастер-классы итальянской танцевальной компании «Compagnia Kha», одно из основных направлений работы которой связано с Бутото¹³. Кеа Тонетти и Тиви Тави не только обучали желающих танцу Бутото, но и посвящали их в тайну философской и психологической составляющих этого искусства. Все это позволило глубже понять не только японскую культуру, но и заглянуть в свои собственные глубины.

Продолжая линию мастер-классов для поклонников, любителей и практикующихся в японском авангардном танце Бутото, в мае 2017 года провела семинар под названием «Весна» в стенах «Одного театра» Елена Холодова¹⁴ – психолог, перформер, танцор бутото, режиссер. Семинар входит в цикл семинаров «Весна, лето, осень, зима и снова

¹³ Бутото (бу – «танцевать», то – «топать»). Искусство Бутото возникло в Японии в 50–60 годы. По одной из версий, Бутото родилось в качестве ответной реакции на атомные взрывы, потрясшие Хиросиму и Нагасаки. Йошиито Оно, бутото-танцор первого поколения, один из основателей Бутото, передал танец как экзистенциальный и преобразующий способ познания, направленный на реализацию единства ума-тела, проявляющегося непосредственно через движения в танце. Танец Бутото призван открыть сознание и кардинально изменить представления о реальности.

¹⁴ Холодова Елена с 2011 года изучает философию и танец Бутото у ведущих мастеров авангардного японского танца. В их числе: Ко Муробуши, Йошиито Оно, Атсуши Такенучи, Ризоми Ли.

весна...», название которого звучит в унисон с названием корейского фильма, вышедшего в прокат в 2003 году¹⁵.

Открытием национального фестиваля театров «Александринский», проходившим в Санкт-Петербурге в 2016 году, стал театр Тадаси Судзуки¹⁶. Знаменитый режиссер представил спектакль «Троянки», поставленный на материале античной классики. Признаваясь в том, что его любимый драматург – Еврипид, Тадаси Судзуки видит актуальность постановок по греческим сюжетам в том, что как в древности, так и в современном мире сильным духом людям приходится с неизменной противостоят жесточайшему миру» [03.10.16, Новости культуры]. Примечательно, что труппа режиссера тренируется и развивается по уникальным авторским методам. Один из них ведет к отстраненности от внешнего мира, что требует от труппы необходимости жить высоко в горах. Для желающих посмотреть подготовленные в рамках авторской методологии спектакли существуют специальные автобусы, которые доставляют зрителей к месту обитания труппы.

В спектакле «Троянки» режиссер использует специфический прием традиционного японского театра, когда актеры, замерев на определенный промежуток времени, превращаются в живые декорации. «Возможно, древнегреческую трагедию легче передать именно методами традиционного японского театра, приближенного к ней по времени», – считает Тадаси Судзуки [03.10.16, Новости культуры]. Другой театральным методом передачи действия, по-

¹⁵ «Весна, лето, осень, зима... и снова весна» (Корея, 2003 г.) Режиссер Ким Ки Дук, композитор Пак Чи Ун. В главных ролях О Ёнсу, Со Джэ-гён, Ким Ён-мин и другие. Художественный фильм о старом монахе-целителе и его юном воспитаннике.

¹⁶ Тадаси Судзуки – японский театральным режиссер, создатель актерского метода обучения Судзуки. Кроме собственной кампании руководил и другими проектами, сотрудничая с ведущими региональными театрами США.

лучивший название «искусство передвижения ног», связан с походкой, которая активно и в разных вариантах используется при обучении боевой технике. Для достижения высококлассного актерского мастерства режиссёр в своей концепции также использует элементы йоги, классического балета и современного танца.

Помимо театральных постановок и погружения в танцевальную стихию, Восток привлекает зрителей и в музейное пространство. В частности, в музее им. Ф. А. Коваленко в 2016 году прошла выставка японской ксилографии «Эпоха Эдо». В экспозиции были представлены портреты государственных деятелей той эпохи, наместников провинций, самураев, героев эпоса, женские портреты, жанровые композиции и пейзажи, бытовые сцены («Дома», «Размышление», «Сцена из семейной жизни», «Гейша на ковре» и др.) В целом коллекция создана на основе оригинальных произведений таких известных японских мастеров, как Кацусика Хокусай, Кунисада, Кунисеи, Тойокини¹⁷.

Изделия российских народных промыслов и традиционного японского искусства были продемонстрированы на выставке «Диалог двух культур. Россия – Япония», проходившей в Коломне в этом же году.

В духе арт-а-порте¹⁸ функционировала выставка японской одежды в Иркутском краеведческом музее. В частное собрание вошли личные коллекции кимоно¹⁹ в

¹⁷ В 1998–1999 гг. в японском городе Мацумото с успехом прошла выставка ксилографии направления укиё-э из музея им. Ф.А. Коваленко. Именно тогда выяснилось, что произведение Утагава Тоёкуни I «Воин Сога Горо Токимунэ» – единственный в мире сохранившийся экземпляр гравюры.

¹⁸ Арт-а-порте – носимое искусство.

¹⁹ Кимоно (яп. 着物 *кимоно*, «одежда») – традиционная японская одежда, впоследствии примерно с середины XIX века стала считаться национальным костюмом. Самые ранние кимоно напоминали традиционную китайскую одежду *ханьфу*.

России и СНГ. Среди моделей XVIII века есть настоящее кимоно самурая²⁰, костюм актёра театра Кабуки, а также современные модели японской одежды.

Продолжая тематику, кимоно нынешним летом в Музеях Московского Кремля стартовала выставка «За гранью воображения. Сокровища императорской Японии XIX – начала XX века. Более 90 экспонатов, около половины из которых некогда не демонстрировались широкой публике, собрал в своей личной коллекции профессор Халили. Церемониальные, роскошные кимоно для младенцев, детей, а также для девушек, женщин и мужчин, живших в эпохе Эдо и Мэйдзи, смогут оценить посетители выставки, получив эстетическое удовольствие от неподражаемых традиционных японских узоров, вышитых как шелком, так и металлическими нитями.

В рамках культурного обмена ценностями искусства Музеи Московского Кремля предложили Японии выставить свою коллекцию Фаберже. Помимо этого несколько выставок ожидается и в Китае.

В настоящее время в Музейно-выставочном комплексе Российской академии художеств расположилась выставка картин китайских художников. По своему назначению выставка «Искусство без границ» является уникальным проектом – художники данных полотен учились и занимались с преподавателями Суриковского института. С середины XX века академическая масляная живопись стала набирать популярность в Китае и обращать на себя внимание молодых художников. На выставке показаны и тради-

²⁰ Следует уточнить, что кимоно в жизни японцев всегда было дорогой вещью, так как шилось оно из шелковой ткани, а затем вручную расписывалось натуральными красителями. Кимоно не подлежит стирке, поэтому и носится очень бережно, даже если современный японец одевает данный вид одежды всего лишь восемь раз в жизни: на праздники, церемонии и по случаю траура.

ционная техника письма – картины, выполненные гуашью на рисовой бумаге, и живописные полотна, выполненные маслом, как результат обучения китайских студентов у российских профессоров. Многие молодые художники уже сегодня преподают академическую живопись в институтах, продолжая традиции русского реалистического искусства.

Творчество японского художника Ясумаса Моримури²¹ в какой-то степени схоже с медитацией. Имеется в виду ситуация, когда, погружаясь в расслабленное состояние, сродни трансу, человек исследует свою внутреннюю сущность. Чем дольше времени такой человек накапливает опыт общения с самим собой, тем больше новых граней своего «я» ему открывается. Работая в художественном жанре апроприации, Моримури вытаскивает на свет множество разных и скрытых «я», воплощая их на холсте. При этом к знаменитым полотнам своих великих предшественников Ясумаса Моримури подходит философски, обращаясь с ними как с данностью, которая требует воссоздания. Экспозиция, состоящая из неоднозначных работ японского художника, открылась в начале 2017 года в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Заимствуя чужие произведения искусства и перевоплощаясь в различных героев, японский художник тем не менее остается собой, являясь одновременно и моделью, и автором.

Экспозиция «Искусство для всех» уже побывала в Санкт-Петербурге, а также в Москве. Японский художник Кондо Юкио, в противоположность Моримури, работает в традиционной японской технике нихонга²². Мастера нихонга следуют традициям национальной художественной

²¹ Ясумаса Моримури (род. 1951 г.) – известный японский художник, работающий в жанре апроприации. В творческой деятельности перевоплотился в образы и создал различных героев «себя» более 300 полотен.

²² Нихонга – традиционная японская живопись.

живописи, сложившимися в VIII веке, в эпоху Хэйан, а именно – обращению к традиционным темам и материалам. Последние представлены натуральными природными компонентами (шелк, бумага из измельченной травы, краски из цветных камней, раковин, водорастворимые или с добавлением растительных/минеральных пигментов). В память о разрушительном цунами, свидетелем которого стал в детстве Кондо Юкио, автор в 1981 году начал работу над картиной «Поиск истины». На сегодняшний день картина достигла 13 метров, мастер собирается продолжать работу над ней до конца своей жизни.

В 2017 году 14 февраля Государственный Музей изобразительных искусств в Копенгагене представил выставку «Япономания», посвященную влиянию японского искусства на творчество европейских художников. В их числе Эдвард Мунк, Ван Гог, Клод Моне, а также такие скандинавские мастера, как Вильгельм Хаммерсхей, Лариц Андерсена Ринг, Анна Анкер и Альберт Эдельфельт. Северные страны «заболели» японизмом несколько позже, чем, например, Франция или Англия. Первой в Скандинавии «пала» Дания. Основным источником вдохновения для датских мастеров стали японские ксилографии, способствующие рождению нового взгляда на окружающую природу. В целом художники переняли технику скрупулёзного изображения животных, птиц, рыб, насекомых, ветвей и цветов. Также на выставке зрители могут познакомиться с рисунками и гравюрами Кацусика Хокусай и Утагава Хирогиси – мастеров Японии.

Черты японизма проявляются во многих картинах. Среди них «Виржини» Альберта Эдельфельта (1883), «Манне-Порте, Этрета» Клода Моне (1885) и «Дикая Анжелика» Акселя Галлен-Каллела (1889). Героини полотен напоминают экзотических гейш, в картинах мелькают «японские цитаты»: ветви цветущей сакуры, шелковые кимоно, веера,

зонтики и бумажные фонарики; образы становятся более декоративными, упрощенными и задумчивыми. В изображениях намеренно присутствует медитативность.

В «Япономании» приняли участие следующие авторы и их картины:

Лауриц Андерсен Ринг «У французского окна. Жена художника» (1897).

Винсент Ван Гог «Фруктовый сад в цвету» (1888).

Андрес Цорн «Сёстры Саломон» (1888).

Эдвард Мунк «Гарпия» (1899).

Эдвард Мунк «Крик. Литография» (1895).

Джеймс Эббот Макнейл Уистлер «Три фигуры: серый и розовый» (1868).

Вильгельм Хаммерсхёй «Стволы деревьев. Арресодель близ Фредериксверка, Северная Зеландия» (1904).

Пекка Халонен «Заснеженные саженцы сосен» (1899).

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что, несмотря на активное культурное взаимодействие России и стран Востока, подобный опыт видится весьма перспективным для обеих сторон. Тем более, что Восток по-прежнему остается для россиян неисчерпаемым богатством духа, воплощенного в визуальности. В данном контексте уместно вспомнить об одном из недавних открытий, случившемся в Японии. Имеется в виду обнаруженная в префектуре Нара острова Хонсю в гробнице Китора, относящейся к концу VII века, фреске с изображением Голубого Дракона²³. Поскольку на сегодняшний день изображений Высочайших Божеств сохранилось немного, упомянутое открытие оказывается значимым не только для Японии, но и для мировой культуры.

²³Голубой Дракон (Лазурный или Зеленый, он же Синий), Белый Тигр, Черная Черепаха, Птица Сузаку и Желтый Дракон в центре представляют Пять элементов Высочайшего Божества, заимствованы из китайской мифологии и присутствуют в синтоизме.

А. М. Сабирова
(Россия, Краснодар)

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В РАМКАХ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: культуру невозможно представить без традиции, и наиболее глубокими традициями обладает народная культура, которая нередко обозначается как «традиционная культура». Традиция вырастает из бывшей инновации, и в процессе своего становления обретает такие черты как непрерывность, вариативность, адаптивность, интегративность и устойчивость.

Ключевые слова: народная культура. традиция, инновация, непрерывность традиции, резонанс-факторы, вариативность традиции, адаптация традиции, интеграция традиции, устойчивость традиции.

A. M. Sabirova
(Russia, Krasnodar)

CULTURAL TRADITION: ITS CONCEPTUALIZATION IN THE FRAMEWORK OF POPULAR CULTURE

Annotation: culture is impossible without traditions, and most traditions has deep folk culture, which is often referred to as «traditional culture». The tradition grows out of the former innovation, and in the process of its formation, acquires such features as continuity, variability, adaptability, integrity and sustainability.

Keywords: the folk culture. tradition, innovation, continuity of tradition, resonance factors, the variability of traditions, adapt the traditions, the integration of tradition, stability, tradition

Термин «традиция» стал устойчивой характеристикой народной культуры, и неспроста данный тип культуры чаще обозначают традиционной культурой, подчеркивая ведущую роль традиций в ней. С этим сложно поспорить, так как подавляющая часть ценностного мира народной культуры способна была сформироваться и сохраниться только благодаря традиции. При этом исследований в отношении самого феномена традиций не так уж и много, а интерпретация авторов работ в отношении сущности традиций не всегда является однозначной, и данная статья, надеемся, станет еще одной попыткой осмысления сущности такого явления культуры как традиция.

В известной работе С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова «Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества» под традиционностью понимается «передаваемость или переданность «чего-либо» от поколения к поколению. При этом происходит преодоление срока жизни одного поколения, распространение способа действий, выверенного одним поколением, на жизнедеятельность последующего» [1, 3]. С данным определением в целом можно согласиться, за исключением той ее части, в которой утверждается, что выверение традиций (способа действий) является прерогативой одного поколения. На наш взгляд, выверение традиций – это непростой процесс перерастания инновации в традицию, и не всегда в формировании традиции участвует только одно поколение, поэтому здесь уместнее говорить о способах действий, выверенных «предыдущими поколениями». По мнению С. К. Бондыревой и Д. В. Колесова, для понимания сущности традиций важны такие понятия как непрерывность (особое качество совокупности элементов, заключающееся в постоянном контакте между ними и отсутствии интервалов, пространственных или временных, которые бы препятствовали этому контакту), неразрывность (свойство непрерывности,

т. е. устойчивость совокупности к нарушению сложившихся контактов между её элементами), преемственность (явление, сущность которого заключается в усвоении опыта (действий) одних индивидов другими и воспроизведении его в собственной деятельности) [1, 7–9]. Перечисленные качества традиции, безусловно, являются сущностными, однако нельзя понимать их упрощенно, как нечто неизменное и стабильное. К примеру, в отношении непрерывности и неразрывности традиций культурная практика порой показывает и обратное, когда внешняя, открытая форма существования традиций прекращается и возобновляется вновь спустя десятки и даже сотни лет. Эти традиции сохраняются в памяти людей, в письменных, вещественных и иных источниках, и существуют в скрытом виде. На эту закономерность в своё время указал испанский фольклорист Р. М. Пидаль, говоря о латентных способах существования и развития культуры [2, 102]. Безусловно, это касается наиболее глубоких, многовековых традиций, для которых «как ни резки бывают исторические разрывы революционных эпох, они не в силах уничтожить (их) непрерывности» [3, 163]. Мысль, высказанная Г. П. Федотовым, относится именно к таким, наиболее устойчивым и жизнеспособным традициям. Такая скрытая форма традиций может существовать как на уровне микросоциумов – например, семьи, в которой потомки возвращаются к исконным занятиям своих предков, восстанавливая секреты их мастерства, так и на уровне макросоциумов – народов. Примерами могут служить восстановление некоторые православных и языческих праздников (Рождество, Пасха, Масленица и др.), а также обрядов и ритуалов, казалось бы, забытых в советское время, но которые обрели вторую жизнь в России в постсоветский период. Похожая ситуация имела место в эпоху Ренессанса, когда возрождались в западно-европейской культуре традиции античности.

Э. Е. Алексеев, известный советский фольклорист, обращаясь к вопросу скрытого существования фольклора, так пишет об этом: «В самом факте временного умолкания фольклорной традиции нет ничего удивительного. Но только в том случае, если фаза молчания не превышает период, на протяжении которого успевают смениться одно-два поколения носителей фольклора... Если же фаза молчания затягивается и происходит очевидный разрыв в преемственности поколений, то в этом случае возрождение традиции уже невозможно объяснить ничем иным, как действием особых механизмов скрытого существования фольклора. Вероятно, наряду с активными формами полнокровного функционирования, фольклор обладает способностью переходить в пассивные, внешне себя никак не проявляющие состояния, впадать в своего рода анабиоз, выход из которого оказывается возможным только благодаря включению опять-таки особых факторов» [4, 181]. Э. Е. Алексеев обозначает их резонанс-факторами, под которыми понимает различные внешние обстоятельства, побуждающие возрождение традиций. Но их действие возможно в тех случаях, если в «генах» культуры сохранилась предрасположенность к их восстановлению и развитию. Поэтому, говоря о непрерывности и неразрывности традиций, необходимо делать оговорку об их особых формах бытования – открытых, существующих естественно, и скрытых, практически не имеющих внешней проявленности.

К безусловному свойству традиций можно отнести и преемственность, подразумевающую передачу культурного опыта предшествующего поколения настоящему, а затем и последующим. Тем самым осуществляется связь поколений. Ещё одним свойством народной традиции следует считать вариативность, которая обнаруживает себя в ней на самых различных уровнях – от мельчайших деталей текста до целостных национальных культурных систем. Так, по

мнению Б. Н. Путилова, «под вариативностью мы обычно понимаем видоизменение каких-либо устойчивых «данных», существующих в традиции со своими сложившимися признаками фольклорных сюжетов, мотивов, образов, текстов или их частей, жанровых особенностей и т. д.» [5, 180]. Рассматривая вопросы вариативности фольклора, Б. Н. Путилов данную категорию соотносит с народной культурой в целом. «Правомочно соотносить столь широко осознаваемую категорию вариативности фольклора с вариативностью во всех других сферах народной традиционной культуры и традиционного быта: хозяйственной деятельности, орудий труда, жилища, построек, одежды, утвари, украшений, обрядового реквизита, а наряду с этим – социальных институтов, поведенческих норм, обрядовых комплексов, представлений и т. д.» [5, 181]. Такого же мнения придерживается и М. К. Асанбеков, выделяющий в традиции два компонента: стабильный и нейтральный, первый из которых связывается с устойчивостью, стабильностью, а второй с вариативностью, изменяемостью [6, 12]. А. И. И. Земцовский ещё более расширяет сферу вариативности, утверждая, что «фольклорная вариантность есть частный случай вариантности как наиболее фундаментального феномена жизни вообще, во всех её проявлениях» [7, 37].

На первый взгляд, вариативность как категория изменяемости, может показаться абсурдной и несоответствующей такому устойчивому и стабильному феномену как традиция. Но именно вариативность и подчеркивает устойчивость традиций. По верному замечанию К. В. Чистова, «варьировать может нечто, обладающее устойчивыми характеристиками» и «варьирование немислимо без стабильности» [8, 119]. Кроме этого, Б. Н. Путилов обращает внимание на существенный момент, имеющий, безусловно, общее значение для теории вариативности народной культуры: «отдельные экземпляры вещей, случаи поведения, кон-

кретные проявления соционормативности практики «возводимы» как варианты не к некоему первичному, однажды изготовленному, открытому, введенному обществом в практику образцу – «первоисточнику», но к некоему общему типу. Варьируется не «первый» предмет, но тип, совокупность традиционных, устоявшихся признаков предметов или явлений. И это принципиальное положение не меняется от того, что при изготовлении тех или иных предметов, при исполнении обрядов, при соблюдении соционормативных правил определяющую роль может играть преемственность непосредственного опыта, а не знание типологии. Ближайший опыт старших поколений, живые образчики вещей или норм поведения составляют традицию, в которой именно типология, а не просто набор отдельных образцов имеет решающее значение» [5, 181–182].

Иногда к свойствам традиции относят такое явление как повторяемость. Например, А. А. Батура пишет: «Одним из существенных атрибутов традиционного является повторяемость. Всюду, где происходит эволюция традиционных явлений, переход от одного качественного состояния к другому, имеет место повторяемость. Речь идет, разумеется, не о механическом повторении... а об удержании моментов, являющихся наиболее рациональными, жизнеспособными, присущих предшествующим этапам, в новые стадии развития» [9, 42]. На наш взгляд, здесь речь идет все-таки о вариативности, поскольку воспроизведение предыдущего опыта с некоторыми изменениями есть не повторяемость (повтор предполагает точное воспроизведение предшествующего), а именно вариативность, и термин «повторяемость» не совсем удачен в этом случае.

Кроме указанных свойств традиции, к ее обязательным качествам следует отнести адаптивность и интегративность. Так, М. О. Мнацаканян, соотнося культурную традицию с границами национальной культуры, отмечает,

что «культурная традиция динамично, поэтапно проходит коллективную психологическую адаптацию и легитимизацию, принятые, таким образом, социально стереотипизированные её компоненты (смыслы, ценности, нормы, уставы, ритуалы и т. д.) формируют основы характера народа, определяя своеобразие деятельности, способов поведения, реакций и т. д. Ни одна инновация не может пробить себе дорогу в культуру, минуя психологический барьер: она должна быть принята множеством входящих в коллективную общность людей. И национальный характер будет защищать те элементы культурной традиции, которые стимулируют рост адаптивных возможностей социальной системы в новых условиях. Точно так же инновация принимается, стереотипизируется как коллективный социальный опыт и превращается в традицию, если она увеличивает адаптивные возможности социальной системы» [10, 139]. То есть, любая традиция, прежде чем стать таковой, должна синтезировать коллективный опыт народа, стать актуальной в этой социальной среде, закрепиться, укорениться в ней на индивидуально-психологическом уровне, а также стать частью коллективного сознания народа – и только в таком, адаптированном, виде можно говорить о культурном феномене как традиционном. «Человек, психологически принимая традицию и её ценности, смыслы, сакрализует их и готов ради них идти на любые жертвы, здесь у него формируются чувства любви и ненависти, глубокие основы идентичности» [10, 140].

Таким образом, адаптация – необходимое условие для любого культурного явления, претендующего стать традиционным. Механизм формирования той или иной традиции, переход культурного феномена из разряда инноваций в традицию может быть самым различным. Так, С. А. Арутюнов выделяет три пути трансформации инновации в традицию: спонтанный, стимулированный и заим-

ствование [11, 168]. Рассматривая пути становления традиции, М. О. Мнацаканян, например, отрицает такой путь зарождения традиции как «насаждение её сверху» [10, 139], и с этим трудно согласиться. Безусловно, такой путь зарождения традиций не является типичным, но таких прецедентов в истории немало. Всем известны ставшие классическими примерами принятие христианства на Руси, внедрение в русскую народную кухню картофеля, введение в советский период идеологически обусловленных праздников и т. д. Поэтому варианты возникновения инноваций в народе могут быть многочисленны, но главным условием является её адаптация в социальной среде, усвоение и принятие её народом на ценностном уровне.

Интегративность как свойство традиции выражает себя в аккумуляции культурного опыта народа, механизме заимствования элементов других культур, способности традиции вовлекаться в ценностную систему последующих поколений, усваиваться ими на нормативном уровне. «Культурная традиция интегрирует в центре культурные феномены, элементы и части культуры, становится источником её развития потому, прежде всего, что сама является феноменом динамичным и развивающимся и источник этого движения в ней самой, внутри» [10, 135]. Кроме приведенных выше характеристик традиции следует отметить ещё одно качество народной традиции – её устойчивость. Например, В. И. Толстых определяет традицию как «способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времён, эпох» [12, 87].

С. А. Арутюнов, говоря об устойчивости народной традиции в условиях индустриального и постиндустриального общества, обращает внимание на определенные аспекты, формы и виды народной культуры, где эта устойчивость выражена наиболее полно. «Этническая традиция,

изменяющаяся гораздо медленнее, в таких условиях может определять лишь ту часть культуры, которая сравнительно мало зависит от изменений и технологии производства: например, определенную предпочтительность тех или иных занятий и вообще стержневую часть системы ценностных ориентаций; многие ценности семейного быта; язык и метаязыковые формы коммуникаций; автостереотипы и стереотипы межэтнических отношений; значительную часть музыкально-хореографической, орнаментальной и вообще народно-художественной традиции; домашнюю кулинарию; навыки организации пространства (т. н. проксемику); бытовую обрядность и т. д.» [11, 164].

Следует отметить, что традиционность – характерная черта не только народной культуры. Как справедливо отмечает Н. И. Бондарь, «какой бы тип культуры или субкультуры мы не взяли, народную (фольклорную) – профессиональную, элитарную – массовую и т. п., каждая из них обладает своими традициями и вполне может претендовать на эпитет «традиционная» [13, 34]. А в понимании К. В. Чистова понятия «традиция» и «культура» представляют собой неразрывное целое. «Термины «культура» и «традиция» в определенном теоретическом аспекте синонимичны или, может быть, точнее, почти синонимичны. Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» – механизм его формирования, трансмиссии и функционирования... Произнося слова «культура» и «традиция», мы подразумеваем не одноразовые явления, побочные или случайные для истории, а те, что имеют значение для человечества или по крайней мере для определения социальной общности» [14, 106]. Несмотря на это, понятие традиционности мы практически во всех случаях применяем по отношению к народной культуре и это происходит потому, что из всех ныне существующих культур народная культура является наиболее древней и потому обладающая наиболее глубокой и длительной традиционностью.

Литература:

1. Бондырева С. К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004.
2. Пидаль Р. М. Избранные произведения. – М., 1961.
3. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. – Т. 2. – СПб.: София, 1992.
4. Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры. – М.: Советский композитор, 1988.
5. Путилов Б. Н. Вариативность в фольклоре как творческий процесс // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С. А. Токарева. – М.: Восточная литература, РАН, 1994.
6. Асанбеков М. К. Традиции и обычаи в динамике образа жизни сельского населения Киргизии: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. – М., 1993.
7. Земцовский И. И. Проблема варианта в свете музыкальной типологии: Опыт этномузыковедческой постановки вопроса // Актуальные проблемы современной фольклористики. Сб. статей и материалов. – Л.: Музыка, 1980.
8. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л.: Музыка, 1986.
9. Батура А. А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции: дисс....канд. культурологии. – Краснодар, 2000.
10. Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни.: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2004.
11. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989.
12. Толстых В. И. Культурная традиция. Новая философская энциклопедия. – Т. 4. – М.: Мысль, 2001.

13. Бондарь Н. И. Традиционная культура: понятие, явление, современное состояние // Сбережение народа: традиционная народная культура. Мат. науч.-практ. конф. 8–9 июня 2007 г. Краснодар. – Краснодар: ООО РНЦ «Мир Кубани», 2007.

14. Чистов К. В. Традиция и вариативность // Фольклор. Текст. Традиция. – М.: ОГИ, 2005.

ОБРАЗОВАНИЕ, ПЕДАГОГИКА, ИСКУССТВО

В. В. Шалин
(Россия, Краснодар)

ВСЕ У НАС ВПЕРЕДИ

Аннотация: в статье представлен обзор изданий, выполненных в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России» при поддержке международного фонда «Культурная инициатива». По мысли автора, актуальная на сегодняшний день гуманитарная интервенция, способствующая расширению поддержки «демократических институтов» от Фонда Сороса до Транснационального капитала, при определенных условиях может привести к потере суверенности образования как социального института, что, в свою очередь, несет угрозу национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, гуманитарная интервенция, образование как социальный институт, учебники.

V. V. Shalin
(Russia, Krasnodar)

ALL WE HAVE A FRIEND

Annotation: the article provides an overview of the publications carried out within the framework of the «Renewal of Humanitarian Education in Russia» program with the support of the International Fund «Cultural Initiative». According to the author, the actual humanitarian intervention, which contributes to expanding the support of «democratic institutions» from the Soros Foundation to Transnational capital, under certain conditions can lead to the loss of the sovereignty of education as a social institution, which in turn threatens Russia's national security.

Keywords: national security, humanitarian intervention, education as a social institution, textbooks.

В 90-х годах я с удовольствием погрузился в чтение различных изданий по программе «Обновление гуманитарного образования в России» [4] при поддержке международного фонда «Культурная инициатива». Всего было издано и передано для распространения в вузах около 200 новых учебников и учебных пособий по философии, экономике, истории, праву, социологии, культурологии, политологии и другим гуманитарным дисциплинам. Все они издавались Фондом Сороса, на «гуманитарный» вход в Россию он потратил сотни миллионов долларов. Эта программа продолжалась лет пять, было издано довольно много книг, их называли «рыжие учебники», потому что стандартизированный подход обеспечивал узнаваемость издания: была обложка такого рыжего цвета и похожий дизайн.

Об учебниках Фонда Сороса много писали в тогдашней прессе. Русское историческое общество (РИО) провело

специальную конференцию, на ней учебники Фонда Сороса подверглись не критике, а сокрушительному разгрому. Соросовский учебник «Культурология» был написан доктором химических наук, впервые в жизни взявшимся за общественную тематику. Учебники истории оказались отмечены безумным количеством ошибок, передергиваний, вымыслов и домыслов, совершенно откровенно внушая ученикам, что все жители России – люди ущербные, что вся история России – цепь неудач и позора, а образцом для подражания является... конечно же, западная цивилизация «общества потребления».

Невозможно представить, чтобы, в США или другом государстве западной цивилизации в государственных учебных заведениях был принят учебник, созданный на иностранные деньги и подчиненный целям морального унижения американского или европейского народа, ревизии истории Запада и восхваления и оправдания идеологии и политической практики России. А учебники, созданные именно на американские деньги, и подавали историю XX века исключительно с целью оправдания и восхваления внутренней и внешней политики США.

В данном контексте весьма интересным представляется учебное пособие А. П. Панкрухина «Маркетинг образовательных услуг в высшем и дополнительном профессиональном образовании», вышедшее по указанной программе в 1995 году. Цитирую: «Прежде всего, образование может быть необходимо для выживания, для того, чтобы заработать, получить необходимые средства для удовлетворения **физиологических потребностей** личности.

Следующая ступень – получение гарантий безопасности, защищенности личности от возможных угроз в будущем, своеобразный образовательный «страховой полис».

Безусловно, важной является и потребность принадлежать, быть принятым в члены какой-либо значимой для

личности группы, круга людей (например, по образовательному статусу, профессиональной принадлежности).

Вслед за этим стоит группа потребностей в признании и уважении собственной компетентности со стороны окружающих, в самоуважении.

Наконец, вершиной в иерархии считается группа потребностей в реализации своих возможностей и росте как личности, что связано с необходимостью понять и познать себя, выйти на возможности саморазвития, управления собой в соответствии с некими приоритетами»[3].

Обратим внимание, на фоне подобных учебников, столь трогательно раскрывающих тему личности и ее потребностей, параллельно были фактически подвергнуты уничтожению гуманитарные дисциплины, которые формируют мировоззрение обучающихся. Не случайно О. Четверикова – доцент МГИМО(У) МИД России (г. Москва) рисует картину современного дня, оперируя в образовательном сегменте понятием бездуховной биомассы: «Присвоив себе право на тотальное изменение человека, научные и политические элиты взяли курс на создание «двухуровневого общества»: с одной стороны – правящий класс избранных, с другой – «человеческий ресурс», «человеческий капитал». Это, в частности, признал один из ведущих разработчиков НБИКС-технологий (С-социальных) и искусственно-интеллекта, директор Курчатовского института М. В. Ковальчук, откровенно заявивший, что «сегодня возникла реальная технологическая возможность в процессе эволюции человека. И цель – создать принципиально новый подвид Homo sapiens – служебного человека». Он констатировал: «Свойство популяции служебных людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, это уже происходит. Вторая вещь – управление размножением, и третья вещь – дешевый корм, это генно-модифицированные продукты.

И это тоже уже все готово. Значит, фактически сегодня уже возникла реальная технологическая возможность выведения служебного подвида людей. И этому помешать уже не может никто, это развитие науки, это по факту происходит, и мы с вами должны понимать, какое место в этой цивилизации мы можем занять» [5].

Таким образом, реализация положений пособия А. П. Панкрухина об удовлетворении физиологических потребностей, по сути, оборачивается упразднением части знаменитой фразы Аристотеля «Человек по своей природе есть общественное животное».

Это приводит к изменению всех структурных элементов социокультурной действительности. В первую очередь системы образования, о чем мы писали в коллективной монографии «Модернизация, образование, современность» [2]. Причем процессы эти стремительные, охватывающие все страны, направленные на выявление и рекрутирование интеллектуалов для обслуживания так называемого «золотого миллиарда». Одной из таких программ являлась Эразмус Мундус по обмену и сотрудничеству в области высшего образования, обеспечивающая, в первую очередь, повышение качества европейского высшего образования и содействие диалогу и пониманию между людьми и культурами через взаимодействие с третьими странами.

В декабре 2014 г. правительство утвердило «Концепцию Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг.» [1], которая, по мнению разработчиков, обеспечит интеграцию бизнеса и высшего образования и реализует цель – формирование конкурентоспособного человеческого потенциала и повышение конкурентоспособности российского образования на всех уровнях, в том числе международном. А для этого предусматриваются комплексные проекты по созданию и внедрению новой структуры (модели) вузов, модернизации технологий заоч-

ного (дистанционного) образования, перехода к системе эффективного контракта с руководителями и педагогическими работниками, привлечению работодателей к участию в управлении деятельностью профессиональных образовательных организаций. Для профессорско-преподавательского состава вузов вводятся чуждые рейтинговые показатели успешности, хотя подготовка обслуживающей категории специалистов не требует подобного уровня. Достаточно лишь тьюторов или преподавателей-исследователей, которых готовит сегодня аспирантура. Доминантой в подготовке «служебного подвида людей» заявлен компетентностный, а не знаниевый подход. Фактически осуществляется латентный переход высшей школы под управление крупного бизнеса и, в конечном счете, приватизации государства. На это же направлен проект 5–100–20, действующий с 2013 г. и включающий сегодня 21 вуз.

Более того, введение в закон «Об образовании» понятия образовательной услуги на семантическом уровне изменило герменевтику отношений между педагогами и обучающимися. Так лишь небольшая ниша в целостности российского образования привела к чувственным гуманитарным интервенциям и расширению поддержки «демократических институтов» от Фонда Сороса до Транснационального капитала. Это весьма краткий «пейзаж» проблемных зон в современном российском образовании, которые при определенных условиях приведут к потере суверенности образования как социального института, а соответственно нанесут ущерб национальной безопасности.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 N 2765-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173677/

2. Модернизация образование современность: коллективная монография. – Краснодар: КубГАУ, 2015.

3. Панкрухин А. П. Маркетинг образовательных услуг в высшем и дополнительном профессиональном образовании. Учебное пособие. – М.: Интерпракс, 1995..

4. Программа «Обновление гуманитарного образования в России». [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.ieek.timacad.ru/opac/index.php?url=/collections/view/261/page:2>

5. Четверикова О. Н. «Ликвидация»: судьба российского образования. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_rBIWUPCPqk

О. И. Жданова, С. В. Баныкина
(Россия, Москва)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПРИЗМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы значения толерантности в современной системе образования, роли учителя и его менталитета в формировании толерантной личности.

Ключевые слова: толерантность, менталитет педагога, культура, воспитание.

O. I. Zhdanova, S. V. Banykin
(Russia, Moscow)

TOLERANCE IN EDUCATION PRIZE

Annotation: the article discusses the place and value of tolerance in the modern education system, the role of the teacher and his mentality in the formation of a tolerant person.

Keywords: tolerance, the mentality of the teacher, culture, education.

Культура, как совокупность всего, что создано людьми, представляет собой неотъемлемый и доминирующий императив образовательного процесса. Тысячелетия человек обустроивал планету, творил, преобразовывал природу и себя, чтобы последующие поколения продолжали обустроивать и преобразовывать, опираясь на достижения предшественников. Образование как специализированный социальный институт призвано помочь сделать этот процесс осмысленным, творческим, способствующим прогрессу человечества.

Культура народа находит отражение в его менталитете. Определим менталитет как инструмент сознания, с помощью которого происходит познание мира определенным образом [2]. Фактически, менталитет определяет, каким образом человек воспринимает мир, с каких позиций, какое отношение к миру вырабатывает. Менталитет лежит в основе формирования мировоззрения личности. В связи с этим в менталитете можно выделить несколько составляющих: когнитивную, аксиологическую и поведенческую. Они проявляются в стереотипах мышления, своей особой картине мира и индивидуальных (коллективных) фильтрах восприятия действительности, принципах и ценностях, через которые идет оценка познаваемого объекта, поведении индивидов и так далее.

Профессиональные сообщества также обладают своим менталитетом, на характер которого накладывает отпечаток специфика профессии. У педагога – особый менталитет, поскольку, являясь частью своего народа, педагог несет еще и ответственную миссию передачи будущему поколению важнейших достижений и идей всего человечества. Это обстоятельство заставляет предъявлять к личности педагога особые требования.

На длительном пути, пройденном человечеством, были разные периоды – овеянные славой и покрытые позором, блестяще продвигавшие нас вперед по пути прогресса и возвращающие на десятилетия назад, ярчайшие по расцвету творчества и созидания и темные в тесных рамках запретов и цензуры. При этом школа всегда является зависимым институтом, жизнедеятельность которого определяется социальным, государственным заказом. Следовательно, педагоги должны быть проводниками тех идей, на которых базируется и которые декларирует государство. В то же время, педагогам важно уметь занимать нейтральную и толерантную позицию, чтобы быть опорой и моральным ориентиром для своих учеников в любых существующих и предлагаемых обстоятельствах.

В связи с этим проблема толерантности, ее преломления в системе образования и менталитете педагога приобретает особое значение. В 1995 г. ЮНЕСКО была предложена и утверждена Декларация принципов толерантности. Согласно данному документу, «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [3, 283]. В современном глобализирующемся и одновременно стремящемся к национальной идентификации мире, в котором идет кардинальная перестройка общежития народов и стран, вопрос формирования толерантного мышления и воспитания толерантного поведения у растущего поколения не просто важен, он актуален.

Согласно энциклопедическому словарю, толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение), если оставить в стороне его медицинское толкование как «способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды» (что весьма красноречиво выражает негативное воздействие того, что приходится терпеть), означает в более общем смысле «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [5, 1348]. Отсюда следует, что для адекватного понимания толерантности предлагается обратиться к толкованию понятий «терпение», «терпимость». Согласно известному толкователю русского языка В. Даю, терпеть – значит «выносить», «сносить», «нуждаться», «страдать», «крепиться», «мужаться», «держаться», «выжидать чего лучшего», «смиряться», «снисходить», «допускать», «потакать» и т.п.

По «Толковому словарю» С. Ожегова, терпеть – это «1) безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдание, боль, неприятное, нежелательное); 2) мириться с наличием, существованием кого или чего-нибудь, допускать что-нибудь; 3) испытывать что-нибудь (неприятное, тяжелое); 4) быть таким, что можно отложить, подождать».

Из всех этих характеристик толерантности и ее якобы русского эквивалента – терпения, терпимости складывается впечатление, что, с одной стороны, это понятие означает способность человека обороняться, сохранять себя, противостоять внешним воздействиям, а с другой, – что эти внешние воздействия в основном носят негативный для него характер, напрягают его силы и способности, требуют его готовности к противостоянию, противодействию внешним обстоятельствам и условиям.

Однако такое понимание толерантности, которое может сложиться при его отождествлении с понятиями терпения и терпимости, вызывает возражение многих об-

ществоведов, в том числе конфликтологов. Приведем одно из таких возражений, принадлежащее М. С. Миримановой: «Слово “терпимость” часто ассоциируется с пассивным принятием окружающей реальности, непротиплением злу, со способностью “подставить вторую щеку”. Когда же мы говорим о толерантности, толерантных установках, напротив, речь идет об активной жизненной позиции, предполагающей формирование самосознания, ответственности, защиту прав любого человека, и своих прав не в последнюю очередь» [4]. Как видим, автор предлагает, по существу, если не противопоставить, то, во всяком случае, развести, не отождествлять понятия «толерантность» и «терпимость», «терпение».

В качестве альтернативы предлагается сблизить смысловую характеристику толерантности прежде всего с понятием допустимости чего-то иного, даже противоположного тому, чем обладаешь сам. Так, «в политическом плане сегодня толерантность – готовность власти допускать инакомыслие в обществе и даже в своих рядах, разрешать в рамках конституции деятельность оппозиции, способность достойно признать свое поражение в политической борьбе, принимать политический плюрализм как проявление разнообразия в государстве» [4, 27].

Толерантность трактуется и в более широком смысле – как социальный фактор, направляющий межличностные отношения в обществе к сотрудничеству, связывающий индивидов между собой, а также с традициями, нормами, культурой и т.д., – точнее, с признанием того, что все это у них может сильно различаться в силу их воспитания, образования, приверженности к разным национальностям, вероисповеданиям, правовым и нравственным нормам и т. п. [4, 28]. Ученые различают внешнее и внутреннее проявление толерантности: под первым имеется в виду допущение и признание, что другие люди могут иметь свою

собственную позицию, обусловленную особенностями их восприятия той ситуации и тех взаимоотношений, в которые они оказались вовлеченными, могут видеть вещи с иных (разнящихся) точек зрения, учитывать разные аспекты и аргументы; под вторым – способность сохранять уравновешенность в различных, в том числе неожиданных ситуациях: конфликтных, стрессовых, рискованных, неопределенных и т.п., не теряя при этом стремления поддерживать согласованность взаимодействия с другими людьми и партнерские отношения с ними, исключая доминирование и насилие, готовности принять их такими, какие они есть. Таким образом, толерантность в общении – это позиция личности самостоятельной, имеющей собственные ценности и интересы, готовой их защищать, но одновременно уважительно относящейся к интересам и ценностям и других людей, с которыми ей приходится иметь дело [4,29; 97].

Сегодня мы сталкиваемся с необходимостью формирования коммуникативной, моральной, этнической толерантности, поскольку ежедневно вступаем в общение с людьми разных взглядов, убеждений, вероисповеданий и национальных культур. Толерантность есть укоренение в общественном сознании императива на восприятие иного в социальной практике как обязательного условия в саморазвитии общества и человека [1]. Толерантность – духовное явление, возникло как результат осмысления в практической жизни последствий мировоззренческих конфликтов, наиболее острыми из которых были религиозные войны. Толерантность выросла из практики разрешения мировоззренческих конфликтов.

Умение адекватно общаться с людьми, учитывая свое с ними различие, становится доминирующим в нашем обществе. В связи с этим школа может и должна стать местом, где дети не только знакомятся с особенностями раз-

личных культур, вершинами их достижений, но и учатся жить рядом с обычаями других народов и уважать их, одновременно сохраняя свою национальную и культурную идентичность. Нельзя забывать, что при всей глобальности современного мира, где представители многих народов живут бок о бок, прежними остаются историческая принадлежность территорий и вековые корни исторической памяти людей, их населяющих. Поэтому толерантное гостеприимство должно жить вместе с толерантным уважением к людям, вам его оказавшим.

Школа сегодня может стать многофункциональным центром, прежде всего, культуры. Помимо образовательного процесса, в ней обязательно должно осуществляться строительство современного культурного пространства, удовлетворяющего пытливого, стремящегося к новизне и разнообразию ум молодого человека. В таком пространстве могут и должны происходить процессы становления того креативного, активного, образованного и саморазвивающегося поколения, о котором говорится в современной образовательной парадигме. В данном контексте толерантность можно рассматривать как характеристику личности, как социально-психологическое качество личности. Толерантность не воспитывается отдельно, она имманентна любому направлению воспитания: правовому, нравственному, воспитанию основ религиозной культуры, воспитанию исторической памяти и культуры. И школа должна осуществлять такое воспитание.

Особое внимание необходимо уделять этой проблеме и в связи с тем, что ценностную, духовную нишу в сознании людей безгранично пытается занять церковь. Церковь выступает против самого понятия толерантности, толкуя ее то как вседозволенность, то как политкорректность или поликультурность, возведенную в абсолют. Важно также понимать, что понятия толерантности, духовности и нрав-

ственности тесно взаимосвязаны. Кроме того, заметим, что формируемая толерантность имеет разумные пределы и не подразумевает попустительства тому, что противоречит морали, глобальным ценностям. Наблюдаемые в мировом сообществе проявления толерантности, основывающиеся на надуманных подчас «комплексах вины» («комплекс белого человека», например), являются проявлением не здоровой, разумной, толерантности, а психического недомогания. Выстраивать равные отношения, способствующие взаимному духовному обогащению и дающие эффективный результат деятельности, возможно только при отсутствии претензий, обид при взаимном принятии и уважении.

Таким образом, толерантность отнюдь не означает безусловного примирения «всех со всеми», «капитуляции» слабого перед сильным или безоговорочного принятия социальной несправедливости. Это социально-уверенная позиция, включающая признание равного права сторон на независимость и успех, собственное мнение, самостоятельность и ответственность, ориентацию сознания людей на сближение позиций, согласование целей и интересов, поиск дополнительных средств и ресурсов для их обеспечения. Именно такую, здоровую толерантность, без попустительства или претенциозности, необходимо воспитывать у детей. Для этого педагогам важно самим научиться быть толерантными в полном смысле этого слова. В связи с этим, формирование адекватного ситуации и требованиям времени профессионального менталитета педагога – одна из приоритетных задач современной системы образования. Педагог – ключевая ее фигура, и необходима целенаправленная, корректная и ценностная работа по приведению личности педагога в соответствие с требованиями актуальной ситуации. В целом необходимо подчеркнуть, что формирование массового сознания неконфронтационного, толерантного типа может рассматриваться как количествен-

ный и качественный рост духовных ресурсов общества, неперенное условие развития менталитета как инструмента сознания людей.

Литература:

1. Банькина С. В. Конфликтологическая компетентность руководителя. – М.: Сентябрь, 2012.
2. Гусаченко О. И. Менталитет: сущность и предназначение // Академический вестник. – 2003. – № 10.
3. Качество образования как социальная проблема. – Ставрополь, 2002.
4. Мириманова М. С. Конфликтология. – М., 2003.
5. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.

И. Г. Тажидинова
(Россия, Краснодар)

СПОРТ И ИСКУССТВО: ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: спорт рассматривается как явление культурной жизни, источник идей для эволюции искусства. Современные тенденции взаимодействия спорта и искусства анализируются в контексте Олимпийского движения, развития массовой культуры и др.

Ключевые слова: культ спорта, искусство XX в., советские художники, зрелищность, Олимпийское движение, массовая культура.

I. G. Tazhidinov
(Russia, Krasnodar)

SPORT AND ART: POTENTIAL OF INTERACTION

Annotation: sport is seen as a phenomenon of cultural life, a source of ideas for the evolution of art. Modern trends in the interaction of sports and art are analyzed in the context of the Olympic movement, the development of mass culture.

Keywords: cult of sport, art of the twentieth century, Soviet artists, entertainment, the Olympic movement, mass culture.

Художнику Александру Дейнеке принадлежат слова: «Спорт имеет одну великолепную особенность: он укладывается в разнообразнейшие рамки искусства. Как тема он неисчерпаем, ибо он демократичен и популярен... Спорт вмещает в себя все оттенки ощущения. Он лиричен, он мажорен. В нем много оптимизма. В нем начало героического» [1]. Осознание этой специфики спорта, отражение его культа в искусстве не было ровным, оно знало взлеты и падения. При ближайшем рассмотрении спорт оказывается древней и вместе с тем молодой темой в искусстве.

В свое время тема спорта занимала видное место в искусстве античной Греции. Многочисленные образы легкоатлетов (дискоболов, копьеметателей, бегунов), запечатленные прежде всего в скульптуре, выражали идеал гармонично развитого, физически и духовно прекрасного человека, уподоблявшегося самим богам-олимпийцам. Тем не менее, в средневековье классический идеал здорового, тренированного человека был предан забвению. Его возрождение связано с XX веком, причем значительная роль в этом процессе принадлежит советскому искусству.

Тема и даже культ спорта прочно утверждается в отечественном искусстве в 1930-е годы. Это связано с распространением монументально-декоративного стиля искусства 30-х гг. взамен рационально-конструктивистского стиля 20-х. Примером может служить сценография праздничных демонстраций, спортивная тематика в живописи советских художников. Но самый яркий пример – многокрасочные смальтовые мозаики А. А. Дейнеки на станции метро «Маяковская» (1938–39 гг.).

Современные историки искусства едины во мнении, что признанный и сегодня талант советского художника Александра Дейнеки максимально раскрылся именно в теме спорта. Это представляется не случайным. Согласно В. М. Полевому, в ряде монографий исследовавшему основные тенденции искусства XX века, А. Дейнека, кроме таких признанных за его творчеством качеств как композиционная щедрость, виртуозное мастерство рисунка, тонкое чувство цвета, обладал еще одним, трудно выразимым в словах качеством – своего рода абсолютным слухом современности. В силу этой особенности художнику удалось создать в своем искусстве идеальную стройную поэтику советской современности, частью которой, несомненно, являлся спорт. Именно А. Дейнека увидел в движении спортсменов не просто новый изобразительный мотив, но содержащуюся в нем и не замечавшуюся ранее эстетику нового. В. М. Полевой замечает: «Так же как в свое время импрессионисты открыли поэзию дурной погоды, научили видеть мерцание солнечных бликов, Дейнека открывает людям глаза на увлекательное эстетическое обаяние энергии, молодости и темпа современной жизни» [2, 128].

Искусствоведы утверждают, что манера Дейнеки, отличающаяся графической четкостью и обобщенностью форм, особенно соответствовала выражению темы спорта. В данной теме художника привлекала возможность худо-

жественными средствами выразить классическое понимание прекрасного человека. Он изображал разнообразные моменты силовых состязаний, неожиданность поз футболистов и хоккеистов, прыжки парашютистов и лыжников. Но больше всего Дейнека любил изображать бег, который был для него символом спортивности. Диапазон творческой интерпретации темы спорта у Дейнеки поражает: от пейзажно-жанрового поэтического показа спорта как черты новой социальной действительности до монументально-эпического воплощения через спорт общечеловеческой идеи торжества мира и счастья на земле.

Сегодня не вызывает сомнений то, что искусство А. Дейнеки было художественным символом идеализированной современности. Обращаясь к тематике спорта, он ярко воплощал социальный миф, привнося свой вклад в создание мифологии социального оптимизма тех лет. Здесь имеет смысл вспомнить заключение И. Голомштока об идентичности тематической структуры тоталитарного искусства в разных странах, а также о синхронности ее складывания [3, 229]. Тема молодежи и тесно связанная с ней тема спорта играли видную роль именно на ранних этапах развития советского, итальянского, немецкого искусства. В работах художников 30-х гг. воздух, вода, солнце, динамика бега и здоровье молодого тела – все это сливалось в символ некоего радостного Начала. Тема спорта олицетворяла юность режимов, их будущее. Но по мере старения вождей, отмечает И. Голомшток, тоталитарная культура как будто чувствует неловкость воспевать качества, уже утраченные ими. Молодость из элемента природного цикла переводится в факт социального быта, нагота юного тела прикрывается униформой политических молодежных организаций. В искусстве тема молодежи и спорта оттесняется на периферию, утрачивает свой романтический ореол и из социальной аллегории превращается в разновидность бытового жанра.

Над спортивными сюжетами и образами работали многие ведущие советские живописцы и скульпторы: А. Самохвалов, Ю. Пименов, Г. Савицкий, И. Шадр, М. Манисер и др. Так, А. Самохвалов через тему спорта выразил одну из тенденций искусства тех лет – создание этического идеала времени, романтически приподнятого образа советской женщины («Девушка в футболке», «Девушка, толкающая ядро»). Символическое решение той же задачи находим у И. Шадра («Девушка с веслом»). Определенная эволюция темы спорта выразилась в 1950–70-е гг. в том, что в отличие от довоенного советского искусства, в котором доминировала легкая атлетика, художники чрезвычайно расширили круг спортивных образов (фехтовальщики, гребцы, теннисисты, гонщики, альпинисты).

Естественный импульс к взаимодействию спорта и искусства всегда исходил от олимпийского движения. Начиная с I Олимпиады в Афинах (1896 г.) появились памятные и наградные медали, значки на олимпийскую тему. В ходе подготовки Московской Олимпиады 1980 г. к работе над медалями привлекались известные и молодые скульпторы. На тему «Олимпиада-80» было выпущено 250 различных плакатов общим тиражом 18 750 000 экземпляров. В конкурсе на эмблему Московской Олимпиады участвовало около 8,5 тысяч художников. Победу одержал латвийский дизайнер В. Арсентьев, изобразивший на теперь уже хорошо известной нам эмблеме шесть беговых дорожек, вырастающих в символическое высотное здание Москвы, увенчанное пятиконечной звездой.

В настоящее время возможности взаимодействия спорта и искусства постоянно расширяются и порой представляются безграничными. Свое влияние оказывает расширение массовой культуры, характерной чертой которой является зрелищность. В этом смысле интересным и актуальным примером выступает такой предельно «телеви-

зионный» вид спорта как фигурное катание. В последние годы именно этот вид спорта в немалой степени благодаря масштабным проектам на российском ТВ презентуется как «синтез спорта и искусства». Собственно, данная точка зрения не нова. Аргументами в ее пользу служат присутствие сцены и музыки, пластичность и образность, артистичность фигуристов. Отсюда возникает эффект концертной популярности последних. Показательные выступления фигуристов чрезвычайно удачно удовлетворяют требованиям, которые предъявляются ныне к массовым зрелищам (удобные зрительные залы, трюки, музыка – серьезная и легкая, на любителя). Если же все это дополняется таким ходом как сочетание на сцене звезд фигурного катания и звезд кино, театра и шоу-бизнеса (как это было задумано и осуществлено в нескольких продолжающихся проектах российского телевидения), то мы можем наблюдать большой взлет популярности данного вида спорта в масштабах страны.

Но даже на этом примере не стоит впадать в заблуждение о стирании границ между спортом и искусством. Соревновательность, оценки – эти элементы представляют спортивную составляющую фигурного катания, без которой невозможна составляющая художественная. По убеждению известного тренера Е. А. Чайковской, «...искусство внутри фигурного катания полностью подчинено спорту и его задачам». И в то же время спорт демонстрирует свои собственные возможности внедрения в сферу искусства. Так, специалистам известно, что современные хореографические постановки активно заимствуют элементы фигурного катания (поддержки, связки между элементами). Все это позволяет говорить о взаимообогащении спорта и искусства.

Как видим, искусство и спорт способны проявлять как внешнее сходство, так и огромный внутренний потенциал взаимодействия. Немалую роль в этом всегда будут

играть социальные условия их существования. Оставаясь самостоятельным явлением общественной и культурной жизни современный спорт с успехом использует приемы из смежных областей, преобразовывая и переосмысливая их для себя, а также сам является емким источником идей и образов для развития современного искусства.

Литература:

1. Спорт в русском изобразительном искусстве. Коллекция Русского музея. [Электронный ресурс]. – URL: <http://virtualrm.spb.ru/ru/resources/galleries/sport/grm> (дата обращения 17.04.2017)
2. Полевой В. М. Двадцатый век: Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. – М., 1989.
3. Голомшток И. Тоталитарное искусство. – М., 1992.

Г. В. Бакуменко
(Россия, Армавир)

РОЛЬ КИНО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: предмет нашего внимания – отражение в рейтинговых показателях кинопроката структур современного социокультурного пространства. Мы предполагаем значительную роль кинематографа в проектировании перспективной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: кино, массовый кинофильм, социальная коммуникация, коммуникативное пространство, индустрия кино, экранные искусства, массовая культура.

**G. V. Bakumenko
(Russia, Armavir)**

THE ROLE OF A MOVIE IN MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

Annotation: the subject of our attention – reflected in the rating performance of film structures of the modern social and cultural space. We assume a significant role in the design of cinema perspective of socio-cultural situation.

Keywords: cinema, mass movie, social communication, communicative space, the movie industry, screen arts, mass culture.

Актуальность рассмотрения роли кино в современном социокультурном пространстве обусловлена, прежде всего, заметной трансформацией коммуникативного пространства кинематографа в первых десятилетиях XXI века по сравнению с минувшим столетием, что может характеризовать отдельные тенденции генезиса глобального и национального социокультурных пространств. Отметим структурный аспект современного социокультурного пространства, который представляется возможным охарактеризовать путем культурологического анализа рейтинговых показателей кинопроката.

Предмет нашего внимания – отражение в рейтинговых показателях кинопроката структур современного социокультурного пространства.

Определенную методологическую трудность представляют терминологические разночтения, свойственные гуманитарным дисциплинам, что в первую очередь касается понятий социокультурных и коммуникативных пространств. В отечественной культурологии пространственная морфология культуры, тесно связанная с определением

социокультурного пространства, остается предметом дискуссий. С одной стороны, географическое и ландшафтное понимание пространства, влияющего на ментальные особенности населяющих его народов, имеет весомые основания (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, А. Д. Градковский, Н. И. Костомаров, А. П. Щапов и др.) [1, 35-37]. Здесь следует отметить условность привязки особенностей ландшафта и географических факторов к специфике повседневных культурных концептов, составляющих особенности региональных культур. Географическое и ландшафтное понимание пространства позволяет классифицировать этнографические описания культур, по критериям природного характера, но не позволяет наблюдать факторы социокультурогенеза (трансформации культур и обществ), связанные с преодолением границ традиционных культур в межкультурном информационном поле. А эта тенденция особенно интенсивно развивается в современных условиях глобальной интеграции и информатизации обществ.

С другой – неудовлетворенность ограниченностью географического понимания культурного пространства обусловила концептуальные представления Л. Н. Гумилева, Ю. М. Лотмана, Г. А. Голицына, для которых свойственны динамические представления о природе социокультурного пространства и стремление теоретического объяснения закономерностей наблюдаемой динамики. Т. В. Коваленко, давая определение культурной жизни, которую по его мнению «следует рассматривать в качестве специфически сформированного пространства общественной жизнедеятельности, обеспечивающего непрерывное воспроизводство, развитие, личностную и социальную реализацию всех субъектов культуры, а также их взаимодействие» [2, 67], в общих чертах обрисовал концепцию социокультурного пространства, опираясь на понятие «сферы жизни» А. К. Уледова и три критерия идентификации системы Ж. Вьета – Ж. Пиаже: целостность, трансформация и саморегулирование [2, 68].

Ключевым здесь является понимание социокультурного пространства как формируемой общественной жизнедеятельностью системы разнородных элементов, обеспечивающей культурную жизнь. Организуется эта система в результате взаимодействия всех субъектов культуры: как индивида, носителя личностной культуры, так и социальных групп, этносов, народов, вплоть до человечества, если его считать субъектом культурной жизни. Основанием считать человечество таковым субъектом является устоявшееся в гуманитарном знании понятие мировой художественной культуры, интегрирующее человечество как по географической горизонтали, так и по вертикали исторического времени. В этой связи концепт «глобальной деревни» М. Маклюэна раскрывает отдельные технологии взаимодействия мир-системного субъекта с его составляющими элементами [3]. Социальная коммуникация в подобной системе взаимодействия субъектов культурной жизни выступает в качестве механизма сохранения и приумножения историко-культурного наследия [4].

Социокультурное пространство, таким образом, следует рассматривать в качестве среды осуществления субъектами культуры коммуникативного взаимодействия, которое в свою очередь является обязательным условием формирования данной среды. Структура и уровень социокультурной системы в данном случае определяются субъектами взаимодействия. И если мы говорим о коммуникативном пространстве кинематографа, то, определив участников коммуникации в этом пространстве, мы можем говорить о границах социокультурной системы, в рамках которой осуществляется коммуникация посредством кинофильмов.

Если обратиться к статистике кассовых сборов «Box Office Mojo» [5] (авторитетнейшего сетевого ресурса статистики кассовых сборов) или отечественных специалистов ресурса «КиноПоиск» [6], можно наблюдать структу-

рированность данных по мировым и национальным рейтингам. Мировые рейтинги свидетельствуют о глобальном коммуникативном пространстве и социокультурной системе взаимодействия субъектов, национальные – о национальных структурах. Обращает на себя внимание казус, что российские зрители голосуют рублем совместно со зрителями СНГ, голосующими своими национальными денежными единицами. По существу Россия и СНГ расцениваются как единый субъект кассовых сборов, при этом участники СНГ не уточняются. КиноПоиск не отслеживает европейскую статистику, а на страницах Box Office Mojo отсутствует статистика по Единой Европе, которая лишь при большом желании исследователя может быть высчитана путем анализа показателей отдельных европейских стран. По представленной же на страницах Box Office Mojo статистике можно заключить, что вкусы зрителей отдельных европейских стран различаются в плане определения лидеров рейтинга кассовых сборов, хотя десятка лидеров, за редким исключением, формируется из тех же фильмов. Исключениями являются фильмы национального кинематографа: в Англии, Франции, Германии, Польше, СНГ и др. европейских странах смотрят кроме Голливуда и произведения национальной кинематографии.

Казус отсутствия отдельного национального рейтинга кассовых сборов в России можно расценивать как не полную структурированность данных, предполагая отличия предпочтений зрителей отдельных стран СНГ, по аналогии с европейскими странами. О наличии национального российского кинематографа говорят факты попадания в лидеры национального проката России и СНГ продуктов отечественной индустрии: «Сталинград» Ф. Бондарчука, «Дозоры» и «Ёлки» Д. Киселева, «Битва за Севастополь» С. Мокрицкого, «Батальон» Д. Месхиева и др. – при выделении отдельного рейтинга кассовых сборов российских

зрителей неуверенное положение российского кино на рейтинговой шкале может лишь улучшиться, хотя, вероятнее всего, и не значительно.

Фактором успешности отдельных кинолент в европейском прокате, как и в России и СНГ, является международное участие в их производстве и продвижении (например «Вий» – Россия, Украина, Германия, Великобритания, Чехия и др.). Что предполагает и межнациональную социокультурную организацию зрителя.

В итоге, опираясь на статистику кассовых сборов массового кино, можно выделить три уровня социокультурного пространства: мировой, межнациональный и национальный. Конечно же, этими уровнями социокультурное пространство не ограничивается. Кинематограф XXI века преодолел ограниченность стенами кинотеатров: рейтинги кассовых сборов фильмов предполагают рейтинги транслирующих их телевизионных каналов, стоимость рекламного поля сетевых кинотеатров в Интернете, объемы тиража фильмов на различных носителях и пр. В структуре массовой культуры массовый тираж фильма, в конечном итоге, разбивает его содержание на культураны (А. Моля [7]), растворяющиеся в массиве информационного потока, превращая целостное художественное содержание в сырье для идейной и ценностной реконструкции и трансформации культурных концептов, формирующих личностную культуру, образную и символическую сферы различных видов художественного творчества и критерии культурной идентичности. Опираясь на теорию социального поля П. Бурдьё [8], можно говорить на национальных и межнациональных уровнях о ситуации жесткой символической конкуренции с мир-системным влиянием за сознание личности, за комплекс культурных его составляющих.

Если предположить, что в условиях конкурентной борьбы социокультурные системы вырабатывают меха-

низмы адекватной социокультурной рефлексии, то в независимом положении оказывается мир-системный «лидер» – социокультурная национальная система США, в условиях лидерства лишенная признаков идентичности как ресурса адекватной рефлексии, что можно наблюдать сравнивая списки лидеров мирового и национального (США) проката. Одинаковое содержание обозначенных сред коммуникации предполагает идентичность сырья для идейной и ценностной реконструкции и трансформации культурных концептов. Получается, что культура США лишена региональных идентификационных характеристик, что позволяет прогнозировать ее крах. Не обладая внутренним ресурсом реконструкции культура США направлена на ценностную экспансию в поисках конкурентной среды.

Таким образом, роль кино в современном социокультурном пространстве как средства массовой коммуникации выражается в функции проектирования элементов социокультурной мир-системы и ее субсистемных составляющих: межнациональных и национальных систем, а так же их региональных и личностных составляющих.

Литература:

1. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010.
2. Коваленко Т. В. Культурная жизнь регионов Юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. мат. – Дербент, 2016.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2007.
4. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб.: Михайлов В. А., 2002.
5. VoxOfficeMojo // IMDb.com, Inc. oritsaffiliates, 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.boxofficemojo.com/> (дата обращения 10.02.2017).

6. КиноПоиск: найди свое кино! // КиноПоиск, 2003-2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/> (Дата обращения 10.02.2017).

7. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: ЛКИ, 2008.

8. Бурдые П. Формы капитала / Пер. с англ. М. С. Добрякова; Бурдые П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / Пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004.

Д. Ю. Коваленко
(Россия, Краснодар)

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ: «LA GIOCONDA» («ИГРАЮЩАЯ»)

Аннотация: статья посвящена одному из самых знаменитых творений мирового искусства – картине «La Gioconda» Леонардо да Винчи. Проанализировав историю создания картина, а также социокультурную ситуацию, в которую жил и творил мастер, автор предлагает оригинальную интерпретацию величайшего шедевра.

Ключевые слова: Джоконда, эпоха Возрождения, наука, искусства, пейзаж, портрет, Луна.

D. Ju. Kovalenko
(Russia, Krasnodar)

LEONARDO DA VINCI: « LA GIOCONDA» («JOKED»)

Annotation: this article is dedicated to one of the most famous works of art of all time – the painting «La Gioconda»

of Leonardo Da Vinci. After analyzing the story of the creation of the painting, and also the social and cultural environment in which Master Leonardo lived, the author propose an original interpretation of this work of art.

Keywords: Gioconda, Enlightenment, science, art, Renaissance, landscape, portrait, Moon.

Леонардо да Винчи – один из самых выдающихся деятелей эпохи Возрождения. Это человек-легенда, человек-загадка – изобретатель, инженер, писатель, физик, проявивший свою гениальность во многих направлениях науки и искусства, что вызывает чувства восхищения и удивления. Тот вклад, который Леонардо да Винчи внес в мировую культуру – бесценен и бессмертен. В фокусе нашего научного интереса та сторона личности Леонардо да Винчи, которая связывает его с живописью. В данном контексте принципиальным для нас будет тот факт, что мастер не просто создавал свои шедевры, но подчас умышленно вкладывал в них особый смысл, окутывая практически каждое свое творение ореолом тайны, загадки. Создается такое впечатление, словно, воплощая свои замыслы, великий флорентинец не просто отдавался работе, но и ставил перед собой цель заинтриговать, озадачить зрителя, дать волю его фантазии, помочь ему разглядеть в обыденном чудесное. И действительно, любая попытка со стороны зрительской аудитории проникнуть в глубину замысла, читать картину по жестам, расшифровывать различные символы означает одно: выход в пространство живого общения с самим создателем.

То обстоятельство, что гениальные творения Леонардо да Винчи долго не отпускают, заставляя вновь и вновь возвращаться к мысли о том, что скрывает в себе та или иная картина, привело к множественным дискуссиям, в рамках которых нередко происходит столкновение самых непримиримых позиций [1].

Однако истина по-прежнему неуловима, да и можно ли говорить о неизбежности какой-то одной точки зрения, когда речь идет о неисчерпаемой смысловой глубине каждого произведения кисти Леонардо да Винчи, тем более что сам художник предстает во всей своей многозначности, олицетворяя единство науки и искусства? Пожалуй, именно подобное положение дел заставляет вспомнить, что эпоха Возрождения, представителем которой выступает Леонардо да Винчи, получила свое название именно вследствие отказа от пропагандируемой средневековыми схоластиками идеи незначительности, ничтожности человека перед Богом. По сути, именно Ренессанс дает ощущение равновеликости микрокосма (человека) и макрокосма (природы), неслучайно в работах современников Леонардо да Винчи природа и человек предстают в тесном взаимодействии. Причем, нередко занимаясь художественным творчеством, живописцы, имеющие дело с перспективой, осуществляли открытия в области оптики и физики. В это же время активно развивается астрономия, география, литература [2].

Характерной чертой Леонардо да Винчи является непоколебимое убеждение в том, что главная наука – это искусство, поскольку именно последнее дает наиболее точное и безупречное изображение жизни. Сам Леонардо написал 14 картин, в числе которых «Тайная вечеря», «Мадонна Лита», «Дама с горностаем», «Иоанн-Креститель». Однако главным его шедевром в живописи является легендарная «LaGioconda» («Мона Лиза»). Что нам известно об этом творении?

Работал над портретом Джоконды художник несколько лет. Официальные источники называют 1503 год временем начала работы мастера, которая продолжилась и после переезда Леонардо да Винчи во Францию. В свою очередь, Джорджо Вазари свидетельствует о том, что Леонардо да Винчи рисовал Джоконду в течение 4 лет. Оста-

вив в стороне расхождения, подчеркнем, что в любом случае портрет создавался много времени, причем, это была одна из любимых работ Леонардо, и писал он ее с особой страстью и удовольствием [3]

Возможно потому на протяжении многих столетий «LaGioconda» не оставляет никого равнодушным и будоражит своей загадочностью и таинственностью. О ее улыбке ходят легенды, взгляд аристократки преследует каждого из тех, кто пытается заглянуть ей в глаза, вследствие чего становится понятным, что не столько мы разглядываем Мону Лизу, сколько она с любопытством разглядывает нас.

Только официальных версий по поводу изображенной на портрете женщины несколько. Вот лишь некоторые из них:

– Лиза Герардини, жена флорентийского торговца Франческо дель Джокондо;

– Катерина Сфорца, незаконная дочь миланского герцога Галеаццо Сфорца;

– Мать Леонардо да Винчи;

– Изабелла Арагонская, герцогиня Миланская;

– Мона Лиза – это сам Леонардо да Винчи [4].

Исследователь ренессансного искусства Виктор Гращенков пишет о том, что Леонардо, в том числе благодаря пейзажу, удалось создать не столько портрет конкретной личности, сколько универсальный образ: «В этой загадочной картине он создал нечто большее, чем портретное изображение никому не ведомой флорентинки Моны Лизы, третьей жены Франческо дель Джокондо. Внешний облик и душевный строй конкретной личности переданы им с небывалой синтетичностью. Этому имперсональному психологизму отвечает космическая отвлечённость пейзажа, почти полностью лишённого каких-либо признаков человеческого присутствия. В дымчатой светотени не только смягчаются все очертания фигуры и пейзажа и все цветовые

тона. В почти неуловимых глазом тончайших переходах от света к тени, в вибрации леонардовского „сфумато“ до предела смягчается, тает и готова исчезнуть всякая определённая индивидуальность и её психологического состояния. (...) “Джоконда” – не портрет. Это – зримый символ самой жизни человека и природы, соединённых в одно целое и представленных отвлечённо от своей индивидуально-конкретной формы. Но за еле заметным движением, которое, как лёгкая рябь, пробегает по неподвижной поверхности этого гармонического мира, угадывается все богатство возможностей физического и духовного бытия»[5, 301–302].

На протяжении многих лет пытались установить личность портретируемой, но из достоверных источников известно лишь то, что известно всем: Леонардо работал над картиной долгое время, портрет называется «LaGioconda», что он так и не был отдан ее заказчику. Все это порождает множество вопросов. Почему Леонардо да Винчи так любил этот портрет? Почему посвятил ему столько времени? Почему «LaGioconda» не похожа ни на одну репродукцию того времени? Почему художник поместил на заднем фоне столь условно прописанный пейзаж? Почему у «LaGioconda» нет бровей, а около глаз темные глубокие впадины, но при этом она необычайно красива? Действительно ли это портрет реальной женщины или изображенный на картине персонаж лишь символ? Не связано ли данное творение с попыткой изобразить чудо, еще одно чудо света? Тогда перед нами загадка, ответ на которую лежит, что называется, на поверхности: всё гениальное просто!

Мое открытие «LaGioconda» случилось 5 июля 2017 года. Выйдя в 3 часа ночи на балкон и подняв голову к небесам, я вдруг совершенно отчетливо поняла, с чего рисовал Леонардо да Винчи «LaGioconda». Было полнолуние и светило находилось в таком ракурсе, в котором отчетливо

просматривались знакомые всем черты: впадины, тени, улыбка. Другими словами, притягательный образ очаровательной женщины возник тогда, когда, любуясь ночным небом, художник по-особенному увидел луну и решил перенести свое видение на холст. Насколько подобный ответ правомочен?

Если принять во внимание именно эту версию, становится понятным, почему Леонардо да Винчи работал над портретом столь долгое время – он просто ждал очередного полнолуния, чтобы освежить свои впечатления. Почему мало кто может сказать, кто послужил для художника моделью? Потому что работал над ним Леонардо да Винчи, в основном, ночью. Почему портрет так и не дошел до заказчика? Потому что заказчика не существовало. Почему изображенный на заднем фоне пейзаж столь странный? Это спящая в объятиях лунного света природа. Почему Леонардо да Винчи так любил этот портрет? Потому что он соединил в себе природу и человека как одно целое, объединив микрокосмос и макрокосмос. То обстоятельство, что «LaGioconda» непостоянна, пребывая в разном настроении, от которого зависит ее мимика, объясняется просто. Мона Лиза – подобие луны. Взирая на ночное светило с благоговением, каждый видит в ней исключительно свое.

Косвенным подтверждением высказанной гипотезы служит и тот факт, что Леонардо да Винчи выступил создателем линзы для телескопа, и в одной из рукописей «Атлантического кодекса» (лист 190 а) есть его собственноручная надпись: «Сделай очковые стекла для глаз, чтобы видеть Луну большой» [6]. И, наконец, последнее. Название картины «La Gioconda». Gioconda с итальянского – «играющая». «Играющая» – это один из синонимов Луны. Думается, что желая создать интригу, Леонардо да Винчи не мог прямо назвать картину «Луна» и потому осуществил игру слов, объединив в портрете женщину и природу. По-

тому «LaGioconda», как и Луна, играет со всеми, кто смотрит на нее, завораживая своим непостоянством.

Литература:

1. Яйленко Е. В. Итальянское Возрождение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
2. Фрейд З. Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве // Фрейд З. Художник и фантазирование. – М., Республика, 1995.
3. Wikipedia. Мона Лиза. Сообщение Вазари. [Электронный ресурс]. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Мона_Лиза](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мона_Лиза) (Дата обращения 04.08.2017)
4. Wikipedia. Мона Лиза. Проблема идентификации модели. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мона_Лиза (Дата обращения 04.08.2017)
5. Гращенко В. Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. – М., 1996.
6. Wikipedia. Леонардо да Винчи. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Леонардо_да_Винчи (дата обращения 04.08.2017).

**Е. А. Карнадолина
(Россия, Краснодар)**

ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация: в статье осмысливается феномен визуальной культуры, актуальной в рамках «визуального поворота» (Ф. Джеймисон). Автор исследует становления визуальной культуры в рамках художественного творчества, в том числе, на примере хорового театра.

Ключевые слова: визуальная культура, хоровой театр, зрительное восприятие, виртуальная реальность, визуальное пространство.

**Е. А. Carnodolina
(Russia, Krasnodar)**

VISUAL CULTURE

Annotation: in the article the phenomenon of visual culture, actual within the framework of the «visual turn» (F. Jamison), is comprehended. The author studies the formation of visual culture within the framework of artistic creativity, including the example of a choral theater.

Keywords: visual culture, choral theater, visual perception, virtual reality, visual space.

Что представляет собой столь пристально изучаемый с самых разных точек зрения феномен визуальной культуры? Известно, что любое явление раскрывает свою сущность посредством выполняемых им функций. В данном контексте нельзя не признать, что одна из главных функций визуальной культуры – поддерживать единство общества, сближать, примирять и интегрировать культурные ценности и опыт конкретных людей. При этом тот факт, что визуальность сегодня оказывается одной из доминирующих модальностей в процессе освоения самого разного рода информации о мире, говорит о преобладании рационального подхода к жизнедеятельности населяющих планету Земля людей над иррациональным. Однако, принимая во внимание тот факт, что визуализация культуры с неизбежностью повлекла за собой рост визуального начала в области художественного творчества, будь то собственно живопись, музыка, балет либо любой другой вид искусства, нельзя не признать верность следующего положения. Именно визуальность в данном контексте способствует с наибольшей полнотой раскрытию смысловой глубины классических и современных образцов искусства [1], что

уравновешивает две стороны психики: смысл – единица переживания.

Соответственно, визуальная культура играет значительную роль для всякого, кто причисляет себя к человеку творящему. Действительно, живопись, графика, архитектура, искусство книги, дизайн, театр – все пластические искусства требуют от тех, кто постигает их основы, наличия *способности видеть*. Другими словами, понимание культуры как поэтапного развития искусств и наук, как художественно-эстетической образованности личности, как области социальных взаимодействий, а также другие многочисленные осмысления культуры, выступающей в качестве системы, задают новый угол зрения на культуру, отмеченную визуальным характером.

Теоретическое понятие «визуальная культура» возникло во второй половине XX века с появлением массовой визуальной продукции (кино, телевидение, позже компьютерные технологии). Оно связано, в частности, с работами В. Бенджамина и М. Маклюэна. Как сфера самостоятельных исследований визуальная культура развивается в университетах США и Англии: с 90-х годов XX века, о чем свидетельствует появление соответствующих курсов докторантуры (Рочестер, Нью-Йорк; Ирвайн, Калифорния). Впервые за тысячелетнюю эпоху христианства на первый план вновь, как и во времена античности, выдвинулись визуальные виды творчества. Печатный текст уступил свое место неписьменным формам освоения реальности, слово сменилось изображением, картина мира приобрела зримые черты своего художественного эквивалента. Неслучайно поэтому понятие «визуальная культура» трактуется столь многозначно.

Так, под визуальной культурой в разных источниках понимается:

– культура грамотного визуального восприятия;

– опыт распознавания визуальных кодов, навигация, опыт визуальных коммуникаций;

– медиакультура и экранные искусства;

– развитие эмоционально-ценностных отношений личности, при познании пластических искусств в целом (живописи, графики, архитектуры, ТВ и видео, компьютерного интерфейса и интернета, фото, моды, театра);

– коммуникации с использованием визуального канала, касающиеся самых разных аспектов культуры.

То обстоятельство, что визуальная культура не является герметической самодостаточной сферой, постоянно вбирая в себя дополнительную информацию, происхождение которой может быть как новым, связанным с развитием технического прогресса и постижением новых горизонтов человеческого познания, так и старым, введенным из невербального ряда в прошлом человеческой цивилизации, дает возможность разобраться в следующем. Как визуальность проникает в самые разные сферы, одна из которых – искусство звуков.

Безусловно, в музыкальном искусстве изначально закладывался фундамент для органичного вхождения визуальности в пространство музыки – это и нотная графика, и так называемая «программная музыка», когда композитор живописал темброво-регистровой палитрой инструментов оркестра тот или иной пейзаж за окном вплоть до портретирования человека. Однако сегодня визуальность оказывается неотъемлемой частью таких сугубо музыкальных форм коллективного музицирования, как инструментальный театр и театр хоровой. Остановимся на последнем с тем, чтобы выяснить, что привносит визуальность в исполнительскую практику?

В данном контексте весьма уместной видится характеристика визуальной культуры, предложенная антропологами. По мнению ученых, визуальную культуру определяют четыре элемента:

1. **Понятия.** Они содержатся главным образом в языке. Благодаря им становится возможным упорядочить опыт людей (форма, цвет, вкус предметов).

2. **Отношения.** Визуальная культура не только выделяет те или иные части мира с помощью понятий, но также выявляет, как эти составные части связаны между собой – в пространстве и времени, по значению, на основе причинной обусловленности.

3. **Ценности.** Ценности – это общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов.

4. **Правила.** Эти элементы регулируют поведение людей в соответствии с ценностями визуальной культуры. Ценности не только сами нуждаются в обосновании, но и могут служить обоснованием [2, 62].

Согласимся, каждый из четырех названных антропологами элементов выступает в качестве основы для хорового исполнительства. Так, значимость **понятия** определяется работой со словом. **Отношения**, реализуемые на уровне пространственного расположения хоровых голосов, как нельзя более связаны с причинной обусловленностью. В свою очередь, **ценности**, актуализируемые в процессе совместного решения поставленных задач с целью достижения качества исполнения, обеспечивают единство и сплоченность хорового коллектива. Наконец, определяющие сценическое поведение исполнителей правила оказываются теснейшим образом связанными с ценностными установками, реализуемыми в процессе совместного творчества.

Обращая внимание на наличие примет визуализации музыкального пространства, актуализируемого в процессе хорового действия, искусствоведы единодушны в том, что границы такого нового феномена, как хоровой театр, пока подвижны и размыты. При этом эпицентром поиска становится жанровое микширование, в котором принимает уча-

стие «драматический театр, академическое и народное хоровое исполнительство, мюзикл, массовые празднества» [3, 57].

Знаменательно, что, как свидетельствует автор, черты хорового театра «можно обнаружить далеко за пределами традиционного хорового концерта – в музыкальном театре и на экране, на лоне природы и на фоне памятников архитектуры» [3, 33]. В то же время, в соответствии с размытостью конкурсов интересующего нас феномена, возникает сложность его понятийной характеристики, в связи с чем хоровой театре нередко позиционируется как «ускользающая от точного схватывания сущность» [4, 43].

Первая позиция: если академический хор предстает как «полноценное объединение значительного числа человеческих голосов» [4, 11], то хоровой театр являет собой ансамбль солистов.

Вторая позиция: если для традиционного хорового коллектива характерна статичность, то подвижность выступает неотъемлемой приметой хорового театра.

Третья позиция: если в традиционном хоре зрительское внимание, равно как и внимание исполнителей, сфокусировано на слуховое восприятие, то в хоровом театре – на визуально-слуховое.

Четвертая позиция: если хор и дирижер классического хора – это участники коллектива, имеющие вековые традиции взаимоотношений, то хоровой театр предполагает либо наличие режиссера – абсолютно нового персонажа, от меры таланта которого напрямую зависит создание театральной атмосферы, либо – наличие дирижера, готового взять на себя выполнение функции режиссера. От того, каким образом он осуществит синтез визуального, музыкального и театрально-сценического начал во многом зависит реализация авторской идеи сочинения.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что визуальное искусство, представленное во всех своих проявлениях, требует активного изучения, вовлекая в свою сферу самые разные области гуманитарного знания.

Литература:

1. Выбыванец Э. В. Феномен аудиовизуализации в пространстве музыкальной культуры: опыт анализа // Региональный научный журнал «Культурная жизнь Юга России». – 2014. – № 3.

2. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

3. Лукишко А. Непроизвольные изменения силы и тембра голоса в хоре и проблема влияния хоровой звучности на качество певческого голосообразования: автореф. дис. ... канд. иск-я. – Л., 1984.

4. Паисов Ю. Современная русская хоровая музыка. – М.: Современный композитор, 1991.

П. С. Волкова
(Россия, Краснодар)

ИСКУССТВО И ПРОВОКАЦИЯ

Аннотация: в статье представлен опыт реинтерпретации картины Ван Гога «Едоки картофеля», предпринятый современным художником Виктором Пивоваровым в картине «Едоки лимонов». Речь идет о художественной провокации, в рамках которой наш соотечественник демонстрирует новый взгляд на старые истины. Другими словами, реинтерпретация классического художественного образа обеспечивает современное звучание таким вечным философским вопросам, которые одновременно являются и вечными вопросами искусства.

Ключевые слова: интерпретация, реинтерпретация, провокация, симулякр, первоисточник, система, часть, целое.

P. S. Volkova
(Russia, Krasnodar)

ART AND PROVOCATION

Annotation: the article presents the experience of the reinterpretation of the Van Gogh picture «Potato Eaters», undertaken by the contemporary artist Victor Pivovarov in the picture «Lemon Eaters». This is an artistic provocation, within which our compatriot demonstrates a new look at the old truths. In other words, the reinterpretation of the classical artistic pattern provides a modern sound to such eternal philosophical questions, which are also eternal questions of art.

Keywords: interpretation, reinterpretation, provocation, simulacrum, primary source, system, part, whole. Interpretation, reinterpretation, provocation, simulacrum, primary source, system, part, whole.

В настоящее время характерная для современного читателя, зрителя, слушателя всеядность и готовность потреблять продукты культуры во всем их многообразии без каких-либо усилий, не обременяя себя напряженной деятельностью сознания, порождает противоположное со стороны творца действие. Речь идет об опыте реинтерпретации [1], выступающим в качестве художественной провокации. Изначально нацеленный на то, чтобы ожидания вступающего в диалог с искусством субъекта не были оправданы, опыт реинтерпретации, по сути, создает ситуацию, когда «закон эстетического воздействия... проявляется ... в своей особенной... приватной форме» [2, 174], вследствие чего происходит нарушение автоматизма вос-

приятия как одно из главных условий пробуждения сознания. Другими словами, пытаясь возродить искусство диалога как процесс согласования противоречий, современные авторы провоцируют обывателя на активное участие в обозначенном процессе в качестве непосредственного участника диалогической ситуации.

Прежде чем мы обратимся к конкретному примеру, подчеркнем, что на сегодняшний день термин «реинтерпретация» оказывается наиболее актуальным в области филологической науки, о чем свидетельствуют всевозможные исследования данного феномена сквозь призму самых разных памятников культуры. Введение в научный обиход интересующего нас понятия во многом обусловлено столь значимой и активно разрабатываемой в современном литературоведении теорией перевода. Имеется в виду проблема соответствия первоисточника тексту, представленному на отличном от текста оригинала языке.

Примечательно, что во многом развивающиеся под знаком лингвистической парадигмы смежные с филологией области, в том числе семиотика и искусствоведение, до последнего времени крайне редко обращались к исследованию интересующего нас феномена. Однако даже тогда, когда такое случалось, заимствованный характер термина «реинтерпретация» с неизменностью подчеркивался. Здесь уместно вспомнить работу Ю. Г. Кона «Заметки о форме «Фуги для 13-ти инструментов» В. Лютославского: реинтерпретация жанра», в которой крупнейший отечественный музыковед XX века пишет: «Высказывания самого Лютославского свидетельствуют о том, что он сознательно, п р е д н а м е р е н н о осуществил «пересмотр» формы, ставшей художественным каноном. По сути дела, в своей «Фуге» он провел то переосмысление исторически сложившейся схемы, структуры, которое в литературоведении получило наименование р е и н т е р п р е т а ц и и , т. е. обновления формы, преодоления устоявшихся норм [4, 8].

Принимая во внимание тот факт, согласно которому «сочинение Лютославского служит примером одного из главных (возможно – самого плодотворного) течений в музыке XX века» [4, 9] , не столько отрицающего традицию, сколько переосмысляющего, трансформирующего ее, можно сделать следующий вывод. Определяющая современное искусство эстетика постмодернизма, двойственная природа которого отмечена одновременным сосуществованием радикального и консервативного, иконоборческого и охранительного, не поддается конструктивному анализу без учета феномена реинтерпретации. Соответственно, выход данного феномена за рамки собственно филологической науки напрямую связан с необходимостью разработки специфического языка искусства и культуры в целом, без которого ни литература, ни музыка, ни живопись, ни кинематограф не могут получить адекватной сегодняшней социокультурной ситуации оценки.

Дело в том, что в отличие от интерпретации, которая устанавливает некое подобие между оригиналом и переводом, реинтерпретация это подобие отвергает, актуализируя новый взгляд на старые истины. Имеется в виду тот факт, согласно которому перевод текста первоисточника на другой язык, в том числе язык искусства, может рассматриваться лишь как «эхо оригинала», поскольку такие переводы не столько находятся в услужении у произведения, сколько обязаны ему своим существованием.

Принимая во внимание положение Ж. Делеза о том, что всякая интерпретация лишь воспроизводит бесконечные ряды точек зрения, вследствие чего художественное произведение превращается в симулякр, отмеченный собственным повторением в расходящемся и смещающемся развитии, опыт реинтерпретации может стать своеобразным противодействием «дурной бесконечности» [3]. Исключая возможность актуализации симулякра, выступаю-

щего в качестве простой имитации первоисточника, реинтерпретация являет собой метод, в рамках которого происходит трансформация самой идеи базового текста.

В данном контексте латинская приставка «ре» как нельзя лучше указывает на провокативность интересующего нас опыта. В частности, осуществив метод анализа словарных дефиниций упомянутой приставки, А. Фокин аргументирует мысль о том, что смысл последней в равной степени раскрывают и лексемы «возобновление», «возвращение», «восстановление», и – «возражение», «подавление», «разрушение» [5]. В итоге процесс реинтерпретации предстает перед нами, с одной стороны, как вечный возврат к прошлому, представленному данностью исходного текста, а с другой, – как устремленность к будущему, опознаваемому в тексте вновь созданном.

Соответственно, как интерпретация, так и реинтерпретация в равной степени обеспечивают путь вхождения текста в культуру, выступая в качестве универсальных текстообразующих механизмов. Однако если в случае интерпретации базовый текст сохраняется на уровне целостной системы, то в случае реинтерпретации первоисточник оказывается лишь частью новой художественной системы. Вместе с тем, и опыт интерпретации, и опыт реинтерпретации являют собой диалог, осуществляемый между автором оригинального текста и автором созданного на его основе произведения. В том случае, когда диалогическая ситуация складывается с соблюдением правил ведения диалога, разработанных со времен античности, мы говорим о культурной интерпретации либо реинтерпретации. Тогда же, когда искомые правила нарушены, налицо псевдокультурный опыт, безотносительно того, идет ли речь об интерпретации первоисточника, либо его реинтерпретации.

В качестве примера обратимся к изобразительному искусству, точнее, к двум полотнам, одно из которых при-

надлежит кисти Ван Гога – имеется в виду картина «Едоки картофеля», второе – кисти Виктора Пивоварова – имеется в виду картина «Едоки лимонов».

Если Ван Гог демонстрирует чувство нежности и любви к людям труда, чьи руки от изнурительной работы в поле темнее дымящихся на блюде клубней картофеля, то наш современник абсолютно беспристрастен в изображении своих «героев». Выступая в качестве стороннего наблюдателя, художник предоставляет зрителю возможность самому разобраться в ситуации, запечатленной на полотне. При этом необходимость обращения к работе Ван Гога как нельзя лучше позволяет, что называется, «почувствовать разницу». Важность для Пивоварова того факта, чтобы его зритель имел представление о произведении, послужившем точкой отсчета в создании картины, обусловлена не только названием, которое является сильной позицией текста – «Едоки лимонов».

То обстоятельство, что современный автор ведет диалог со своим собратом по цеху – французским художником, жившим в середине позапрошлого века, опознается в следующих деталях: в центре полотна обоих художников обеденный стол; оба произведения живописуют трапезу; один из базовых цветов – коричневый.

Наряду с названием картины, отмеченные соответствия позволяют утверждать, что диалог со своим предшественником Пивоваров осуществляет в полном соответствии с требованием, предъявляемым участникам диалога. Во-первых, современный автор выстраивает свою речь, отталкиваясь от предложенной Ван Гогом темы, во-вторых, следует установленным своим визави смысловым правилам. При этом налицо тотальная трансформация идеи, которая без труда считывается в классическом образце.

Так, несмотря на грубые черты лица и изуродованные тяжелой крестьянской работой руки героев Ван Гога, мы не

сомневаемся в том, что помыслы их светлые и чистые. Об этом свидетельствуют не только вымытые добела кофейные чашки, а также кипенно-белые чепцы на головах женщин, но и те забота, участие и доброта, которые просматриваются в особой атмосфере дружелюбия, выступающей знаком духовной близости собравшихся за обеденным столом людей. Немаловажным в данном контексте оказывается и особое освещение комнаты. Вопреки законам физики, висящая над столом лампа создает эффект свечения над теми, кто с кротостью и смирением вкушает плоды своего труда. В целом семья, члены которой добывают свой хлеб в поте лица своего, не может не вызывать уважение и гордость за человека, который в тяжелейших условиях не опускается до скотства, неся в себе образ и подобие Творца.

Напротив, в центре картины Виктора Пивоварова – двое мужчин, склонившихся над блюдом с лимоном. Повидимому, экзотический фрукт, отличающийся кислым вкусом, в данном случае выступает средством, позволяющим «героям» прийти в себя после разгульной ночи. То обстоятельство, что руки мужчин находятся под столом, – реплика на тщательно выписанные руки участников трапезы на картине Ван Гога, причем, художник намеренно лишает эти руки каких-либо признаков, по которым зритель может идентифицировать их с собственно женскими или мужскими. И те и другие роднит лишь то, что это руки тружеников, занимающихся тяжелой работой.

Поскольку наш современник намеренно скрывает руки изображенных на картине персонажей, акцентируя внимание зрителя на их склоненных над подносом с лимоном головах, нетрудно догадаться, что перед нами люди умственного труда, возможно, чиновники. В силу того, что их внешний вид весьма отталкивающий, невольно задумываешься о том, каково будущее страны, о котором призваны думать подобные люди. Другими словами, несмотря на то,

что руки мужчин не замараны грязной работой, трудно поверить в чистоту их помыслов с тем, чтобы поддержать их намерения.

Пожалуй, именно поэтому вопреки тому, что, подобно цветовой гамме картины Ван Гога один из базовых цветов у Пивоварова – коричневый, в нем нет той игры светотени, которая создает особое освещение комнаты и находящихся в ней людей. Насыщенность фона, на котором расположены персонажи Пивоварова, создает ощущение тупика, беспросветности и абсолютной недееспособности людей, оказавшихся за одним столом! В свою очередь, резко контрастирующий с темно-коричневым цветом стены зеленый стол, за которым сидят мужчины, вызывает ассоциации не только с «зеленым змием», «общением» с которым наслаждался каждый из героев, но и с цветом американских долларов, игорного бизнеса, в том числе рулеткой и бильярдом. В итоге то, что в природе оказывается органичным и естественным – коричневая земля и растущие на ее поверхности зеленые стебли картофеля, в этом замкнутом пространстве, которое делят друг с другом «деловые партнеры», звучит отчаянным диссонансом без надежды на разрешение.

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что в целом художественная провокация есть, пожалуй, единственно оправданный в современной социокультурной ситуации вид провокации, которая с неизбежностью требует от зрительской аудитории напряженной деятельности сознания. Значимость подобного требования обусловлена следующим: те из нас, кто способен поддерживать свой дух в бодром состоянии, сумеют избежать участи марионеток, которые всецело зависят от всегда пребывающего в тени кукловода.

Литература:

1. Волкова П. С. Феномен реинтерпретации: опыт осмысления (на примере современного искусства) // Известия РПГУ им. А. И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет им. А. И. Герцена. – 2008. – № 11 (78).
2. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики // Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.
3. Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
4. Кон Ю. Г. Заметки о форме «Фуги для 13-ти инструментов» В. Лютославского: реинтерпретация жанра // *Donatiomusicologica*: Сб. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПГК им. Глазунова, 1994.
5. Фокин А. К вопросу о поэтической реинтерпретации на материале творчества Иосифа Бродского. [Электронный ресурс]. – URL: <http://krishnahouse.narod.ru/interb.html>

**О. А. Путечева, А. Л. Палапаниди
(Россия, Краснодар)**

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ТВОРЧЕСТВЕ КУБАНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Аннотация: работа посвящена раскрытию возможностей взаимодействия музыкально-фольклорных истоков и профессионального композиторского творчества, имеющего свои особенности в условиях векового взаимодействия и взаимовлияния многих разнообразных культур. Поливалентность силовых напряжений разнообразного колорита

создает условия для неповторимых художественных решений в свете динамичных взаимодействий музыкального материала.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, взаимодействие, национальный колорит, образность, многозвучие.

**О. А. Putecheva, A. L. Palapanidi
(Russia, Krasnodar)**

NATIONAL-REGIONAL COMPONENT IN THE WORK OF THE KUBAN COMPOSERS OF THE BEGINNING OF XX1 CENTURY

Annotation: the work is devoted to disclosing of possibilities of the music-its folklore origins and professional composition activity that has its own characteristics in terms of centuries of interaction and mutual influence of many different cultures. Polivalentes power voltages of different color creates conditions for unique solutions in the light of the dynamic interactions of the musical material.

Keywords: folk music, interaction, the national colors, imagery, mnogozvuchie.

Национально-региональный колорит – неиссякаемый источник вдохновения для композиторов. Яркость и богатство кубанского фольклора дают возможность разным по своим художественным устремлениям авторам развивать те особенности духовности, мировидения, менталитета, которые ближе его таланту. Своеобразие кубанского звукового пространства – в колористической яркости и насыщенности. Музыкальная культура Кубани отличается многозвучием, сложным переплетением традиций. В самобытном кубанском фольклорном венке музыкальные образы не затмевают друг друга, а щедро делятся своим колоритом,

оттеняют друг друга, в результате чего каждая составная предстает более зримо и выпукло. В сопоставлении разных характерных звучаний национальных культур выявляются особенности казачьей, адыгской, русской, армянской, греческой традиций.

В богатом кубанском фольклоре слышатся особенности украинского, черкесского, абхазского, калмыцкого мелоса, давшего самобытный сплав южного колорита. Яркость, сочность, красочность, жизнеутверждающее оптимистическое начало лежат в основе местной песенной традиции, что проецируется на профессиональную музыку. Эти выдающиеся черты местного мелоса заставляют мыслить кубанских композиторов категориями песенности, широкой раздольной мелодики, четкой ритмической организации. Спрессованные вековой традицией, эти особенности предстают неповторимо-ярко в каждом конкретном произведении и в каждом конкретном авторском решении. Это может быть необычная трактовка фольклорного материала, развитие его выразительных особенностей; а может и новаторское соединение в целостную полифоническую ткань хорошо известных мелодий. Иногда «воссозданная» композитором гармония, аранжировка подчеркивают особенности национального чувствования мира и звукового пространства: возможности взаимодействия фольклорного и академического инструментария поистине безграничны. Обретение новых гармоний и звуковых пространств связывает классическую музыкальную практику и народную традицию.

Само понимание значения фольклорного материала и возможностей его претворения в произведении не стоит на месте. Зачастую известная мелодия становится основой нетрадиционного решения, а новаторские приемы развития способствуют открытию новых сторон и смыслов старинного материала. В начале XXI века намечается новый подход к использованию национально-регионального компо-

нента и работы с музыкальным материалом. Фольклорные источники обретают стройность и высокую профессиональную огранку, благодаря использованию композиторских техник. Творчество современных композиторов Кубани примечательно своими яркими колористическими поисками, нетрадиционными стиливыми микстами, обновлением музыкального языка. В стилистическом отношении эволюция развития направлена от освоения фольклорного материала, от цитирования к высокопрофессиональным экспериментальным работам в разнообразных, порой противоположных областях.

Опора на фольклорные истоки выражается и в преобладании песенных жанров, требующих особой отточенности, скрупулезности, внимания к тончайшим деталям. Поэтому в творчестве кубанцев традиционно сильной стороной является мелодическая выразительность, песенно-романсовое начало, преобладающее не только в вокальных жанрах, но и в инструментальных. Следствием этого является широкое использование вокальной партии и хорового начала в симфонии. Песенно-танцевальное начало может оборачиваться ярко театральными элементами в масштабах развернутых симфонических циклов.

Народно-жанровая основа способствует мышлению картинными образами и вниманию к эпическим сказаниям далекого прошлого. В связи с этим в творчестве преобладает обращение к сюите и контрастным сопоставлениям масштабных разделов. Неофольклористские особенности мышления обуславливают характер музыкального тематизма, вариантно-вариационные принципы развития, типы драматургии, а также тяготение к масштабности форм, повествовательности, эпичности.

Кубанская композиторская организация представлена многими славными именами и несколькими поколениями. Основоположниками являются Григорий Максимович

Плотниченко (1918–1975), заслуженный деятель культуры РСФСР и Григорий Федорович Пономаренко (1921–1996), народный артист СССР. Они являются первыми кубанскими профессиональными композиторами, работавшими в жанре массовой песни. Центральной фигурой в области сохранения традиций бытования песенного фольклора является Заслуженный деятель искусств России, профессор Виктор Гаврилович Захарченко (р. 1938), «автор более двухсот музыкальных произведений и более тысячи обработок народных песен. Опубликовал ряд работ по истории народной песни. Также Захарченко обработал фольклорную мелодию, ставшую гимном Краснодарского края» [1].

Песенный этап стал началом пути совершенствования и профессионализации творчества композиторов Кубани. Внимание к песенному жанру определялось не только историческими особенностями, но и открытостью массовому слушателю. Эти авторы обращались к использованию народных инструментов – баяна, домры, балалайки.

«У истоков баянной оригинальной музыки стоял заслуженный деятель культуры РСФСР, доцент Григорий Максимович Плотниченко. Популярностью пользуются две пьесы для баяна: «Элегия» и «Кубанские напевы» [1, 4–5]. Пьесы Г. Плотниченко отличают распевность, близость к фольклорным истокам, ясное голосоведение, консонирующая гармонизация.

Народность, разлитая в пластичных мелодиях, характеризует искусство Григория Федоровича Пономаренко, прекрасного баяниста и композитора, создавшего пьесы баянного репертуара. Одно из ярких его произведений – «Русская увертюра» для квинтета баянистов. «Это одна из немногих ансамблевых пьес, в которой слушатель сразу узнает интонационный почерк композитора и почувствует его любовь, какое-то особое внимание к русскому народному музыкальному инструменту – баяну. Тематическая

основа «Русской увертюры» – две темы, интонационно близкие: широкая, певучая и легкая, игривая» [2, 17].

Для баяна написаны композиции Валентина Александровича Лаптева (1921–1994), Павла Ефремовича Черноиваненко (1913–1989).

В пьесах Валентина Александровича Лаптева вариационно-вариантные методы развития указывают на тяготение к народно-жанровым истокам. В «Танцевальной сюите» для трио баянистов П. Е. Черноиваненко народно-жанровое начало чередуется с лирическими медленными частями. Выдвигаясь на первый план, мелодическое развитие обуславливает строгость варьирования, совершенство формы, использование приемов подголосочной полифонии.

Второй этап развития профессионализма связан со многими выдающимися авторами, которые посредством песенности приходили к освоению огромного спектра музыкальных жанров, начиная от камерно-вокальных и камерно-инструментальных произведений, до сложных симфонических развернутых полотен. Это целая плеяда творческих личностей, которыми гордится Кубань: Василий Михайлович Волченко (р. 1946); Александр Васильевич Дудник (р. 1942), заслуженный деятель искусств России; Виталий Александрович Кеворков (р. 1937), заслуженный деятель искусств России; Виктор Георгиевич Комиссинский (р. 1938), заслуженный деятель искусств России и Адыгеи; Владимир Васильевич Магдалиц (1951–2010); Герман Анатольевич Селезнев (р. 1937); Владимир Андреевич Чернявский (р. 1947), заслуженный деятель искусств России и Калмыкии; Борис Михайлович Целковников (р. 1949).

Александр Васильевич Дудник, принявший творческую эстафету старшего поколения, раздвинул границы использования фольклорного начала, привнося в него масштабные формы профессиональной музыки. Для баяна в неофольклорном направлении написаны «Сюита на древ-

нерусские темы», «Концертино» для баяна с оркестром русских народных инструментов», «Фрески», «Кубанская рапсодия», сюита «Казачьи мотивы». В опоре на песенность создаются крупные хоровые произведения. «Сольная кантата «Кубань в сердце моем» (на стихи С. Хохлова) включает элементы песенного фольклора Кубани, но не посредством прямого цитирования, а в синтезе со стилем и почерком композитора. Фольклорная основа кантаты ощущается, прежде всего, в образном строе произведения» [2, 155].

Волченко Василий Михайлович – коренной кубанец, родился и вырос в семье потомственных казаков. Как композитор он уделяет много внимания любимому инструменту – баяну. В. М. Волченко написал более 50 произведений для баяна, аккордеона, гармонии соло, баяна и балалайки, для дуэта и трио баянов.

Неофольклорная тенденция ярко проявилась в творчестве Германа Селезнева, работающего на Кубани с 1969 года. Композитор лирического дарования, он тяготеет к песенному жанру, и его многие мелодии близки к народным. Песенной атмосферой 70-х годов проникнут фортепианный концерт. Наряду с виртуозным началом он развивает традиции русского эпического симфонизма, воплотившиеся в гармоничности, ясности форм, демократичности. Исследуя творчество Г. Селезнева, музыковед Роза Лаво пишет о лирико-вокальной природе тематизма концерта, его особой энергии, масштабности, оптимизме: «Особенно привлекает к себе внимание II часть концерта – «Колыбельная», написанная в духе русских народных сказок и былин, в лучших традициях симфонических миниатюр А. Лядова, Н. А. Римского-Корсакова. Музыка этой части настолько образна и рельефна, что невольно напрашивается на сценический зрительный ряд» [4, 47].

В творчестве Виталия Александровича Кеворкова, как неофольклориста, представлены музыкальные идеи,

запечатленные в названиях и принципах развития: это симфоническая поэма «Память», цикл из 6 пьес «Матрешки», написанный для готово-выборного баяна. Композитор работает в разных музыкальных жанрах. Он автор двух симфоний, симфонических поэм, кантат, сонат для скрипки, фортепиано, вокальных циклов, струнного квартета, многих камерных сочинений. Активно работает в жанре джазовой музыки и музыки для детей. Большая часть его произведений исполнялась и издавалась в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Софии, Лондоне, музыка нашего земляка внесена в «Золотой фонд» Всесоюзного радио.

Фольклорная традиция наиболее выразительно воссоздается в манере народного пения, и композиторы, вслушиваясь в традиционные типы кубанского вокала, пытаются передать их особенности в профессиональной музыке. Так, В. Г. Комиссинский в вокальном цикле «Служба царская» опирается на народный характер произнесения и пропевания ритмо-интонационных структур, типичный мелодический рисунок, подчеркивает региональные черты. Произведение исполняется вокалистами народной манеры постановки голоса. Сохраняя этот важнейший принцип исполнения вокальных произведений, многие композиторы обогащают его средствами современного профессионального языка. (Синтез таких особенностей составляет важное качество произведений В. В. Магдалица, Г. А. Селезнева, Б. М. Целковникова, В. А. Чернявского).

Песенное начало, фольклорные тенденции, народно-жанровые приемы развития буквально пронизывают творчество В. Г. Комиссинского. Ярким примером данной тенденции является цикл «Десять романтических пьес для фортепиано». Первая пьеса – «Народный напев» – образец задушевного лирического творчества казачества. Близкие образы представлены в пьесах «Легенда» и «Размышление». Цикл строится по принципу жанрового контраста.

Движение направлено от трех утонченно-элегических вальсов через углубленно-сосредоточенное размышление к масштабной лапидарности «Хроматической фантазии», предназначавшейся для органа и составляющей драматургическую кульминацию цикла. Заключительная «Элегия» переключается настроением и образностью с первой пьесой.

Бережное отношение к фольклору, проявлявшееся еще в русской классике XIX века, способствует колоритности и яркости образов в сочинениях В. Г. Комиссинского. Воссоздавая типичный круг песенных образов и мелодий кубанского казачества в кантате для смешанного хора, контральто, фортепиано, ансамбля духовых и ударных инструментов «Казачьи вечерние песни», композитор использует народные слова, что ярче очерчивает образ жизни, думы и заботы простого труженика. Первая часть «Вечер» – играет роль зачина, хор исполняет свою партию без слов, закрытым ртом. Протяжные мелодические линии дробятся на фразы, начинающиеся с вершины-источника и неизменно скатывающиеся вниз. Трудная доля служилого казачества вызывает глубокие раздумья. Вторая часть «Сбор» – решена в токкатном движении лихой казачьей песни. Здесь передается манера боевых и походных песен с характерной удалью и задором.

Третья часть «Грусть-тоска берет» вводится по принципу контраста и представляет любовно-лирическую сферу. Четвертая часть «Браты мои» характером и задушевностью близка первой части, в ней важна сфера самоуглубленности и размышления. Это наиболее импровизационный раздел, где контральто соло дается полная свобода выражения чувств, что подчеркивается авторской ремаркой *Rubato*, аллеаторической манерой исполнения и ускорением пассажей внетактовой организацией материала. Отмеченную манеру исполнения поддерживает вступающий хор. Соотношение личностно-индивидуального и общественного, присущего

казачьему духу, хорошо прочувствовано автором и представлено в музыкальном решении. Пятая часть «Молитва» – отстранение, взгляд со стороны. Шестая часть «Мы стояли на горе» – погружение в ментальность, особенности мировосприятия казачества и своеобразное заключение, энергично-собранного характера. Раздел выражает твердость казачьего духа, незыблемость основ его жизни. Кантата наследует лучшие стилистические особенности, выработанные неофольклорной волной, продолжая искания Г. Свиридова, В. Гаврилина, С. Слонимского, Ш. Чалаева.

Удивительно, что многообразная фольклорная манера исполнения находит каждый раз своеобразное воплощение в профессиональной музыке и поворачивается каждый раз новой гранью. Композиторы акцентируют каждый свой аспект, и каждый раз народный образ остается неисчерпаемым. Это может быть манера исполнения, как у В. Комиссинского, претворение акапельного народно-хорового исполнения и респонсорной вопросно-ответной системы построения мелодических фраз, как у В. Чернявского в хоре-посвящении Екатеринбургскому войсковому собору Святого Александра Невского «Покаяние», в том числе, ориентация на эпическое сказовое развитие фразировки с тактовым размером 12/8, как в вокальном цикле В. Чернявского «Золотые купола России». Часто фольклорное начало выступает своеобразной картиной с сочным жанрово-танцевальным началом, что дает возможность сопоставить его с токкатными формами движения и жанрами профессиональной музыки, как это обнаруживается в фортепианных пьесах В. Чернявского, где «Токката» и «Торжественное приветствие» становятся обрамлением народно-жанровых танцевальных сцен, предстающих в пьесах «Хоровод» и «Чичирдык» (калмыцкий народный танец).

Традиционны для русской музыки богатырские образы, идущие от произведений А. Бородина, и так современно

звучащие у В. Чернявского. Широта души, напор жизненной энергии проецируются в особых созвучиях, расширяющих обычные трезвучия с их терцовым принципом до кварт. Неслучайно и у Бородина мы находим гармонические построения, где в основе вертикали не терция, а кварта. Аналогично использует этот принцип Ш. Чалаев в опере «Казачья» на сюжет Л. Толстого, создавая дасть мужественные, богатырские образы и видение «далекой страны». Аккорды, построенные по квартовому принципу, буквально пронизывают партитуру симфонической сюиты «По шелковому пути» В. Чернявского, «рисую» образ былинного богатыря. Такие параллелизмы неслучайны – это открытия нового мира – жизни вольной, свободолюбивой, присущей степным народам и казачеству. Форма строится динамически с усиливающейся ролью синкопированных ритмов. Первая и вторая части идут без перерыва. Любопытно в этом отношении напомнить мнение Л.А.Вишневской, исследовательницы особенностей традиционной вокальной полифонии карачаевцев и балкарцев, которая квартовые вертикали связывает появлением богатырских образов.

Во второй части «Танец юношей» звучит калмыцкий народный мотив, записанный самим композитором. В нем мы найдем переключки с первой частью и новые интонации, значительно более легкого движения. Здесь вместо кварты звучит квинта – и это существенно, поскольку обеспечивает структурное развитие и в то же время воспринимается как перевернутый изначальный образ, родство с которым хорошо прослушивается в звуковысотной структуре, а с другой стороны – является развитием первого.

Если задача первой части – дать обобщенный единый образ, то функция второй части – развитие и движение. Она отмечена особой драматургией интонаций, народных напевов, ритмов и темпов. Здесь сталкиваются квартовые и квинтовые обороты, пунктирные и триольные ритмы, при-

водящие к синкопированию в кульминации. Напряжение возникает за счет взаимодействия разнородных интонаций и ритмов, а также за счет столкновения распевной песенности с упругой танцевальностью.

В третьей части «Степь» – медленный восточный напев, льющийся бесконечной лентой ручья у английского рожка. Часть открывается задушевыми интонациями, дублирующимися квинтами.

Опять обыгрываются кварто-квинтовые интонации, но используются они здесь в ином контексте и в медленных темпах. Яркий, красочный колорит создает ассоциации с жарким летним днем, воспевающим благодарность воде (звучат холодно-прозрачные тембры виброфона). Произведение очаровывает яркостью и разнообразием тембров, сочной восточной палитрой музыкальных красок. Примечателен диалог челесты и первой скрипки, льющийся живо и естественно как бесконечная восточная сказка. Развитие основано на постепенном присоединении голосов оркестра, их колорировании, соединении мелодических линий.

«Праздник в ауле» – 4 часть – дает поворот к жанровости. Основной принцип развития – контрастное сопоставление разделов и частей. Это обобщенно-образные картинки народного быта и жизни. Виртуозно разработана народная кабардинская тема, композитор многократно проводит ее в виде вариаций, придавая ей блеск и праздничность. С большим мастерством и тактом введена партия барабанов, имитирующих национальный ударный инструмент доол. Подчеркивание второй доли в четырехдольном размере придает национальный колорит. Соло на барабане исполнено жизне-радостной, бьющей ключом энергии. Особый национальный колорит придает усиленная роль ударных инструментов, создавая четкость и ритмическую упругость. Мелодия приобретает красочность за счет изменения лада: она проводится в мажоре и миноре. Лихим задором отмечено развитие

горских тем. Произведение исполняется на едином дыхании с брызжащим темпераментом.

Кульминационной становится последняя пятая часть «Кубанская казачья джигитовка». В основе ее – распевная тема народного склада, созданная самим композитором, которая в результате развития многообразно изменяется, приобретает мужественные, твердые черты. Средний раздел – рубка – знаменуется проведением темы у тромбонов, развитие которой составляет кульминационный раздел. В репризе возвращается первоначальная тема, даются еще более глубокие ее преобразования, с еще более насыщенной фактурой. Оstinатно проводит четкий ритм скрипок.

История России, ее прошлое как бы оживает в произведениях Б. М. Целковникова, Древнерусская образность представлена современными средствами выразительности в Сюите для баяна («Лики древней Руси», «Херувимская песнь», «Символ веры»), хоровых произведениях на стихи Ф. Тютчева, И. Бунина, С. Есенина, Н. Рубцова, А. Ахматовой. В симфонической фреске «Ожившая звонница» композитор дает обстоятельное, детальное претворение образа и живописует музыкальными красками, прослеживая каждую деталь в своей эпической картине, где музыкальные краски будто перетекают от одного оттенка к другому и от состояния к состоянию. Главная тема близка древнерусским знаменным песнопениям и былинным распевам.

Основную идею произведения раскрывает В. Задерацкий в кратком вступлении к партитуре: «Время храмо-строительства, пришедшее на смену эпохе лютой войны с Церковью и Богом, рождает содержательные мотивы, недоступные искусству советского времени, но прямо смыкающиеся с прерванной традицией русской дореволюционной музыки... Образ колокольности, звончатая звукопись – основа замысла. Однако произведение это пронизано линейно-мелодическим началом, более того, базируется на

конкретной мелодической теме, развиваемой по принципу вариаций *soprano ostinato*» [5, 3].

Шеститактная тема проводится строго неизменно 4 раза, перемежаясь колористическими интермедиями (до цифры 9 включительно). Важно сонористическое изменение оstinатной темы усиливающееся ее постепенным текстурным сдвигом: от мрачного бас-кларнета в самом низком регистре – к яркому сиянию темы скрипок. Величественная тема захватывает своей глубиной, таинственностью, старинным колоритом. С цифры 10 начинается вторая фаза композиции – кульминация «чистой» колокольности, воссоздаваемой на основе с помощью мелодиколлинеарных структур. «И хотя особая роль в партитуре отведена «звончатым» инструментам оркестра (ударные, челеста, фортепиано, арфа), именно внутренняя оstinатность (ротационность) становится главным средством воссоздания эффекта колокольности (тут автор целиком смыкается с традицией Мусоргского, Римского-Корсакова, Стравинского...», – пишет В. Задерацкий [5, 3].

Произведение привлекательно колористическими поисками мастера, где соединяются разнообразные тембры – ксилофона (как звон капли), певучих струнных и давящих низких медных духовых инструментов. Композитор умело соотносит регистры, дающие большой диапазон и ощущение гулкового пространства – это мелодия высоких флейт и мужественной тубы. В произведении большую роль играют низкие тембры инструментов, особенно контрабасы, затаенно, протяжно звучащий фагот. Великолепны крещендирующие басовые линии, которые подхватывает оркестр до полного *tutti*. Тремоло струнных создает атмосферу тревожного ожидания и ускоряет движение. Прислушиваясь к изменению темпов, понимаешь, что музыка становится сопричастна великим событиям. А между тем наступает волна умиротворения, далекая картина как бы раство-

ряется. Арфообразные пассажи, гобой, ксилофон переводят в иной временной пласт и расходятся, подобно кругам на воде – это тонко очерченный переход к репризе. Она дает обрамление драматической картине, нарисованной сочными оркестровыми красками. Истаивающая звучность как прощание с далеким прошлым.

Начало XXI века – третий этап в развитии профессионального композиторского творчества на Кубани, привносящий новые стилистические повороты. Наряду со стремлением к отточенности, высокому профессионализму, композиторы опробуют авангардные приемы, смелые техники, нестандартные решения и композиции. Появление профессионального симфонического оркестра открывает перспективу работы в крупных жанрах, создания симфонических полотен. Это отражается в широте интересов, многоликости, многожанровости создаваемых произведений. Здесь можно услышать и экспрессивные звучания, и прозрачную утонченность неоклассицистских линий, и усложненность авангардного языка. Сонорно-колористические приемы, характеризующие авангардные поиски, стали украшением произведений В. Малюченко, Б. Целковникова. Показательно симфоническое произведение Вадима Малюченко «Концерт-поэма «Полковой оркестр». Произведение исполнено высокой духовности, где подспудно, глубинно встает мысль о вечном и нетленном. Сочинение является прорывом в новую сферу ультрасовременных средств выразительности, таких как алеаторика, сонористика. Атмосфера эпохи доносится посредством цитат бытовавших популярных мелодий. Сюжетное повествование складывается на основе «воспоминаний» песенных и вальсовых мелодий выпускного бала, затуманивающихся гулом приближающегося фронта, прощальным минорным маршем и интонациями-провозвестниками будущих побед.

Произведение охвачено атмосферой ностальгии, где в гулких обертонах струнных возникают обрывки хорошо знакомых фраз-символов знаковых жанров вальса, танго. Всплывают ретро-образы в слезах скрипки и таинственных шорохах пиццикато струнных, отсылая нашу память к композиторским принципам и работе с жанрами А. Шнитке. Это затаенность несбывшихся надежд и реальность трагических будней. Тут как в жизни все переплетено – мысли и действия, реальное и желаемое, прошлое и настоящее, героическое и смешное, пародия и гротеск. Очень серьезные и даже трагические образы перекрываются цирковыми, они же приобретают характер гротеска в наплывающем марше. В целом произведение отмечено монтажными особенностями развития, где событийный ряд выстраивает грани формы. Высшей точкой развития становится момент взрыва, решенный ярко театральным ударом гонга и высшим напряжением всего оркестра. После драматической кульминации – уход в молчание, тишину и ничего такого, что напоминает тип решения развязок в произведениях Шекспира.

Экспрессивностью насыщено творчество М. Водопьянова-Беруашвили (г. Сочи). Напряженность развития ассоциативного типа с опорой на характеристические детали складывается в его симфонической фантазии для кларнета и оркестра «Заклинание». Произведение создает ощущение некоего ритуала, подразумевающего и соответствующий комплекс средств воздействия – это могут быть движения, жесты, восклицания, скороговорки, особо интонируемые звуки и т. д. Для создания суггестивной атмосферы композитор использует искусственный лад «тон-полутон» с тенденцией к атональности, жестко звучащей музыкальной ткани. Гипнотическое развитие обнаруживается и в постепенности перехода от медитативно-космических образов к зловещей фантастической пляске.

Развитие основывается на волнообразном движении, в котором на фоне пиццикато контрабасов возникает яркая мелодия кларнета.

Фантастические образы усиливаются постоянной диссонантностью, зигзагообразными мелодическими линиями, трелями, ударами тарелок. Звуковые линии то собираются, то рассредоточиваются, возникают очертания полифонических форм. Фантастический замысел вызвал к жизни необычные приемы звукоизвлечения, вибрирующие, глиссандирующие параллели аккордов и напряженную динамику становления формы произведения.

В отдельных произведениях В. В. Магдалица преобладают экспрессионистические принципы развития музыкального материала, что обусловлено выбранной темой, например, в симфонии, посвященной Чернобыльским событиям. Творческий путь В. В. Магдалица – сложный, яркий, неординарный, насыщенный коллизиями духовного роста, преобразований и поединков с судьбой. Новые стилистические тенденции слышатся в поздних его сочинениях, где в полизвуковых пространствах сталкиваются старые и современные принципы мышления, выкристаллизовываются неординарные композиторские приемы. Об этом пишет профессор саратовской консерватории А. И. Демченко: «Фигура Владимира Магдалица представляется весьма симптоматичной. Его «До мажор» – это подчеркнуто тональное мышление, когда звуковая ткань только изредка оттеняется островками внетонального письма, но зато щедро насыщается свежими сонорными эффектами разного рода. Его «новая простота» заключается в безусловной доступности музыкального языка с опорой на рельефную мелодику и ясные гармонические последования, которые при всей привычности обнаруживают массу оригинальных поворотов, всевозможных «сдвигов» и неожиданных «сюрпризов»... Первое, что сразу же и очень осязаемо про-

слушивается в «его Постмодерне» – возвращение к исконным устоям музыкального искусства, широкая опора на всевозможные традиции, что образует густой, многослойный стилевой настой. Спектр наследуемых истоков простирается от бытового романса XIX века и современных песенных жанров до высокой классики различного происхождения» [6, 72].

Обретя творческую свободу, композиторы стремятся отразить жизнь в самых разнообразных ее проявлениях, во множестве деталей и подробностей. В новаторских сочинениях обнаруживается и новый подход к композиции и строению произведений – то это свободно мелькающие кадры и монтажный принцип устройства произведения, то единство во многообразии и симфонизированные принципы развития. Этой же тенденцией стилевой синтеза и сплава разнородных элементов характеризуется творчество композитора Олега Леонидовича Проститова (р. 1955), заслуженного деятеля искусств Российской Федерации. Творчество Олега Проститова относится к периоду отечественных композиторов 3-го поколения, по сути, наших современников, творчество которого формировалось под воздействием музыки петербургских композиторов (С. Слонимского, А. Петрова). Имея за плечами огромный творческий опыт и багаж произведений в разных жанрах, композитор стремится к постижению духовных первооснов, музыкальной концептуальности, философичности своих произведений. Они базируются на глубоком постижении культурных смыслов, открывающихся в произведениях отечественной и зарубежной классики. Оригинальны музыкальные решения, также как и названия опусов: «Муэзы Олега Южанина на поэзы Игоря Северянина» (1994).

«В музыке О. Проститова также на протяжении всего пути выражена эта направленность на синтез, начиная от

ранних инструментальных опусов, среди которых Прелюдия и фугетта-фантазия (1974) и заканчивая последними – «Свастической сонатой» (2006) и Lamento Памяти Великого Мастера (2007) – (посвящено А. Петрову – *О.П.*). Но это не приводит к эклектике: достигнутая органичность в сочетании признаков различных стилей свидетельствует о собственной системе, характерной для автора. Найденная общность и вскрытые внутренние ресурсы позволяют ему объединить избранные источники – русские романсовые интонации с ритмами рэгтаймов, казачий фольклор с цитатами рок-композиций, знаменный распев с французским шансоном. Точно так же синтезируются техники и методы развития: серийная с ладотональными принципами, сонорная с монодийной, темброво-фактурная с мотивно-интонационной» [7, 100].

Однако ведущими в творчестве композитора стали крупные сочинения для симфонического оркестра. Среди них 3 фортепианных концерта, концерт для скрипки с оркестром, 5 симфоний: симфония для камерного оркестра № 2 – памяти И. Стравинского (1983), Симфония-концерт для баяна (1983), Симфония № 3 «Романтическая» (1986), Концерт для фортепиано с оркестром № 1 (1991-1993), Концерт для скрипки с оркестром (1997), Концерт для фортепиано с оркестром № 2 «Дорический» (1998), Концерт для фортепиано с оркестром «Ярослав Мудрый» (2005). Музыка О. Проститова звучит во многих городах России, среди которых Новосибирск, Санкт-Петербург, Москва, а также и за рубежом, в том числе, в Германии, Франции, США.

Плодотворное взаимодействие различных стилевых явлений в музыке кубанских композиторов включает в себе уникальный опыт сотрудничества, «созвучия» разных национально-культурных истоков. Богатство и уникальность музыкально-этнического содержания создают благоприятные условия для яркого профессионального компози-

торского творчества. Музыкальный опыт современных композиторов Кубани показал рост творческой зрелости, на основе чего яркие результаты достигались в точке пересечения универсальных приемов и отдельных стилевых направлений, местных традиций и языка данного композитора. Таким образом, найденные и отточенные средства выразительности композиторы обеспечили раскрытие значительной содержательности и глубоко патриотическим идеям. Музыкально-профессиональный опыт композиторов Кубани – яркая нота в венке российской музыкальной культуры.

Литература:

1. Захарченко Виктор Гаврилович // Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
2. Ескин М. И. Музыка кубанских композиторов для баяна (1965–1995 гг.). – Краснодар: Эоловы струны, 2004
3. Комиссинский В. Г. Музыка, творчество, жизнь. Статьи, материалы, документы. – Краснодар: Эоловы струны, 2007.
4. Лаво Р. С. Герман Селезнев. Портреты кубанских композиторов. – Краснодар, 2002.
5. Задерацкий В. Вступление к партитуре симфонической фрески «Ожившая звонница» Бориса Целковникова // Ожившая звонница: Симф. фреска: Для симф. орк. / Предисл. – М.: Композитор, 1998.
6. Демченко А. И. Об одной из линий постмодерна (о творчестве В. В. Магдалица) // Современная музыка: вопросы теории, исполнительства, преподавания. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Пермь, 2009.
7. Белоносова И. В. Соната-миф О. Проститова (к проблеме «неопрограммности») // Композитор в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы современного композиторского творчества» 11–12 ноября 2008 г. – Красноярск, 2008.

Ю. Д. Лабутина
(Россия, Краснодар)

**РОМАН С МАСТЕРОМ:
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Аннотация: в статье исследуются интерпретации романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в различных видах искусства. Согласно названию, в статье рассматриваются отечественные и зарубежные экранизации, балетные постановки, театральные спектакли и мюзиклы, скульптурные памятники, художественные и фотоиллюстрации к роману.

Ключевые слова: «Мастер и Маргарита», интерпретация, экранизация, визуальная культура, М. А. Булгаков.

Ju. D. Labutina
(Russia, Krasnodar)

**ROMAN WITH MASTER:
THE PROBLEM OF THE ARTISTIC
INTERPRETATIONS**

Annotation: the article explores the interpretation of Bulgakov's novel «The Master and Margarita» in various forms of art. As the title implies, the article is considered domestic and foreign film versions, ballet productions, theatrical performances and musicals, sculptural monuments, art and photo illustrations for the novel.

Keywords: «The Master and Margarita», interpretation, film version, visual culture, M. A. Bulgakov.

Михаил Булгаков в 1928 году задумывает книгу, которая должна была строиться как «роман в романе», иметь две пересекающиеся сюжетные линии: в советской Москве

появляется дьявол, а один из персонажей рассказывает историю Иисуса Христа [1, 468]. Первоначально в нем не было Маргариты, а название варьировалось: «Черный маг», «Копыто инженера», «Консультант с копытом», «Великий канцлер», «Князь тьмы». Однако первая редакция книги была уничтожена автором 18 марта 1930 года после запрета пьесы «Кабала святош». Об этом Булгаков сообщил в письме к Правительству СССР: «И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе...» [2, 337].

Вернулся к работе Михаил Булгаков только через несколько лет, и третья редакция – уже «Мастера и Маргариты», датируется 1936 годом.

Произведение при жизни автора не публиковалось. Впервые оно увидело свет только в 1966 году, через 26 лет после смерти Булгакова, с купюрами, в сокращенном журнальном варианте, хотя до официальной публикации роман распространялся в перепечатанных вручную копиях. Жена писателя Елена Сергеевна Булгакова в течение всех этих лет хранила рукопись романа.

Гениальное произведение Михаила Булгакова получило широкую интерпретацию в различных видах искусства. Отдельного внимания заслуживают экранизации.

Известно, что многие российские режиссеры не раз пытались экранизировать «Мастера и Маргариту», однако долгое время никому не удавалось это сделать. Снять картину по мотивам романа в свое время хотели Ролан Быков, Владимир Наумов, Эльдар Рязанов, Элем Климов.

В итоге первым из кинематографистов, кто экранизировал «роман о дьяволе», стал польский режиссер Анджей Вайда. В его фильме «Пилат и другие» (ФРГ, 1972 г.) за основу взята евангельская тема, однако она перенесена в XX век.

Сербский режиссер Александр Петрович (фильм «Мастер и Маргарита», производство Италия – Югославия, 1972 г.), работавший над экранизацией романа параллельно с Вайдой, наоборот, избавился от библейской линии, со-

хранив любовную линию Мастера и Маргариты, разворачивающуюся на фоне событий, происходящих в Москве в 30-е годы.

Четырёхсерийный телефильм режиссера Мацея Войтышко «Мастер и Маргарита» (Польша, 1988–1990 гг.) переносит содержание романа на экран максимально близко к булгаковскому тексту.

Фильм Юрия Кары, снятый в 1994 году, – первая российская киноверсия знаменитого романа, отмеченная звездным составом: Воюнда сыграл Валентин Гафт, Маргариту – Анастасия Вертинская, Мастера – Виктор Раков, Понтия Пилата – Михаил Ульянов, Иешуа – Николай Бурляев, Левия Матвея – Лев Дуров, кота Бегемота – Виктор Павлов. Однако путь к зрителю оказался длиною почти в два десятилетия, за это время утратив не только хронометраж, но и изначальную идеологическую «остроту» и эстетическую оригинальность, так необходимые человеку в непростых культурных реалиях конца XX столетия.

На сегодняшний день самая полная и подробная экранизация мистического романа – телесериал Владимира Бортко 2005 года. Режиссер не только дословно перенес на экран собственно роман, но и добавил несколько эпизодов лично от себя, например, ввел в картину линию человека во френче, в котором кинокритики опознали Лаврентия Берию. Это неудивительно, ведь еще во время съемок фильма Бортко говорил в интервью, что не верит в мистику булгаковского романа, а считает, что главное в нем – тема репрессий 1937 года.

В «Мастере и Маргарите» Владимира Бортко занято целое созвездие актеров, среди которых Олег Басилашвили (Воюнда), Анна Ковальчук (Маргарита), Роман Карцев (Поплавский), Сергей Безруков (Иешуа), Александр Филиппенко (Азazelло), Дмитрий Нагиев (барон Майгель), Александр Панкратов-Черный (Лиходеев), Валентин Гафт

(первосвященник Каифа и Человек во френче). Несмотря на неверие режиссера в мистику, четверо актеров – Кирилл Лавров (Пилат), Владислав Галкин (Бездомный), Александр Абдулов (Коровьев) и Илья Олейников (финдиректор Римский) – вскоре после выхода фильма на экраны ушли из жизни. Кинороман отразился также на здоровье и личной жизни игравших в ней актеров – Олег Басилашвили на время потерял голос, а Анна Ковальчук неожиданно развелась с мужем, с которым прожила несколько лет и от которого родила дочь Злату. Благодаря разного рода техническим трюкам ленту Бортко с полным правом можно занести в Книгу рекордов Гиннеса – только компьютерной графики в фильме нашего современника три часа, что очень много для 10-серийной картины.

В ближайшее время список экранных версий романа «Мастер и Маргарита» может пополниться: режиссер Ринат Тимеркаев снимает полнометражный мультипликационный фильм «Мастер и Маргарита», а американская кинокомпания Скотта Стейндорфа выкупила у наследников Булгакова права на экранизацию романа.

Кроме экранизаций, телепостановок («Происшествие в Иудее», Великобритания, 1991 г., режиссер Пол Брайерс) и телеспектаклей («Мастер и Маргарита», Россия, 1996 г., режиссер Сергей Десницкий), передать идею романа пытались и в балете. Хореограф Борис Эйфман, автор таких философско-социальных спектаклей, как «Идиот», «Легенда», «Поручик Ромашов», давно мечтал воссоздать на сцене историю героев булгаковского романа. Решился, услышав в концерте симфоническую фантазию А. Петрова «Мастер и Маргарита». В центре всех событий в спектакле фигура Воюнда, а главная тема балета – судьба Мастера.

В Краснодарском театре балета Юрия Григоровича 18 июня 2016 г. представили премьеру балета по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», режиссер Алек-

сандр Мацко. В спектакле прозвучали композиции Альфреда Шнитке, Дмитрия Шостаковича и Эндрю Ллойд-Уэббера. Жанр постановки – балет-фантазмагория. В современной хореографии воплотились самые яркие и масштабные сцены романа: заседание Массолита, события в сумасшедшем доме, шоу в Варьете и, конечно же, бал Воланда.

В Театре на Таганке в 1977 году режиссером Юрием Любимовым также был поставлен спектакль по одноименному роману Михаила Булгакова. Музыкальное оформление осуществил Эдисон Денисов, включивший в «Мастера и Маргариту» отрывки из произведений Сергея Прокофьева, Альфреда Шнитке, Дмитрия Шостаковича. В первой постановке приняли участие Вениамин Смехов, Нина Шацкая, Иван Дыховичный, Александр Трофимов и другие.

Мюзикл «Мастер и Маргарита» создан по одноименному роману М. А. Булгакова продюсерской компанией «Makers Lab». Это совместный проект с Санкт-Петербургским городским театром «Мюзик-холл» при поддержке Комитета по культуре. Премьера состоялась 18 сентября 2014 года в театре «Мюзик-Холл» в Санкт-Петербурге. Либретто создано по новейшей технологии «Ситуационный сценарий» – это сочетание условий и обстоятельств, вовлекающих зрителя в сценическое пространство. Зрители оказываются втянуты в интерактивное шоу, становятся участниками «дьявольского» спектакля Воланда. Мистическое число – 666 – костюмов создали для мюзикла английские дизайнеры. 66 декораций сменяется на сцене во время спектакля.

Скульптор Александр Рукавишников несколько лет назад задумал целый ансамбль изваяний, посвященных памяти Михаила Булгакова. Изначально автор изваяний хотел поставить их на Воробьевых горах и Патриарших прудах, где должен был быть скульптурно-архитектурный комплекс. Помимо Мастера, Маргариты, Бегемота, Коро-

вьева и волшебного автомобиля, в пруду планировалось разместить фигуры Иешуа, Понтия Пилата, а также украсить ландшафт примусом высотой с четырехэтажный дом, и многими другими ключевыми образами романа.

Другой известный художник и скульптор Григорий Потоцкий, воплотивший в бронзе Мастера и Маргариту, в 2015 г. подарил памятник Дому-музею Булгакова в Москве.

В пространстве визуальной культуры многие художники пытались воплотить в красках персонажей знаменитого романа. В их числе: Павел Оринянский, Алексей Державин, Евгений Гритчин, Сергей Тюнин, Геннадий Калининский и др. Многоаспектность живописных сюжетов говорит о множественности углов зрения, сфокусированных в подтексте произведения. Превосходные фотоиллюстрации к «Мастеру и Маргарите» получились у Елены Мартынюк. Снимки были сделаны в местах, описанных в романе, таких, как крыша Дома Пашкова и, конечно, в Доме Булгакова на Садовой. Сцены в Театре Эстрады сфотографированы в Московском Художественном Театре МХАТ, где были поставлены пьесы Булгакова, и где он также работал сам. В роли Воланда снимались Юрий Васильев, Александр Ширвиндт, в роли Фагота и Коровьева – Денис Олег Кассин, в роли Пилата – Федор Добронравов, в роли служанки Наташи – Наташа Королева. Фотографом визуализируется сам процесс творческого акта, столь важный для понимания романа.

Бесспорно, что «Мастер и Маргарита» – истинный литературный шедевр. Такие произведения всегда будут вызывать интерес со стороны кинематографистов, театральных режиссеров, музыкантов, художников. Их творческое видение расширяет спектр возможных ответов на «вечные вопросы», поставленных автором почти столетие назад.

Литература:

1. Сухих И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (От Блока до Бродского). – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013.

2. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М.: Книга, 1988.

Э. В. Выбыванец
(Россия, Краснодар)

«МУЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА»: О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ ИСКУССТВ

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы преподавания цикла музыкально-исторических дисциплин – важнейшего в общепрофессиональной подготовке музыканта в вузе. Предлагается возможный вариант построения нового курса, недавно введенного в учебные планы. Его содержание опирается на принципы репрезентативного отбора и системного структурирования достижений музыкального искусства означенного периода. Материал может служить базой разработки рабочих программ дисциплины.

Ключевые слова: курс истории музыки, современная зарубежная музыка, отбор учебной информации и музыкальных произведений, лекции, семинарские занятия.

E. V. Vybyvanets
(Russia, Krasnodar)

MUSIC OF THE SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: ON THE STRUCTURE AND CONTENT OF A TRAINING DISCIPLINE FOR STUDENTS OF MUSICAL SPECIALTIES OF HIGH SCHOOLS OF ARTS

Annotation: The article touches upon the problems of teaching the cycle of musical and historical disciplines - the most important in the general professional training of a musician in a university. A possible version of the construction of a new curriculum, recently introduced into the curriculum, is proposed. Its content is based on the principles of representative selection and systemic structuring of the achievements of musical art of the period. This material can serve as a base for the development of work programs of discipline.

Keywords: course of music history, modern foreign music, selection of educational information and music, lectures, seminars.

Среди многочисленных проблем организационно-методического характера, с которыми сталкиваются педагоги, читающие курс истории музыки, наиболее острой многие назовут катастрофическую недостаточность учебных аудиторных часов. Особенно она касается самых поздних этапов развития отечественной и зарубежной музыки, лишь недавно ставших историей.

Не оспаривая необходимость реализации важнейшей установки современной вузовской дидактики побуждать обучающихся к активной самостоятельной учебной деятельности, поощрять их самостоятельный поиск, отбор и

осмысление учебной информации, обратим внимание на следующий момент. Вряд ли кто станет отрицать роль лекционных занятий, форма которых предполагает, помимо традиционных уроков, возможность общения с педагогом в виртуальном пространстве, а также семинарских занятий под его руководством. И дело не только в факте пресловутого лавинообразного увеличения объема информации, которую студенту необходимо структурно упорядочить, чтобы в ней свободно ориентироваться, оценить ее качественный уровень и системно организовать материал для освоения, превращения в личностно значимый. Все-таки без руководства педагога это сделать не каждому студенту под силу, если не невозможно вовсе. Нельзя игнорировать и хорошо известный для всех, кто соприкасается с новейшей музыкой, факт: трудность ее восприятия и постижения («коммуникативный барьер»), которые порой не преодолимы самостоятельно и буквально «взывают» о помощи со стороны педагога.

Учитывая все это, с большим энтузиазмом вузовским педагогическим сообществом было воспринято введение в учебные планы в качестве самостоятельной музыкально-исторической дисциплины предмет «Музыка второй половины XX – начала XXI вв.» (для студентов-композиторов – «История современной музыки»). Это позволило, с одной стороны, разгрузить и без того «переуплотненные» курсы истории музыки, а с другой – уделить более достойное место и внимание в вузовских программах современной музыке, изрядной по объему и художественным достоинствам.

При разработке рабочей программы дисциплины перед педагогом прежде всего встает вопрос: что именно отобрать для изучения или ознакомления из выдающихся образцов и опусов, показательных для той или иной музыкально-эстетической тенденции времени. При этом учитывать наличие необходимого материала – аудио- или видеоза-

писей, нот, учебников, а также гипотетический средний уровень студентов в условиях поточных лекционных занятий.

Прекрасным ориентиром здесь могут служить учебные пособия, созданные учеными вузов Москвы и Санкт-Петербурга [1, 2, 3, 4]. В опоре на них была создана рабочая программа дисциплины в консерватории Краснодарского института культуры. При ее составлении необходимо было скоординировать содержание дисциплины с содержанием курса истории музыки, чтобы соблюсти преемственность, исключить дублирование материала и сделать выбор на основе компромиссного решения. Последнее связано с тем, что творчество многих выдающихся композиторов XX века протекало и в первой половине столетия (что изучается в рамках Истории музыки), и во второй (что является предметом рассматриваемой здесь дисциплины).

В ряде случаев в нее включается освещение молодых национальных школ (прежде всего Латинской Америки), затронутых в курсе Истории музыки лишь частично, поскольку в полную силу они проявили себя к середине века и требуют надлежащего рассмотрения уже в данном курсе. Последний включает освещение явлений зарубежной музыки и построен традиционно, по странам и композиторам. В силу ограниченности дисциплины одним семестром отечественную музыку того же периода приходится рассматривать в рамках предмета «История отечественной музыки» крупными блоками по отдельным ключевым проблемам, направленности творческих усилий, по преобладающей тематике и т. д. Приводим структуру курса и содержание семинарских занятий по разделам и темам.

Раздел I. Европейская музыкальная культура первой и второй половины XX в.

Тема 1. Введение. Особенности музыкальной культуры Европы XX в.

Тема 2. Музыка Венгрии. Б. Барток, З. Кодай, Д. Куртаг, Д. Лигети.

Семинары: 1. «Замок герцога Синяя Борода» Бартока: на пересечении стилевых истоков. 2. Неофольклорные (неопримиитивистские) опусы Б. Бартока, взаимодействие в них фольклора с иными стилистическими направлениями. 3. Балетный театр Б. Бартока. 4. Симфоническое творчество Б. Бартока. Особенности музыкального языка. 5. Творческая деятельность З. Кодая и Д. Куртага. 6. Характеристика личности и творчества Д. Лигети.

Тема 3. Испанская музыка. М. де Фалья, Р. Херард, Х. Турина, Х. Родриго, К. Альфтер.

Семинары: 1. Испанская музыкальная культура рубежа XIX-XX вв. Самобытность музыкального фольклора. Композиторская школа. 2. Характеристика раннего творчества М. де Фальи. Особенности претворения фольклора в опере «Короткая жизнь» и балете «Любовь-волшебница». 3. Произведения М. де Фальи неоклассицистского и конструктивистского периода. Опера «Балаганчик маэстро Педро». 4. Творческий вклад в испанскую музыку композиторов Р. Херарда, Х. Турины, Х. Родриго, К. Альфтера.

Тема 4. Польская музыка. Творчество К. Шимановского, В. Лютославского, К. Пендеревского.

Семинары: 1. Творчество К. Шимановского в контексте новых явлений в польской культуре. Новаторские черты его музыки. 2. В. Лютославский и К. Пендеревский как представители польского музыкального авангарда 2-й половины XX в. 3. Особенности творческой эволюции К. Пендеревского. 4. Духовные жанры в творчестве К. Пендеревского.

Тема 5. Музыка Румынии. Творчество Д. Энеску, А. Виеру.

Семинары: 1. Отражение образов родины, народных традиций в творчестве Д. Энеску. 2. «Царь Эдип» Стравин-

ского и Д. Энеску: о претворении мифа в опере XX столетия. 3. Творчество А. Виеру.

Тема 6. Музыка Чехии и Словакии первой и второй половины XX в.: Л. Яначек, Б. Мартину, Э. Сухонь, И. Зельенка.

Семинары: 1. Оперное творчество Л. Яначека. 2. Национальные традиции и фольклор в творчестве Б. Мартину и Э. Сухоня. 3. Этапы творческой эволюции Б. Мартину.

Раздел II. Музыка второй половины XX в. – начала XXI в. Европейские страны.

Тема 7. Великобритания. Новое музыкальное Возрождение. Р. Воан-Уильямс. Манчестерская группа. Творчество П. Дэйвиса и Х. Бритвисла.

Семинары: 1. Английское музыкальное возрождение и его творческие фигуры. 2. Манчестерская группа. Творчество П. Дейвиса. 3. Творчество Х. Бритвисла.

Тема 8. Германия. Творчество А. Циммермана, В. Хенце, К. Штокхаузена.

Семинары: 1. Творчество Б.А.Циммермана в аспекте полистилистических тенденций. 2. Особенности творческой эволюции Х. В. Хенце. 3. К. Штокхаузен – дармштадтский лидер музыкального авангарда. Философские и эстетические основы творчества.

Тема 9. Италия. Творчество Л. Даллапикколы, Б. Мадерны, Л. Ноно, Л. Берियो.

Семинары: 1. Пути развития итальянской музыки в первой половине XX в. 2. Творчество Л. Даллапикколы. 3. Творческий портрет Л. Ноно. 4. Творческий облик и новации Л. Берियो.

Тема 10. Музыкальное искусство Франции. Творчество О. Мессиаана, П. Булеза.

Семинары: 1. О художественно-эстетических идеалах и целях представителей творческого объединения «Моло-

дая Франция». 2. Религиозно-философские взгляды Мессиа-на и их проявления в музыкальном творчестве. 3. Музыкально-языковое новаторство О. Мессиа-на. 4. О принципе «звукового витража» (сопоставления статических блоков). 5. «Техника моего музыкального языка» как основание для анализа произведений О. Мессиа-на. 6. Творчество П. Булеза.

Раздел III. Музыкальная культура XX в. Страны Латинской Америки

Тема 11. Музыкальная культура Америки XX в. (особые исторические условия, уникальная многосоставность истоков). Задачи профессионального музыкального искусства стран Южной/Латинской Америки.

Семинары: 1. Музыкальная культура Бразилии. Творчество Э. Вила-Лобоса. 2. Музыкальная культура Аргентины. Творчество А. Хинастеры, А. Пьяццолы. 3. Музыкальная культура Мексики. К. Чавес

Раздел IV. Музыкальная культура США XX в.

Тема 12. Американская пятерка. Композиторы-модернисты. Э. Варез.

Семинары: 1. Этно-национальные истоки музыкальной культуры Америки. 2. Этапы становления композиторской школы США. Творчество Г. Коуэлла и С. Барбера. 3. Раскройте связь философско-мировоззренческой концепции сонаты «Конкорд» и симфонических произведений с особенностями духовного климата и «фоносреды» жизни и творчества Ч. Айвза. 4. «Опередившие время»: эксперименты в области музыкального языка Ч. Айвза и Э. Вареза.

Тема 13. Музыкальный театр Америки. Д. К. Менотти. Л. Бернстайн.

Семинары: 1. Оперы Д. Менотти «Телефон» и «Медиум». 2. Мюзикл Л. Бернстайна «Вестсайдская история».

Тема 14. Американский авангард. Дж. Кейдж. Лу Харрисон, Д. Крам.

Семинары: 1. Личность и творчество Дж. Кейджа. 2. Инструментальный театр: истоки, формы, смысл.

Тема 15. Минимализм в музыке американских и европейских композиторов.

Семинары: 1. Эстетика и техника минимализма в творчестве С. Райха, Ф. Гласса и др. 2. Оперное творчество Ф. Гласса. 3. Творчество Х. Гурецкого. 4. Стиль «тинтин-набули» А. Пярта.

Раздел V. Музыкальная культура XX в. стран Азии и Северной Африки

Тема 16. Обзор явлений профессиональной музыки стран Азии и Северной Африки.

Семинары: 1. Структурные особенности музыкальных культур стран Азии и Северной Африки. 2. Проблемы синтеза европейской и традиционной национальной культуры в творчестве композиторов Египта, Ливана, Турции, Японии, Китая. 3. Национальный музыкальный авангард в странах Юго-Восточного региона. 4. Творчество китайско-американского композитора Тан Дуна.

Литература:

1. История зарубежной музыки. XX век: Учеб. пос. / Сост. и общ. ред. Н. А. Гавриловой. – М.: Музыка, 2007.

2. Доценко В. Р. История музыки Латинской Америки XVI–XX веков. – М.: Музыка, 2010.

3. Музыкальная культура США XX века : учеб. пособие / ред. кол. М. В. Переверзева (отв. ред.) и др. – М.: МГК им. П. И. Чайковского. 2007.

4. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры: Курс лекций для студентов-немузыкантов. – Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994. Вып. 1 и 2.

И. Г. Лабутина
(Россия, Краснодар)

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД ДИКЦИЕЙ
И АРТИКУЛЯЦИЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО СОЛЬНОМУ ПЕНИЮ
В ДЕТСКОЙ ШКОЛЕ ИСКУССТВ**

Аннотация: в статье рассматривается значение и роль дикции и артикуляции как одних из важнейших элементов вокальной техники. Даны примерные упражнения для работы над дикцией и артикуляцией, приведены примеры скороговорок и методика работы над ними.

Ключевые слова: дикция, артикуляция, упражнения, скороговорки, певческий аппарат.

I. G. Labutina
(Russia, Krasnodar)

**FEATURES OF WORK ON DICTION
AND ARTICULATION IN LESSONS ON SOLO
SINGING IN CHILDREN'S ART SCHOOL**

Annotation: the article considers the significance and role of diction and articulation as one of the most important elements of vocal technique. Approximate exercises for working on diction and articulation are given, examples of tongue twisters and methods of working on them are cited.

Keywords: diction, articulation, exercises, tongue twisters, singing apparatus.

Дикция – ясность, разборчивость произнесения текста (лат. dictio – произносить, dicere – произношение.). Под хорошей дикцией подразумевается чёткое и ясное произно-

шение, чистота и безукоризненность звучания каждой гласной и согласной в отдельности, а также слов и фраз в целом.

Дикция является основным средством донесения слов поэтического текста вокального произведения до слушателей. Принято различать три вида произношения: бытовое, сценическая речь и певческое. Бытовую речь мы применяем в разговоре с собеседником. Сценическая речь схожа с певческой, но несколько отличается. Певческую речь принято использовать в вокальных и хоровых произведениях. Исполнителям необходимо одновременно петь и произносить слова.

Основой хорошей дикции является спланированная работа над произношением гласных и согласных. Однако сама дикция не может сделать речь понятной для слушателей. Чтобы добиться хорошего исполнения, важна большая музыкальная педагогическая работа с певцами, необходимо воспитывать детей с самого раннего возраста, развивая у них необходимые вокальные навыки.

Аппарат дикции значительно легче формируется в младшем возрасте. В старшем возрасте бывает значительно труднее приучить к хорошей дикции ребенка с малоподвижными губами, который говорит сквозь зубы, поскольку нужно устранить уже сложившийся неправильный двигательный речевой навык.

Смазанная, не ясная речь у младших школьников в пении – следствие вялых, не энергичных движений губ и языка, малой подвижности нижней челюсти, из-за чего не достаточно открывается рот и не расчлененно звучат гласные. Для формирования дикции можно использовать игры на звукоподражание. Показывая образец произношения, делать очень четкие движения ртом. Дети непроизвольно подражают речевой манере педагога. Например, могут быть объединены звукоподражания: кря-кря-кря (ут-

ка), пи-пи-пи (утята), ав-ав-ав (собака), та-та-та (барабан), ду-ду-ду (дудочка).

Главное условие пения – это внутренняя полная физическая свобода. Она достигается естественной позой певца: прямой и свободный корпус, расправленные плечи, прямое положение головы, выпрямленные колени, ноги на ширине плеч. Мышцы лица, шеи и плеч также в спокойном состоянии. Идеальным положением певца при пении является положение стоя, однако, учитывая возраст детей, можно проводить распевания сидя. При пении нельзя запрокидывать голову, гримасничать, зажимать нижнюю челюсть. Всё должно быть просто, свободно и непринуждённо. Процесс пения должен быть таким же естественным, как процесс речи. Это достигается регулярными вокально-техническими упражнениями.

Артикуляция – работа органов речи: губ, языка, мягкого нёба, голосовых связок. Артикуляция – важнейшая часть всей вокальной работы. Она тесно связана с дыханием, звукообразованием, с интонированием и т. д. Только при хорошей артикуляции во время пения текст доходит до слушателя.

К артикуляционному аппарату относятся: ротовая полость (щеки, губы, зубы, язык, челюсти, небо), глотка, гортань. Первое условие его работы – естественность и активность. Добиваться активной естественности можно через снятие различных зажатий и стимуляции четкой работы различных мышц и органов.

«Плох тот певец, который думает петь с зажатой челюстью», – писал Карузо.

Певческая артикуляция значительно активнее речевой. В речевом произношении энергичнее и быстрее работают внешние органы артикуляционного аппарата (губы, нижняя челюсть), а в певческом – внутренние (язык, глотка, мягкое нёбо).

Только при хорошей артикуляции во время пения текст доходит до слушателя. Артикуляционный аппарат у детей, особенно младшего возраста, нуждается в развитии. Необходимо проводить специальную работу по его активизации. Здесь все важно: умение открывать рот при пении, правильное положение губ, освобождение от зажатости, от напряжения нижней челюсти, свободное положение языка во рту, – все это влияет на качество исполнения.

При пении важны такие особенности произношения:

- напевность гласных;
- умение их округлять;
- стремление к чистоте звучания неударных гласных;
- быстрое и четкое выговаривание согласных.

Согласные в пении формируются так же, как и в речи, но произносятся более активно и чётко; гласные округляются.

Навык артикуляции включает:

- отчетливое, фонетически определённое и грамотное произношение;
- умеренное округление гласных за счёт пения на скрытом зевке;
- нахождение в высокой вокальной позиции;
- умение максимально растягивать гласные и очень коротко произносить согласные звуки в любом ритме и темпе.

Пение гласных с губными согласными «б», «п», «м» активизирует работу губ, помогает энергичнее произносить гласные («би», «ба», «бо», «бу»). Пение гласных с согласной «в» полезно для губ и языка («Вова», «Вера»). Очень полезно распевать скороговорки. Выработка вокальных навыков достигается с помощью упражнений, которые даются в определённой последовательности, по линии постепенного усложнения заданий.

Сольное пение требует овладения целым комплексом художественно-технических приёмов. Правильный подбор

упражнений помогает выработать каждый певческий навык в отдельности, а также закрепить комплекс навыков в совокупности. Упражнения не могут сводиться к работе над отдельными навыками, так как при этом будет отсутствовать необходимая связь и координация между ними.

Наиболее часто встречающийся дефект у поющих детей – это их общая скованность и как следствие – «зажатая» нижняя челюсть. Самым робким детям кажется, что они достаточно свободно произносят слова, на самом деле звук едва пробивается сквозь стиснутые ими зубы. Для освобождения артикуляционного аппарата рекомендуются упражнения на следующие слоги: «ДА», «ДАЙ», «БРА», «БРАЙ» и т. п. Подвижности языка способствует пение на слог «ЛЯ» (сначала в медленном темпе, а затем в быстром).

В процессе занятий можно использовать различные формы работы над дикцией:

- работа над произношением слов разучиваемого произведения;
- специальные занятия по дикции;
- исполнение небольших упражнений перед началом пения, включаемых в распевание.

Существует большое количество упражнений способствующих подвижности артикуляционного аппарата: упражнения в четкости произношения согласных звуках в слогах (например, на одном звуке пропеть слоги: да-дэ-ди-до-ду, бра-брэ-бри-бро-бру и др.), упражнения для развития подвижности губ (например, слитно и протяжно произнести несколько глсных звуков на одном выдохе: аааааэээээ, аааааеееее, аааааиииии, аааааииииииооооо, иииииэээээааааа и др.), устранению недостатков в произношении слов.

Для совершенствования дикции необходимо применять скороговорки. Они более выразительны, эмоциональны. На этих текстах работать удобно, просто и быстро.

Скороговорки и поговорки легко заучиваются, что ведет к развитию памяти. Они служат для отработки техники речи, дикции в качестве тренировочных текстов. При их произношении необходимо сохранять в речи опору звука, легкую отчетливую дикцию, уметь подчинять голосовые модуляции (медленно-быстро, вверх-вниз, сильно-слабо). Дикционная четкость отрабатывается сначала в среднем темпе, потом в ускоренном и замедленном. И лишь после этого – в предельно быстром и медленном. Быстрое произношение скороговорок не должно нарушать целостности слова, допускать небрежного пропуска отдельных звуков.

Начинать работу можно со следующих скороговорок:

1. Рыла свинья белорыла, тупорыла, полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.
2. Мимо маленькой Марины пробежал медведь с малиной.
3. Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка белая губа, была тупа.

Первый раз говорить в среднем темпе, чтобы скороговорку услышали целиком. Второй – медленно, чтобы осознали, третий – быстро, чтобы проверили, получается ли быстрое произношение.

Медленное произношение должно осуществляться за счет более растянутого звучания самих слов и, в первую очередь ударного слога, не за счет пауз. Надо следить, чтобы не терялась правильная речевая позиция. Не завышать звук при ускорении.

Сильное, хорошее звучание осуществляется за счет хорошей опоры дыхания, точной, отчетливой и легкой артикуляции:

1. Три сороки тараторки тараторили на горке.
2. Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали.
3. Ужа ужалила ужица, ужу с ужицей не ужиться, уж от ужаса стал уже, ужа ужица съест на ужин.

4. Перепел перепелку и перепелят в перелеске прятал от ребят.

5. Из кузова в кузов шла перегрузка арбузов. В грозу, в грязи от груза арбузов развалился кузов.

6. В перелеске перепел перепелку перепел.

7. Мышь шуршит у шалаша, веткой шишку шелуша.

8. Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет.

9. Испугались медвежонка еж с ежихой и с ежонком, чиж с чижихой и чижонком, стриж с стрижихой и стрижонком.

10. Из-под пригорка, из-под подвыподверта зайчик с приподвыподвертом приподвернулся да приподвыподвернулся.

Ученик должен свободно, легко и чисто выполнять все дикционные упражнения. Важно не просто пробалтывать скороговорку, а произносить её в определённом настроении с определённой эмоцией:

- произнести с радостью,
- с удивлением,
- с удовольствием.

Поведем некоторые итоги, связанные с особенностями работы над дикцией и артикуляцией. Без ясной и чёткой дикции невозможно создать полноценный художественный образ, поэтому работа над дикцией приобретает столь важное значение. Чистота дикции помогает учащимся–певцам выразительно и точно доносить свои мысли, чувства до слушателя. Чтобы добиться чёткого и ясного произношения слов и фраз в целом, безукоризненного звучания гласных и согласных, надо неустанно работать над развитием артикуляционного аппарата и его технических возможностей.

Подобные занятия находятся в русле здоровьесберегающих технологий обучения. Они направлены на формирование умения учащегося контролировать внимание на

артикуляционном аппарате, не пропуская никаких зажимов. При этом не надо бояться усталости мышц, надо избегать новых зажатий. Учащиеся должны анализировать собственные ощущения при пении или выполнении упражнений артикуляционной гимнастики. Свобода, естественность, отсутствие всякого напряжения, должно быть характерным для достижения поставленной цели, то есть хорошей дикции.

Только здоровый голосовой аппарат, хорошая вокальная выучка, ежедневный тренаж могут служить основой, надёжным фундаментом, на котором выстраивается высокое творческое достижение певца. При обучении педагог обязан тонко чувствовать индивидуальную природу голосового аппарата и всю физиологию певческого аппарата. И в связи с этим индивидуально отбирать удобные и полезные приемы в процессе обучения. Полезно вместе с учеником анализировать и исправлять ошибки. Конечная цель любого обучения – добиться того, чтобы ученик пел свободно, полётным звуком, без напряжения, точно фокусируя звуки, способствующие тембрально-яркому звучанию.

Литература:

1. Анисеева З. И., Анисеев Ф. М. Как развить певческий голос. – Кишинев, 1981.
2. Гонтаренко Н. Б. Сольное пение: секреты вокального мастерства. – Ростов-на-Дону, 2007.
3. Емельянов В. В. Развитие голоса. Координация и тренаж. – СПб, 1997.

Л. В. Буланая
(Россия, Краснодар)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА УЧЕНИКА К КОНЦЕРТНЫМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация: в статье рассматриваются причины, последствия сценического волнения и способы решения этих проблем. Освещаются такие проблемы, как выбор репертуара, планирование работы над концертной программой в классе, репетиционные моменты.

Ключевые слова: репертуар, сцена, проигрывание, репетиция.

L. V. Bulanaya
(Russia, Krasnodar)

PSYCHOLOGICAL PREPARATION OF THE STUDENT FOR CONCERT PERFORMANCES

Annotation: the article considers causes, consequences of scenic excitement and ways to solve these problems. Such problems as the choice of the repertoire, planning of work on the concert program in the classroom, rehearsal moments are covered.

Keywords: repertoire, stage, playing, rehearsal.

Проблема психологической подготовки ученика к концертному выступлению – одна из важнейших тем в музыкально-исполнительском искусстве. Часто приходится наблюдать такую ситуацию, когда крепкий ученик, хорошо подготовленный к выступлению, уверенно исполняющий произведение в классе, не показывает желаемого результата на концертном, экзаменационном или конкурсном вы-

ступлениях. Он панически боится выходить на сцену, а, выйдя на нее, чувствует себя скованным и неуверенным. Исполнение получается невыразительным, неинтересным, а подчас и с техническими провалами. Неудача вызывает у большинства исполнителей угнетенное состояние, снижает работоспособность и собственную самооценку, создает неуверенность и нежелание выступать в дальнейшем.

Нет такого исполнителя, который не волновался бы перед концертным выступлением. От педагога требуется много умения и мастерства правильно настроить своего ученика. Очень важно помочь маленькому музыканту найти уверенность в своих силах. Ребенок должен знать, если исполнитель играет интересно и содержательно, если он искренен и честен, публика всегда простит ему мелкие неточности.

Большую роль в стабильности и эмоциональной устойчивости на сцене играет правильный подбор репертуара. При выборе произведений важно учитывать возможности учащегося. Оптимальный уровень исполнительской сложности – одно из условий успешного выступления. Очень важно, чтобы произведение нравилось ученику. Он вместе с педагогом должен участвовать в выборе исполняемого репертуара, высказывать свои пожелания.

Одной из причин сценического волнения является боязнь исполнителя забыть текст. Известны слова Н.А. Римского-Корсакова о том, что степень волнения обратно пропорциональна степени подготовки. При подготовке к выступлению необходимо проучить нотный текст, используя следующие приемы работы:

– создание «опорных точек». При разборе тщательно проанализировать форму произведения, разделить его на части, периоды, фразы, и границы разделов должны стать опорными пунктами. Тогда, даже в случае потери текста, ученик будет знать, как продолжить исполнение пьесы, не

нарушая целостного впечатления. Данная методика даёт ученику навык исполнения произведения практически с любого места.

– для осознанного запоминания наизусть использовать способ проговаривания нотного текста. Акцентировать внимание ученика на том, с какого звука начинается произведение, как идет движение мелодии, где кульминация. Очень полезна методика игры на «немой» клавиатуре (на любой твердой поверхности) по нотам.

Выученное произведение должно исполняться учеником свободно, ярко и с удовольствием. Отличные способы предотвратить провалы в памяти – игра наизусть с разных мест, по партиям, «игра» без инструмента, медленная игра на pp с полным контролем каждого взятого звука. Можно мысленно представить себе нотный текст произведения со всеми деталями, чтобы он был хорошо закреплён в памяти, а не только в пальцах. Необходимо развивать умение ученика слушать себя – мысленно представить звучание исполняемого произведения, приготовить исполнительский аппарат к нужным действиям, контролировать исполнительский процесс. Предпосылки успешного выступления – сосредоточенное внимание и руководящий музыкальными «событиями» слуховой контроль.

Нередки случаи, когда ученик вполне благополучно исполнял произведение в классе, но на сцене растерялся и сыграл неудачно. Уверенное исполнение пьесы в привычных условиях не гарантирует удачу на сцене. Для тренировки можно рекомендовать имитацию концертной обстановки, например, поиграть перед своими товарищами, в соседнем классе и т. п. Полезна игра перед воображаемой публикой. При повторных тренировочных проигрываниях негативное влияние волнения заметно уменьшается. Кроме того, эти приемы помогают выявить слабые места, над которыми ещё до концерта надо поработать в классе.

Затем нужно провести ряд репетиций, которые развивают адаптацию детей к изменяющимся условиям, устойчивость их внимания, умение охватить пьесу целиком, не теряя логику музыкального развития, и яркого воссоздания музыкального образа, способствуют формированию их сценической уверенности. Зал, сцена, другая акустика, освещение, необходимость играть пьесу один раз, без исправлений и поправок педагога – всё это создаёт большую нагрузку на нервную систему ученика. Педагог должен позаботиться о том, чтобы концертная обстановка стала для него в какой-то степени знакомой. Репетировать можно как с одним, так и с несколькими учениками, причём сначала пусть садятся за инструмент более сильные и смелые. Сначала поиграть отдельные места, попробовать другие темпы, даже другие пьесы, чтобы приспособиться к инструменту. Перед проигрыванием пьесы целиком должна быть установка на единичное исполнение, пусть ученик почувствует свободу и ответственность. Очень важна правильно спланированная и проведённая генеральная репетиция. Она требует от ученика концентрации всех его эмоциональных сил, и лучше проводить её за 1–2 дня до выступления, чтобы он успел полностью восстановиться.

Надо научить ребёнка правильно себя вести в дни перед концертом. Лучше не менять привычный режим дня. Заниматься не намного больше, чем обычно. Полезны прогулки, необходим полноценный сон. В день концерта для разыгрывания поиграть гаммы, что-нибудь из своего репертуара, помнить о том, что игра перед выходом в быстром темпе ведет к усилению беспокойного состояния. Концертную пьесу лучше повторять в сдержанном темпе и в средней звучности, не в полную силу. Полезно просмотреть её по нотам, поиграть отдельные части, целостное исполнение лучше оставить до выступления. Перед выходом на сцену спокойно посидеть в удобной позе, сделать не-

сколько простых физических упражнений для рук и корпуса, которые помогут снять мышечное напряжение, несколько глубоких вдохов. Перед выступлением нельзя загружать ученика многими замечаниями, надо помочь ему сосредоточиться на художественном содержании пьесы, отвлекаться от излишнего волнения и переключиться на творческие задачи. Спокойно выйти, сделать небольшую паузу и мысленно проиграть начало пьесы, тогда гораздо легче начать в нужном характере. После выступления ещё раз поклониться, поблагодарить слушателей. Став привычными на репетициях, эти размеренные действия успокаивают ученика, помогают настроиться на эмоциональный образ произведения. Во время выступления нельзя что-то исправлять, повторять. Если вкралась случайная ошибка, даже сбой в тексте, ученик должен продолжать играть дальше, помня, что важнее всего целостное восприятие произведения слушателями.

После выступления ученик ждёт оценки своей игры, прежде всего, от педагога. Надо обязательно его поддержать, найти, за что похвалить, даже если не всё получилось, дать почувствовать, что преподаватель рад его старанию, его успехам. Подробнее обсудить выступление лучше позднее на уроке, в спокойной обстановке. Проанализировать и удачу, и промахи, найти их причину, извлечь полезные уроки для подготовки к другим выступлениям. Всё это воспитывает у детей умение целенаправленно работать. Ещё один очень важный момент – научить ученика правильно относиться к неудачам, воспринимать их как временное явление, а не катастрофу, как неприятный, но проходящий урок. Неудачи должны вызывать не долгие размышления о них, уныние и апатию, а рождать стремление в следующий раз играть лучше. Поэтому педагогу надо избегать фиксировать внимание ученика на неприятных мыслях о бывших неудачах, а чаще говорить о тех выступлени-

ях, когда ученик играл успешно. Радостное, свободное, непринуждённое исполнение – вот к чему надо готовить всех учеников.

Невозможно дать однозначный рецепт того, как сделать каждое выступление максимально успешным. Каждый ученик – неповторимая индивидуальность, поэтому формы и методы подготовки должны основываться на индивидуальных особенностях ребенка.

Справиться с боязнью публичных выступлений может помочь только сцена. Она должна стать рабочим местом будущего музыканта. Чем больше исполнительский опыт, тем реже исполнитель страдает от сценических неудач. Приучать ребенка к сцене нужно как можно раньше, с первых шагов обучения. Известно, в детском возрасте формируются качества будущей личности музыканта-исполнителя. И очень важно не упустить это время, когда психика ребенка направлена на выражение положительных эмоций, что является серьезной предпосылкой для формирования ощущения удовлетворения от собственной игры. Нужно как можно чаще выступать перед любой аудиторией, и тогда маленький артист будет получать большое удовольствие и радость от общения с публикой, от того, что он имеет возможность полностью раскрыть свои потенциальные возможности на сцене.

Выступление на сцене – не только испытание ученика на прочность, но и радость от общения с публикой, творческое вдохновение и профессиональный рост. Ничто не может сравниться с чувством творческой радости и удовлетворения после удачного выступления, которое является огромным стимулом для его дальнейших интенсивных занятий музыкой. Детские музыкальные школы и детские школы искусств, вовлекая учащихся в концертное исполнительство, решают задачу их подготовки к активной музыкальной деятельности в самых её различных формах, в

том числе профессиональной, музицированию в кругу родных, друзей, организации содержательного досуга, участия в самодеятельности, формируют необходимые навыки и потребность в музыкальном общении.

Литература:

1. Баренбойм Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство. – М.: Музыка, 1974.
2. Литвиненко Ю. А. Роль публичных выступлений в процессе обучения музыке // Педагогика искусства. – 2010. – № 1.
3. Милич Б. Воспитание ученика-пианиста. – М.: АСТ, 2011.
4. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. – М.: Классика-XXI, 1999.

С. В. Голубинская
(Россия, Краснодар)

ВОКАЛОТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

Аннотация: в статье рассматривается коллективное и групповое пение первоклассников как один из методов адаптации учащихся к учебной деятельности. Раскрываются адаптационные возможности вокалотерапии для уменьшения и устранения коммуникативных затруднений и негативных психоэмоциональных состояний учеников.

Ключевые слова: адаптация, вокалотерапия, обучение, певческая деятельность, вокальные упражнения.

S.V. Golubinskaya
(Russia, Krasnodar)

VOCAL THERAPY AS A MEANS OF ADAPTING FIRST-GRADERS

Annotation: the article considers collective and group singing of first-graders as one of the methods of pupils' adaptation to learning activity. The adaptive possibilities of vocal therapy are revealed for reduce and elimination of communicative difficulties and negative psycho-emotional states of pupils.

Keywords: adaptation, vocal therapy, teaching, singing activity, vocal exercises.

Проблема адаптации учащихся к учебной деятельности особенно остро стоит на начальном этапе школьного обучения, которое включает первоклассников в новую структуру социальных отношений. Период поступления в школу и первые месяцы обучения предъявляют ребенку новые требования. Вхождение в учебный процесс, освоение навыков поведения в школе, смена режима жизнедеятельности сказывается почти на всех первоклассниках. Для многих детей это является стрессовой ситуацией. Результатом неблагоприятного течения адаптации является образование неадекватных мер приспособления ребенка к школе, определяемых как школьная дезадаптация и проявляющихся в следующих формах: нарушение учебы или поведения, конфликтные отношения, психогенные заболевания и реакции повышенного уровня тревожности.

Сложность школьной адаптации усугубляется все возрастающим противоречиям между постоянным ухудшением уровня здоровья детей и повышением требований в обучении. В связи с этим, проблему школьной адаптации следует отнести к одной из наиболее серьезных проблем,

требующей не только углубленного изучения, но и поисков продуктивного решения на практическом уровне.

Одним из возможных путей решения проблемы школьной адаптации может являться активное использование в работе с детьми вокалотерапии, так как музыкальные занятия с детьми на хоровых и вокальных занятиях с применением вокалотерапии, при активной адаптационной работе ведущих их педагогов, могут способствовать устранению негативных психоэмоциональных состояний детей, в том числе чувства страха и тревоги, а также негативного отношения к сверстникам и учителю.

Идеи об адаптационных возможностях вокалотерапии встречаются в работах С. В. Шушарджана, В. П. Морозова и ряда других авторов. По мнению этих авторов, вокальное искусство глубоко эмоционально воздействует на состояние поющего человека. При пении происходит «сбрасывание» негативных эмоций, возникает эмоциональное умиротворение. Особенно положительное эмоциональное состояние вызывает пение в коллективных и групповых формах, где, помимо положительного эмоционального фона, у детей появляется чувство доверия друг к другу.

Процесс первичной адаптации первоклассников к школьному обучению проходит у всех детей, независимо от их индивидуальных способностей. У нормального, здорового ребенка адаптация проходит в течение 5–6 недель (1–1,5 месяца). Но такая успешная адаптация может быть только в том случае, когда учитель заботится о психологическом и психическом самочувствии детей. Психическая утомляемость приводит к утомляемости физической, а та, в свою очередь, способствует появлению у детей неврозов и заболеваний. Вся адаптация первоклассников делится на легкую адаптацию, адаптацию средней тяжести, тяжелую адаптацию. При легкой адаптации физиологи и психологи отмечают некоторое напряжение функциональных систем

организма ребенка. Это касается подстраивания организма ребенка к режиму школы. Легкая адаптация заканчивается в конце первой четверти.

Адаптация средней тяжести характеризуется плохим самочувствием ребенка, появлением страхов, фобий, тревожности. Может закончиться к концу первого полугодия. Тяжелая адаптация приводит к нарушению функций организма ребенка, его частым болезням и даже нервным срывам. Может длиться целый год и закончиться тяжелыми изменениями в самочувствии ребенка. По наблюдениям психологов, легкая адаптация детей к школьному обучению проявляется у 50 % учащихся. Адаптация средней тяжести – у 30 %, а тяжелой – у 20 %. У мальчиков тяжелая адаптация встречается в 2 раза чаще, чем у девочек. Таким образом, адаптация к условиям школы протекает фактически у всех первоклассников, и только часть из них проходят этот период успешно.

Проблема адаптации первоклассников к школьному обучению является актуальной для современной педагогической теории и практики, так как часто адаптация сопровождается негативным эмоциональным состоянием, негативным отношением к контактам со сверстниками и отсутствием доверительных отношений с учителем.

Коллективные формы вокалотерапии способствуют вовлечению детей в общий творческий процесс, который основан на положительном взаимодействии всех участников. При коллективном пении поющий имеет определенную поддержку другого человека, что способствует налаживанию устойчивых контактов между поющими, снимает отрицательное отношение друг к другу.

Из всего выше изложенного мы можем сделать заключение о том, что такие адаптационные проблемы детей, как коммуникативные затруднения, а также негативные психоэмоциональные состояния, можно уменьшить и даже

устранить при помощи вокалотерапии, так как пение является одним из наиболее доступных видов деятельности на занятиях вокала (музыки).

Основой для решения адаптационных проблем, возникающих у первоклассников в первое время обучения в школе, могут стать хоровые занятия, где можно широко использовать пение упражнений по вокалотерапии, которое способствует формированию положительных психоэмоциональных состояний детей.

В развитии певческой деятельности детей упражнение является широко используемым методом, без которого невозможно обучение этому виду деятельности. Умения и навыки пения формируются, прежде всего, в процессе пения с использованием упражнений.

Как известно, упражнение – это многократно повторяемое, специально организованное действие, которое направлено на улучшение качества выполнения этого действия. Р. Немов обращает внимание на большое значение упражнений для формирования навыков и умений.

По мнению многих педагогов (А. С. Макаренко, В.А. Сластенин и др.), упражнение – один из действенных методов в процессе формирования опыта общественного поведения. Таким образом, упражнение является не только методом обучения, но и методом воспитания.

По мнению психологов, упражнение является способом формирования определенных личностных качеств ученика: усидчивости, внимания, любознательности (Л.С. Выготский).

Следовательно, упражнения, связанные с освоением художественных произведений и воплощением творческих замыслов, тоже можно отнести к практическим методам обучения. Упражнения широко используются в художественной педагогике (Б. М. Неменский), в музыкально-художественной деятельности (Н. А. Ветлугина), в вокально-хоровом творчестве (Е. М. Малинина и др.).

Вокальные упражнения – пропевание того или иного музыкального материала, попевок, фрагментов детских песен – способствуют не только формированию певческих навыков детей, но и решению адаптационных проблем, так как использование упражнений с элементами вокалотерапии снимает негативные эмоциональные состояния, характерные для адаптационного периода первоклассников. Однако само по себе пропевание различных вокальных упражнений может и не привести к устранению негативных психоэмоциональных состояний детей и формированию в них стремления к контакту с другими людьми.

Для того, чтобы пение явилось средством успешной адаптации детей к школе, необходимо определить условия, при которых оно вводится в образовательный процесс первоклассников. Эти условия вытекают из возрастных закономерностей развития детей, из психолого-педагогических особенностей возраста, из закономерностей обучения и воспитания и т. д.

Ведущим видом деятельности детей в школьном возрасте является игровая деятельность. Когда ребенок становится учеником, игра постепенно теряет свою ведущую роль, однако, на начальном этапе обучения в школе, игра все же имеет для ребенка большое значение. Именно поэтому игра является необходимым элементом обучения первоклассников.

Введение вокалотерапии в игровой форме способствует раскрепощению детей, формированию поведения в коллективе посредством принятия игровых правил и подчинения им. Благодаря этому устанавливаются дружеские контакты между учащимися, у них появляются положительные психоэмоциональные состояния.

Ребенок не всегда может представить себе и выполнить те требования, которые предъявляет ему педагог для формирования вокальных навыков. Поэтому многие педа-

гоги широко используют эмоционально-образные сравнения, характеристики. В. Морозов особо акцентирует внимание на использовании педагогом сравнений «как будто», который по существу реализует принцип художественного обучения детей пению. Этот принцип ведет к тому, что ребенок будет воспринимать упражнение как часть песни, которую поет.

В программе «Музыка», разработанной Ю. Б. Алиевым с соавторами, указывается, что перед преподавателем музыки, работающим в первом классе, стоят задачи не только музыкального воспитания, но и задачи адаптационные. Физиологически «правильно организованное пение (верная певческая установка, легкость и непринужденность дыхания, тщательная работа артикуляционного аппарата, использование пения в высокой позиции звучания, с использованием преимущественного головного резонатора) – важнейшее средство физического оздоровления ребенка».

Рассмотрев особенности адаптации первоклассников к обучению в школе и возможности вокалотерапии, мы можем сделать следующие выводы. В свете проблем адаптации, вокалотерапия является тем способом и средством, с помощью которого можно воздействовать на эмоционально-психическое состояние ребенка, так как при помощи пения можно уменьшить и совсем устранить такие адаптационные проблемы детей, как коммуникативные затруднения и негативные эмоциональные состояния.

Основой для решения адаптационных проблем, возникающих у первоклассников в первое время обучения в школе, могут стать музыкальные и хоровые занятия, в процессе которых можно активно использовать возможности вокалотерапии, вводя ее при помощи различных упражнений для формирования вокальных навыков. При введении вокальных упражнений следует учитывать, что ведущим видом деятельности первоклассников, как и дошкольников, является игра.

Введение вокалотерапии в упражнениях в игровой форме способствует раскрепощению детей, формированию поведения в коллективе посредством принятия игровых правил и подчинения им. Благодаря этому устанавливаются дружеские контакты между учащимися, у них появляются положительные психоэмоциональные состояния.

Литература:

1. Алиев Ю. Б. Пение на уроках музыки: Метод. пособие для учителей пения общеобразовательной школы. – М.: Просвещение, 1978.
2. Березин Ф. Б., Я. Л. Коломенский, Е. А. Панько. Психическая и психофизическая адаптация человека. – М.: Медицина, 1988.
3. Ветлугина Н. А. Музыкальное развитие ребенка. – М.: Просвещение, 1968.
4. Малинина Е. М. Вокальное воспитание детей. – Л.: Музыка, 1967.
5. Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. – М.: Институт психологии РАН, 2002.
6. Немов Р. С. Психология. Учеб. для студентов высш. учеб. заведений. В 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. – М.: Просвещение: ВЛАДОС, 1995.
7. Рекомендации к организации музыкального образования первоклассников в адаптационный период // Искусство в школе. – 2001. – № 5.
8. Рекомендации по организации обучения первоклассников в адаптационный период // Искусство в школе. – 2001. – № 4.
9. Шушарджан С. В. Здоровье по нотам. – М., 1994.
10. Шушарджан С. В. Музыкотерапия и резервы человеческого организма. – М., 1998.

И. Г. Лабутина
(Россия, Краснодар)

**МЕТОДИКА РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО РАЗВИТИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ**

Аннотация: статья посвящена формированию художественного мышления учащихся в процессе обучения в детской школе искусств. Дан примерный алгоритм работы с учебным материалом на занятиях, составлен план написания эссе. Отмечена эффективность использования творческих портфолио учащихся.

Ключевые слова: художественное мышление, понимание, тексты культуры, творческое портфолио, обучение, искусство.

I. G. Labutina
(Russia, Krasnodar)

**METHODOLOGY IMPLEMENTATION
OF THE MODEL INNOVATIVE ACTIVITIES FOR
THE DEVELOPMENT OF THE ART MYSTERY
OF THE SCHOOL CHILDREN**

Annotation: the article is devoted to the formation of artistic thinking of pupils in the process learning in the children's art school. An approximate algorithm for working with teaching material in class is given, an essay writing plan is compiled. The effectiveness of using creative portfolio of pupils is noted.

Keywords: artistic thinking, understanding, texts of culture, creative portfolio, teaching, art.

Художественное воспитание ребенка – важный аспект в формировании его личности. Многочисленными исследованиями доказано, что искусство всесторонне развивает человека: учит чувствовать, переживать, наслаждаться, получать от общения с прекрасным удовлетворение. Но чтобы духовно-эстетическое общение с произведением искусства состоялось, необходимо научить детей *понимать* искусство, вооружить их навыками «декодирования» языка, поскольку восприятие искусства не ограничивается лишь наличием развитого воображения и эмоциональной восприимчивости, но в большей степени требует определенных мыслительных усилий.

Способность к мышлению постепенно формируется в процессе развития ребенка, развития его познавательной деятельности. Познание начинается с отражения мозгом реальной действительности в ощущениях и восприятиях, которые составляют чувственную основу мышления. О художественном мышлении ученика можно говорить с того времени, когда он начинает отражать некоторые простейшие связи между предметами и явлениями и правильно соотносить их с изучаемыми художественными образами.

В процессе обучения в школе искусств целенаправленная работа по формированию художественного мышления позволит учащимся формулировать суждения и производить умозаключения касаясь различных художественных текстов культуры, базирующиеся на теоретических знаниях, на глубинном понимании художественного образа, на личном отношении к искусству, а не сводиться к поверхностным оценкам «нравится – не нравится». Целенаправленные занятия по формированию художественного мышления учащихся в детской школе искусств «Родник» в процессе постижения ими художественных текстов культуры направлены на развитие умения ориентироваться в окружающем мире, на развитие способности выделять су-

щественные связи и отношения между объектами, что приводит к общему росту интеллектуальных возможностей.

Поскольку способность к грамотному размышлению о сути произведения искусства развивается постепенно по принципу «от простого – к сложному», то крайне важно правильно организовать учебный процесс, посвященный формированию художественного мышления детей, учащихся в школе искусств. Таким образом, формирование художественного мышления учащихся предполагает наличие комплексной методики, которую можно использовать на протяжении всего процесса инновационной деятельности.

В основе формирования художественного мышления находятся мыслительные операции, выполняемые учащимися: задания на сравнение, обобщение, анализ в работе с художественным текстом культуры. Учебный материал должен включать произведения искусства из литературы, живописи, музыки, хореографии и быть разнообразным по тематике, стилю и жанру, а также содержать постановку проблемы, творческой задачи перед ребенком, быть ярким, эмоционально-насыщенным по содержанию. Обязательно наличие в художественной задаче осознаваемой ребенком трудности, сложности, создающей ситуацию роста.

Приведем примерный алгоритм, лежащий в основе учебного процесса в момент практической работы с учебным материалом:

1. Демонстрация художественного текста (произведения литературы, музыки, живописи и др.) с установками-заданиями: о чем данное произведение, что хотел выразить автор в нем, аргументируйте, как бы вы назвали произведение, что вы лично видите в данном произведении и пр. Важно, чтоб демонстрируемый материал был проблемного характера и не имел однозначных трактовок.

2. В зависимости от возраста устное или письменное краткое изложение (зарисовка, графический эскиз и др.)

собственной точки зрения касаясь предложенного художественного задания.

3. Анализ работ преподавателем.

4. Анонимный публичный анализ работ учащихся с выявлением культурных и псевдокультурных аспектов понимания предложенного художественного образа.

5. Самостоятельное изучение учащимися имеющейся информации по проблеме: истории создания, авторе, мнения о произведении искусства, разных точек зрения касаясь ценности художественного текста.

6. Сопоставление личного взгляда о содержании и художественной значимости исследуемого объекта с публичной оценкой.

В процессе педагогического воздействия целесообразно применять следующие виды деятельности:

– оформление учебных ситуаций в качестве красочных рисунков, графиков, эссе;

– применение разнообразных познавательных заданий.

С учетом основных критериев трактовки категории «художественное мышление» составлен следующий план написания эссе:

1) указание на анализируемый материал (автор, название (если оно озвучивается преподавателем));

2) выделение ключевых позиций, моментов, вызвавших сомнения, неоднозначную реакцию, противоречие, согласие, предположение, гипотезу;

3) формулирование возникших мыслей в виде вопроса, проблемы.

4) перечисление основных путей и способов решения проблемы, ответов на спорный вопрос, изложение ряда возможных вариантов;

5) изложение итоговой собственной точки зрения (выбор из предложенных или выдвижение собственного мнения), обоснование выбора позиции.

Процесс формирования художественного мышления учащихся требует анализа и рефлексии пройденного пути, поэтому необходимо ввести различные формы анализа детских работ. Эффективно определить индивидуальный, личный маршрут развития каждого ребенка в данном направлении помогут творческие портфолио учащегося.

В целом, методика формирования художественного мышления детей в процессе постижения художественных текстов культуры предполагает разработку специальных анкет, тестов, заданий на карточках, а так же карту наблюдений за учащимися во время занятий.

Показателем успешного формирования художественного мышления у учащихся выступают следующие аспекты личностного развития:

- умение производить грамотную оценку художественного текста культуры, эмоционально откликаться на исследуемый образ;

- умение проявлять и отстаивать индивидуальную точку зрения;

- способность к анализу и коррекции собственной деятельности;

- умение самостоятельно выполнять работу без непосредственного участия педагога.

Данные критерии положены в основу диагностических материалов на протяжении всего периода инновационной деятельности.

А. Д. Черникова
(Россия, Армавир)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО СЕЛА

Аннотация: рассматривается образовательное пространство современного российского села и перспективы его развития. Существенным уточнением автора является использование перспективных игровых техник и технологий исключительно в конструктивных и созидательных целях.

Ключевые слова: образование, образовательное пространство, сельская школа, игра, игроизация.

A. D. Chernikova
(Russia, Armavir)

EDUCATIONAL SPACE OF MODERN VILLAGE

Annotation: the author examines the educational space of modern Russian village and its development prospects. An important clarification of the author is the use of advanced gaming techniques and technologies exclusively in constructive and creative purposes. The author's experience of the game, «I'm from the future».

Keywords: education, educational space, rural school, game.

Цель статьи – рассмотреть состояние и возможности социального конструирования образовательного пространства на селе. Становление России как сильного и независимого государства невозможно без крепкого и развитого аграрного сектора. Будущее села зависит, в свою очередь, от ценностей, которыми живет современная молодежь, по-

сколько среди всех категорий населения российского села как раз эта категория наиболее восприимчива к новациям, обладает креативностью, энтузиазмом, мобильностью, потребностью в самореализации, подвижным мышлением и жадной деятельностью.

Основная проблема заключается в том, что сегодня условия села практически не подразумевают самоактуализацию личности, сельская молодежь находится в затруднительном положении касемо выбора профессионального будущего и не представляет путей самореализации в современном селе [9, 10]. Отсюда миграция молодежи в город.

Главная задача сельских школ состоит как раз в обеспечении заинтересованности выпускников в подъеме экономики и в комплексном социальном развитии российского села, в формировании психологической, социальной, моральной и профессиональной готовности реально повлиять на положение российского села. Важно создать такое образовательное пространство, которое реализовывало бы вышеперечисленные требования.

Обратимся к самому понятию «образовательного пространства». Термин «образовательное пространство» стал обсуждаемой проблемой не только среди ученых (М. Я. Виленский, В. Я. Конев, В. И. Слободчиков и др.), но также и среди школьных педагогов. Это обусловлено, в частности, введением этого термина в ГОСах нового поколения. Термин «образовательное пространство» был впервые употреблен еще в 90-е годы в работах Б. Эльконина и И. Фрумина. По мнению Р. Е. Пономарева, по своей сути образовательное пространство – это социальное место для человека (общественные отношения), которое охватывает человека и его среду в их взаимосвязи и взаимодействии, результатом же этого процесса взаимодействия выступает как бы «приращение», рост индивидуальной культуры личности учащегося [1].

В. А. Журавлева, О. В. Санникова, В. А. Харитоновна определяют образовательное пространство как сферу взаимодействия основных его субъектов – учителя, педагога и ученика, учащегося, а также среды их взаимодействия, что отражено и в формулировке С. К. Гураля, который характеризует образовательное пространство как «структурированное многообразие отношений между субъектами образовательного процесса» [2]. Интересен взгляд В. А. Козырева, который заключается в том, что под этим термином подразумевается «набор определенным образом связанных между собой условий, которые могут оказывать влияние на образование человека» [3]. Понятие «образовательное пространство» с учетом этих и других подходов, на наш взгляд, можно определить как совокупность условий для качественных изменений, происходящих с человеком, топос его саморазвития и формирования его как личности и индивидуальности.

Создание образовательного пространства современного села в России – это формирование и конструирование определенной социальной реальности информационного общества [4]. Вопрос конструирования социальной реальности с помощью информационно-коммуникационных технологий предполагает создание мира виртуальных феноменов, интегрирующего сферу сознания и информационных технологий, когда индивид существует в двух измерениях (или аспектах) – виртуальном и физическом [5, 75]. Иными словами, электронная культура, порождаемая информационно-коммуникационными технологиями, формирует новую социальную реальность.

В процессе становления нового образовательного пространства современного российского села действуют две составляющие: социализацию личности и преобразование образовательной среды, ее «игроизация» в позитивном и, отчасти, негативном смысле понимания этого слова.

Имеются определенные лакуны в понимании этого феномена: во-первых, существует острая необходимость понять новые трансформации образовательного пространства в аспекте их влияния на личность; во-вторых, не разработан вопрос воздействия на процесс социализации личности всего многообразия модальностей социальной информации, в-третьих, востребована трансдисциплинарная стратегия исследования взаимодействия личности и общества (конструирования гуманной социальной реальности) [6, 134–137]. Этот перечень, на наш взгляд, можно продолжить. В-четвертых, фрагментарны исследования взаимосвязи реальной и виртуальной личности. Наконец, в-пятых, существенный интерес представляет трансформация игрового момента в образовании и шире – в процессах социализации.

В работах Л. Т. Ретюнских вводится понятие «игроизация». Она отталивается от интерпретации игры как своего рода онтологического феномена, который разворачивается в мире субъекта. Л. Т. Ретюнских утверждает, что игра рождается только в пространстве субъективного выбора, личных оценок, то есть человек играет только тогда, когда чувствует себя таковым, признает себя играющим. Получается, что в своей бытийной чистоте игра автономно существует в особой реальности, независимо от других сторон и сфер человеческого бытия, однако способна поглотить любой из них. Это поглощение характеризует уже другое понятие – «игроизацию». Размышления автора сводятся к тому, что в сущности граница между самой игрой и «серьезным», не-игрой, находится исключительно в духовном мире человека. Таким образом, игра реализует себя не в фактологической реальности, но в субъективной, ментальной сфере.

Л. Т. Ретюнских размышляет над понятием игроизации – проникновения игровых элементов в какие-либо другие сферы человеческой реальности. Она ссылается на Э. Финка, который называет игру одним из пяти бытийных

феноменов, которые не сводятся друг к другу [7, 134–137]. В этой связи термин «игроизация» оказался продуктивен, так как позволяет точнее отделить игру в ее «чистом виде» от игры, которая имплицитно существует в ряде других бытийных феноменов, выявить границы игрового процесса [8, 8]. Практически все стороны жизни так или иначе подвержены игроизации – политика, искусство, спорт и т.д. Последнее (спорт) явно олицетворяет способности человека, его организма и психологического ресурса раскрывать свои скрытые потенции. Достигать высокие результаты. Ярким примером являются победы спортсменов на олимпийских и других играх.

Получается, что элементы игры могут пронизывать любые сферы бытия человека, становясь важным атрибутом, а не только контекстом социальной реальности. В частности, игровые технологии все больше проникают в образовательное пространство. Существенным вкладом автора данной статьи является то, он указывает на актуальность использования игровых техник и технологий в образовательном пространстве села исключительно в конструктивных и созидательных целях. «Игроизация» в данном случае означает:

1. Создание игровой образовательной реальности, которая помогает снять психологические барьеры ребенка перед трудностью материала.

2. Вовлечение в единую образовательную логику игры представителей различных представителей, участников образовательного процесса: от директора школы (заместителя директора, учителя) до обучающегося, от родителя (легитимного представителя) до педагога-психолога.

3. Расширение представлений о перспективах выбора профессии и изменение вектора будущей социализации ребенка (выражается в «Я-позиции» после проекта: «Я и не думал, что хочу стать инженером! Оказывается, мне это

интересно и, возможно, я состоюсь как многогранная, востребованная личность через освоение такой ответственной профессии»).

Игровая технология решает целый ряд проблем сельской школы. Одна из них – посещение уроков. Среди множества причин пропусков занятий, в том числе и объективных, несомненно, такая причина как однообразие и скука на уроках. Игра помогает снять эти моменты, как в младших классах, так и в старших.

Как было сказано выше, игровая реальность – это сложное, многоаспектное явление, создаваемое, в первую очередь, самим человеком (в нашем случае участниками своеобразного образовательного процесса) и обладающая характеристиками особой реальности. Под особенностью образовательной реальности, создаваемой посредством игры, подразумевается эвристический потенциал разворачиваемой игровой реальности, которая дает возможность обучающимся в новом свете посмотреть на собственные возможности в освоении учебного материала. Более конкретно это означает способность расширить границы собственного «трудно» и «легко» в освоении материала, пробудить творческое начало в организации собственной и коллективной образовательной деятельности, расставить исследовательские приоритеты. В то же время можно посмотреть на товарища, открыть для себя неизведанные доныне черты, помочь ему в освоении материала.

Успех игрового процесса зависит от «степени искренности» всех участников образовательного проекта. Во многом формирование этой степени искренности зависит от того, насколько данный игровой процесс адекватен реальным устремлениям участников образовательного процесса «здесь и сейчас», от того, насколько он адекватен событиям и процессам, происходящим вокруг «здесь и сейчас», от того, насколько создана атмосфера межличностно-

го резонанса отношений и открытости между участниками единого образовательного процесса.

Литература:

1. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство как основополагающее понятие теории образования // Педагогическое образование и наука. – 2003. – № 1.

2. Гураль С. К. Синергетическая модель развития образовательного пространства. [Электронный ресурс]. – URL: sun. /mminfo//303/image/303_015-016.pdf (дата обращения 14.02.2017)

3. Козырев В. А. Построение Модели гуманитарной образовательной среды. – Pedagog. – 1999. – № 7.

4. Крылова И. В., Черникова А. Д. Теоретико-концептуальная база исследования вопроса о социализации личности в информационном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.online-science.ru/userfiles/file/8uaeszmqne593honktsbp9x_5dqlzzj.pdf (дата обращения: 14.02.2017).

5. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. – 2013. – № 5.

6. Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6. – Ч. II.

7. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: Политиздат, 1991.

8. Ретюнских Л. Т. Философия игры. – М.: Вузовская книга, 2002.

9. Сушко П. Е. Особенности самоопределения и самореализации сельской молодежи Краснодарского края:

возможности и риски // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: сб. науч. тр. по мат. Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. В. В. Шалина. – Краснодар: КубГАУ, 2014.

10. Передерий В. А. Состояние социально-трудовой сферы села по материалам мониторинга социологических обследований сельских домохозяйств Кубани // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: сб. науч. тр. по мат. Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. В. В. Шалина. – Краснодар: КубГАУ, 2014.

11. Anastasya A. M., Lukina A. K., Peterson I. R. The School in the Socio-Cultural Space of the Modern Village / Anastasya M. Lopatina, Antonida K. Lukina and Irina R. Peterson // Journal of Siberian Federal University. Humanities&SocialSciences. – 2008. – V 1. – N 1.

Г. А. Крятова, О. А. Апенина
(Россия, Армавир)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА В ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: в статье автор сопоставляет диалог и интерактивное обучение. Делается вывод, что предпосылкой использования технологии интерактивного обучения является формирование у студентов такого качества как нравственная диалогичность.

Ключевые слова: диалог, технологии интерактивного обучения, этика, общение.

G. A. Kryatova, O. A. Apenina
(Russia, Armavir)

FEATURES OF THE DIALOGUE IN TECHNOLOGY OF INTERACTIVE LEARNING

Annotation: the author compares the dialogue and interactive learning. It is concluded that a prerequisite for the use of interactive learning technology is the formation of the students of such qualities as dialogical.

Keywords: dialogue, interactive learning technology, ethics, communication.

Интерактивное обучение – это стратегическая форма образовательного процесса в современном российском обществе. Ее особенность – формирование знаний студентов посредством кооперативного взаимодействия между преподавателем и студентами, между самими студентами, а также с другими контактными аудиториями. Кооперативное взаи-

модействие между указанными субъектами – это их сотрудничество при получении, осмыслении и использовании определенной информации с целью формирования индивидуальных знаний, умений и навыков студентов. Использование способа взаимодействия является привлекательным для студентов, поскольку «обладает определенной степенью новизны, вписывается в современные с точки зрения технологического оснащения требования к занятиям, помогает определить реальный уровень освоения учебного материала» [1]. Кооперация людей невозможна без общения, цель которого – обмен информацией. Таким образом, основой для интерактивного обучения должен стать диалог между участниками образовательного процесса, а идеи диалогической этики должны стать философской, методологической и методической основой интерактивного обучения.

Базовым понятием диалогической этики является «диалог». Это понятие обычно ассоциируется с разговором двух и более лиц. Однако это явление более сложное по своей природе, чем представление о нем как беседе лиц с определенной структурой. В рамках интерактивного обучения важна социальная природа диалога и пути повышения его эффективности. Критерием эффективности диалога можно рассматривать достижение целей, которые мотивировали такую форму общения лиц.

Социальная природа диалога обусловлена общественными основами человеческой жизнедеятельности, т. е. общественным воспроизводством человеческих индивидов как социализованных существ [2].

Необходимость диалога как определенной формы общения в механизме этого воспроизводства обусловлена индивидуальными особенностями индивидов, составляющих конкретно-исторический социум. Для повышения эффективности диалога необходимо учитывать как минимум три важнейшие характеристики сторон диалога [3].

Сходство/различие потребностей и интересов определяют необходимость диалога как формы взаимодействия для достижения поставленных целей отдельных лиц и их групп. Различие знаний обуславливает возможность взаимообогащения и развития участников диалога и тем самым определяет полезность диалога для этих участников.

Могут быть следующие цели диалога: оптимизация коллективной деятельности: согласование потребностей и интересов, согласование действий, согласование и развитие научных знаний; корректировка представлений у участника (участников) диалога об актуальном объекте реального или идеального (духовного) мира; формирование отношений власти и влияния в области взаимодействий индивидов и их групп в обществе, т. е. использование диалога как инструмента убеждения.

Как показывает опыт, для участников диалога часто характерны несовпадение потребностей, противоречивость интересов, различие целей общения. Поэтому для повышения эффективности диалога необходимы определенные этические принципы общения людей во время диалога. К таким принципам можно отнести: рассмотрение диалога как оптимального механизма социальных взаимодействий в обществе, ориентация на сотрудничество и компромисс, уважение к другой стороне диалога, толерантность.

Предпосылкой использования технологии интерактивного обучения является формирование у студентов такого качества как диалогичность, т. е. способности к диалогическому общению, а также интеграция нормативных этических принципов общения с другими людьми в духовную структуру обучающихся.

Таким образом, метод диалогического взаимодействия в технологии интерактивного обучения, несмотря на то, что пока он только начинает внедряться в учебный процесс, тем не менее, обладает большими возможностями, которые необходимо реализовать на практике. Его учебно-методический потенциал может быть применен на заняти-

ях, в ходе самых различных учебных ситуаций. Он нацелен на развитие у обучаемых самостоятельного мышления, личностной, индивидуальной активности, на степень большей вовлеченности обучаемого в контекст учебных занятий. Представляется совершенно очевидным, что метод диалога в технологии интерактивного обучения должен получить всемерное развитие, которое будет выражаться в совершенствовании прежде всего практических форм его применения на учебных занятиях, включающих в себя различные аспекты технологии его реализации, формы, методы, приемы обучения, основанные на взаимодействии преподавателя и учащихся в процессе осваивания ими интерактивных технологий.

Литература:

1. Коротаева Е. В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2.
2. Крятова Г. А. Человек в контексте политико-экономического анализа экономики общества // Россия и современный мир: ключевые проблемы и решения в экономической, правовой и социальной сферах. Мат. междунауч.-практ. конф. – Краснодар: ЮИМ, 2013.
3. Крятова Г. А. Моделирование экономической реальности: направления оптимизации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2014. – № 03(097). – IDA [article ID]: 0971401031. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/03/pdf/31.pdf>
4. Карапетян Е. А. Ментальность в этноязыковой картине мира как форма концептуального восприятия действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3.

Л. С. Скрипниченко
(Россия, Краснодар)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются основные аспекты профессионального самоопределения выпускников школ в современных условиях, анализируются перспективные направления деятельности, технологии, способы реализации профориентационной, профконсультационной работы с подростками, особенности многоуровневой профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, выпускники школ, социокультурное пространство, подростки, педагоги, ценностные ориентации.

L. S. Skripnichenko
(Russia, Krasnodar)

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION GRADUATES OF SCHOOLS IN MODERN SOCIOCULTURAL SPACE

Annotation: the article examines the main aspects of the professional self-determination of school leavers in modern conditions, analyzes promising areas of activity, technologies, ways of implementing vocational guidance, vocational counseling with adolescents, and the features of multi-level vocational training.

Keywords: professional self-determination, school leavers, sociocultural space, adolescents, teachers, value orientations.

В процессе перехода к рыночной экономике, меняются темпы развития многих предприятий, а соответственно, увеличиваются требования к молодым специалистам, способным легко адаптироваться к изменяющимся условиям, что также усиливает внимание педагогов общеобразовательных учреждений и того социокультурного окружения, в котором пребывает подросток, к педагогическому сопровождению профессионального самоопределения выпускников школ. В виду данных обстоятельств меняются представления о профессиональном самоопределении. Основываясь на том, что среди требований к выпускникам школ выделяют, в первую очередь, мобильность, компетентность, активность, проявление творческого подхода, профессиональное самоопределение выступает как одна из главных педагогических проблем, связанная с ценностной ориентацией выпускников, требующей осмысления в условиях изменения системы образования в целом.

Анализируя данную проблематику необходимо исследовать наиболее перспективные направления деятельности, технологий, способов реализации основных направлений профориентационной, профконсультационной работы с подростками, которые учитывают все особенности многоуровневой профессиональной подготовки. Все вышеперечисленное содействует индивидуальной активности, успешной и свободной интеграции к новой социокультурной ситуации.

Поэтому для развития самоопределения выпускников школ в рамках трудовой деятельности возникает необходимость изучения новых подходов к организации педагогического сопровождения данного процесса, требуется формирование такого образовательного пространства, в котором предусмотрены соответствующие условия для самоопределения и самореализации выпускников школ.

Изучив литературные источники, мы выделили сущность профессионального самоопределения, которая за-

ключается в выявлении особенностей личности учащихся, формирование навыков профессионального самоопределения через достижение успеха, развитие мотивов выбора будущей профессии. Так, в трудах Батаршева А. В., Бендюкова М. А., Зеер Э. Ф. определена основа самоопределения, формирующаяся в подростковом возрасте. Профессиональное самоопределение личности рассмотрено в работах Климова Е. А., Пряжникова Н. С., Шадрикова В. Д. и других.

Выбор будущей профессии осложняется тем, что у большинства учащихся к моменту окончания школы отсутствуют знания о соответствии их физического состояния, уровня развития волевых качеств, особенностей умственной деятельности, области трудовой деятельности [4, 273]. Также оказывает воздействие и недостаточное внимание к процессам самопознания, обучению подростков исследованию своих социокультурных и психофизических особенностей, которые существенно влияют на возможность добиться соответствующего уровня профессионализма в выбранной сфере профессиональной деятельности, данные вопросы находятся в «поле зрения» лишь у некоторых учителей и родителей. Поэтому большинство старшеклассников, выбирая будущую профессию, ориентируются в основном на моду отдельных профессий, не анализируя потребности рынка труда, о которых у них складываются несколько смутные представления.

Выделенные направления в изучении профессионального самоопределения рассматривались нами в рамках социологического исследования, проведенного весной 2017 г. Объектом являлись выпускники общеобразовательной школы г. Краснодара. Цель исследования состояла в выявлении особенностей профессионального самоопределения выпускников школ, определяющих выбор вуза, который позволит удовлетворить их стремления к получению

качественного высшего образования. В качестве метода исследования был применен экспресс-опрос, позволивший опросить 65 респондентов.

Результаты опроса показали, что 18,5 % юношей и девушек к 15 годам уже определились с будущей профессией, в старших классах школы – 43 %. Однако у 38,5 % выбор «подходящей профессии» еще четко не сформулирован. Это связано, во-первых, с тем, что у выпускников школ возникают трудности в самостоятельном выборе профессии, которая будет соответствовать способностям будущей трудовой деятельности, при этом отсутствует активная помощь со стороны родителей, педагогов в ее поиске. Во-вторых, следует отметить, что профессиональное самоопределение выпускников в основном определяется наличием информации о вузовских специальностях, общении с людьми, которые интересно рассказывают о своей профессии, от того, какие формы профориентационной работы входят в ту среду, в которой развивается подросток.

Проведенное исследование выявило, что на выбор будущей профессией влияет и то, что с названием школьных дисциплин не связано большинство направлений к обучению в высших учебных заведениях. Многих привлекают возможности поступления на бюджет из-за низкого конкурса. В результате выпускники полагаются не на свои представления к освоению данной специальности, а в первую очередь возможностью получить бесплатно какое-нибудь высшее образование.

Данное предположение можно подтвердить тем, что школа не уделяет достаточно внимания выработке у подростков навыков изучения ими своих стремлений к соответствующим видам профессиональной деятельности. Педагоги не побуждают учащихся углубленно анализировать причины возникновения определенных результатов при изучении отдельных дисциплин, а также трудностей, которые могут возникнуть при их освоении. Анализируя результаты учебной деятельности учеников, педагоги не ак-

центируют должного внимания к его склонностям в познании, например, художественных образов, природных систем, общественных процессов. В этом и заключается одна из причин ответов (33,9 % респондентов) на вопрос, связанный с наличием в школе учителей, способствующих выявлению навыков к будущей профессии, среди которых большинство указало учителей математики, обществознания/истории, русского языка и литературы. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями [2, 122].

По мнению школьников, они сами определяют будущую профессию, учитывая мнение родителей, родственников, других лиц, которые пытаются повлиять на их выбор.

Отсутствие возможности продуманно выбирать будущую профессию может привести к тому, что подростки следуют общим представлениям о возможных выгодах, которые они могут получать после окончания обучения в вузе. Возникает некая иерархия факторов, влияющих на выбор профессии. Большинство опрошенных (34 %) выделили «наличие желаемой профессии и стремление реализовать свои способности, 23 % престиж специальности, 20 % успехи в изучении профессии, 14 % наличие бюджетных мест, информация, полученная на днях открытых дверей 6,1 %, реклама специальности в СМИ 3 %.

Представление о специальности, которая в большей степени подходит выпускнику, возникает у старшеклассника лишь за несколько месяцев, недель до окончания школы (41,5 % опрошенных). Остальные в своем выборе руководствуются несколькими факторами, среди которых следует выделить: наличие склонностей к соответствующей специальности (35,3 %), возникло определенное представление в процессе изучения базовых дисциплин в школе (18,5 %), 5 % предполагают, что в процессе обучения смогут освоить необходимые требования к профессии.

В результате отсутствия базовых факторов, способных обеспечить успешное, опирающееся на индивидуаль-

ные возможности профессиональное самоопределение, выбор будущего направления обучения в вузе осуществляется, как правило, под влиянием рекомендаций родителей, родственников, учителей, наличия бюджетных мест, общественного мнения о престиже профессии и т. д. Соответственно, если студент, руководствуется вышеперечисленными факторами выбора будущей профессии, то он вряд ли сможет успешно освоить специальные знания.

Результаты проведенного исследования показали, что отсутствие представления, основанного на глубоких размышлениях о профессиональном самоопределении, может привести к появлению отвлеченных, не опирающихся на факты ожиданий школьников выпускных классов. Большинство, из которых надеется на обязательное получение высокооплачиваемой должности после окончания вуза, быстрого трудоустройства, карьерного роста (66,1 %), а не работу, которая способствует реализации своих талантов. Поэтому размер заработка нельзя связать с наличием стремлений к определенной профессиональной деятельности. Участники опроса готовы к любой работе, лишь бы она была высокооплачиваемой.

Возникновению данных обстоятельств способствует наличие общественного мнения о том, что некоторые специальности могут гарантировать получение приличных доходов и высокой должности. К ним следует отнести в первую очередь те профессии, которые связаны с менеджментом, экономикой, государственным управлением [1, 21–27].

Те, кто поступают на направления подготовки, которые менее престижны, чаще обосновывают свой выбор наличием склонностей, соответствующих профессии (35,3 % выбрали специальность, исходя из имеющихся способностей).

Таким образом, несмотря на то, что проблемы, связанные с организацией профессионального самоопределе-

ния изучаются уже несколько десятилетий различными учеными, педагогами, психологами, социологами, предлагающими разнообразные способы повышения эффективности данного процесса, изменения в указанном направлении происходят крайне медленно. Преобладает неосознаваемость в поиске выпускниками школ той профессиональной деятельности, которая способствовала бы реализации соответствующих потребностей [3, 76]. Основным желанием является то, чтобы в будущем выбранная специальность была высокооплачиваемой, способствовала карьерному росту, а также отвечала врожденным наклонностям. Недостаток понимания того, что указанные задачи можно осуществить только последовательно, целенаправленно, реализуя разные способности, знания о которых есть у немногих в подростковом возрасте.

Поэтому, на наш взгляд, профессиональная ориентация подростков должна реализовываться в постоянном выявлении индивидуальных склонностей к конкретным видам трудовой деятельности, управлению ресурсами, умению зарабатывать деньги. Необходимо пробовать себя в разнообразных видах занятий, чтобы выявить наличие, порой не видимых всем талантов, наличие которых как раз и способствует профессиональному самоопределению в 15–16-летнем возрасте.

Постоянное раскрытие руководителями секций, факультативов, кружков, учителями, скрытых способностей школьников, в процессе образования, к разным видам трудовой деятельности (умственной и физической) – должно стать одной из главных задач в среде школьного образования. Возможно, следует больше внимания уделять оформлению портфолио школьника, в котором фиксируются достижения при изучении какого-либо школьного предмета, участие в организаторской работе, художественной самодеятельности, спортивных занятиях, физическом труде, при этом стимулируя его к самостоятельному поиску того

дела, которое будет приносить ему удовольствие и давать практическую пользу людям, поскольку любая трудовая деятельность связана с удовлетворением потребностей конкретной социальной группы. Также целесообразно реализовывать программы повышения квалификации учителей, которые являются субъектами и организаторами сопровождения профессионального самоопределения школьника [4, 61].

Безусловно, организация подобной специфики освоения основ профессионального самоопределения требует основательного преобразования в работе с выпускниками школ, техникумов, вузов. Но, следует помнить, что достичь высокого общественного эффекта можно благодаря тому, что большинство студентов смогут успешно осваивать специальности, соответствующие их личностным качествам, и трудиться в определенной области по завершению обучения в вузе.

Литература:

1. Каткова Ю. Э., Юркова И. Г. Структурные особенности качеств личности на этапе профессионального становления // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.6 (59).
2. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2012.
3. Передерий В. А. Социологические исследования в менеджменте: учеб.-метод. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2015.
4. Скрипниченко Л. С. Профилактика девиантного поведения молодежи: учеб.-метод. пособие. – 2-е изд., перераб. и дополненное. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2014.

В. А. Силантьева
(Россия, Нижний Новгород)

«ПРАВОВЕДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ДИСЦИПЛИНЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: в статье обсуждаются особенности преподавания дисциплины «Правоведение» в аспекте возрастающих потребностей современной России в правовых знаниях и повышении правовой культуры.

Ключевые слова: правоведение, правовое образование, правовая культура, нигилизм, юридические знания

V.A. Silantieva
(Russia, Nizhny Novgorod)

«LAW»: THE FEATURES OF DISCIPLINE IN HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Annotation: the article discusses the peculiarities of teaching the discipline «Jurisprudence» in the aspect of the growing needs of modern Russia in legal knowledge and the enhancement of legal culture.

Keywords: jurisprudence, legal education, legal culture, nihilism, legal knowledge

Взятый курс на формирование гражданского общества и правового государства в РФ, предполагает развитие правовой культуры, преодоление правового нигилизма и реализацию базовых ценностей и принципов. В этих непростых условиях современного развития российского общества высшая школа должна готовить специалистов не только как профессионалов своего дела, но и как высоко- нравственных людей со сформированным правосознани-

ем. Можно согласиться с мнением Н. Д. Ковбенко, что если в недалеком прошлом для характеристики специалиста было достаточно заглянуть в его диплом и оценить его профессиональные знания, навыки и умения, то сегодня требования к объему знаний специалиста значительно расширились. Государство ставит перед высшей школой задачи по формированию специалистов будущего – компетентных культурных управленцев [3]. Ценность сегодняшнего образования состоит не столько в полученных знаниях, сколько в способности человека применять эти знания и сформированные навыки в различных сложившихся ситуациях, тем самым система российского образования переходит со «знаниевого» на компетентностный подход, а важнейшей составляющей современного образования становится компетентность.

Вследствие этого резко возросла потребность каждого человека в юридических знаниях, поэтому особое место в системе высшего профессионального образования отводится преподаванию правовых дисциплин: во всех российских вузах вне зависимости от направления подготовки изучается курс «Правоведение» (или «Основы права»). Освоение данной дисциплины позволяет не только предоставить студентам необходимые теоретические знания о государстве и праве, но и предполагает ориентироваться в современной государственной и правовой политике, самостоятельно оценивать явления общественной и политической жизни, соблюдать правовые нормы, действовать в конкретных жизненных ситуациях, нести личную ответственность, опираясь на полученный багаж знаний, использовать основы правовых знаний в различных сферах деятельности (это отражено в государственных образовательных стандартах в качестве общекультурной компетенции). Правовая компетенция является динамической характеристикой. Степень правовой компетентности увеличивается

ется за счет расширения и углубления объема правовых знаний и в какой-то мере зависит от уровня профессионального образования [3]. В современном мире сложно найти жизненную сферу, в которой бы отсутствовала юридическая составляющая, поэтому юридическая подготовка и приобретение правовых базовых знаний является необходимым условием формирования специалиста любого уровня и направления.

Преподавание дисциплины «Правоведение» на неюридических направлениях имеет свои особенности, главной из которых заключается в мотивации изучения дисциплины. Студенты довольно часто рассматривают те дисциплины, которые напрямую не относятся к выбранному ими направлению, как «ненужные», «лишние», «бесполезные» и «не приоритетными». В качестве объяснения своей позиции приводится следующий аргумент: изучение этих дисциплин отвлекает от профильных, к тому же гуманитарные дисциплины не имеют, на их взгляд, прикладного значения. Нередко имеются ссылки на опыт западных образовательных систем, где, по мнению студентов, ориентация исключительно на формирование узких профессионалов.

Зачастую у студентов неюридического факультета присутствует стереотип «элитарности» и сложности правовых проблем. Студенты не имеют представления, зачем им надо изучать «Правоведение», считая, что данная дисциплина осваивается будущими юристами, а они в случае необходимости обратятся за помощью в юридическую консультацию.

В этих условиях преподавателю необходимо затрачивать дополнительное время и силы, чтобы обосновать целесообразность и необходимость курса «Правоведение», преодолеть правовой нигилизм и инфантилизм, сформировать уважительное отношение к системе права и к дей-

ствующему законодательству, сориентировать на осознанное соблюдение требований закона и стремлении к реализации своих прав. Студенты должны четко понимать, как конкретно они будут применять правовые нормы на практике, не допуская трудной ситуации, требующей помощи юристов-специалистов. Немаловажно и то, что вне зависимости от полученного образования, сегодняшние студенты со временем составят управленческий аппарат. Соответственно, должны знать не только свои права, но и обязанности, уметь ими пользоваться, быть способными защитить себя от нарушений как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности, но и воздержаться от нарушений прав других граждан. Главной задачей преподавателя является формирование у будущих специалистов убеждения в абсолютной ценности права, недопустимости и невозможности нарушений правовых предписаний [2]. В результате, полученные знания о праве призваны повышать правовую культуру и правовое сознание, способствовать развитию правового мировоззрения студенческой молодежи.

Нельзя не отметить и аудиторию студентов неюридических специальностей, которая слабо подготовлена к восприятию специфики правовой терминологии и правовых знаний. Однако если студенты-гуманитарии хотя бы имеют минимальное представление (многие сдавали обществознание), то студентам технических факультетов сложнее. Поэтому предпочтительнее излагать правовую информацию в доступной, популярной форме, сочетая четкие юридические конструкции с интересными примерами из практики.

С целью повышения значимости следует преподавать «Правоведение» в тесной взаимосвязи с другими дисциплинами, ориентируясь на профильные с тем, чтобы студенты имели представления о правовых нормах, действующих в отрасли производства, где они будут работать.

Вследствие того, что российское законодательство постоянно совершенствуется, а правоприменительная практика нестабильна, необходимо сформировать у студентов целостную картину мира, научить их самостоятельно мыслить, основываясь на полученных знаниях.

Таким образом, юридическое образование – это важнейшая часть государственно-регулируемого пространства, значимая для гражданского общества система, а изучение курса «Правоведение» способствует развитию специалиста высокой культуры с активной гражданской позицией, так как узкопрофессиональная подготовка не соответствует требованиям времени.

Литература:

1. Болонина С. В. Научно-методические основы преподавания правовых дисциплин в неюридических вузах: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000.

2. Грошева Т. М. Особенности и значение формирования правосознания и правовой культуры будущих специалистов банковского дела // *Фундаментальные исследования*. – 2005. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5766> (дата обращения: 10.05.2017).

3. Ковбенко Н. Д. Преподавание права в техническом вузе. Проблемы и перспективы // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. – 2014. – № 37.

4. Кононенко Д. В., Фролов С. А. Особенности правоведения как учебной дисциплины в ракурсе вузовского преподавания // *Известия Волгоградского государственного технического университета*. – Волгоград. – 2011. – № 8. – Т. 10.

ИСТОРИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А. А. Ашхамахова
(Россия, Краснодар)
Р. Х. Кочесоков
(Россия, Нальчик)
Акинйооие Абиодун
(Нигерия)

КОНЦЕПЦИЯ «КОНЦА ИСТОРИИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются методологические и аксиологические измерения концепции «конца истории». Делается вывод о том, что если в прежних философских концепциях истории идея «конца истории» выполняла позитивные функции, то сейчас она оказывает негативное влияние на общественное сознание.

Ключевые слова: «конец истории», философия истории, аксиология, линейная концепция, постмодернизм.

A. A. Ashkhamakhova
(Russia, Krasnodar)
R. H. Kochesokov
(Russia, Nalchik)
Akinyooye Abiodun
(Nigeria)

THE CONCEPT OF THE «END OF HISTORY»: THE AXIOLOGICAL DIMENSION

Annotation: the article examines the methodological and the axiological dimension of the concept of the «end of histo-

ry». It is concluded that if in previous philosophical conceptions of the history of the idea of the «end of history» served a positive function, now it has a negative impact on the public consciousness.

Keywords: «the end of history», philosophy of history, axiology, linear concept, postmodernism.

Философия не только стремится добывать истинное знание о мире и человеке, но и давать оценку добытому знанию. Иными словами, она решает вопросы о том, для чего человеку нужно истинное знание, каким образом оно влияет на его бытие, какие выводы для себя он должен делать? Поэтому она одновременно выступает и как методология познания, и как аксиология познания. Философия в этом смысле дает методологическую и аксиологическую оценку знаниям, добываемым и в других частных науках. Цель данной статьи – рассмотреть методологические и аксиологические измерения концепции «конца истории».

Как известно, концепция «конца истории» имеет давнюю историю. Идея конечности исторического процесса имеет место в любой линейной концепции. Первоначально она получила наиболее глубокое философское обоснование в учении Августина. В соответствии с христианскими принципами креационизма (создание Богом мира из ничего), провиденциализма (предопределенности истории человечества божественной волей) и эсхатологии (наличие у истории человечества завершения) он выделил начало истории (грехопадение; до этого человек находился как бы вне времени и истории), важнейшие события или эпохи на пути к завершению истории (Потоп, рождение Христа и т. п.) и конец истории (Судный День).

В Новое время в философии истории и исторической науке утверждаются линейные концепции истории, в которых идея «конца истории» непременно присутствовала.

Уместно напомнить, что в философии под «концом истории» понимается не гибель человечества, а достижение конечной цели исторического развития. В частности, у Гегеля завершением истории считается создание общества, в котором все люди осознали бы себя свободными [1]. Гегель полагал, что подобное общество уже формируется в его родной Германии (Пруссии), с чем, конечно же, большинство философов не были согласны. А К. Маркс считал «концом истории» создание коммунистического общества. Правда, Маркс называл это как раз началом настоящей истории, а вся предыдущая история у него выступала как предыстория [2, 94].

Вместе с тем не случайно работа Ф. Фукуямы, в которой, по сути, излагалось то, что всем хорошо было известно, получила широкий резонанс. Дело в том, что эта концепция сейчас стала выполнять другие функции, чем раньше. Раньше концепция «конец истории» выполнял *позитивную* методологическую и аксиологическую функции. В *методологическом* плане она способствовала выстраиванию исторического процесса, познанию содержания и направленности истории, углублению наших представлений об истории. Заметим, что характеристика самого конечного состояния истории (общества) уходила на второй план. Ни у Гегеля, ни у Маркса, ни у других философов, приверженцев линейной концепции истории, нет более или менее полной картины конечного состояния истории. Они скорее декларировали, что конечное состояние будет достигнуто, чем пытались подробно его описать. С научной точки зрения это вполне логичная позиция – ученый выявляет тенденцию, но конкретные детали не расписывает, все невозможно предсказать.

В *аксиологическом* плане концепция «конца истории» составляла важнейшую часть мировоззрения человека Нового времени. Она представляла собой некий ориентир,

причем, вполне достижимый, по крайней мере, теоретически. Можно сказать, что она вдохновляла человека (человечество) на величайшие свершения.

В свою очередь, у Ф. Фукуямы концепция «конца истории» уже приобретает *негативную* методологическую и аксиологическую функции. Он констатирует, что конец истории уже, или почти уже, наступил. В *методологическом* плане она подрывает основы современной исторической науки. Формально она вроде бы не противоречит линейной концепции истории. Но на самом деле она создает, выражаясь шахматным языком, методологический цугцванг. Если история есть развитие, то у развития не должно быть завершения, а если она завершилась, то на каком основании мы должны полагать, что раньше было развитие?

Однако особенно негативно эта концепция сказывается в *аксиологическом* плане, поскольку разрушает основы мировоззренческих установок человека эпохи модерна. Прежде всего, она придает бессмысленность человеческому существованию. Такое состояние общества хорошо известно философам, поскольку в истории часто складывалась атмосфера «конца истории». Сошлемся хотя бы на характеристику Х. Ортега-и-Гассета. Он отмечал противоречивость духовной атмосферы такого общества. С одной стороны, говорил он, люди вроде довольны, так как чувствуют себя «достигшими полной, окончательной высоты», верят, что «они подходят к концу долгого странствия, к достижению заветной цели, к исполнению древних чаяний» [3, 127]. Но, с другой стороны, эта эпоха сменяется «эпохой самоудовлетворения» (или «эпохой исполнения чаяний»): «Когда эпоха удовлетворяет все свои желания, свои идеалы, это значит, что желаний больше нет, источник желаний иссяк. Значит, эпоха пресловутой удовлетворенности – это *начало конца*» [3, 128]. В результате общество чувствует себя одиноким, предоставленным самому себе; появляется неуверенность.

Да и у самого Фукуямы конец истории отнюдь не привлекательное зрелище: «Конец истории будет очень грустным временем. На место борьбы за признание, готовности рисковать жизнью ради совершенно абстрактной цели, мировой идеологической борьбы, требующей мужества, бесстрашия, воображения и идеализма, придут экономические расчеты, бесконечные утрясения технологических проблем, озабоченность окружающей средой и удовлетворением потребительских запросов. В постисторический период не будет ни искусства, ни философии, а лишь постоянные хлопоты по поддержанию порядка в музее человеческой истории... Возможно, сама перспектива столетий скуки в конце истории послужит толчком к тому, чтобы начать историю сначала» [4, 54].

В сложившейся ситуации, упрощенно говоря, у нас есть два выхода. Либо мы признаём модернистскую историю как ошибочную или как один из возможных вариантов «прочтения» исторического процесса, как это логично делают приверженцы постмодернизма. Но в таком случае и сама идея возможности «конца истории» оказывается ложной; если история не есть направленный процесс, тогда: какое может быть завершение? Либо мы признаём ошибочность вывода о «завершении» исторического процесса. Мы полагаем, что она вызвана смешиванием должного и сущего. Исторический процесс мы должны рассматривать как некий бесконечный процесс приближения к должному («идеальному обществу»), которое никогда не станет сущим, но вместе с тем служить нам неким ориентиром.

Литература:

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч. – Т. VIII. – М.-Л., 1935.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1843 г. // Соч. – 2-е изд. – Т. 42.

3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3.

4. Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, история. – 1990. – № 5.

И. В. Упоров
(Россия, Краснодар)

КОНСТИТУЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИСКУССИЯ В НОВЕЙШЕЙ РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗИ УЖЕ НЕТ

Аннотация: в статье дается характеристика некоторых особенностей общественной дискуссии, развернувшейся в российских СМИ в связи с охлаждением отношений России с западными странами, во взаимосвязи с Конституцией России. Отмечается, что представителей ведущих позиций в дискуссии («либералы», «коммунисты», «патриоты») действующий Основной закон страны не устраивает, и, вероятно, встанет вопрос о новой конституции (или поправках к ней).

Ключевые слова: конституция, дискуссия, либералы, коммунисты, патриоты, общество, государство, интересы.

I. V. Uporov
(Russia, Krasnodar)

CONSTITUTION AND PUBLIC DISCUSSION IN THE LATEST RUSSIA: THE RELATIONSHIP IS ALREADY ALREADY

Annotation: the article describes some features of the public discussion that has unfolded in the Russian media in connection with the cooling of Russia's relations with Western countries, in conjunction with the Russian Constitution. It is

noted that representatives of the leading positions in the discussion («liberals», «communists», «patriots») do not like the current Basic Law of the country, and probably the question of a new constitution (or amendments to it) will arise.

Keywords: constitution, discussion, liberals, communists, patriots, society, state, interests.

Современная Россия как государство и как общество, являясь частью современной цивилизации, несет в себе отпечаток общепризнанных тенденций глобализации, что находит отражение в фундаментальных актах. К таковым, бесспорно, относится Конституция России [1], особая ценность которой заключается в том, что акт такого рода был первый и пока единственный раз в истории нашей страны принят на всенародном голосовании – 25 декабря 1993 г. на участки для голосования пришли 54,8 % от общего числа граждан, имевших право голоса, и 58,4 % из них проголосовали за принятие Основного закона, определившего позицию российского народа по выбору путей дальнейшего развития. Если сказать предельно кратко – это был европейский выбор со всеми социально-экономическими ценностями, присущие этой авангардной части света, где Россия решила позиционировать себя как непосредственным участником международного сообщества, принимая, что очень важно, соответствующие обязательства.

Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции России «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора», а в соответствии с ч. 1 ст. 17 «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституци-

ей». Характерной является также ст. 79, где указывается, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации».

К этому можно добавить ряд решений российской власти, сделанных преимущественно во второй половине 1990-х гг., когда Россия направляла ходатайство (было получено согласие) на вступление в Совет Европы, подписала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, перевела уголовно-исполнительные учреждения (колонии, тюрьмы, СИЗО) из ведения МВД России в ведение Минюста России, установила мораторий на применение смертной казни как вида уголовного наказания и т. д.

Но это только общественно-политическая составляющая перемен в жизни российского государства после распада СССР в 1991 г. Еще более важной представляется экономическая составляющая, суть которой в том, что вместо плановой социалистической экономики Россия перешла на рыночную, капиталистическую экономику, что достаточно четко зафиксировано в ст. 8 Конституции России: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности... В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Тем самым в результате распада СССР в 1991 г. в нашей стране произошла мирная революция-переворот от социализма к капитализму. В этом контексте представляется весьма противоречивой активизировавшаяся в последнее время общественная дискуссия, поводом для которой

стало явное охлаждение отношений России с западным миром по причине известных событий на Украине, и соответственно ставится вопрос о защите российских интересов в глобальном мире, и на этом фоне обсуждается также вопрос о том, в каком направлении вообще должно развиваться российское общество, и вот как раз на этом мы делаем акцент. Эта дискуссия активно ведется на ведущих российских телеканалах в разного рода ток-шоу и в передачах других жанров, а также в иных средствах массовой информации, и в нее, таким образом, втягиваются многие граждане. Речь идет о трех основных позициях, отражающих, как нам представляется, общественные настроения большинства российского населения.

Первую позицию представляют сторонники западного образа жизни, получившие в нашей стране неофициальное название «либералов» (Гайдар, Немцов, Нечаев, Чубайс, Гозман, Кудрин, Силуанов, Веллер, Алексахенко и другие недавно ушедшие и ныне здравствующие политики и государственно-общественные деятели и публицисты). Данная позиция заключается в необходимости следовать в западноевропейском фарватере, стать непосредственным участником европейских процессов.

Вторая позиция связывается с ярко выраженной идеологией и находит отражение в политических структурах левого толка, и прежде всего таких партий, как «Коммунистическая партия РФ», «Коммунисты России», в определенной степени «Справедливая Россия» и др. Представители этой платформы считают, что в России нужно менять общественно-экономический строй, отказаться от «дикого» капитализма, национализировать недра, и апеллируют к СССР, где не было огромного, как сейчас, имущественного расслоения населения, и в целом общественные блага, созданные совокупным трудом всех людей, распределялись более справедливо, имелись социальные га-

рантии, государство обладало огромным влиянием на международной арене и т. д. Представителей этой позиции можно условно обозначить как «коммунисты». При общей позиции у них нет единства в способах достижения цели.

Третью позицию представляют «патриоты», которые не ставят в повестку дня какую-либо идеологию, но считают, что России следует принимать более решительные меры, направленные на защиту российской экономики, территории, культуры и в целом суверенитета России. Данную позицию отражают, в частности, Глазьев, Rogozin, Мединский, Хинштейн, Кургинян, Федоров, Делягин, Коротченко и др. К этой позиции близки партии «Единая Россия», «ЛДПР» и др., хотя по ряду вопросов разногласия довольно большие. Например, академик Глазьев полагает необходимым немедленно пустить имеющиеся финансовые резервы в экономику, не опасаясь некоторого увеличения инфляции, перестать следовать рекомендациям МВФ, перевести функционирование правительства на технологию стратегического и индикативного планирования, «усилить госрегулирование одновременно с его открытостью для общества и ответственностью чиновников за принимаемые решения ... Компании могли бы заключать с уполномоченными органами государственной власти инвестиционные контракты, под которые банки и институты развития могли бы выдавать долгосрочные кредиты. ЦБ при этом мог бы функционировать как институт развития, обеспечивающий кредитами как потребности частных предприятий в расширении и развитии производства, так и госпрограммы» [2]. Депутат ГД Федоров предлагает отменить приоритет международного права над национальным правом [3]. Однако столь радикальные подходы не находят поддержки в правительственных кругах.

Указанная противоречивость дискуссии при обсуждении путей дальнейшего развития российского общества

заключается, на наш взгляд, в том, что представители всех трех позиций как будто не замечают многих положений действующей Конституции России, при том, что Конституция должна выполняться не в отдельных своих частях, а полностью. Так, «либералы», не без оснований полагая, что Конституция России отражает их позицию, забывают о том, что Основной закон содержит и иные нормы, в частности, в ней указывается, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека... В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» (ст. 7 Конституции России). Говорится также о праве на бесплатную медицинскую помощь (ст. 41), на образование (ст. 43), о том, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ст. 45) и т.д. Эти гарантии не обеспечиваются едва ли не для большинства граждан. Но «либералы» не считают нужным сосредоточивать усилия государства на этих и других гарантиях, полагая, что «рынок все отрегулирует» и отсылают в качестве примеров к другим западным странам.

«Коммунисты», говоря, например, о необходимости национализации, то есть, огосударствления ведущих отраслей экономики (прежде всего энергетики и транспорта), забывают, что согласно Конституции России (ст. 8) и другим многочисленным законам и уже сложившемуся положению это не представляется возможным, так как в России конституционно «объявлен» капитализм. Соответственно призывы «коммунистов» не основываются на ре-

альном положении, остаются на уровне схоластики, не имеющей отношения к практике. И в то же время они не проявляют активности в поддержке профсоюзов, предусмотренных в ст. 30 Конституции России, хотя именно через профсоюзы в наибольшей мере «коммунисты» могли бы проводить в жизнь свои программные цели. Но этого не происходит, профсоюзы впадают в жалкое существование, трудящиеся не получают от них защиты своих трудовых прав.

Что касается «патриотов», что, сосредоточивая свои усилия на внешнеполитической проблематике, они забывают о проблемах внутрироссийского характера, без решения которых внешняя политика России не может быть эффективной (та же экономика, борьба с коррупцией и др.). При этом, говоря о необходимости защищать интересы России, отстаивать ее место в мире, они не учитывают, что, как мы указывали в начале, Россия сделала в 1990-х гг. европейский выбор, одобрив на референдуме действующую Конституцию России. И в этом смысле не соответствующими Основному закону страны выглядят звучащие в дискуссиях предложения «патриотов» о том, что у России должен быть свой, неевропейский путь развития.

После принятия Конституции России прошло уже почти четверть века. Конституция почти не изменилась. Но изменилось общество. И как следует из приведенных выше характеристик трех основных позиций общественных настроений, действующая Конституция, похоже, уже никого не устраивает. Получается, что Конституция России и российская действительность настолько разошлись, что сослаться на Основной закон страны в дискуссии по животрепещущей проблематике ее участники уже не считают нужным. Это грустный вывод. Но это факт. Вероятно, при таком положении должен встать вопрос о новой российской Конституции (либо внесении существенных поправок). И при этом важно, как представляется, не растерять

тех достижений общественно-государственного развития, которые, при всех проблемах, все же имели место в новейшей истории России, в частности, новый Основной закон страны (или поправки к нему) должен приниматься только путем всенародного голосования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения: 01.05. 2017 г.).

2. Глазьев С. Ю. Срулить с обочины: 12 шагов для экономического развития России // Газета. ру. 2017. 27 марта.

3. Федоров Е. Приоритет международного права над национальным могут отменить // Правда. ру. 2013. 24 декабря.

**А. А. Семенов, В. Д. Марченко
(Россия, Армавир)**

РОССИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: статья посвящена историческим и цивилизационным истокам России как особой социокультурной общности. Автор рассматривается специфика исторического пути России и те современные вызовы, с которыми она сталкивается в настоящий период.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, Восток, Запад, полиэтничность, вызовы.

**A. A. Semenov, V. D. Marchenko
(Russia, Armavir)**

RUSSIA: CIVILIZATIONAL FOUNDATIONS AND MODERNITY

Annotation: the article is devoted to the historical and civilizational sources of Russia as a specific sociocultural community. The author considers the specificity of Russia's historical path and the modern challenges it faces in the present period.

Keywords: Russia, civilization, East, West, politeness, calls.

В процессе своего исторического развития российская цивилизация сталкивалась со многими вызовами самого различного характера: культурными, военными, экономическими, политическими и др. В разные исторические периоды был различен характер этих вызовов. Он обуславливался внешним окружением нашей страны, ее геополитическими успехами, внутренними проблемами социально-экономического и политического развития. В период Киевской Руси тогдашнее первое наше государство □ Древняя Русь уже испытывало как восточное, так и западное влияние. В этот период возникали культурные и исторические основы древнерусской цивилизации. Большое влияние на нее оказывали европейские народы и европейская культура, не менее значимое □ народы Востока и Юга. Самое значительное влияние на Русь в этот период оказало наиболее развитое государство тогдашнего мира □ Византийская Империя, из которой на Русь пришла православная вера, основы культурной традиции и религиозной жизни, специфика государственных институтов и организации власти. С падением Византии Русь во многом сохраняла черты общественной организации и культуры «Второго

Рима» и таким образом стала исторической наследницей и преемницей Восточной империи. Традиции Византии продолжило Московское царство — Третий Рим, великое восточно-православное Московское государство.

Приход монголо-татар и установление над русскими княжествами протектората Золотой Орды также оказало свое воздействие на характер русской истории. Пребывание в составе Монгольской империи отчасти привело к тому, что на Руси были заимствованы некоторые основополагающие элементы монгольской имперской традиции, и с этой точки зрения Монгольское государство передало новому Московскому царству некоторые собственные специфические особенности, которые получили определенное развитие на русской почве. Но это было лишь одно из направлений культурного и цивилизационного развития русских земель; наряду и с ним имелись и другие, связанные с Европой, с нашими ближайшими соседями на севере и западе от русских земель.

В результате проникновения всех этих элементов других культур и цивилизаций в русских землях того исторического периода возник своеобразный синтез элементов Востока и Запада. Они были переработаны русской культурой и составили специфическую цивилизационную основу Новой России. Особенно здесь необходимо подчеркнуть, что это не было прямое заимствование, это был именно сплав разнородных социокультурных элементов, которые нашли свое единство и идентичность в горниле российской цивилизации. В России все эти элементы Востока и Запада в новой цивилизационной традиции приобретали совершенно иное выражение, уже свойственное специфической российской цивилизации и культуре. По сути, они были полностью адаптированы к русской общественной жизни и вошли в нее в качестве основных социокультурных характеристик.

В дальнейшем преобладание западноевропейского геополитического вызова для российской цивилизации обусловило процесс ее трансформации и обретения ею нового лица и новых социокультурных характеристик. С началом великих реформ Петра I вектор развития нашего государства склонился в большей степени в европейскую сторону. Это было связано с теми вызовами, которые несла в себе практика захвата европейскими государствами сопредельных с Европой стран и распространение их колониальной экспансии на другие народы и континенты. Столкнувшись с таким вызовом, Россия пережила период глубоких социокультурных, политических, институциональных реформ, проведение которых обусловило возникновение возможности не только для противостояния с Западом, но и более динамичного внутреннего цивилизационного развития, приобщения к достижениям западноевропейской культуры и цивилизации. Но нельзя сказать, что в этом процессе Россия утратила свою двуединую сущность. Несмотря на европейско-ориентированные реформы, восточный склад жизни, культуры, общественной организации по-прежнему в Новой императорской России сохранял свое значение. И если в стране возникли западные институты, учреждения, формы административного деления и организации государственной власти, то это не значит, что изменился сам исторический характер российского народа. Во многом по складу своей ментальности и жизни он оставался народом восточным с большим влиянием коллективизма, в отличие от индивидуалистического Запада, соборности, общинности в русской истории, сохранялся и традиционный образ жизни большинства российского народа. Таким образом, исторический путь российской цивилизации как одновременно цивилизации и западной, и восточной продолжился, и в советский период сплав этих двух культурных традиций также никуда не исчез и продолжал оставаться актуальным.

Советское государство, как и Российская империя, включало в себя не только европейские народы, но и народы Восточной и Южной Азии, которые в его рамках сохраняли собственные культурные и исторические традиции. С этой точки зрения Советский Союз также продолжал оставаться крупной евразийской державой, включавшей в себя самые разнообразные элементы как восточного, так и западного свойства, как Европы, так и Азии. В советский период, конечно, кардинальным образом изменился характер исторических вызовов для нашей страны. СССР вел активную международную политику, идеологически соперничал со странами Западной Европы и США, которые в советский период объединялись нередко под коллективным названием «Запада». По своей сути советский период был продолжением все того же вектора исторического развития России, связанного с распространением базовых ценностей российской цивилизации и российской культуры по всему миру. Даже западноевропейская идея коммунизма на российской почве приобрела собственные отличительные черты и характеристики, которые во многом базировались на традиционных основах русской цивилизационной общности.

В период существования новой независимой России (Российской Федерации) этот вектор также продолжает сохранять свою актуальность. Однако меняется сам характер исторических вызовов, теперь определяемых спецификой развития глобальных процессов по всему миру и для всего человечества. Они связаны с распространением компьютерных технологий, средств массовой коммуникации, с развитием новых общественных процессов, ролью средств массовой информации в современном мире, стремлением западноевропейской цивилизации навязать остальному миру свои ценности и собственные пути развития, а также сохранить в социально-экономической зависимости от коллективного Запада другие регионы земного шара.

Исходя из этого, современная Российская Федерация, проводя собственную суверенную международную политику и обладая собственной культурной традицией, является той страной, вокруг которой объединяются силы, страны и народы, желающие противостоять гегемонии стран Запада во главе с США и неокOLONIALным способам управления всем остальным человечеством. Все, кто выступает за многополюсный мир, за равноправие и взаимоуважение в международных делах, поддерживают позицию России по большинству современных международных проблем.

Какие же вызовы противостоят России сегодня?

1. Это необходимость развития самодостаточной экономической модели и модернизации российского общества, которая включает в себя технологическое обновление, создание конкурентоспособной национальной экономики, развитие науки и техники.

2. Сохранение собственной национальной культурной традиции, исторически сложившейся в нашей стране, системы ценностей, морально-нравственных ориентиров.

3. В выработке альтернативного Западу проекта мирового цивилизационного развития, основанного на идеях солидарности народов; сохранении духовности, исторического своеобразия народов, населяющих нашу планету.

4. Решение проблем мирового цивилизационного развития: экологических проблем, справедливого распределения ресурсов и экономических возможностей, создание новой финансовой системы, которая будет способствовать развитию не только «золотого миллиарда», но и тех стран и народов, которые оказались по тем или иным причинам на обочине мировых исторических процессов.

5. Создание новой системы международного взаимодействия и сотрудничества, основанной на отказе доминирования одних стран над другими, равноправии, не навязывании кому-либо своих ценностных и социокультурных ориентиров.

Все эти проблемы, характерные в современный период и для всего человечества, невозможно решить без участия России. Без ее активной международной позиции во всех областях существования современного мира нельзя выработать новый международный порядок, основанный на идеях равенства и справедливости. В процессе строительства такого нового мира возможно решение и чисто российских проблем, внутреннего развития нашей страны, сохранения ее человеческого и культурного потенциала. Ведь Россия никогда не являлась изолированным территориальным и цивилизационным образованием, поэтому все попытки ее изоляции изначально обречены на провал. Она всегда принимала активное участие во всех мировых процессах и трансформациях. И в этот раз уже в новом XXI веке она будет, несомненно, участвовать в тех глобальных переменах, которые охватили современный нам мир, меняя его в лучшую сторону, но одновременно сохраняя в себе те исторические и культурные основы, которые сформировались на заре существования российской цивилизации и которые сейчас являются своеобразной гарантией стабильного и поступательного развития для всего человечества.

Литература:

1. Свистунов М. Н. Российская цивилизация и православие, диалектика их взаимоотношений и перспективы развития. – М., 2006.

2. Смирнов В. В. Место России в мировой цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? – М., 1998.

3. Карапетян Е. А. Специфика российской цивилизационной модели: история и современность // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения: Мат. I Межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, преподавателей (г. Армавир, 25 ноября 2016 г.). – Армавир: АГПУ, 2016.

4. Семенов А. А. Россия как цивилизация: истоки формирования и современные вызовы // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения: Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей; г. Армавир, 25 ноября 2016 г. – Армавир: АГПУ, 2016.

Е. А. Карапетян, Н. Э. Щедров
(Россия, Армавир)

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЕЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: в статье рассматриваются сущностные особенности формирования России как цивилизации, обладающей своими особенностями и спецификой развития.

Ключевые слова: российская цивилизация, межкультурная коммуникация, взаимодействие, этносы, культура, русский язык.

Е. А. Karapetyan, N. E. Schedrov
(Russia, Armavir)

RUSSIAN CIVILIZATION: ITS SPECIFIC FEATURES AND MODERN CHARACTERISTICS

Annotation: the article considers the essential features of the formation of Russia as a civilization, having its own peculiarities and specifics of the development.

Keywords: Russian civilization, intercultural communication, interaction, ethnic groups, culture, Russian language.

С момента своего возникновения цивилизации Востока и Запада обладали собственными социокультурными особенностями и характеристиками. Их развитие определялось той совокупностью природных, климатических, географических, социальных и культурных условий, которые и определили их последующие цивилизационные характеристики. В значительной мере это относится и к России, на территории которой издавна сосуществуют как культуры европейской части континента, так и азиатской. Народы, относящиеся к этим различным культурам, исповедуют разные религии, имеют свой образ жизни, систему ценностей, но, тем не менее, их связывают узы многовекового сосуществования и взаимодействия. Все они, так или иначе, принимали участие в создании российского государства, и каждый народ, каждый, пусть и небольшой, этнос внес свой определенный вклад в его становление и развитие. У данных народов в процессе исторического развития возникло чувство общности, единой судьбы, системы ценностных ориентаций и представлений. Участие столь многих этнических групп и народов позволило сформировать единую российскую цивилизацию, которая внесла огромный вклад в мировое культурное и цивилизационное развитие.

В российском цивилизационном пространстве возник особый тип духовности, примата нематериальных ценностей, особые представления, основанные на совести и гуманизме. В современной науке очень часто смешивается понятие духовной сущности цивилизации, ее нематериальной первоосновы и специфики ее социально-экономического развития, ее достижения в материальном, социально-экономическом плане. Такой подход не всегда является объективным. Понятно, что в устройстве любой страны, а тем более цивилизации, можно найти определенные противоречия, шероховатости, конфликтные зоны и участки межэтнического и межкультурного напряжения. Но не стоит по ним

судить о сущностных основаниях той или иной цивилизации, особенно такой большой и могущественной, как Россия. Необходимо разграничивать явления сегодняшнего дня и долговременные цивилизационные факторы. Если же концентрироваться на явлениях только современного плана, то, как правило, упускаются из виду те фундаментальные основы, на которых покоится цивилизационная общность людей, проживающих на той или иной территории.

Исходя из этого, к России нужно подходить именно с учетом долговременных характеристик культурно-исторического развития и в первую очередь обращать внимание на базовые факторы, скрепляющие ее цивилизационное единство. Среди них можно назвать наличие огромной территории для проживания российских народов, особые географические и ландшафтные условия, ее климатические характеристики, специфическую роль государственного механизма, скрепляющую российское общество, приоритет духовных факторов над материальными и т. д. Это так называемые фундаментальные основы существования России. Но есть еще и модернизационные факторы, отвечающие за технологическое, социально-экономическое развитие российского общества. Сюда можно отнести технический прогресс, использование достижений передовой науки, развитие технологий, специфику социально-экономического развития, способы производства и распределения ресурсов и т. д. При этом нужно понимать, что основополагающие цивилизационные факторы и факторы модернистского плана находятся в тесном взаимодействии между собой, сплетаясь друг с другом и создавая единую синкретическую ткань цивилизационной общности.

Особую роль среди базовых факторов существования российской цивилизации, без всякого сомнения, играет русский народ, он является стержнем российской цивилизационной общности, вокруг которого вращаются все

остальные национальные и этнические культуры. Другие народы России разбросаны на огромном пространстве – от Балтийского и Черного морей до Тихого океана. Многие из них не имеют постоянной связи и постоянного взаимодействия друг с другом, и происходит оно исключительно благодаря связующей роли русского народа, русского языка и культуры. Помимо того, что русская культура играет общую цементирующую роль, она еще является связующим передаточным звеном между народами российской цивилизации, что позволяет им существовать в едином социокультурном пространстве. Эту роль русскому языку и русской культуре никто не навязывал. Народы России используют ее совершенно добровольно, без всякого на то принуждения, в силу исторических, культурных и языковых причин. Если смотреть в целом, то русская культура не является в строгом смысле культурой моноэтнической, и принадлежит она не только русским. В большей степени это общая культура для всех жителей России, причем вне зависимости от их национальности, религиозной или этнической принадлежности.

Русская культура обладает еще одной важной особенностью, способствующей общецивилизационному развитию России. Это способность включать в себя элементы самых разных культурных традиций и многочисленные инокультурные заимствования, причем это делается без всякого вреда для нее или принижения ее роли. Напротив, это только укрепляет ее сущность и усиливает цивилизационный каркас российской общности. По большому счету русская культура может содержать в себе заимствованные элементы совершенно разнопланового характера. Это обычаи и традиции других народов, а также это могут быть элементы модернизационной структуры современного общества, заимствованные от других культур и народов. При этом русская культура обладает важнейшим социокультурным фактором, а именно: интерпретационным, т.е. она не

только заимствует достижения других стран и народов, но и творчески интерпретирует их, приспособливает к российской почве и предоставляет им «вторую жизнь», в рамках которой они проходят адаптацию и становятся частью общероссийской культурной традиции. И в этом качестве данные межкультурные интерпретации заимствуются уже и другими российскими культурами и народами.

Таким образом, российская цивилизация представляет собой особое и в чем-то уникальное явление в мировой истории. Занимая значительную часть евразийского материка, она сумела объединить в себе культуру и особенности этнической жизни самых разных народов, предоставить новое дыхание общемировым и общецивилизационным факторам, творчески переработать наследие многих народов, как европейских, так и азиатских. Данный межкультурный синкретизм России, ее многофакторность, полифункциональность ее культуры стали той благодатной почвой, на основе которой взошли ростки культурных и цивилизационных достижений, попавших в копилку всего человечества. Эти особенности и формы существования российской цивилизационной общности позволяют успешно реализовывать себя в современном мире и с оптимизмом смотреть в будущее.

Литература:

1. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994.
2. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М., 2009.
3. Хворостяный Д. М., Карапетян Е. А. Современная Россия как страна диалога культур // Диалогическая этика: Мат. межд. науч.-практ. конф. (г. Армавир, 24–25 июня 2016 г.) /отв. ред. Ю. П. Ветров. Редактор Похилько А. Д. – Армавир: РИО АГПУ, 2016.
4. Карапетян Е. А. Картина мира и ее отражение в культурно-языковой среде // Политематический сетевой

электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. – №06(090) .– IDA [article ID]: 0901306023. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/23.pdf>, 0,875 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

5. Губанова М. А., Похилько А. Д. Культурные формообразования в духовной жизни России // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2.

К. С. Чикаева
(Россия, Краснодар)
Ибрагим Аль Аллу
(Ирак)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация: особенностью формирования дворянства Северного Кавказа является то, что значительную часть сословия составляли офицеры казачьих войск. Родословные книги свидетельствуют, что дворянство военное составляло в регионе 57,7 % от всех учтённых дворянских фамилий.

Ключевые слова: Казачество, Северный Кавказ, дворянское сословие, потомственное дворянство, личное дворянство, дворянские родословные книги.

K. S. Chikaeva
(Russia, Krasnodar)
Ibrahim Al Allu
(Iraq)

COSSACKS AND THE FEATURES OF THE NORTH CAUCASUS NOBILITY FORMATION

Annotation: the peculiarity of the North Caucasus nobility formation is that the officers of the Cossack troops made a significant part of the class. Genealogical books show that military nobility in the region made up 57.7 % of all considered noble families.

Keywords: Cossacks, North Cucasus, nobility, hereditary nobility, personal nobility, noble genelogical books

В условиях современного политического процесса исследование особенностей формирования дворянского сословия Северного Кавказа, в составе которого значительную часть составляло казачество, представляется актуальным и интересным. В регионе постоянно шли административные реорганизации, и в целях укрепления государственности и правого порядка в данной связи ставка делалась на казачество. При этом основное значение для создания системы управления на Северном Кавказе имели: организация бюрократического аппарата, укрепление аппарата военного, связанного с усилением дворянской прослойки среди военнослужащих, что выразилось главным образом в приобретении дворянского звания представителями служилого казачества.

В силу региональной специфики для жителей Северного Кавказа устанавливался особый порядок получения дворянства. При этом большое значение для его складывания имело содействию правительства, которое было заин-

тересовано в мирном развитии региона. В данной связи заметим, что в казачьих войсках, причислялись к потомственному дворянству следующие лица: «по войску Кубанскому (бывшему Черноморскому):

- войсковые чиновники, которым пунктом 3 доклада, Высочайше утвержденного 13 ноября 1802 года, велено было иметь чины армейские;

- войсковые чиновники, которые на основании пункта 4 того же доклада были утверждены армейскими обер-офицерскими чинами;

- лица, произведенные с Высочайшего утверждения в войсковые офицерские чины после доклада 13 ноября 1802 года, но до состояния Манифеста 11 июня 1845 года;

- по войску Терскому (бывшему Кавказскому линейному):

- войсковые чиновники, которые по п. 144 Положения 14 февраля 1845 года были сравнены в чинах с армией;

- лица, произведенные с Высочайшего утверждения в войсковые офицерские чины после пожалования 14 февраля 1845 года, но до состояния Манифеста 11 июня 1845 года.

По Кубанскому и Терскому казачьим войскам в потомственном дворянстве признавались также:

- лица, получившие действительные армейские офицерские чины и состояния до указов, положений и сравнения в чинах казачьих войск с войсками регулярными;

- все дослужившиеся после издания Манифеста 11 июня 1845 года, но до указа 9 декабря 1856 года до чина войскового старшины [2, 9].

Потомственное дворянство за служебные отличия приобретали лица, удостоившиеся пожалования Российскими орденами первых степеней или орденами Св. Георгия всех степеней, а Св. Владимира первых трех степеней, а также лица духовного звания при сопричислении их к одному из поименованных орденов. В то же время само-

державием неоднократно подтверждались положения об ограниченности сословных прав личных дворян: о невнесении их в родословные книги, о запрещении им участвовать в дворянском собрании. Различалось два способа приобретения личного дворянства: 1) пожалованием; 2) чинами по службе и пожалованием ордена.

Пожалованием личное дворянство приобреталось в случае, если какое-либо лицо не по порядку службы, но по особенному императорскому усмотрению возводилось в дворянство лично, без распространения этого достоинства на его потомство (статья 46) [2, 9].

С учетом всех изменений личное дворянство получали:

- лица, производимые на действительной военной службе в чин обер-офицерский, а в гражданской – в чин девятого класса;

- в казачьих войсках, сравненных в чинах с войсками регулярными, лица, производимые в чин хорунжего;

- лица купеческого сословия, жалуемые чином девятого класса не по порядку службы, если при этом не дано им особых грамот на дворянство потомственное.

Также личными дворянами признавались лица, получившие чин полковника или капитана первого ранга при отставке от военной службы, и получившие чин действительного статского советника или четвертого класса при отставке от службы гражданской. На основании пожалования ордена личное дворянство получали не имеющие дворянства лица духовного звания и лица, состоящие на службе гражданской или военной при пожаловании ордена Св. Анны второй, третьей или четвертой степени после 28 июня 1855 года и позднее Св. Владимира четвертой степени (после 28 мая 1900 года).

Дворянство потомственное имело шесть разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство по чинам, получаемым по

службе гражданской, и орденам; 4) иностранные роды; 5) титулами отличенные роды; 6) древние благородные дворянские роды. Необходимо обратить внимание на то, что дворянская родословная книга соответствовала данным разрядам, и в первые три разряда записывались фамилии, получившие сословные права в результате каких-либо заслуг. Состав потомственного дворянства Северного Кавказа можно рассмотреть на основании исследования Списка дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1912 г. Список был составлен дворянской организацией по решению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года. В родословных книгах были записаны 932 дворянские фамилии [3].

В первой части списка (дворянство жалованное или действительное) было зафиксировано всего пять фамилий. Во вторую часть дворянской родословной книги было отнесено 538 дворянских фамилий, что составляло 57,7 % учтенных. В третью часть дворянской родословной книги было записано 339 фамилий, что составляло 36,4 % от всех учтенных. В четвертой части было записано иностранное дворянство, признанное в своем достоинстве русскими государями, с обязательным принятием русского подданства. К титулованному дворянству Северного Кавказа относились представители только четырех фамилий: Трубецкие, Богратионы, Чхеидзе, Лобановы-Ростовские. В шестой части были записаны дворянские роды, доказавшие свою принадлежность к дворянскому сословию за сто лет до издания Жалованной книги (до 1685 года), или древнейшие роды, учтенные в Бархатной книге [4, 3–4].

Как свидетельствует документ 94 % дворянских фамилий Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей составляло казачье дворянство, среднее и высшее чиновничество с потомками, относившимися ко второму и

третьему разрядам. Подсчеты показывают, что среди потомственного дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей преобладало военное (57,7 %). А. П. Корелин в работе «Дворянство пореформенной России» показывает соотношение дворянских разрядов в некоторых губерниях страны, без Московской и Кавказа [1, 32–33]. Для великорусских губерний, которые были тесно связаны между собой общностью социально-экономического развития и культурными традициями, была характерна высокая концентрация дворянских гнезд. Там основная часть дворянских фамилий была записана во вторую (32,8 %), третью (30,2 %) и шестую (28,3 %) части дворянской родословной книги.

На Северном Кавказе, в силу региональной специфики, именно служба, особенно военная открывала дорогу к дворянству. Численность высшего сословия стремительно увеличивалась в пореформенный период, что было вызвано значительным усилением бюрократического аппарата и, в свою очередь, приводило к росту личного дворянства.

Таким образом, особенностью региона было то, что основную часть дворянства составляли офицеры казачьих войск. Казачья общность заложила основы социальной и культурной жизни Кубанской области. Именно казачество осуществляло политику Российского государства, направленную на окончательное включение южных территорий в орбиту Российской империи. По мере освоения Северного Кавказа численность дворянства росла. Существенную часть сословия в данном регионе составляло офицерство Кубанского и Терского казачьих войск.

Литература:

1. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. – М., 1979.
2. Саатчан А. Л. Свод законов о состояниях с предметным указателем и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет. – СПб., 1911.

3. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. – Ставрополь, 1912.

4. Чикаева К. С. Состав дворянского сословия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Научный журнал КубГАУ. – № 104(10). – 2014.

Н. Ю. Беликова
(Россия, Краснодар)

**ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
СТРАНЫ В 1920-30-ЫЕ ГГ.**

Аннотация: в процессе постреволюционной модернизации происходят кардинальные изменения во взаимоотношениях советской власти и Православной церкви. Исторический опыт свидетельствует, что процесс эволюции Русской православной церкви в изучаемый период проходил под жестким контролем государства. Религиозная политика советской власти была подвержена влиянию форсированных модернизационных процессов, что привело к изменению положения Православной церкви.

Ключевые слова: модернизация, Православие, религиозная политика, духовенство, реформаторство, обновленцы.

N. Yu. Belikova
(Russia, Krasnodar)

**THE STATE-RELIGIOUS RELATIONS
IN THE PROCESS OF POSTREVOLUTIONARY
MODERNIZATION OF THE COUNTRY
IN 1920-30-S.**

Annotation: in the postrevolutionary process of modernization will undergo fundamental changes in the relations between the Soviet government and the Orthodox Church. Historical experience shows that the process of evolution of the Russian Orthodox Church in the study period took place under strict state control. Religious policy of the Soviet government were influenced by the accelerated modernization processes, which led to a change in the position of the Orthodox Church.

Keywords: modernization, Orthodoxy, religious politics, clergy, reformers, revivalists.

На различных этапах социальной модернизации общества взаимоотношения между церковью и государством складывались по-разному. Модернизационные процессы в советском государстве в 1920–30-ые гг. затронули все стороны жизни и повлекли за собой коренной переворот в отношениях между государством и Русской Православной церковью.

Тенденции модернизационных изменений в РПЦ проявились уже в годы первой российской революции. В 1905 году в среде столичного приходского духовенства возникло идеологическое направление христианско-социального реформаторства. Его представители обосновывали необходимость соединения христианского идеала и религиозной морали с экономическими требованиями социализма. Христианские социалисты предусматривали от-

каз от аскетизма, обращение к проблеме человека, в частности, его социальной активности.

Часть духовенства, в том числе епископата, проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и существовавшей системой в целом. Появилось много признаков обновления, стремления к церковным реформам. Создавались разнообразные приходские братства, религиозно-нравственные общества. Однако проекты обновления Церкви, общества реализованы не были из-за противодействия правительства. По мнению обер-прокурора К. П. Победоносцева «неумелые реформаторы, своими уступками и полууступками, реформами или полуреформами способны только расшатать здание самодержавного государства» [1, 392].

На территории советского государства в 1920-ые годы христианский социализм переродился в обновленчество. В среде духовенства произошло расслоение, появились модернистские группировки, призывавшие к революции в Церкви, к всеобщему обновлению. Еще при Временном правительстве 7 марта 1917 года в Петербурге был образован «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», который возглавили священники А. П. Веденский, А. И. Боярский, И. Егоров. В своих публикациях обновленцы выступали против традиционных форм обрядового благочестия, канонического строя церковного управления. На Соборе 1917–1918 гг. они выступили против восстановления Патриаршества. Развитие обновленчества свидетельствует о модернизационных процессах, протекавших внутри РПЦ.

Постреволюционная модернизация разрушала старую структуру экономики, изменяла государственную форму правления и требовала новой идеологии, способной обеспечить прогрессивное развитие общества. На западе такой идеологией стал протестантизм. Общей идеологией, осу-

ществляющей внутреннюю связь в обществе, может быть религия, а может быть и другое идеологическое течение. Новая власть пыталась заменить религиозное мировоззрение старой России на новую социалистическую идеологию.

Первый шаг к светскому государству был сделан еще временным правительством. Оно отменило обязательное преподавание Закона Божия и передало церковноприходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Совет Народных Комиссаров продолжил эту политику, приняв ряд законодательных актов, направленных на ограничение некоторых существенных прав РПЦ. Таковыми стали, прежде всего, декреты – от 11 декабря 1917 года о конфискации у Русской Церкви всех учебных заведений; от 17 и 18 декабря 1917 года о непризнании юридических прав за церковным браком; от 16 января 1918 года о ликвидации духовников в вооруженных силах страны и, наконец, принятый 20 января и опубликованный 23 января 1918 года декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах [2, 615–617].

В последнем декрете последовательно проводился принцип секуляризации государства. И хотя церковь лишалась прав юридического лица, владеть собственностью, документ не носил антирелигиозный характер, РПЦ лишь уравнивалась в правах с другими конфессиями, что являлось одной из задач модернизационного процесса. Во многих странах Европы церковь была отделена от государства еще в эпоху буржуазных революций. Западное общество носит светский характер. Акт об отделении церкви от государства в Советском государстве являлся движением в западном направлении. Однако этот документ был воспринят и в действительности стал законодательной основой гонений против церкви.

У большевиков не было единого мнения о методах построения социализма, поэтому в руководстве РКП (б) не

было единства и в отношении религиозной политики. Группа «непримиримых» считала, что все духовенство реакционно и необходимо неослабно бороться с церковью до ее полного уничтожения. «Государственники» же полагали, что целесообразно произвести раскол в Патриархии, выделить «прогрессивную» часть духовенства и, предоставив ей определенные льготы, использовать в своих целях. Свое собственное видение содержания и способов «церковной политики» имели НКВД и ВЧК, практически пытавшиеся развалить Патриархию изнутри еще с 1918 года. В годы гражданской войны было осуществлено несколько таких попыток – создание Исполнительного духовенства в Москве, деятельность «Народной церкви» в Пензе.

В высказываниях Л. Троцкого, Н. Бухарина, Е. Ярославского, И. Сталина проводилась мысль, что атеизм должен бороться с религией как классово чуждым явлением. В итоге атеизм был вложен в рамки теории обострения классовой борьбы в период построения социализма.

Вводившаяся в стране новая экономическая политика скорректировала позицию руководителей государства по религиозному вопросу. Она требовала сделать более терпимым отношение к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей. И в начале 1922 года в ЦК РКП (б) и СНК пришли к выводу, что руководство Православной церковью должно взять в свои руки духовенство, лояльное советской власти. И с этим духовенством предполагалось на время нормализовать отношения. В 1920-х годах многие храмы на Кубани, как и по всей стране, силой отнимали у православных и отдавали обновленцам, хотя при новых хозяевах церкви, как правило, пустовали. К 1926 году в 4-х округах Кубани и Черноморья насчитывалось 440 синодальных церквей против 113 тихоновских, 1222 обновленческих священнослужителя против 289 патриарших [3,

160]. Обновленческое движение не смогло захватить руководство РПЦ, так как само не избежало раскола на три ветви: «Живую церковь», «Союз общин древнеапостольской церкви» и «Союз церковного возрождения». Не оправдав надежды государственного руководства, обновленческая церковь, как и тихоновская, подвержена репрессивным акциям в конце 30-х годов.

Формы репрессий были различными. Это и закрытие храмов. К началу 1918 года на территории Кубанской области насчитывалось 667 православных приходов, спустя 10 лет приходов уменьшилось до 510. С принятием первой Конституции РСФСР появляется такая категория населения как «лишенцы». В ее ряды попали и священнослужители. Так в станице Прочноокопской Армавирского округа были лишены избирательных прав в 1928 году лица, прибегающие к наемному труду – 18 человек, служители культа – 16 человек [4].

Как видно, священнослужители приравнивались к эксплуататорам. Для советской власти они являлись непорядковыми понятиями. Большевики считали, что создание нового могло быть успешным только в том случае, если будет разрушена духовная основа, уничтожены ее носители. И их уничтожали, применяя расстрелы. «В январе 1933 года сотрудиниками ОГПУ Северо-Кавказского края в ряде районов Кубани, Дона, Ставрополя, Черноморья, Террека и Дагестана была «вскрыта» и «ликвидирована» «монархическая церковно-повстанческая организация», руководство которой осуществлялось нелегально «Южно-Русским Синодом». Последний, якобы являлся преемником бывшего «Временного Высшего Церковного Управления» на Юге России, созданного по инициативе А.И. Деникина. Только на Кубани из привлеченных по этому делу были расстреляны 19 человек [5, 23].

Приведенные выше факты свидетельствуют, что центральным стержнем советской религиозной политики в пе-

риод постреволюционной модернизации были периодически повторяющиеся попытки подчинить Православную церковь, поставить под полный контроль государства. В процессе социальных изменений РПЦ была подчинена государством, в отличие от западных стран, где эти процессы привели к отделению церкви от государства.

Русская Православная церковь в 1920–30-х годах подверглась двойному удару: с внешней стороны – большевиков с их репрессивным аппаратом, мощной пропагандистской машиной; с внутренней – обновленцев с их раскольнической деятельностью. Процесс подлинного обновления Русского Православия оказался прерван в самом начале. В этом виновата с одной стороны религиозная регламентация и консервативность восточного христианства, приостанавливавшие процесс изменения в обществе. Православие на протяжении многих столетий не менялось, в отличие от западного христианства. Возможно, продлился Собор в 1919 году, церковная организация продвинулась бы по пути реформ, но октябрьские события приостановили процесс возрождения церкви, постепенно ликвидировали демократические преобразования ее жизни и дискредитировали идею реформаторства путем поддержки в 1920-х годах обновленчества.

Репрессивная государственно-религиозная политика советского государства в 1920-30-х годах исходила из общей концепции построения «государственного» социализма, которая предусматривала полный контроль государства над экономикой, политикой и идеологией. И все, кто пытался противостоять этому контролю, попадали в маховик репрессий.

Недооценка большевиками религиозного фактора в процессе модернизационных преобразований способствовала распаду общественно-политической системы СССР.

Литература:

1. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989.
2. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и отделений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических республик. – М., 1926.
3. Беликова Н. Ю. Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). – Краснодар, 2004.
4. Архивный отдел администрации города Армавира Ф.1313 О.1 Д.409.
5. Кропочев С. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х годов. – Краснодар, 1993.

Н. В. Байкова
(Россия, Армавир)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В 1920-Е ГОДЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Аннотация: антирелигиозная пропаганда как одно из основных направлений советской пропаганды в целом. Анализируется её эффективность, формы и методы воздействия на массовое сознание на Юге России в 1920-е годы.

Ключевые слова: религия, советская идеология, антирелигиозная пропаганда.

N. V. Baikova
(Russia, Armavir)

THE STATE ANTIRELIGIOUS PROPAGANDA IN THE 1920'S YEARS IN THE SOUTH OF RUSSIA

Annotation: antireligious propaganda is as one of the main directions of Soviet propaganda in general. Its effectiveness, forms and methods of influence on mass consciousness in the South of Russia in the 1920s are analyzed.

Keywords: religion, Soviet ideology, antireligious propaganda.

1920-е годы явились начальным периодом становления всей системы советской пропаганды. Государству, в задачи которого входило построение нового общества, создание нового общественного уклада, для осуществления этого были необходимы реализаторы и исполнители. Наряду с воспитанием «нового поколения», неотъемлемой частью системы идеологического воздействия было перевоспитание тех, кто уже обладал устоявшейся системой ценностей, мировоззренческих установок, являвшихся частью религиозного сознания. Поэтому вполне закономерно то, что антирелигиозная пропаганда стала одним из основных направлений пропаганды в целом.

На юге России целенаправленная антирелигиозная пропаганда начала активно осуществляться после окончания Гражданской войны в 1920 г. Только после установления Советской власти и наступления относительного спокойствия в регионе стало возможным осуществление тех декретов, постановлений, которые принимались на государственном уровне с 1917 г.

В первые годы Советской власти антирелигиозная пропаганда носила исключительно антиклерикальный ха-

актер, что влекло за собой истолкование населением отношения государства к религиозным организациям и священнослужителям, прежде всего Русской Православной церкви, как исключительно враждебного. На местах подобная трактовка «церковной политики» трансформировалась в «попоедство» (термин 20-х годов). Юг России не стал исключением.

Региональными партийными структурами, предпринимались попытки анализа условий и возможностей осуществления антирелигиозной пропаганды. Для её успешного проведения необходимо было учитывать ряд особенностей характеризовавших развитие региона в различных сферах. Обращалось внимание на более позднюю советизацию края, наличие сословной и национальной розни, более острое классовое расслоение среди крестьянства, наличие «многих национальностей, стоящих на низкой ступени культурного развития» [1].

На Юге России для антирелигиозной пропаганды должен был быть характерен дифференцированный подход, который учитывал бы специфику сельской среды. Постоянно на самых разных уровнях, начиная с партийных съездов и заканчивая рядовыми коммунистами, отмечалась необходимость проведения пропаганды в деревне более сдержанно и тактично, чем в городе. Это объяснялось «отсталостью крестьянской массы». Так же указывалось на невозможность ведения антирелигиозной пропаганды в деревне «изолированно от общей культурно-просветительной работы. Она должна составлять с этой работой единую сложную и разветвленную систему пропаганды научно-материалистического мировоззрения» [2].

Городское население чаще и активней подвергалось воздействию средств пропаганды, так как условия для ее проведения были более благоприятны, нежели в деревне. Основными местами её проведения в сельской местности

считались избы-читальни, Народные дома и другие просветительские центры. Без государственного обеспечения, которое в начале 20-х гг. почти отсутствовало, их эффективная деятельность была маловероятна. Поэтому как в городе, так и в деревне антирелигиозная работа должна была проводиться, в том числе, «на квартальных сходах крестьян и в цехах на предприятиях (использование обеденного перерыва) и т. д.» [3]. Кроме предприятий, в городе использовались летние сады, клубы, театры, то есть те места, где городское население предпочитало проводить свое свободное время.

В ходе осуществления антирелигиозной пропаганды планировалось проведение как систематической работы в течение года, так и мероприятий приуроченных к конкретным событиям и датам. В первые годы советской власти систематическая антирелигиозная работа как таковая не велась. Сама антирелигиозная пропаганда являлась частью тех антицерковных кампаний, инициатором которых выступало государство. Но вскрытие мощей, закрытие или разрушение церквей, монастырей, как оказалось, были не самыми масштабными мероприятиями. В 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей, под предлогом сбора средств для жертв начавшегося ещё в 1921 г. голода. Вслед за этим последовали массовые судебные процессы над священнослужителями, которые обвинялись в препятствии изъятию ценностей и, как следствие, в контрреволюционной деятельности.

Один из таких процессов, носивший «показательный» характер, прошел в 1923 году в Краснодаре. Епископа Ейского Евсевия (Рождественского) обвиняли в организации беспорядков, в связи с патриархом Тихоном и в антисоветской деятельности. Процесс был открытым и должен был продемонстрировать «контрреволюционную сущность религии» [4, 35].

С 1923 г. получили распространение новые антирелигиозные праздники, проводившиеся параллельно религиозным и носившие кампанейский, а иногда и провокационный характер. Наибольшее распространение получили «Комсомольское Рождество» и «Комсомольская Пасха». Основной формой их проведения были карнавальные шествия с пением, музыкой, ряжеными и плясками. Кроме этого, предполагалось хождение комсомольцев «по улицам, а где и по квартирам, с красной звездой» и при этом они были должны «славить Советскую власть» [5, 22].

Подобные мероприятия проводились и на Юге России. Планировалось, что в городах «в вечер-ночь под Рождество Союз РКСМ, совместно с беспартийной молодежью, устраивает массовую демонстрацию с факелами, знаменами, плакатами, выкрикиванием коллективно лозунгов, с пением песен, со звездой, сжиганием «богов», фейерверков и т. д.». На следующий день также предполагалось проведение демонстраций с привлечением как можно большего числа молодежи. Планировалось это для «больших городских организаций», а в «захолустных уездных городах» и в деревне праздник должен был проводиться «исключительно в союзных клубах» [6]. Но желание придать характер «серьезного поучения» подобным мероприятиям, на местах воспринималось по-своему. Массовые «комсомольско-святочные» гуляния нередко сопровождались актами осквернения храмов, оскорбления верующих и церковнослужителей. Пляшущая толпа заходила в церкви, оскверняла святыни, это сопровождалось сжиганием «богов», икон и другой церковной утвари.

Подобная «агитация» не могла вызвать какой-либо другой реакции населения, кроме недовольства, а тем более она была не способна убедить в «ненужности религии». То, что антирелигиозная пропаганда «не охватила широких слоев крестьянства, не сумела найти подхода к ним» осознавалось как центральными, так и местными властями.

В антирелигиозной пропаганде использовались не только различные средства, но и формы работы. На протяжении 20-х годов наблюдается поиск и отбор наиболее оптимальных и результативных из них, в том числе, в ходе систематической работы. Это религиозные и антирелигиозные диспуты, лекции, доклады и пр.

Печатное слово было одним из тех средств агитации и пропаганды, которое было рассчитано на массовое воздействие. В 20-е годы выходили газета «Безбожник», журналы «Революция и церковь», «Безбожник у станка», «Антирелигиозник» и др. Материалы, печатавшиеся в них, носили разноплановый характер: от публикаций официальных постановлений и разъяснений в «Революции и церкви» до откровенного издевательства над чувствами верующих в материалах «Безбожника у станка». Это было следствием отсутствия единого мнения о содержании антирелигиозной работы, ее формах и методах среди высшего партактива.

Одним из центральных вопросов при организации антирелигиозной пропаганды была проблема кадров. Непосредственное проведение пропагандистских мероприятий осуществлялось низовыми партийными и комсомольскими ячейками. Опираясь при этом они должны были на беспартийный актив. В сельской местности потенциально в него могли входить бывшие красноармейцы, учителя, врачи, агрономы, ветеринары, считавшиеся «культурными силами станицы». Но даже при наличии таких сил, более чем сомнительно их участие в антирелигиозной агитации. Это объясняется их относительной малочисленностью и загруженностью собственной работой.

Основная нагрузка по проведению антирелигиозной работы лежала на коммунистах и комсомольцах. Но для рядовых коммунистов это было сопряжено с разного рода трудностями и поэтому многими игнорировалось. Признавая себя безбожником, не каждый мог вести антирелигиозную пропаганду среди населения на уровне, позволявшем говорить о какой-либо эффективности.

Способствовать решению проблем с безбожным активом, а также по систематизации и контролю над антирелигиозной работой, должна была новая общественная организация антирелигиозной направленности. Ею стал «Союз Безбожников» (СБ) во главе с Ем. Ярославским.

Насколько качественна и продуктивна была деятельность СБ в области антирелигиозной пропаганды, позволяют судить факты приводимые в докладной записке АПО Северо-Кавказского Крайкома ВКП/б/ (декабрь 1928 г.): «1. Союз Безбожников Края не является массовой организацией, которая могла бы собой противопоставить религиозным организациям [...]. 2. Организации С.Б. Края превратились в придаток аппарата парткомов [...]. 4. В организациях Союза нарушаются принципы советской демократии...» [7]. Таким образом, не найдя поддержки среди «широких слоев населения» актив СБ постепенно сливался с партаппаратом, что в свою очередь не способствовало активизации антирелигиозной работы как в городе, так и в деревне.

Достичь в 1920-е годы желаемых результатов в области антирелигиозной пропаганды не удалось. Изжить «религиозный дурман» посредством запретов и преследований оказалось в короткий срок невозможно. А систематическая пропаганда требовала не только значительных материальных затрат и наличия подготовленных кадров, но и достаточно длительного периода времени для результативного воздействия на религиозное сознание населения.

Литература:

1. Центр документации Новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК). Ф.5938. Оп.1. Д. 5. Л.12.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 60 Д.438 Л.19
3. Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.12. Оп.1 Д.105 Л.47.
4. Ладоха Г. Церковно-мещанская контр-революция // Путь коммунизма. – 1923. – № 1.

5. Комсомольская пасха. – М., 1924.

6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.2287. Оп.1. Ч.1. Д.479. Д.10-11.

7. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.7. Оп.1. Д.711. Л.57-59.

**Мвафулилва Маклин
(Замбия)**

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ЗАМБИЯ

Аннотация: статья посвящена специфике функционирования и развития национальной государственной системы Республики Замбия. Выявляются особенности правовой системы. Предпринимается попытка проанализировать основные направления деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: законодательная власть, исполнительная власть, президент, парламент, правительство, правовая система, обычное право

**Mwafuilwa Macklin
(Zambia)**

FEATURES OF STATE-LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ZAMBIA

Annotation: the article is devoted to the specific functioning and development of the national state system of the Republic of Zambia. The peculiarities of the legal system are revealed. An attempt is made to analyze the main directions of the activities of public authorities.

Keywords: legislative power, executive power, the President, Parliament, government, legal system, customary law

Замбия – африканское государство, расположенное между Демократической Республикой Конго, Танзанией, Малави, Мозамбиком, Зимбабве, Намибией, Ботсваной и Анголой. Современная Замбия – это многонациональное государство, в котором проживает около 70 различных этнических групп, говорящих на разных языках и исповедующих как христианство, так и традиционные верования. Большая часть населения занята в сельском хозяйстве.

24 октября 1964 г. была провозглашена независимость Замбии, которая стала президентской республикой (входит в состав Британского содружества наций). Согласно Конституции 1996 г. – это унитарное государство, состоящее из 10 провинций. С 1991 г. действует многопартийная система: первые выборы на многопартийной основе прошли в ноябре 1991 г. Президент избирается всеобщим и прямым голосованием сроком на пять лет (он может быть переизбран еще на один срок). Президент является главой государства и верховным главнокомандующим, он имеет право объявлять чрезвычайное положение, распускать парламент, решать вопросы войны и мира. Ему принадлежит вся полнота высшей законодательной и исполнительной власти.

Законодательная власть осуществляется президентом и однопалатным парламентом – Национальной ассамблеей, в которую избираются 150 депутатов путем всеобщих выборов, и 8 депутатов, назначаемых президентом республики. Члены Национальной ассамблеи выбирают спикера парламента. Депутаты парламента формируют парламентские комитеты для рассмотрения конкретных вопросов и подготовки законопроектов. Парламент выбирается сроком на 5 лет, и парламентские выборы проходят одновременно с президентскими. Кроме того, предусмотрена палата представите-

лей (вожди провинций) из 27 членов консультативного органа при президенте, рассматривающих вопросы обычаев, традиций и культуры. Конституция запрещает вождям активно участвовать в политической жизни. Законы, принятые парламентом, подлежат одобрению президента.

Исполнительная власть принадлежит президенту и правительству (кабинет). Правительство подотчетно президенту и формируется им из числа депутатов Национальной ассамблеи: президент назначает вице-президента и министров, которые отвечают перед Национальной ассамблеей. Президент в соответствии со статьей 88 конституции Замбии имеет право распустить парламент, назначив досрочные как президентские, так и парламентские выборы. Глава государства председательствует и на заседаниях правительства.

Судебная система Замбии состоит из Верховного суда, Высокого суда, магистратских судов и местных судов обычного права. Высшей судебной инстанцией в стране является Верховный суд, обладающий апелляционной юрисдикцией по всем правовым и конституционным спорам. Судьи Верховного суда назначаются президентом и утверждаются Национальной ассамблеей.

В ведении Высокого суда находятся наиболее значительные гражданские и уголовные дела по первой инстанции. Кроме того, он обладает надзорной юрисдикцией в отношении любого нижестоящего суда или любого военного суда. Судьи Высокого суда назначаются президентом по рекомендации Комиссии по судебной службе с ратификацией Национальной ассамблеей. Сессии Высокого суда проходят по очереди в столицах каждой провинции Замбии. Решения Высокого суда можно обжаловать в Верховном суде.

Согласно Конституции Замбии судьи Верховного и Высокого судов должны освободить свой пост по достижению 65 лет, однако президент может разрешить судье в соответствии с советом Комиссии по судебной службе про-

длить срок, который необходим для окончания начатых ранее процессов и вынесения приговора, но не более чем на семь лет.

Магистратские суды рассматривают по первой инстанции дела средней важности, в то время как местные суды – большинство гражданских споров и мелких преступлений в сельской местности, руководствуясь нормами обычного права. Трудовые споры в соответствии с Конституцией рассматривает Суд по трудовым отношениям.

Можно отметить несбалансированность системы разделения властей. Присутствует чрезвычайно сильная президентская власть, так как президент имеет широкие полномочия, обладая правом назначать на пост любое лицо без одобрения парламента. Фактически все ветви власти смещены в пользу президента.

Правовая система Замбии носит смешанный характер, сочетая элементы английского общего права и африканского обычного права. Это связано с тем, что в XIX в. английские колониальные власти стремились внедрить собственную судебную систему (это касалось, в основном, административного, уголовного, торгового права) при сохранении некоторой части обычного права и африканского судопроизводства (в вопросах землевладения, семейного и наследственного права, некоторых гражданских отношений).

Дуализм особо проявился в судопроизводстве: с одной стороны, действовал колониальный суд с судьями, руководствующимися английским правом; с другой стороны, британские власти охраняли местные суды. Разбирательством дел в них занимались традиционные местные старейшины; юрисдикция этих судов распространялась на африканцев. Решения в таких судах принимались в соответствии с обычным правом, действовавшим на территории, которая подпадала под их юрисдикцию. Контроль за деятельностью местных судов осуществляли административные чиновники, они же ведали назначением и смещением членов судов.

В современной Замбии обычное право продолжает преобладать в брачно-семейных, наследственных и земельных отношениях. Английское общее право особо заметно в сфере уголовного права и процесса. Уголовный кодекс Замбии был издан британскими властями еще в 1931 г. и представлял собой вариант модельного акта, разработанного в 1920-е гг. Министерством колоний Великобритании на основе Уголовного Кодекса Квинсленда 1899 г. и Уголовного Кодекса Нигерии 1916 г. В качестве видов наказания сохраняется смертная казнь, которая является обязательной мерой наказания за убийство, измену и ограбление при отягчающих обстоятельствах.

Уголовное судопроизводство в формальных судах следует в целом английской модели. Конституция и УПК закрепляют судебный контроль законности задержаний и арестов (включая процедуру хабеас корпус), право на освобождение до суда под залог и другие процессуальные гарантии. Каждый задержанный должен быть доставлен в суд в пределах 24 часов.

В отличие от формальных суды обычного права не связаны обычными процессуальными гарантиями. Как и в ряде других стран английского общего права, в Замбии имеются должности генерального атторнея (должностное лицо, которое выполняет функции обвинителя или защитника) и директора публичных преследований. Оба назначаются Президентом с утверждением Национальной ассамблеей.

Генеральный атторней является главным юридическим советником правительства. Директор публичных преследований отвечает за возбуждение и расследование уголовных дел и должен действовать по указанию генерального атторнея, если дело касается общих соображений государственной политики. В остальных случаях директор независим.

В качестве источников права Замбии выделяются нормативно-правовые акты, нормы обычного права, судебный прецедент и авторитетные тексты.

Таким образом, государственно-правовая система Замбии имеет свои специфические особенности, зависящие от ряда факторов историко-политического характера.

Литература:

1. Конституция Республики Замбия. [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/?p=5674> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения. 1999.
3. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / под ред. А. Я. Сухарева. – М.: НОРМА. 2003.
4. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В. А. Туманова. – М.: Юристъ. 2003.

Ю. А. Лазуревская
(Россия, Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

Аннотация: на примере истории авиалиний Юга России раскрывается важная особенность исторической памяти региона – тесная связь с историей близких соседей. Делается вывод, что современные кризисы международных отношениях влияют на динамику социокультурного пространства.

Ключевые слова: историческая память, Юг России, авиалинии, общая история, социокультурное пространство, коммуникативное пространство.

**Yu. A. Lazurevskaya
(Russia, Rostov-na-Don)**

HISTORICAL MEMORY IN THE MODERN SOCIOCULTURAL SPACE SOUTH RUSSIA

Annotation: the example of the history of airlines in the South of Russia reveals an important feature of the historical memory of the region - a close connection with the history of close neighbors. It is concluded that the current crises of international relations affect the dynamics of socio-cultural space.

Keywords: historical memory, South Russia, airlines, general history, sociocultural space, communication space.

Проблема исторической памяти междисциплинарна и актуализируется на пересечении исторической науки с культурологией, философией, социальной психологией. Историческая память как феномен формируется из отношения современного человека к исторической событийности, к прошлому, собственно к истории. В современном социокультурном пространстве историческая память является фактором национальной и региональной идентичности [1, 84–107]. Л. П. Репина дает следующее определение: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [1, 42]. Таким об-

разом, общее прошлое лежит в основании исторической памяти и является ведущим фактором формирования национальной и региональной идентичности.

Проблема исторической памяти состоит не только в интерпретации истории, но и в актуализации исторической событийности, которая составляет фактическую сущность, истинность памяти и лишает оснований конъюктурные и мифологические соображения и ложные суждения. На этом моменте хотелось бы акцентировать внимание на примере истории зарождения гражданских авиалиний на Юге России.

Современное социокультурное пространство невозможно представить без воздушного сообщения. Юг России имеет сегодня сложную разветвленную сеть воздушных авиалиний, связующих его с регионами России и зарубежными странами. У истоков истории авиации Юга России стояли талантливые авиаторы А. П. Дьяконов, И. У. Павлов, А. В. Краснощеков, Я. Н. Моисеев, Н. П. Каманин и др. Честь открытия первых авиалиний, связывающих Москву, Дон, Харьков, Северный Кавказ и в Закавказье принадлежит обществу «Укрвоздухпуть». Г. Д. Костенко в своей книге приводит ценные воспоминания стационарного авиационного механика «Укрвоздухпуть» с 1924 г. В. Т. Пескова: «Запомнилось 14 июня 1925 года. В этот день, около 12 часов дня, наш «Дорнье-Комета-3» прибыл первым рейсом в Ростов-на-Дону, приземлился на грунтовом аэродроме на окраине города, в районе Дачного поселка. На нем прибыли директор-распорядитель «Укрвоздухпути» Макогон, начальник воздушной линии, которая должна была открыться из Ростова-на-Дону через Харьков на Москву, Рентель, начальник топографического управления РККА Артемов и др. Гостей встречал секретарь Авиахима Попондопуло и представители печати» [3, 16].

Воспоминания современников исторических событий являются живым примером исторической памяти. Сведе-

ния В. Т. Пескова подтверждаются публикациями в донской газете «Молот» того времени [4]. Свидетель исторического события ошибся лишь в его исторической дате, газета сообщает об открытии авиалиний неделей раньше, чем указал механик ростовского аэродрома, 7 июля. Вероятнее всего 14 июня состоялась официальная торжественная часть открытия авиалинии, на которую прибыли высокие гости. Яркость воспоминания может служить подтверждением нашей догадки.

Свойство исторической памяти как социокультурного феномена – затирать точные даты, несущественные имена и лица. Но трудно представить без единой исторической судьбы Украины и Дона историю современной сложной и разветвленной сети воздушных авиалиний Юга России.

Таким образом, современная сеть воздушного сообщения на Юге России является свидетельством общей исторической судьбы разъединенных сегодня в угоду политическим заблуждениям братских народов. Современное социокультурное пространство Юга России хранит в себе общую историческую память.

Важно подчеркнуть непреходящее проективное значение приведенного примера из истории южно-российских авиалиний. Сложнейшие механизмы современного общественного благосостояния когда-то складывались из личных свершений отдельных обычных людей, таких как механик В. Т. Песков, из их повседневного, порою рутинного, труда.

Литература:

1. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010.
2. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5.
3. Костенко Г. Д. Авиагавань тихого Дона. – Р.-на/Д.: Новая книга, 2003.
4. Молот. – Р.-на/Д., 1925. 7 июня. – № 1151.

ФИЛОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

М. А. Поливина, Г. А. Оганесов
(Россия, Армавир)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: автор статьи прослеживает связь языка и культурной традиции этносов. Он рассматривает проблему взаимодействия языковой среды и этнического самосознания различных народов, выявляет связь между языком и культурой, а также рассматривает концептуальные формы воплощения культурных основ в языковой среде этноса.

Ключевые слова: языковая картина мира, традиция, картина мира.

M. A. Polivina, G. A. Oganosov
(Russia, Armavir)

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AS A REFLECTION OF CULTURAL TRADITIONS

Annotation: the author considers the relationship between language and the cultural traditions of ethnic groups. He considers the problem of interaction between language environment and ethnic consciousness of different peoples, reveals the relationship between language and culture, and examines the conceptual and the forms of expression of cultural foundations in the language and culture of the ethnic group.

Keywords: language picture of the world, tradition, picture of the world.

Представляется совершенно очевидным, что язык и культура тесно взаимосвязаны друг с другом. По сути, взаимодействие языка и укоренившихся культурных традиций и рождает сознание личности как представителя определенного народа и социокультурной общности. Язык – это отражение бытия человека в культуре. В нем воплотились все основные этапы в развитии культурной традиции этноса, ее специфические особенности, характер мировоззрения и восприятия им окружающего мира. Можно сказать, что язык содержит основополагающие смыслы социокультурного бытия этноса. Он находится в неразрывной связи с формами его как исторического, так и современного социокультурного бытия.

Культура формируется в определенной языковой среде и ретранслирует себя в мир человеческого через язык. Сам по себе язык непосредственно связан с наукой, религией, мифологией и многими другими аспектами познания. Любой язык в определенной степени отражает окружающий мир и обладает способностями к его концептуализации. Как следствие, при внимательном и углубленном рассмотрении можно видеть, что каждый язык представляет собой определенную символическую картину мира, закрепленную посредством концептуальных форм. При этом картина мира рассматривается как базовое, фундаментальное понятие современного общества [1, 1325]. Она содержит в себе самые разнообразные аспекты и компоненты, которые отражают различные сферы человеческого бытия [2, 379].

В ней в вербальных, лексических формах находят выражение особенности национальной культурной традиции, исторического опыта, системы ценностей и опорных символов сознания того или иного народа. «При анализе языковой картины мира мы постигаем не только собственно языковую среду существования этноса, но и те социальные и культурные смыслы, которые она включает в себя и которые служат отражением различных сфер общественного бытия» [3, 55].

Исходя из этого, языковая картина мира представляет собой отражение реальности в языке, реализуя в нем через его концептуальные, символические формы образ жизни, быт народа, характер его общественной организации, его отношение к окружающему миру, понимание своего места в мировой культуре. Любой национальный культурно-исторический тип формирует свою систему символических и образных форм, которые и транслируются в окружающий мир с помощью языка. Соответственно каждый язык обладает определенным рядом концептов. Они содержат в себе базовые элементы культурной традиции реализуемых в определенных лексических формах в самых различных аспектах языковой среды: фольклоре, художественном творчестве, поэзии, песенной лирике, научной и творческой мысли и т. д. В концептах также видны истоки, изначальные формы народного сознания воплощенные в языке; «вся совокупность концептов нации представляет собой концептосферу языка, или национальное языковое сознание» [4, 247]. Синтез концептуальных форм в языке, их синкретическое единство, «вплетенность» в языковое пространство и формирует языковую картину мира, которая вербальными и лексическими средствами передает характер и специфику народной жизни, особенности менталитета, системы ценностей и социокультурных ориентиров того или иного народа.

Таким образом, языковая и концептуальная картины мира тесным образом взаимодополняют друг друга. Языковая среда – это одна из составляющих культурной традиции того или иного народа. Вместе с тем язык – это только часть культуры, хотя и довольно существенная; «любая национальная культура, в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка» [5, 65]. По своей сути она является неким отражением социального бытия этноса, различных этапов его исторического существования, характера его культурной эволюции. Это некий

исходный вербальный мыслеобраз мира той или иной этнической культуры, который находится в его сознании, менталитете, формах мировоззренческих доктрин и понятий.

Исходя из этого, культурная и языковая картины мира тесно связаны между собой. Они постоянно дополняют друг друга в рамках культурного синтеза. Вместе с тем своими истоками они находятся в реально существующей картине мира тех событий и явлений, которые непосредственно окружают человека, представителя определенного этноса или этнической группы. При этом отдельные лингвоконцепты, отдельные конститuentы, существующие в языке, представляют собой фрагменты общей картины действительности, но с помощью этих фрагментов этнос и постигает окружающую его реальность, оценивает свое прошлое, определяет собственное будущее.

Литература:

1. Карапетян Е. А. Лингвоконцепт в языковой среде как способ постижения социальной реальности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2014. № 04(098). С. 1319–1335. С.– IDA [article ID]: 0981404095. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/95.pdf>, 1,062 у.п.л.

2. Карапетян Е. А. Картина мира и ее отражение в культурно-языковой среде // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. № 06(090). С. 369–382. С.– IDA [article ID]: 0901306023. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/23.pdf>, 0,875 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

3. Карапетян Е. А. Ментальность в этноязыковой картине мира как форма концептуального восприятия действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3.

4. Юркина Т. В. Языковое сознание, культурный концепт и проблема самоидентичности // Регионоведение. – 2009. – № 4.

5. Оразахынова Н. А. Язык как отражение культуры // Наука и мир. – 2014. – Т. 2. – № 10 (14).

**О. И. Шкуропий, А. С. Чубаш
(Россия, Армавир)**

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ОТТЕНКОВ ИДЕИ МУЖЕСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация: автор рассматривает концепт «мужество» как составную часть концептуальной картины мира индивида, нашедшей отражение в менталитете личности.

Ключевые слова: картина мира, менталитет, культура, личность.

**O. I. Shkuropiy, A. S. Chubash
(Russia, Armavir)**

THE CONCEPTUAL VARIETY OF THE IDEA OF COURAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Annotation: the author examines the concept of «courage a» as part of a conceptual world picture of the individual, reflected in the mentality of the person.

Keywords: world picture, mentality, culture, personality.

Концепт «мужество» реализуется в языке значительным многообразием лексических и фразеологических единиц, паремий, в семантике которых находят своё отражение релевантные для русскоязычной культуры характеристики данного концепта. Слово «мужество» пришло в русский язык из старославянского языка.

Производящей основой послужило общеславянское слово «муж» с исконным значением человек, взрослый человек [3, 275]. В памятниках древнерусской письменности слово «муж» употребляется уже в нескольких значениях. В Словаре русского языка XI–XVII веков оно даётся и в значениях: 1) мужчина, взрослый человек, 2) супруг и в значениях 3) именитый, знатный человек, 4) воин из дружины князя. С концептуальным представлением о зрелом муже, муже – воине соотносились лексемы мужати, мужатися, мужанье. Родственное по корневому составу и близкое по семантике древнерусским лексемам муж, мужать(-ся), мужание старославянское слово мужество органически вписалось в это словообразовательное гнездо и стало основной номинацией обобщенного концептуального представления о мужестве в древнерусской, а затем и в собственно русской языковой картине. В упомянутом ранее словаре оно дается в четырех значениях:

1. *Храбрость, доблесть*. 2. *Возмужалость, зрелость*. 3. *Мужской пол*. 4. *Замужество*. Но на первом месте дается основное концептуальное значение храбрость, доблесть. Обобщенному концептуальному представлению о мужестве соответствовали по семантике лексемы мужествовати, мужественный, мужественно.

Исконное концептуальное значение лексемы муж в XVIII–XIX вв. имело высокую экспрессивную окраску: государственный муж, государственные мужи, мужи науки, мужи отечества. С этой исконной семантикой и высокой экспрессией слово муж, обозначающее носителя му-

жества, личность, обладающую качествами мужества, вербализует исследуемую нами идею и соответствующий концепт в русской национальной картине мира. С русской национальной ментальностью оно достаточно ярко представлено в творчестве А. С. Пушкина. Например, в драме «Борис Годунов»: «Постой, царевич. Наконец Я слышу речь не мальчика, но мужа». В «Евгении Онегине»: «Евгений, Всем сердцем юношу любя, Был должен оказать себя Не мальчиком предрассуждений, не пылким мальчиком, бойцом, Но мужем с честью и умом». В этих примерах лексема муж эксплицирует мужскую зрелость, соответственно ум зрелого мужа. Нередко у Пушкина слово муж обозначает общественного деятеля с уточняющим, конкретизирующим или усилительным определением.

Старославянское по происхождению слово мужество, как и исконно русские слова с этим корнем, в современном русском языке имеет два значения. Однако на первом месте в словарях дается уже производное значение, исконное же дается на втором месте и помечается как устарелое или устаревающее. Например, в «Словаре современного русского литературного языка»: «**Мужество**, а, ср. 1. Стойкость, храбрость, присутствие духа в сражении, несчастье, опасности... 2. *Устар.* Зрелость, возмужалость.» Соответственно в этих же двух значениях с некоторым дополнительными оттенками дается в большом академическом словаре прилагательное мужественный: «**Мужественный**, ая, ое; в, н, на, о. 1. Обладающий, отличающийся мужеством (в 1-м знач.). *Мужественный человек*... 2. *Устар.* Относящийся к мужу (во 2-м знач.), свойственный ему. *Устар.* Зрелый, возмужавший».

Лексемы мужество, мужественный, мужественно, мужественность эксплицируют концепт «мужество» в различных художественных и публицистических текстах. Одни из них сближаются по семантике с лексемами смелый,

смелость, смело, храбрый, храбрость, храбро: «Погиб летчик Шавров. Мужественный, умный, смелый.» «Девушка вспоминала о Тане, и ей все сильнее хотелось походить на нее, стать такой же смелой и мужественной.» В других случаях наблюдается семантическое сближение с лексемами стойкий, стойкость, стойко, твердый, твердость, твердо: «Несмотря на плохое состояние, Клара не теряла мужества. – Это была стойкая, несгибаемая революционерка, отдавшая все свои силы за освобождение рабочего класса во всем мире.»

Различаясь оттенками семантики, экспрессии, все эти синонимы в своей совокупности разносторонне представляют идею мужества в русском сознании, в русском национальном менталитете. В русском ментальном представлении мужество включает в свое концептуальное смысловое пространство и смелость, храбрость, отвагу, доблесть, героизм, неустрасимость, и стойкость, твердость (духа), непоколебимость, несгибаемость. Отчленение от мужества таких концептуальных лексем, как героизм и доблесть противоречит даже их смысловой характеристике в толковых словарях. В Словаре русского языка С.И. Ожегова доблесть определяется как: «1. Мужество, отвага, храбрость. Воинская доблесть. 2. Высокая самоотверженность в работе, деятельности. Трудовая доблесть.» Герой в этом же словаре характеризуется как «Выдающийся своей храбростью, доблестью, человек самоотверженный, совершающий подвиг».

Толкование лексем героизм, геройство и в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией Евгеньевой дается с употреблением в качестве основной дефиниции слова мужество: «Героизм, геройство, доблесть. Героизм – способность к совершению подвигов, самоотверженность и мужество; геройство – проявление самоотверженности мужества, геройское поведение; слово доблесть употребляется в приподнятой, высокой речи и имеет более широкое значение.»

В приводимых ниже примерах слова героизм, доблесть, геройство употребляются в тесных смысловых связях со словами храбрость, мужество, которые в совокупности характеризуют высокие духовные качества людей в ментальном представлении их современников и потомков: *И ежели отныне захотят, / Найдя слова с понятиями вровень, / Сказать о пролитой бесценной крови, / О мужестве, проверенном стократ, / О доблести, то скажут – Ленинград, – / И все сольется в этом слове.* (Инбер, Бессмертие.). *Мне снова захотелось пофилософствовать и снова о смелости и трусости. Как много в русском языке слов для обозначения первого качества (храбрость, отвага, доблесть, геройство и т. д.) и как мало – для обозначения второго!*

Таким образом, экспрессивно-смысловую зону идеи мужества в русском ментальном пространстве дополняют концептуальные лексеммы героизм, героический, героически, геройский, по-геройски, доблесть, доблестный, доблестно: **Героический** – такой, в котором проявляются героизм и доблесть; **геройский**, – свойственный герою, слово употр. в литературной речи при характеристике поступков, поведения, характера человека и т. п., в разговорной речи и просторечии употр. также и как характеристика человека; **доблестный** – слово более широкого значения и имеет приподнятый характер. Все эти лексеммы своими экспрессивно-смысловыми оттенками расширяют русское ментальное представление о мужестве:

Мужество предполагает и стойкость, твердость духа, непоколебимость. Эти качества характеризуют не только мужество воина в бою, на поле битвы, но и поведение человека в повседневной жизни: мужественно переносит страдания – стойко переносит страдания, мужественно переносит боли – стойко переносит боли, мужественно переносит невзгоды – стойко переносит невзгоды и т.д. Непо-

колебимость как стойкость духа органически сочетается с мужеством и формирует целостное ментальное представление, концептуально отражающее исследуемую идею.

Таким образом, в русском ментальном пространстве, соответственно, в русской национальной языковой картине мира идея мужества репрезентуется как ядерными однокоренными лексемами мужественный, мужественно, мужественность, мужаться, так и их синонимическими группами с заглавными лексемами (доминантами) смелость, смелый, смело, включающими лексемы героизм, героический, героически, доблесть, доблестный, доблестно, и с заглавными лексемами стойкость, стойкий, стойко, включающими слова непоколебимый, несокрушимый. Все эти разнообразные синонимы, выражая различные оттенки, разносторонне характеризуют идею мужества как высокое духовное качество человека и концептуально репрезентирует его в русской языковой картине мира.

Литература:

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1971.

2. Карапетян Е. А. Базовые концепты русской ментальности в поэзии XIX – начала XX веков // Современная научная мысль. – 2014. – № 1.

3. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская П. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.

4. Карапетян Е. А. Картина мира и ее отражение в культурно-языковой среде // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. №06(090). С. 369–382. С.– IDA [article ID]: 0901306023. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/23.pdf>, 0,875 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

5. Маслова В. А. Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14.

6. Карапетян Е. А. Ментальность в этноязыковой картине мира как форма концептуального восприятия действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3.

7. Карапетян Е. А. Языковая репрезентация ментальных концептов «Мужество», «Храбрость», «Героизм» в военной песне 1941–1945 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. №09(093). С. 938 – 950. – IDA [article ID]: 0931309064. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/64.pdf>, 0,812 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

8. Казаров Г. А., Карапетян Е. А. Межкультурный диалог как способ разрешения этнических конфликтов // Диалогическая этика: Мат. межд. науч.-практ. конф. (г. Армавир, 24–25 июня 2016 г.) / отв. ред. Ю. П. Ветров. Редактор А. Д. Похилько. – Армавир: РИО АГПУ, 2016.

9. Хворостяный Д. М., Карапетян Е. А. Современная Россия как страна диалога культур // Диалогическая этика: Мат. межд. науч.-практ. конф. (г. Армавир, 24–25 июня 2016 г.) / отв. ред. Ю. П. Ветров. Редактор А. Д. Похилько. – Армавир: РИО АГПУ, 2016.

О. И. Шкуропий, А. П. Литовский
(Россия, Армавир)

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «МУЖЕСТВО» В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в статье рассматриваются сущностные основы концепта «мужество». Автор анализирует его связь с определенной этнической ментальностью и выявляет ее концептуальные выражения в индивидуальной картине мира.

Ключевые слова: концепт, ментальность, картина мира, лексема.

O. I. Shkuropiy, A. P. Litovskiy
(Russia, Armavir)

METHODS OF OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT «COURAGE» IN THE LEXICAL FUND OF RUSSIAN LANGUAGE

Annotation: the article discusses the essential foundations of the concept «courage». The author analyzes its association with a particular ethnic mentality and reveals its conceptual expression in the individual picture of the world.

Keywords: concept, mentality, world picture, token.

Концептуальное представление об идее мужества в русском ментальном пространстве и, соответственно, в русской языковой картине мира состоит из двух смысловых микрополей или смысловых зон: первую из них формирует широкая группа синонимов с заглавными лексемами смелость, храбрость; вторую формирует синонимическая группа с заглавной лексемой стойкость.

Рассмотрим первую экспрессивно-смысловую зону идеи мужества, которую вместе с ядерными лексемами мужество, мужественный, мужественно, мужаться, мужественность составляют околядерные лексемы смелый, смелость, смело, храбрый, храбрость, храбро, отвага, отважный, отважно, отважиться, бесстрашный, бесстрашие, неустрашимый, неустрашимость, безбоязненный, безбоязненно. Будучи близкими по значению все эти лексемы имеют свои особые семантические оттенки. Смелый – это человек, не поддающийся чувству страха, умеющий преодолеть его. Слово храбрый обычно характеризует человека активного, смелого, не боящегося опасности, идущего на встречу ей; отважный – очень смелый, готовый к поступкам, требующим бесстрашия, мужества, слово имеет несколько приподнятый характер: мужественный – не теряющий присутствие духа перед лицом опасности; безбоязненный, бесстрашный – не знающий страха, чрезвычайно смелый; неустрашимый – такой, которого ничто не устрашит. В совокупности же они многогранно репрезентируют идею мужества в русской языковой картине мира, которая находит отражение в различных текстах особенно художественных и публицистических: *Никита был смелый мальчик. Из него вышел бы неплохой моряк. У него было мужество, быстрота соображения и хладнокровие. Будь смелым, будь храбрым в жестком бою, / За русскую землю сражайся.*

Концептуально значимыми в репрезентации идеи мужества, конечно же, являются лексемы храбрость и храбро. Храбрость в словаре Ожегова определяется как «мужество и решительность в поступках». В большом академическом словаре семантика слова раскрывается детальнее: «Храбрость, и, ж. Способность пренебречь опасностью, преодолеть страх; мужество, смелость. *Но ведь храб-*

рость есть неотъемлемое свойство русских; они доказывали ее всегда и везде, как только был случай. Крепко берег Григорий казачью честь, ловил случай выказать беззаветную храбрость.

Слово отвага заимствовано из польского языка, в котором оно является производным от глагола со значением «решиться, отважиться». Этимологически же оно восходит к общеславянскому слову «вага» – вес, тяжесть, сила, от которого образовалось общеславянское прилагательное «важный» с первоначальным значением «веский, тяжелый, сильный». В современном русском языке отвага обозначает «смелость, бесстрашие, храбрость». Соответствующую семантику имеют производные лексемы отважный, отважно: *Медленно подымаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 верст!*

Идея мужества включает в свое экспрессивно-смысловое макрополе, естественно, и семантику лексем бесстрашный, бесстрашие, бесстрашно, неустранимый, неустрашимость, неустрашимо. Семантика этих лексем имеет прозрачную словообразовательную мотивированность. В Словаре русского языка бесстрашный поясняется «Не знающий страха, отважный, смелый. Бесстрашно он бился с врагами за счастье советской земли. ...»

Слова неустранимый, неустрашимость в «Словаре современного русского литературного языка» также трактуются как отсутствие страха: «**Неустранимый**, Не знающий страха; очень смелый, храбрый. *Маркелов был человек упрямый, неустранимый до отчаянности, не умевший ни прощать, ни забывать. Неустрашимость*, и, ж. Свойство неустрашимого; смелость, храбрость. *Пылкость и неустрашимость его духа обнаружили в его речах, письмах и деловых записках...*»

Слово доблесть заимствовано из старославянского языка. В старославянском языке образовано от добль – храбрый. Слово добль восходит к общеславянскому доба, от которого образовались и слова исконно русские дебелый, добрый, удобный. Согласно Словарю русского языка XI-XVII вв. слово доблесть обозначало стойкость, мужество: «Доблесть... 1. Доблесть, стойкость, мужество, благородство. 2. Сила, крепость...». Наряду с ним употреблялось и прилагательное доблестный – стойкий, мужественный, благородный. В русском литературном языке XVIII-XIX вв. за лексемами доблесть, доблестный закрепилась высокая экспрессивная окраска. С этой семантикой и высокой экспрессией лексемы доблесть, доблестный репрезентируют идею мужества в современной русской языковой картине мира: доблестные воины, доблестная армия, воинская доблесть: «*И ежели отныне захотят, Найдя слова с почестями вровень, Сказать о пролитой бесценной крови, О мужестве, проверенном стократ, О доблести, то скажут – Ленинград, – И все сольется в этом слове.*»

Слово герой заимствовано в XVIII в. из французского языка – héros – герой. Оно восходит к греческому (h)erōs – полубог, герой. Эту этимологическую семантику сохраняют и лексемы героический, героизм. В «Словаре русского языка» АН они даются с поясняющим синонимом «мужество», «мужественный»: «**Героизм**. Самоотверженность, мужество, способность к совершению подвига». Посредством синонима мужество героизм поясняется в Словаре синонимов русского языка под ред. Евгеньевой: «Героизм – способность к совершению подвига, самоотверженность и мужество...».

Лексема решительный, образованная от общеславянского глагола решить, имеет основное значение в современном русском языке – твердый в поступках, исполненный твердости: решительный человек, решительные меры,

решительный тон. Основную семантику прилагательного сохраняет лексема решительность: «Некогда были они товарищами по службе и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и **решительность** его характера».

С идеей мужества в русском ментальном представлении неразрывно связаны лексемы сила, сильный. Будучи многозначными, эти лексемы в основных значениях сближаются с лексемами мужество, мужественный. В «Словаре русского языка» слово «**сильный**» трактуется как 1. «Отличающийся большой физической силой... Хорошо развитый, здоровый, крепкий... 2. Твердый, стойкий, с твердым, стойким, волевым характером. В современном русском ментальном представлении лексемы сила, сильный, осилить ассоциативно связаны с мужеством и в прямом значении «физическая сила», и в переносном «сила духа», «сильный духом». Вторую синонимическую группу, которая репрезентирует в русской языковой картине мира идею мужества, составляют лексемы стойкий, стоический, крепкий, твердый, твердокаменный, непоколебимый, неколебимый, несгибаемый, железный, стальной, непреклонный, выносливый, закаленный.

Таким образом, идея мужества в русской ментальности и, соответственно, в русской языковой картине мира репрезентируется целым комплексом семантически взаимосвязанных лексем. Концептуально образующим ядром идеи являются слова мужество, мужественный, мужественно, мужественность, мужаться. Но с этими ядерными лексемами органически связаны по семантике многочисленные синонимы, как смелый (-ость, -о), храбрый (-ость, -о), стойкий (-ость, -о), твердый (-ость, -о), доблесть, доблестный (-о), героический, геройство, непоколебимый (-ость, -о) и другие. В своей совокупности они образуют экспрессивно-смысловую зону идеи мужества в русской ментальности и русской языковой картине мира.

В русской культуре доминантными компонентами в восприятии мужественности национальным сознанием являются смелость, храбрость, стойкость духа, непоколебимость, самоотверженность, несгибаемая воля. Мужество в русском сознании ассоциируется с великой духовной силой русского народа, это положительное нравственное качество – в контекстуальном окружении, как правило, сопровождается высокими эпитетами: великое, несравненное, настоящее, огромное и проч.; оно соотносимо с такими качествами как скромность, мудрость, осторожность и благоразумие и чуждо спесивости, гордыне, малодушию. Проявление стереотипа «доминирующей маскулинности» не находит ярких особенностей выражения в лексическом фонде русского языка.

Литература:

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1971.
2. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.
3. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995.
4. Карапетян Е. А. Ментальность в этноязыковой картине мира как форма концептуального восприятия действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 3.
5. Карапетян Е. А. Картина мира и ее отражение в культурно-языковой среде // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. – №06(090). С. 369–382. С. – IDA [articleID]: 0901306023. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/06/pdf/23.pdf>, 0,875 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

6. Карапетян Е. А. Лингвоконцепт в языковой среде как способ постижения социальной реальности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2014. – №04(098). С. 1319–1335. – IDA [article ID]: 0981404095. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/95.pdf>, 1,062 у.п.л.

7. Карапетян Е. А. Языковая репрезентация ментальных концептов «Мужество», «Храбрость», «Героизм» в военной песне 1941-1945 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – Краснодар: КубГАУ, 2013. – №09(093). С. 938–950. – IDA [article ID]: 0931309064. [Электронный ресурс]. –URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/64.pdf>, 0,812 у.п.л., импакт-фактор РИНЦ=0,346.

Е. А. Карапетян, О. И. Зинченко
(Россия, Армавир)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается роль русского языка как важнейшего фактора культурного взаимодействия различных народов бывшего СССР. Анализируется его значение в контексте межкультурной коммуникации данных народов, а также его роль в культурном развитии постсоветских государств и в налаживании межкультурных связей между ними.

Ключевые слова: межкультурный диалог, языковое

пространство, русский язык, межнациональное общение, постсоветское пространство.

Е. А. Karapetyan, O. I. Zinchenko
(Russia, Armavir)

RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN POST-SOVIET SPACE

Annotation: the article discusses the role of the Russian language as the most important factor in the cultural interaction between different peoples of the former USSR. Its meaning in the context of intercultural communication of given nations is analyzed, as well as its role in the cultural development of post-Soviet States and the establishment of intercultural relations between them.

Keywords: intercultural dialogue, language, Russian language, international communication, post-Soviet space.

После распада Советского Союза между постсоветскими республиками осталось не так много факторов, которые бы продолжали объединять их в общее культурное пространство. Одним из важнейших из них является русский язык, главное средство межнационального и межкультурного общения и взаимодействия народов, проживающих на просторах бывшего СССР. Он во многом позволил сохранить большое количество культурных и социальных связей между братскими народами. Именно на нем продолжал строиться межкультурный диалог между различными народами бывшего СССР. Действительно, разрушить пространство межкультурной коммуникации оказалось значительно сложнее, чем добиться политического распада бывшего советского государства. Русский язык было не так просто вы-

вести из сферы повседневной жизни и взаимодействия между людьми разных национальностей. Хотя периодически предпринимались, да и сейчас предпринимаются попытки уменьшить его роль и значение в новых независимых государствах. Однако не все в этом мире подчиняется желаниям политиков, существуют объективные факторы межкультурной интеграции. И таковым фактором, без сомнения, является на пространстве бывшего СССР русский язык.

Первоначально пришедшие к власти руководители бывших советских республик предприняли ряд попыток существенно снизить его значение в жизни своих стран. Так, в большинстве из них на постсоветском пространстве русский язык перестал быть государственным, русскоязычное население всячески дискриминировалось, его представителям нередко запрещалось говорить на родном языке. Сам русский язык при этом не то чтобы находился под полным запретом, но его пространство различными способами сокращалось, он исключался из официального документооборота, предпринимались также попытки ограничить его употребление в быту и повседневной жизни.

По мысли новых руководителей постсоветских стран, на смену ему должны были прийти местные языки доминирующих национальных групп, а также английский язык, который, в представлении руководства национальных республик, и должен был стать основным средством межнационального общения в постсоветских государствах. В частности, по этому пути пошли республики Прибалтики, некоторые страны Закавказья и Средней Азии.

Но всем этим надеждам постсоветских национальных элит не суждено было сбыться; несмотря ни на что русский язык продолжал оставаться основным средством межкультурной коммуникации и цивилизационного диалога для граждан новых постсоветских государств. Устойчивость русского языка определяется тем, что он стал элементом

внутренней духовной структуры и социоматрицы граждан СССР [2].

В некоторых случаях, как, допустим, в Прибалтике или в Грузии, его значение отчасти удалось снизить за счет отказа от обучения на нем представителей новых поколений, уже рожденных в этих постсоветских государствах. Но все же, несмотря на это, полностью нивелировать его значение не удалось ни в одной из бывших советских стран. Даже в среде новых поколений, желающих изучать русский язык и говорить на нем, оказалось достаточно много, чтобы он смог не прекращать своего существования. Что же касается старших поколений, то для них он полностью сохранил свое значение, и в силу того что они неплохо им владели, и в силу объективных исторических и социокультурных факторов. Действительно, английский язык при всей его распространенности в мире вряд ли смог бы заменить его на постсоветском пространстве, которое обладает иными социокультурными смыслами и ментальными характеристиками, а также историческим опытом совместного проживания данных народов в рамках советской социально-культурной общности.

В некоторых бывших постсоветских республиках это положение дел было осознано достаточно ясно, и местные власти не стали идти наперекор объективным культурно-историческим реалиям. Они сделали русский язык либо вторым государственным в своих республиках, либо позиционировали его как язык межнационального общения и межкультурной коммуникации. К таким странам постсоветского пространства можно отнести Белоруссию, Киргизию, Казахстан. Так что значение русского языка как основного средства межкультурного диалога на постсоветском пространстве в значительной степени сохраняется и по сей день, имея объективную историческую и социокультурную подоплеку.

Характер использования русского языка на постсоветском пространстве в современный период зависит от самых различных обстоятельств. В их числе: сколько в той или иной национальной республике проживает русских и близкого к ним по культуре русскоязычного населения, активность в политической жизни русскоязычной общины, специфика отношений той или иной национальной республики с Российской Федерацией в торговой, экономической, политической, культурной областях.

В большинстве из постсоветских стран русский язык используется при общении в семье, в быту, причем нередко это происходит так же часто, как и общение на языке так называемой титульной, доминирующей нации. К таковым странам относятся Казахстан, Украина, Белоруссия, Киргизия и т.д. Есть страны, где сфера использования русского языка в быту тоже довольно высока, но все же ареал его распространения уступает ареалу распространения титульного языка доминирующей национальности. Это такие страны, как Молдавия, Латвия, Эстония и т.д. Есть страны, бывшего СССР, где русским языком в быту пользуются значительно реже по сравнению с национальными языками этих государств. К ним можно отнести бывшие постсоветские республики (Литву, Армению, Грузию, Азербайджан, Таджикистан).

Русский язык в постсоветских государствах нередко используют и в профессиональной сфере. В ряде случаев получается, что вести профессиональную деятельность на нем значительно легче, чем на титульном языке доминирующей нации, поскольку он обладает необходимой профессиональной терминологией, расширенным понятийным аппаратом и т. д. В значительной мере это относится и к образовательной сфере. В некоторых постсоветских республиках по ряду причин преподавание, особенно в высших учебных заведениях, ведется исключительно на рус-

ском языке. Это связано с тем, что академическая образовательная культура в этих странах изначально базировалась на знании русского языка, и он в них стал неотъемлемой чертой образовательного процесса, а национальные языки еще не достигли той степени научной академичности, какой и обладает русский язык. Подобная ситуация сложилась в Казахстане, Белоруссии и т.д. Причем, в ряде постсоветских республик в профессиональной сфере русский язык имеет равную степень распространения наряду с национальным языком [1]. В частности, такое положение отмечается в Киргизии, на Украине. Но вот, допустим, в Азербайджане, Армении, Грузии, Литве взаимодействие в профессиональной сфере, по месту работы, а также в сфере высшего образования осуществляется практически полностью на национальных языках этих государств. В сравнении с ними в Латвии, Молдавии, Эстонии и Таджикистане русский язык по месту профессиональной деятельности распространен значительно шире, но не дотягивает до уровня Белоруссии или Казахстана.

При этом представляется вполне понятным, что во многих постсоветских республиках существует поколенческая дифференциация по степени распространенности русского языка. Практически везде на постсоветском пространстве и даже во многих бывших социалистических восточно-европейских странах русским языком владеют представители старшего поколения, напротив, молодое поколение знает его уже значительно хуже, особенно в тех постсоветских республиках, в которых доля русского и русскоязычного населения относительно невысока.

Тем не менее во многих постсоветских государствах сфера русского языка не ограничивается повседневной жизнью, семейными отношениями, профессиональной и образовательными сферами. В любой постсоветской стране существует собственное медиа- и информационное про-

странство, в котором важное место также занимает русский язык. Сюда можно отнести телевидение, радио, выпуск периодических, печатных изданий, сайты в Интернете на русском языке и т. д. Все эти медиаресурсы в значительной мере являются средством приобщения жителей этих стран к межкультурному пространству русского языка. Их существование способствует налаживанию межкультурного диалога между Россией и этими государствами.

Особое значение эти медиаресурсы имеют для русскоязычного населения постсоветских стран, поскольку их наличие помогает русскоязычным гражданам этих государств сохранять культурные, исторические связи с Россией, использовать ее информационные ресурсы для сохранения своих общин в едином российском информационном и социокультурном пространстве русского мира. Правда, политика властей новых независимых государств не всегда благоприятна для российского медиа-информационного пространства. В отдельных республиках российскими медиаресурсами, вещающими, разумеется, на русском языке, можно пользоваться без всякого ограничения, и даже зачастую они занимают главенствующее место в медийном пространстве этих государств. Такое положение сложилось, например, в Белоруссии, Казахстане. Где-то доля российских медиаресурсов в информационном пространстве не является преобладающей, но остается весьма существенной: в Казахстане, Киргизии и т. д.

По-прежнему значительное место русскоязычные информационные ресурсы занимают на территории Украины, несмотря на все попытки местных властей всячески ограничить их вещание в открытом информационном пространстве. Где-то их роль была изначально относительно невелика: в Армении, Азербайджане, Туркмении и т. д.

Конечно, самую неприглядную ситуацию в плане ограничения сферы действия русского языка занимают те

государства, которые стремятся по политическим причинам всячески ограничить сферу его распространения, запретить его использовать в профессиональной деятельности и даже в повседневной жизни. Тем не менее, несмотря на все имеющиеся проблемы, русский язык и по сей день остается важнейшим средством налаживания межкультурного диалога на современном постсоветском пространстве. К счастью, это положение нельзя изменить никакими директивными мерами, предпринимаемыми существующими ныне в республиках этнократическими элитами.

За сохранение русского языка в качестве основного средства диалога между культурами и между людьми выступает подавляющее большинство населения постсоветских стран. Благодаря этому фактору, русский язык и в дальнейшем останется ведущим средством межнационального общения и межкультурного взаимодействия на постсоветском пространстве.

Литература:

1. Карапетян Е. А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие (издание 2-е, исправленное). – Армавир: АГПУ, 2016.
2. Крятова Г. А. Социокультурный подход при исследовании общества: к вопросу о философских и методологических основах // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: сб. науч. тр. по мат. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Шалина. – Краснодар: КубГАУ, 2014.

О. Е. Павловская, А. В. Кондратова
(Россия, Армавир)

ЭРГОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КУБАНИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: в статье рассматривается представленность социокультурного пространства посредством репрезентации эргонимов. Эргонимы Кубани анализируются по их функциям и отраженным в них концептам. Делается вывод о социокультурном пространстве как единстве социального, культурного и языкового начал.

Ключевые слова: социокультурное пространство, эргоним, эргонимическое поле, концепт

O. E. Pavlovskaya, A. V. Kondratova
(Russia, Armavir)

ERGONOMIC FIELD OF THE KUBAN AS REPRESENTATION OF SOCIOCULTURAL SPACE

Annotation: the article deals with the representation of sociocultural space through the representation of ergonims. Ergonomics of the Kuban are analyzed according to their functions and concepts which reflected in them. The conclusion is made about the socio-cultural space as the unity of social, cultural and linguistic principles.

Keywords: sociocultural space, ergonim, ergonomic field, concept

Соотнесенность социокультурного пространства с двумя взаимосвязанными понятиями – «социальное про-

странство» и «культурное пространство» [6, 159] – дает возможность рассматривать эргонимическое поле Кубани как ментальное отражение реальной действительности. Под эргонимом нами, вслед за Н. В. Подольской, понимается особый разряд онимов, представляющий собой собственное имя предприятий различного функционального профиля [5, 166]. Соответственно эргонимическое поле Кубани рассматривается нами как совокупность особых разрядов онимов, представляющих собой собственные имена функционально разнопрофильных предприятий: деловых объединений людей (учебно-научных, производственных учреждений), коммерческих предприятий (агентств, банков, магазинов, фирм), объектов культуры (кинотеатров, клубов, развлекательных учреждений, театров, парков, библиотек), спортивных заведений (комплексов, стадионов, бассейнов), медицинских учреждений (аптек, клиник), заведений общепита и т. п., например, кафе «Баклажан», магазин «Домострой», ресторан «Сельпо» и т. д. Номинация с позиции когнитивной лингвистики осознается как взаимодействие языковых форм с их когнитивными аналогами или как процесс и результат объективированного осмысления действительности [2, 58; 322]. При анализе эргонимической единицы передаваемые ею смыслы позволяют создать «координированный мир имен», в рамках которого осуществляется концептуализация человеком окружающего мира [9, 170].

Создания эргонима осуществляется несколькими этапами взаимодействия с окружающей действительностью: возникновением понятий, ассоциацией, осмыслением значимости объекта, осмыслением прецедентного имени для названия объекта и т.п. При этом процесс номинации объекта предполагает осознание человеком той системы отношений, которая ориентирована на выделение приоритетов при назывании объектов действительности. Эта при-

оритетность основывается на отражении основных ценностных представлений в сознании человека (национальная самобытность, духовная жизнь, память, свой-чужой), что определяет такое качество концепта, как ценность [8, 12].

Анализ эргонимов Кубани показывает, что при определении приоритетности в выборе названия объекта социально-культурного пространства выделяется четыре уровня доминирования той или иной функции с точки зрения номинатора. К первому уровню относятся наименования, которые выполняют только информативную функцию без каких-либо коннотаций, т. е. с полным отсутствием прагматики. Эргоним информирует реципиента только о видах товара или сфере деятельности объекта, например: *Быт-техника, Электрон-Сервис, Хозтовары, Ковры, Молочные продукты, Торты, Агромаркет*, и т. п.

Второй уровень включает наименования, которые выполняют две функции: информативную и прагматическую. Этот уровень объединяет наибольшее количество эргонимов. По мнению многих лингвистов-ономатологов, рекламно-информативный тип составляет ядро эргонимического поля. Эргонимы второго уровня содержат опосредованное указание на деятельность предприятия, например: *Мир музыки, Русские самоцветы, Стройбат, Мир видео, Рыбачий стан, Планета детства, Книгомир, Малахитовая шкатулка, Нужные вещи, Саквояж* и др.

К третьему уровню относятся названия объектов, которые выполняют только прагматическую функцию без какого-либо намека или ассоциаций, связанных с деятельностью предприятия, т. е. с полным отсутствием информативного компонента. К названиям такого типа чаще всего относятся наименования ресторанов, отелей и других аналогичных заведений, где деятельность предприятия не может быть обозначена в силу того, что само номенклатурное

обозначение (ресторан, отель, гостиница) несет на себе всю семантическую нагрузку в отражении деятельности объекта. Функция имени выполняет прагматическую нагрузку – создание позитивных ассоциаций для носителей языка: *Караван удачи, Не горюй, Секрет успеха, Восьмое небо, Южная ночь, Золотая корона, Белый лебедь, Изюминка, Островок, Ветерок* и др.

Четвертый уровень – семантически имплицитные, «пустые» с точки зрения информативности и коннотативности для адресата эргонимы, например, кафе «Людмила», торговый дом «Мария» и др.

Эргонимы второго и третьего уровней, т. е. информативно-прагматической и собственно прагматической направленности, составляют ядро эргонимического поля Кубани. Основная цель номинатора в данной ситуации – сообщение о видах товаров, деятельности предприятия не прямо, а опосредованно, через создание образности имени, его оригинальность, либо акцентирование внимания реципиента на ассоциативно-образном аспекте. Количественное преобладание названий, прямо или косвенно отражающих признаки именуемого объекта, в условиях глобализации экономики и политики напрямую зависят не столько от национально-культурной специфики, сколько от характера объекта номинации. Если принять установку, что «язык отражает то, что есть в сознании, а сознание формируется под воздействием родной культуры» [3, 75], то при выделении концептов эргонимического поля Кубани можно ориентироваться как на универсальные концепты (пространство, время и т. п.), так и на национальные, региональные.

В связи с этим, необходимо уточнить, что вся информация, отражающая отношения человека с окружающим миром, функционирует в двух направлениях: информация «от человека», т. е. восприятие человеком явлений действительности на уровне органов чувств и репрезентация

этих ощущений в эргониме; и информация «о человеке», т. е. результат осмысления общественно-исторического опыта человека, его деятельности, черт характера и т. п. с последующей репрезентацией в имени собственном.

Все концепты, так или иначе отраженные в эргонимах Кубани, можно условно разделить на две микроконцептосферы: информация «от человека» – микроконцептосферы «Мир»; информация «о человеке» – микроконцептосферы «Человек».

Микроконцептосфера «Мир» репрезентируется эргонимами с концептами «Пространство», «Объем», «Время», «Цвет», «Число», «Природа». В эргонимическом поле Кубани понятие «пространство» можно понимать, во-первых, как объективную реальность, место, где расположен объект номинации, что находит свое выражение в названии, во-вторых, как указание на пространство, не связанное с местонахождением объекта, но отражающее географическую реалию, т. е. эргонимы, репрезентирующие концепт «пространство», могут быть как информационно-прагматическими, так и собственно прагматическими, например: *У фонтана, На Комсомольской, Морской, Абрау-Дюрсо, Кубанская нива, Кубанский хлеб, Вина Кубани, Ишим, Селенга, Жемчужина Востока, Берлинский Дом, Огни Баку и др.*

Под концептом «Объем» понимаются различного рода измерения [4, 142]. Безусловно, имеются в виду измерения не в прямом смысле слова, а в метафорическом значении. Объем в данном смысле выражается посредством лексем, обозначающих в эргониме неисчисляемое количество составляющих компонентов, полноту предлагаемого ассортимента: *вселенная, галактика, мир, планета, альфа и омега* и др., например: *Галактика мебели, Мир музыки, Планета-авто, Планета детства, Домашний мир, Мир дома, Мир видео, Махвидео, Мир Сочи, Мир охоты, Банный мир, Водный мир* и др.

Относительно репрезентации в эргонимах концепта «Время» необходимо отметить, что время оценивается номинатором с разных позиций: в соответствии со временем функционирования объекта; с последовательностью появления (старый-новый); в соответствии с быстротой сервиса; с шириной ассортимента, рассчитанного на определенное время года; с точки зрения значимости времени для человека. Языковая модель времени реализуется в эргониме через значения слов с темпоральной окраской, например: *Сутки, Минутка, День и ночь, День-ночь, Старая пивоварня, Четыре сезона, Весна, Зима, Время-деньги, 21 век, Август, Эра, Час Пик* и др.

Цвет всегда являлся важнейшей категорией осмысления мира. Можно говорить о том, что «существует колористическая система, с которой связана накопленная в ходе исторического развития этноса важная социокультурная информация» [7, 37]. В эргонимическом поле Кубани наиболее популярны названия, используемые в метафорическом значении с компонентом *золотой* (около 20 наименований): *Золотая корона, Золотой берег, Золотой петушок, Золотой фазан, Золотой телец* и др. Коннотативный потенциал имен с колористическим компонентом реализуется также в онимах с другими цветовыми обозначениями, например: *Синяя птица, Цветной бульвар, Голубой огонек, Красная Талка, Белый аист, Белая роза, Белый рояль* и др.

Концепт «Число» относится к количественным, т. е. указывающим на количество с точки зрения широты ассортимента, что сближает его с концептом «объем». Эргонимы с числовым компонентом относятся к третьему уровню, т. е. выполняют прагматическую функцию с разными актуализаторами ономастической коннотации: *Миля, Десятка, Дюжина, Четыре, Девяточка, 7 поварят, 12 шиллингов, 4 вершины, 7 пятниц, Восьмое небо, 100 пудов, 1002 ночь, 1000 мелочей* и др. Символическая номинация активно ис-

пользуется среди других способов образования эргонимов. Мотивом для выбора таких символических имен является их прецедентность в культуре, что облегчает процесс запоминания эргонима.

Выделение концепта «Природа» относится в большей степени не к понятию «мир» в глобальном смысле слова, а к понятию «окружающий мир», который осознается человеком как природные явления, животный и растительный мир. В эргонимии репрезентация концепта «природа» основывается на передаче образных картин, пейзажей, которые позволяют реципиенту создать положительные ассоциации, основанные на личном опыте взаимодействия с природными явлениями, флорой, фауной. Данный концепт в эргонимах Кубани проявляется на основе трех классификационных признаков: природный фон, растительный мир, животный мир, например: *Рассвет, Полянка, Росинка, Родничок, Ветерок, Полюшко, Радуга, Ручеек, Оазис, Лотос, Клен, Ивушка, Ромашка, Береза, Василек, Сокол, Ласточка, Фламинго, Чайка, Альбатрос, Аист, Медведь, Бегемот, Лис* и др.

Концепты, характеризующие концептосферу «Человек», относятся к тому типу информации, которая отражает мир человека в различных аспектах и представляет собой результат осмысления общественно-исторического опыта человека, его деятельности, черт характера и т. п. с последующей репрезентацией в имени собственном.

Анализ эргонимов Кубани позволил выделить в структуре концепта «человек» шесть наиболее общих моделей, в основе которых лежат разные классификационные признаки. Одним из них является признак этноса, который может проявляться как указание на национальную идентичность, например, *Русские блины, Русский дворик, Русская баня, Русский медведь, Русское подворье* и др., или на региональную идентичность, например: *Казачка, Казачий брод, Казачий стан, Казачок, Казачий курень, Казачий дом* и т. п.

Не менее значимым классификационным признаком в структуре концепта «человек» является поссесивность, т. е. определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. Такие эргонимы в лингвистической литературе обозначаются как поссесивные номинации, т. е. обозначающие принадлежность определенному лицу, например, *Аленка, Валентина, Милана, Олеся, Светлана, Татьяна, Ярослава, Александр, Руслан, Мурат, У Кузьмича, У Михалыча, У Ольги* и т. п.

Концепт «Ментальность» можно отнести к качественному, характеризующему человека с точки зрения его качеств, черт характера, устремлений, духовности. Русское миропонимание в основе своей ориентировано на отношение к действительности с позиции выделения приоритетов с положительной оценкой. Создавая эргоним для названия того или иного объекта социокультурного пространства, носители русского языка концептуализируют прежде всего те объекты и их признаки, которые влияют на положительный настрой человека, поэтому в эргонимической номинации используются эмоциональные, образные и культурные компоненты, например: *Хороший, Классный, Секрет успеха, Добрый повар, Оптимист, Романтик, Надежда, Счастье, Рай, Не горюй, Хорошо сидим, Едим вкусно, Флагман, Орбита, Феникс, Первенство, Основа, Пирамида, Оскар, Престиж* и др.

Выделение концепта «Деятельность» говорит о том, что популярные в перестроечный период информативные эргонимы до сих пор функционируют в эргонимическом поле Кубани. Это названия, содержащие рациональную информацию, сообщают сведения о субъекте – владельце / продавце, об объекте деятельности, о потребителе как представителе целевой аудитории, например: *Буровик, Водолаз, Наладчик, Столяр, Прораб, Мастер, Садовод, Боди-Мастер, Снайпер, Агротаркет, Хозтовары, Мультиварка,*

Домашняя техника, Быттехника, Электрон-Сервис, Деликатесы, Диета, Любимая книга, Идеальный шкаф, Престиж-мебель и др.

Концепт «семья» является одним из ключевых фрагментов картины мира человека. Как известно, общество формируется на духовно-нравственных основах человеческой души, которые закладываются в семье, выступающей связующим звеном поколений рода во всех планах бытия. Поэтому в эргонимическом поле Кубани много названий с этим концептом, формирующимся с помощью таких классификационных признаков, как «дом», «дети», например: *Чердак, Изба, Наш дом, Наш дворик, Киндер, Школьник, Кроха, Умный ребенок, Фэнси-Тойс, Дочки и сыночки, Sela-Kids, Для сыночка и дочки, Метро baby, Модные детки, Палаццо-Бамбини* и др.

Выделение концепта «Знание» обосновывается употреблением в качестве эргонимов прецедентных имен. Эргонимические номинации, основанные на прецедентных именах, коннотативны по своей природе и требуют от номинатора при выборе названия и от адресата при интерпретации мотива наречения обширных ономастических знаний, которые А. С. Щербак квалифицирует как «результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных», т. е. предполагают знание самого имени собственного и всего, что с ним связано [10, 200]. В эргонимическом поле Кубани мы встречаем такие названия: *Екатерина Великая, Екатерининский сад, Петр Великий, Багратион, Да Винчи, Тамерлан, Моцарт, Чайковский, Потемкин, Брэдбэри, Христофор Колумб, Бестужев, Gagarin, Айвенго, Камелот, Кармен, Дерсу Узала, Арго* и др.

Таким образом, анализ эргонимического поля Кубани дает нам основание утверждать, что номинативная функ-

ция языка предполагает способность языковой системы называть и вычленять фрагменты действительности, являющиеся составной частью социокультурного пространства, в виде имен собственных, а именно эргонимов. По мнению Т. Н. Долотовой, «имя собственное, оцениваясь носителем языка, воспринимается ими как социокультурный компонент, несущий информацию о жизни общества в разные периоды его развития, позволяющий понять особенности характерных черт и свойств не только именуемого, но и именующего [1, 84]. Информация, отраженная в сознании носителей языка в виде эргонимов, включает не только аксиологический аспект с точки зрения оценки окружающего мира, но также и культурологическую, и социально-оценочную информацию. Поэтому мы с полным основанием можем сказать, что социокультурное пространство – это некий симбиоз социального, культурного и языкового начал.

Литература:

1. Долотова Т. Н. Имя собственное в социокультурном аспекте // Проблемы региональной ономастики. – Майкоп, 2006.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры. 2004.
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., Флинта: Наука, 2007.
4. Пименова М. В. Современная Русистика: концептуальные исследования // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2010. – № 2.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.
6. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии //

Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10 (24): в 2-х ч. – Ч. I.

7. Старикова Г. Н. Информативно-рекламный потенциал имен с колористическим компонентом (на материале названий заведений общественного питания) // Вестн. Там.гос. ун-та. – 2013. – № 376.

8. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2008.

9. Щербак А. С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник ТГУ. – Выпуск 10 (78). – 2009.

10. Щербак А. С. Ономастический концепт как структура организации и хранения ономастических знаний // Когнитивные исследования языка. – Вып. 10: Категоризация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов, 2012.

Л. А. Горовенко, Е. В. Розаева
(Россия, Армавир)

ДЕТСКАЯ ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА КАК ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ ОБЪЕКТ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы строительства детских игровых площадок, приведены рекомендации по обеспечению экологичности строительства детских игровых комплексов.

Ключевые слова: экологически-чистые строительные материалы, детская игровая площадка.

L. A. Gorovenko, E. V. Rozaeva
(Russia, Armavir)

CHILDREN'S PLAYGROUND SITE AS AN ENVIRONMENTALLY CLEAN OBJECT OF EDUCATION OF THE CHILD'S PERSONALITY

Annotation: in the article we consider the problems of construction of children's playgrounds and give the recommendations for ensuring ecological compatibility of the construction of children's playgrounds.

Keywords: ecological building materials, children's playground.

Взросшая рождаемость последних лет, активно поддерживаемая Правительством РФ, заставляет нас задуматься о занятости и досуге наших маленьких детей [1, 329]. В крупных городах Краснодарского края активно реализуются программы строительства детских игровых площадок. Для нормального функционирования детского организма необходимы ежедневные физические нагрузки в небольших дозах, или просто двигательная активность. При организации игровой площадки необходимо учитывать, что игровое оборудование должно быть сконструировано таким образом, чтобы дети самостоятельно могли им пользоваться без причинения себе вреда.

К проблеме строительства детских игровых площадок добавляется ещё одна важная и актуальная проблема: организация экологически чистого пространства для возведения детских игровых площадок. Анализ предметной области показал, что к изучению данной проблемы российские учёные подходили либо с точки зрения организации досуга, либо с точки зрения разработки конструкции, элементов

детской площадки [2–4]. Комплексный же подход решения проблемы отсутствует. Главная задача детской площадки – привлечь внимание ребенка и вызвать у него интерес, чтобы посредством разнообразных элементов комплекса, развивать его способности и навыки, но необходимо учитывать, что экологическая безопасность не менее важна. Рассмотрим это вопрос поподробнее.

Согласно Санитарно-эпидемиологическим Правилам и Нормативам СанПиН 2.4.4. 3155-13, детские площадки должны размещаться за пределами промышленных производств, санитарно-защитных зон, автомагистралей, автостоянок, объектов железнодорожного транспорта, а также маршрутов взлета и посадки воздушного транспорта, через площадку не должны проходить коммуникации городского назначения, и должны строиться в лесопарковых территориях [5]. При проектировании игрового комплекса, отвод участка под строительство нужно осуществлять при учете розы ветров, а также наветренной стороны от источников шума и загрязнений воздуха. Использование территории парков и других зеленых массивов возможно только после проведения энтомологического обследования и проведения противоклещевой обработки данной территории. Не допускается посадка колючих и ядовитых растений. Содержание вредных веществ, уровни разного рода излучений, шума, вибраций, инфразвука, не должны превышать нормативы, установленные для общественных застроек; почва должна соответствовать гигиеническим требованиям [6]. На сложных рельефах местности следует производить отвод паводковых и ливневых вод от участка для предупреждения его затопления и загрязнения.

Используемые строительные материалы должны быть безвредными для здоровья человека. Материалы для отделки должны быть устойчивыми к влажности и обработки дезинфицирующими средствами и только при наличии СанПиН заключения.

В период эксплуатации игровой площадки не допускается проведение ремонта. Территория должна содержаться в чистоте. Уборка должна проводиться не реже раза в сутки. Уборку туалетов необходимо проводить по мере загрязнения, не менее 2 раз в день, с применением моющих и дезинфицирующих средств, не вызывающих аллергических реакций. Физкультурные и спортивные площадки на открытом воздухе должны содержаться в чистоте и быть ровными, свободными от посторонних предметов угрожающих здоровью детей. Места для бега должны иметь твердое покрытие, плотное, не пылящееся, а также стойкое к атмосферным осадкам.

Считается, что самым неблагоприятным и более экологически зависимым оборудованием является детская песочница, ведь именно она наиболее подвержена загрязнению тяжелыми металлами и солей. На самом деле по санитарным нормам и правилам нужно регулярно проводить чистку песочниц и обновлять песок, который уже проверен с-г (санитарно-гигиеническим) сертификатом. Ведь если дети будут проводить время в песке насыщенном вредными солями и тяжелыми металлами, то это пагубно скажется на их нервно-психологическом развитии. А этого допускать нельзя, ведь как уже говорилось ранее, территории детских площадок должны быть экологически безопасными, т. е. быть экологически сбалансированы и не причинять вредного и неблагоприятного воздействия, как человеку, так и природе.

Прежде чем проводить строительство площадки, нужно провести почвенные исследования. С какой целью они выполняются? Во-первых, для размещения площадок на менее плодородных почвах, что влияет на сохранение лесного фонда и плодородных почв. Во-вторых, для определения влияния проектируемого сооружения на прилегающие уголья, и для разработки мероприятий по их за-

щите от вредного воздействия на природу и на человека. В-третьих, служат для разработки схем озеленения населенных пунктов. В-четвертых, помогают при оценке загрязненности почв площадках строительства и других антропогенных участках.

Правительством нашей страны повсеместно ставятся задачи остановки глобальных экологических проблем. Для этого применяются разнообразные агитационные программы, законы, подзаконные акты, СНиПы и санитарные нормы, которые направлены на улучшение текущей экологической ситуации в стране.

Литература:

1. Розаева Е. В., Горовенко Л. А. Организация детской игровой развивающей площадки // Сборник тезисов работ участников XIV Всероссийского молодежного форума «ЮНЭКО-2016» и I Всероссийского молодежного форума «АПК – молодёжь, наука, инновации» / Под ред. А. А. Румянцева, Е. А. Румянцевой. – М.: НС «ИНТЕГРАЦИЯ», Государственная Дума ФС РФ, Минсельхоз России, РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, РОСКОСМОС, РИА, РАО, 2016.

2. Бжуховский Ю., Вейхерт К., Виршилло Р. Спортивные сооружения. Проектирование и строительство. – Варшава: Аркады. 1968.

3. Кистяковский А. Ю. Проектирование спортивных сооружений. – М.: Высшая школа. 1973.

4. Передельский Л., Приходченко О. Строительная экология. – М., 2003.

5. «Санитарно-эпидемиологические Правила и Нормативы» СанПиН 2.4.4. 3155-13

6. Коврига Е. В., Горовенко Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учебное пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

М. М. Чуракова, А. В. Демьянко
(Россия, Армавир)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЧНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: СПЕЦИФИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: автор рассматривает особенности асимметрии регионального развития, нашедшие выражение в социальных и экономических сферах.

Ключевые слова: асимметрия, выравнивание, государственная политика, диспропорция, инструментарий, концептуальные основы, методический инструментарий, механизм выравнивания, регион, федерализм.

M. M. Churakova, A. V. Demyanko
(Russia, Armavir)

SOCIO-ECONOMIC ASYMMETRY OF REGIONAL DEVELOPMENT: SPECIFICITY OF THE ORIGINS AND BASIC CHARACTERISTICS

Annotation: the author considers peculiarities of the asymmetry of regional development, which expressed in social and economic spheres.

Keywords: asymmetry, alignment, public policy, disproportion, instrumentation, conceptual bases, methodical Institute, leveling mechanism, region, federalism.

В последние пятнадцать лет резко возросла неравномерность экономического развития регионов России, уси-

лился многократный разрыв между регионами по важнейшим показателям регионального производства, уровня доходов и бедности, качества жизни населения, сохраняются угрозы российскому федерализму.

На региональном уровне важным следствием асимметрии социально-экономического развития может являться ухудшение геополитической и социокультурной связности регионов – важнейшей предпосылки политической, социальной и культурной целостности государства.

Ослабление асимметрии социально-экономического развития субъектов РФ возможно только на основе ускоренного роста уровня жизни в наиболее депрессивных регионах, совершенствования функционирования вертикали власти, обеспечения оптимизации учета интересов федерации в целом и ее субъектов.

Поэтому важнейшей задачей региональной политики государства должна стать разработка эффективного инструментария выравнивания уровня асимметрии социально-экономического развития регионов, обеспечения социальных гарантий общества независимо от объективных возможностей тех или иных субъектов Федерации.

Обширные теоретические и прикладные разработки по асимметрологии исследовались в работах В. Афанасьева, Р. Барро, А. Дружинина, Р. Мельникова, Г. Тейла, Дж. Уильямсона, Г. Хиршманна и др. В работах А. Гранберга, В. Лексина, В. Овчинникова, В. Бережного, А. Евсеевко, Е. Егорова, Б. Моргоева, П. Минакира, К. Сорокина, О. Тарана, Ф. Тумусова рассматривались проблемы региональной асимметрии и направления выравнивания социально-экономического развития территорий. Научные разработки Я. Гамалей, Е. Джурбиной, Л. Дробозиной, В. Жданова, Е. Журавской, А. Игудина, О. Кузнецовой, Г. Курляндской, Н. Павловой, Г. Поляка, М. Романовского, Т. Юткиной и др. посвящены проблемам региональной

асимметрии с позиции применения бюджетных инструментов выравнивания экономик субъектов Федерации.

Признавая значимость названных работ для теории и практики региональной экономики, следует отметить, что теоретико-методические аспекты исследования асимметрии и механизмов выравнивания социально-экономического развития территорий проработаны недостаточно. В центре внимания современных исследований по проблемам региональной экономики все чаще оказывается проблема оценки мезоэкономической асимметрии и формирования инструментов ее выравнивания с целью создания устойчивых конкурентоспособных условий хозяйствования территорий.

Проведенное исследование эволюции концепций симметричного и асимметричного развития территории позволило нам определить социально-экономическую асимметрию региона как устойчивое во времени и пространстве отклонение в условиях и результатах деятельности социальной сферы и темпах роста экономики, сокращение которых обеспечивает выравнивание условий для устойчивого развития и более полной реализации прав граждан в уровне и качестве жизни.

Изучение особенностей проявления различных видов асимметрии позволило нам классифицировать социально-экономическую асимметрию по восьми основаниям: по характеристике социально-экономического пространства, по ресурсному обеспечению, по финансовому обеспечению, по правовому статусу, по учету временного характера, по видам проявления, по результативности социально-экономической политики, по характеру проявления.

Асимметричность развития российских регионов не является абсолютно уникальным явлением, а выступает в качестве универсального свойства развития социально-экономических систем, проявляющегося во множестве параметров, отражающих неоднородность географической,

политической, экологической, экономической, информационной, институциональной, ментальной составляющей региональных подсистем, каждая из которых имеет свой «естественный уровень» снижения, который неуничтожим с точки зрения выравнивания внутренних элементов за счет компенсационных и конкурентных механизмов государственной и региональной политик.

При этом факторы, определяющие асимметричность социально-экономического развития региона, мы разделяем на объективные факторы (географический, связанные с закрепленной системой административно-территориального деления, связанные с размещением и развитием производительных сил, демографический, инфраструктурный, сложившаяся специализация экономики, место экономики региона в межрегиональном разделении труда) и субъективные факторы (экономический потенциал региона, инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат, наличие политических рисков и религиозных, национальных проблем, межрегиональная конкуренция, отношения с вышестоящими органами власти, инновационный потенциал, внутренние экономические особенности, уровень развития социальной инфраструктуры и качество жизни населения).

Управление асимметрией социально-экономического развития региона производится с помощью государственной политики выравнивания. Смысл выравнивания, на наш взгляд, состоит в нивелирование экстремальных аномалий территориальных различий в уровне и качестве жизни, во многом определяемыми экономическими, природно-климатическими, ресурсными и инфраструктурными особенностями регионов. Поэтому под выравниванием асимметрии социально-экономического развития мы понимаем сближение уровней социально-экономического развития регионов по приоритетным направлениям, создание и

укрепление их финансового потенциала с целью обеспечения экономического роста.

Реализация предложенного механизма приведет к уменьшению социально-экономической дифференциации территории региона и снижению социальной напряженности, что является одной из важных предпосылок улучшения качества жизни населения, повышения инвестиционной привлекательности и экономического роста.

Литература:

1. Андреев А. В., Борисова Л. М., Плучевская Э.В. Основы региональной экономики: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007.

2. Бережной В. И., Зенченко С. В., Пашенко М. П. Экономическое развитие региона: теоретико-методологические аспекты оценки: монография. – Ставрополь: ОАО «Шпаковская типография», 2009.

3. Галдин М. В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития муниципального образований региона: дис. ... канд. экон. наук. – Омск, 2004.

4. Гапоненко А. Л., Полянский В. Г. Развитие региона: цели, закономерности, метода управления. – М.: Изд-во РАГС, 1999.

5. Курнышев В. В. Концептуальные подходы к снижению экономической, социальной и правовой асимметрии в развитии регионов Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 1999. – № 2.

6. Николаев М., Махотаева М. Обобщение опыта социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации // Вопросы экономики. – 2008. – № 5.

7. Сангадиева И. Г. Теория и методология стратегического управления региональными социально-экономическими системами: дис. ... д-ра экон. наук. – Красноярск, 2005.

8. Сенчагов В. Бюджетная политика и ее роль в обеспечении экономического роста // Вопросы экономики. – 2007. – № 5.

9. Таран О. Л. Социально-экономический потенциал и его использование по Федеральным округам РФ // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 10(67).

10. Чуракова М. М., Зенченко С. В. Социально-экономическая асимметрия в развитии регионов: теория, методики оценки и пути преодоления: монография. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2013.

О. А. Сумская, А. М. Квашина
(Россия, Армавир)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБЫЧИ НЕФТИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы экологической ситуации, возникающей при добыче нефти. Проанализированы способы природосберегающих технологий.

Ключевые слова: экологическая катастрофа, добыча нефти, фрекинг, безамбарное бурение.

O. A. Sumskaya, A.M. kvashina
(Russia, Armavir)

ECOLOGICAL PROBLEMS EXTRACTION OF OIL

Annotation: in the article the questions of the ecological situation arising during oil production are considered. Methods of environmentally-friendly technologies are analyzed.

Keywords: ecological catastrophe, oil production, milling, free drilling.

Плохая экологическая ситуация, возникающая как на месте разработок месторождения нефти, так и выходящая далеко за ее пределы, создает множество проблем в процессе добычи нефти перед государством и владельцами месторождений. Проблемы в сфере экологии окружающей среды появляются из-за вмешательства человека. Рост объемов и темпов добычи нефти происходит нерегулярно, в результате возникают опасные процессы деградации в литосфере. Это землетрясения, обвалы, провалы и многое другое. Человечество теснит природу. На первых порах люди считали, что интенсивная добыча нефти и газа не таит в себе опасности. Но природа взбунтовалась и ответила проседанием грунта в тех местах, где добывают нефть – как на суше, так и на море. На некоторых участках проседание подземного грунта достигает 81 см в год. Причины экологических проблем, возникающих при добыче нефти: бурение скважин и аварийное фонтанирование разведочных нефтяных скважин; аварий, происходящих на транспортных средствах; разрывы нефтепроводов; нарушение герметичности колонн; сброс неочищенных вод. Не смотря на то, что нефть приносит огромную пользу человечеству, ее добыча, транспортировка, переработка и использование приносит серьезные экологические последствия.

Гонка в добыче нефти нанесла непоправимый ущерб, поскольку истощение основных запасов нефти произошло за одни только 20-й и начало 21-го века. Экологические проблемы добычи нефти обсуждаются практически во всех мировых организациях. Одной из значительных проблем в экологии из-за добычи нефти являются катастрофы на воде. Разливы нефти приносят вред промыслу рыбы, из-за них массово гибнут млекопитающие моря, птицы, рептилии. Так

как нефть хорошо взаимодействует со льдом, он поглощает нефть до 1/4 своей массы. Когда такой лёд начинает таять происходит загрязнение воды. Загрязнение подземных водоемов происходит из-за аварий водопроводов сточных вод, бурении скважин и из-за неисправностей глубинного оборудования скважин. Такие последствия могут быть непоправимы. Так же экологические катастрофы возникают из-за аварий на морских платформах. Добыча нефти на континентальном шельфе очень опасна. Добывающие платформы могут тонуть. Нередки взрывы на них и, как следствие, пожар. Экологические проблемы при добыче нефти начинаются на месте разработок месторождения. Изменение природных ландшафтов, нарушение растительного покрова, загрязнение оболочек земли – вот те немногие, но катастрофические последствия нерациональной разведки и добычи нефти. При её добыче выделяется много токсичных отходов, которые вредят не только окружающей среде, но и здоровью человека. Главным источником загрязнения окружающей среды является места её переработки. Глобальное потепление – это следствие добычи нефти. Одним из крупных загрязнителей атмосферы при добыче нефти является попутный газ, который содержит сероводород. К примеру, добыча сланцевой нефти приводит к большому выбросу в атмосферу углекислого газа. Это происходит из-за термической обработки керогена. Использование гидроразрыва пласта приводит к еще большей экологической катастрофе. В процессе фрекинга в скважину закачивается огромное количество химикатов, эту операцию необходимо повторять несколько раз в год. Из-за этого вредные вещества настолько пропитывают породу, что загрязняют не только почву, но и грунтовые воды. Это приводит к мору животных, птиц и рыб. Оказывает негативное воздействие на здоровье проживающих вблизи людей. Во многих странах фрекинг запрещён, например, во Франции, Румынии, Болгарии. В заключении

можно сказать, что добыча нефти негативно сказывается на экологической ситуации. От неё может пострадать не только природа, но сам человек, потому что добыча нефти напрямую влияет на жизнь человека. Процесс добычи нефти может привести к необратимым процессам. Из-за её разливов на воде могут исчезнуть с лица земли какие-либо виды редких морских животных и птиц. Экологические проблемы добычи нефти можно решить, для этого постоянно производятся разработки с внедрением природосберегающих технологий, осваивается безамбарное бурение. Осваивается применение гибких трубопроводов из армированного пластика, технологии по эффективной очистке загрязненных поверхностей с применением бакпрепаратов и различных промывочных жидкостей и т. д.

Литература:

1. Крючкова О. М., Гузенко А. Д. Перспективные направления экологического инвестирования // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты: материалы международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. – Энгельс: ООО Академия управления, 2016.

2. Коврига Е. В., Горовенко Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учеб. пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

**Е. В. Коврига
(Россия, Армавир)**

ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы экологического воспитания в России. В частности, рассмотрены основные экологические проблемы, возникшие после аварии на Чернобыльской АЭС.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экологическая культура, экологический ущерб, авария, ЧАЭС, загрязнение.

**E. V. Covriga
(Russia, Armavir)**

THE CONSEQUENCES OF THE CHERNOBYL ACCIDENT

Annotation: in the article the questions of ecological education in Russia. In particular, the basic environmental problems that arose after the accident at the Chernobyl NPP.

Keywords: ecological education, ecological culture, ecological damage, the CNPP, pollution.

Цель экологического воспитания – создание условий для повышения знаний в области экологии, формирование экологического мировоззрения, включающего культурные и этические нормы и принципы поведения. В XX веке человечество осознало, что окружающая среда имеет пределы саморегуляции и самовосстановления, их нарушение может привести к глобальной катастрофе. Одним из ярких примеров является авария на Чернобыльской АЭС. 26 апреля 1986 г., на четвертом энергоблоке Чернобыльской атом-

ной электростанции (ЧАЭС) произошла крупнейшая в истории мировой атомной энергетики авария. Это событие кардинально изменило жизнь людей и нанесло огромный экономический и экологический ущерб, которые жители до сих пор ощущают на себе.

Рассмотрим основные экологические проблемы, возникшие после аварии.

В результате взрыва реактора и на протяжении последующих нескольких дней в атмосферу было выброшено большое количество радиоактивных веществ, в числе которых были: цезий-137, стронций-90, йод-131 и радиоизотопы плутония [1].

Городская экология

Здесь загрязнения были сосредоточены, прежде всего, на открытых участках. Улицы, проезжие части, стены и крыши домов, площади и парки показывали радиационный фон во много превышающий его нормальное значение. Это побудило власти эвакуировать население из городов и поселений на территории 30 км вокруг АЭС, которые и по сей день остаются незаселенными.

Экология сельскохозяйственных угодий

Территории, предназначенные для посева сельскохозяйственных культур, оказались непригодными. Возникла серьезная проблема миграции радиоактивных веществ по пищевым цепочкам и их аккумуляция в организме человека. В связи с чем было закрыто несколько десятков колхозов и совхозов, ликвидированы фермы. Агропромышленный комплекс понес серьезные убытки [2].

Со временем концентрация радионуклидов в почве стала снижаться, что связано, прежде всего, с выветриванием, проникновением их в более глубокие слои земли и распадом, но даже сейчас большое количество сельскохозяйственных земель остается непригодными для использования.

Экология воды

Загрязненными оказались не только водоемы, расположенные в непосредственной близости к станции. Изначально произошло выпадение радионуклидов на водные поверхности, однако разбавление в значительной степени снизило загрязнение. Учитывая тот факт, что в воде сконцентрировались в основном радионуклиды с коротким периодом распада, то их содержание через несколько дней естественным образом значительно уменьшилось [3].

Что касается вымывания из почвы долгоживущих радионуклидов, то их уровень близок к нормальному и не наносит вреда здоровью и экологии.

Экология лесов

Выброс радиоактивной пыли, и высокая степень ее поглощения привела к полному уничтожению хвойных пород деревьев в 10 километровой зоне АЭС. Частично пострадали лиственные породы. «Сгоревший» лес стал рыжим. В грибах, ягодах и прочих продуктах лесного промысла было обнаружено высокое содержание цезия-137 [4].

В связи с длительным сроком полураспада этого элемента даже при общей благоприятной экологической обстановке, лес будет оставаться загрязненным еще несколько десятилетий.

Таким образом, авария на Чернобыльской АЭС стала не только национальной трагедией, но и серьезнейшим испытанием как для политической и экономической системы страны, так и горьким уроком для всех, кто имеет отношение к ядерной энергетике, практической науке об использовании ядерной энергии.

Современные глобальные экологические проблемы определили экологическую альтернативу: либо изменить отношение к природопользованию, либо погубить все живое на Земле [5].

Экологическая культура подразумевает отказ от эгоистичных потребительских установок, ориентированных на личные интересы, на достижение материальных выгод, когда не считаются не только с качеством природной среды и благополучием будущих поколений, но и элементарной обеспеченностью ближнего. Экологическое мышление ориентировано на будущую историческую перспективу, а не на сегодняшний корыстный интерес.

Литература:

1. Абагян А. А. и др. Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ // Атомная энергия. – 1986. – Т. 61. – Вып. 5.
2. Алексахин Р. М., Санжарова Н. И., Фесенко С. В. и др. Чернобыль, сельское хозяйство, окружающая среда: Мат. к 20-й годовщине аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г. – Обнинск: ВНИИСХРАЭ, 2006.
3. Израэль Ю. А., Вакуловский С. М., Ветров В. А., Ровинский Ф. Я. Чернобыль: Радиоактивное загрязнение природных сред. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.
4. Лихтарев И. А., Лось И. П. Факторы Чернобыльской катастрофы, оказавшие влияние на состояние здоровья населения // Чернобыльская катастрофа. / Под ред. В. Г. Барьяхтара. – Киев: Наукова думка, 1995.
5. Коврига Е. В. Нормативы по защите окружающей среды: учеб. пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

**А. В. Паврозин
(Россия, Армавир)**

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ
ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(ЖИЛИ-БЫЛИ ДВЕ СОБАКИ...)**

Аннотация: проведён анализ причин ограничения роста технических знаний техногенной цивилизации. Исследование содержит модель и анализ её функционирования в рамках причинно-следственных связей. Сделан вывод о том, что недостаточный уровень этического (экологического) образования общества – причина ограничения роста технического знания.

Ключевые слова: причины ограничения роста технических знаний, этическое и экологическое развитие общества.

**A.V. Pavrosin
(Russia, Armavir)**

**ECOLOGICAL ASPECT OF DEVELOPMENT
OF THE TECHNOGENIC CIVILIZATION
(LIVED-WERE TWO DOGS ...)**

Annotation: the analysis of the reasons of restriction of growth of technical knowledge of the technogenic civilization by is carried out. Research contains model and the analysis of its functioning within the limits of relationships of cause and effect. The conclusion that insufficient level of ethical (ecological) education of a society is the reason of restriction of growth of technical knowledge is drawn.

Keywords: the reasons of restriction of growth of technical knowledge, ethical and ecological education of a society.

Исследуемый объект: тупиковая (пока?) ветвь цивилизации, развивающаяся техногенным путём.

Цель исследования: выяснить причины ограничения роста технических знаний.

Материал исследования: производительные силы и их отношения с природой.

Методы исследования: внимательное наблюдение и анализ экологического состояния окружающей среды.

Актуальность проблемы состоит в возрастании скорости отъёма знаний у народа.

Выберем в качестве модели мироустройства матрёшку, каждый элемент которой, сам являясь системой, входит как часть в другие системы с более высокой организацией. Предположим также существование конечной внешней оболочки (Большой Мамы, Космоса, Абсолюта, Бога) для этой модели. Те задачи, которые ставит перед собой некоторая малая система, могут соответствовать задачам более высоких уровней организации, а могут им и не соответствовать. Система более высокого уровня может оперировать, функционировать и мотивироваться в объектной среде, само существование которой недоступно для понимания низшей системы. [1, 25]. Естественно, что и наличие иерархического управления низшей системой в этом случае воспринимается как фантастика.

Рассмотрим, как выглядят варианты развития некоторой малой системы, – как с её уровня (миропонимания), так и с более высоких уровней (оболочек). Некоторый объект (пусть это будут клетка из состава какого-либо органа человеческого тела, например, почки), преследуя эгоистические цели *своего* развития, может, как при наличии, так и при отсутствии понимания задач всего организма, отказаться от выполнения этих задач. Для других клеток той же почки она будет выглядеть оригинальной, и они вполне

могут присоединиться к её образу мировоззрения и функционирования. Такая группа клеток, подняв флаг анархии, для организма в целом становится раковой опухолью, а её задачи входят в противоречие с задачами большей системы. Противоречие приводит к противодействию, результат которого неочевиден сразу, и, как правило, зависит от задач ещё более высоких уровней организации этого мира.

Чем более высок уровень организации, тем сложнее клетке вникнуть в задачи объекта, частью которого она является – отсюда «непостижимы судьбы Его» и даже «неисследимы пути Его» [2]. Однако понять (осознать, вычислить логически или экспериментально) само наличие более высоких уровней организации реальности является не только возможным, но часто и необходимым условием существования. Осмысление процесса такого управления низшей системой вполне соответствует понятию веры (не путать с религией и её физическими (а сегодня – юридическими) представителями – турагентствами-кооперативами, предлагающим свои услуги «мы свяжем вас с Богом»: ре – означает «вторично», лигос – «связать»). Таким образом, вера – это признание низшими системами наличия самой высшей системы и руководство к действиям в соответствии с её задачами. Понятие веры намного шире понятия религии. Религия – это устав туристического агентства [2]. А маршруты турагентств определяются их руководителями (субъектами). Теоретически (а в редких случаях – и практически) субъективное управление может иметь цель и задачи в соответствии с высшими структурами мироустройства, однако объект нашего исследования, похоже, частенько грешит искусственным сдвигом цели в эгоизм низших. Человечество явно переоценивает свои возможности, стремясь к овладению всем миром и его окрестностями. В большинстве учебников на первых страницах чётко указана цель наук о природе: познать закономерности этой

природы и подчинить природу человеку. Это похоже на желание хвоста вилять собакой... [3]. Или на отдельный атом, отдающий приказания Вселенной.

Так как верхний элемент этой матрицы и его задачи не всегда могут быть понятны нижним элементам, низшие системы имеют способность (возможность) воспринимать результаты действия высших как ряд случайностей, не поддающихся логическому осмыслению²⁴ [4]. Однако и в этом случае низшая система, пропуская «случайные» события через призму оценочного мышления, способна почувствовать, помогают ли высшие силы её деятельности, или препятствуют ей [2].

Развитие техногенной цивилизации как низшей системы сопровождается рядом закономерностей. Оно происходит под воздействием внешних факторов и в то же время зависит от устройства и устремлений самой системы. При этом система может самообучаться, изменяя свои устремления и свойства под внешними воздействиями.

А кому вообще необходимо развитие системы? Можно предположить, что более высокой по уровню развития системе (объекту), частью которого является рассматриваемая низшая система. В общепризнанных рамках ближайшие высшие объекты человечества – Земля как единое существо, Солнечная система, Галактика Млечный путь, Система Галактик, и далее – весь Космос... Мы не первая цивилизация, которую планета сбросила с себя очередной катастрофой, когда техногенное развитие значительно опередило этические (они же – экологические) принципы. На определённом этапе развития человечества (определяемом Законом Времени [5] – после превышения частотой смены технологий частоты смены поколений) возникает опасность техногенного уничтожения планеты не умудряющими себя

²⁴ «Случай – псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться своим собственным именем». Франс Анатоль

осознанием особями, – и тогда на первый план выходят этические принципы, которыми руководствуются индивиды.

Потоп – крайнее средство. На первых порах Земля просто пытается отобрать гранаты у обезьян, в руки которых они попали. И знание – техническое – куда-то и почему-то пропадает. Можно до бесконечности обвинять исполнителей воли планеты – банкиров, монополистов, президентов, но в итоге эта цепочка замыкается на нас – тех, кому нельзя доверить свободную энергию, хотя бы потому, что достаточно быстро люди научатся брать её в любых (!) количествах. А это значит, что каждому доступно будет уничтожение не только планеты, но и Солнечной системы...

Вывод: Пока у нас не сформируются высшие этические (экологические) принципы, не допускающие такого уничтожения для всех особей популяции, не видать нам свободы (энергетической, творческой, и др.). Но удивительней всего, что справедлив и обратный вывод: когда некто приобретает свойства (способности, сидхи) этического (экологического) характера, тогда ему автоматически открываются новые технологические возможности. Но одного формального волеизъявления, даже с подписью и печатями, недостаточно.

Эпилог. Заглянул я как-то в гости к одному знакомому, живущему в селе. Прямо на улице меня встретили две собаки, на первый взгляд – абсолютно одинаковые, видимо, близняшки. Но одна из них была надёжно привязана к дереву цепью, а вторая имела возможность свободно перемещаться и, доброжелательно помахивая хвостом, подбежала ко мне, когда я вышел из машины. На мой вопрос – Почему такое разное отношение к вроде бы одинаковым животным? – мне ответили, что, если отпустить привязанную собаку, то не проходит и часа, чтобы она не нашкодила, – то курицу задушит, то ребёнка покусает. А другая собака неагрессивна – поэтому нет смысла её ограничивать...

Кстати: слова «граждане» и «ограждение» – однокоренные...

Литература:

1. Паврозин А. В. Современное естествознание и религия // Научный потенциал вуза – производству и образованию. Сб. тр. по мат. межвуз. науч.-практ.конф., посвящённой 90-летию КубГТУ(Армавир, 22–23 сентября 2008 г.). – Армавир. 2008.

2. Паврозин А. В. Религия и вера в контексте глобальных столкновений постсовременности // Социальные идентичности в глобализирующемся мире: содержание, типы, механизмы трансформации. Мат. межд. науч.-практ.конф. (25 мая 2012 года). Невинномысск: НГГТИ, 2012.

3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kinoglobe.ru/films/1237-hvost-vilyaet-sobakoy> (дата обращения: 21.01.2016).

4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://persons-aforism.ru/aforizm/3056> (дата обращения: 21.01.2016).

5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://blagin-anton.livejournal.com/397886.html> (дата обращения: 21.01.2016).

Е. В. Коврига, О. А. Сумская
(Россия, Армавир)

ПРИРОДНЫЙ ГАЗ – КАК ЭКОЛОГИЧНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ТОПЛИВА ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы применения сжиженного газа в качестве топлива для автомобилей. Отмечены достоинства подобного рода топлива, особенности технического обслуживания автомобилей, оснащенных газобаллонным оборудованием

Ключевые слова: сжиженный газ, экологическая безопасность, газобаллонное оборудование.

E. V. Covriga, O. A. Sumskaya
(Russia, Armavir)

NATURAL GAZ – AS THE ECO-FRIENDLY ALTERNATIVE OF FUEL FOR CARS

Annotation: in article questions of use of the liquefied gas as fuel for cars are considered. Advantages of this sort of fuel, feature of maintenance operation of the cars equipped with the gas-balloon equipment are noted

Keywords: the liquefied gas, ecological safety, the gas-balloon equipment.

Автомобили, оснащенные газовыми баллонами, в отличие от автомобилей с карбюраторными двигателями, обладают отличительными чертами, благодаря тому, что их системой питания является сжиженный газ, находящийся под давлением. Преимуществами использования таких автомобилей помимо экономии топлива является экологическая безопасность такого рода двигателей, поскольку в этом случае выбросы вредных токсичных веществ с отработанными газами в 5 раз ниже, чем при работе бензинового двигателя. Это, пожалуй, одно из главнейших преимуществ «голубого топлива», так как на сегодняшний день основным загрязнителем окружающей среды является автотранспорт. Главным образом от этого страдают крупные города. Поэтому, одним из решений по очищению воздуха и улучшению экологической обстановки в городах, является перевод автотранспорта на сжиженный газ.

Еще одним преимуществом природного газа является тот фактор, что при аварии газ не скапливается в углублениях, поэтому не способен образовать горючую смесь паров с воздухом. Ввиду того, что он достаточно легкий, метан сразу улетучивается и опасности такая утечка газа не

представляет. Поэтому автомобили с подобными двигателями менее пожаро- и взрывоопасны

Наряду с этим установлено, что, приводят к уменьшению нагарообразованию и расходу моторного масла, тем самым увеличивая моторесурс двигателя. Ведущими принципами технического обслуживания автомобилей, оснащенных ГБО (газобаллонным оборудованием), являются следующие:

1) текущий ремонт производится только при условии полностью исправного оборудования;

2) текущий ремонт и текущее обслуживание, выполняется на станциях, предназначенных специально для техобслуживания данного вида автомобилей (СТОГА);

3) регулировку и наладку аппаратуры для подачи топлива производят на посту, предназначенном для этих целей.

Техобслуживание газобаллонных автомобилей производится на тех же постах, на которых проводят ТО карбюраторных автомобилей. В дополнение для автомобилей, оснащенных ГБО, проводят выработку сжиженного газа и обязательно производят проверку герметичности баллона перед тем, как он въедет в на пост. Для безопасности внутри помещения автомобиль должен перемещаться на жидком топливе.

На автопредприятии, осуществляющих сервис газобаллонных автомобилей, производят работы аналогичные тем, которые выполняются на АТП. Помимо этого производят техобслуживание и текущий ремонт баллона, выполняют слив из него топлива, в обязательном порядке проводят освидетельствование баллона и демонтаж газового оборудования с тех автотранспортных средств, которые направляются на капитальный ремонт.

Самой кропотливой операцией представляется собой процедура освидетельствования баллона, который имеет

довольно прочные и толстые стенки. В процессе производства такие баллоны подвергаются серьезным испытаниям, для того чтобы емкости были способны выдерживать большое давление газа. Освидетельствование баллона состоит из следующих операций: слив топлива из баллона, его дегазация, разборка арматуры, наружный контроль, гидроиспытание, сушка баллона после них, сборка арматуры (либо новой, либо после ремонта), испытания воздухом, окраска, простановка клейма.

В остальном методика техобслуживания автомобилей, оснащенных газобаллонной аппаратурой, схожа с технологией обслуживания автомобилей на жидком топливе. Разница присутствует в наблюдении за поведением автомобиля на линии, в ЕО (ежедневном обслуживании), в диагностировании технического состояния системы питания.

На линии водитель сам осуществляет контроль. Если происходит отказ газового оборудования, водителем принимается решение, куда ему следует направиться – в случае неисправности арматуры или баллона, сначала проводят слив топлива либо на СТОГА, либо на газонаполнительной станции; в случае поломки аппаратуры для подачи газового топлива, либо негерметичности, автомобиль на жидком топливе направляется на СТОГА или автотранспортное предприятие.

Литература:

1. Терехов В. М., Сумская О. А. Типаж и эксплуатация технологического оборудования предприятий автосервиса. – Армавир, АГПИ, 2016.
2. Терехов В. М., Сумская О. А., Коврига Е. В. Специализированное оборудование предприятий автосервиса. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.
3. Коврига Е. В., Сумская О. А.. Автомобильные эксплуатационные материалы. – Армавир: Изд-во АГПУ, 2017.

О. А. Сумская, Н. Н. Литовник
(Россия, Армавир)

ДОБЫЧА СЛАНЦЕВОЙ НЕФТИ – «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы извлечения легкой нефти и нефти средней плотности. В частности проанализированы проблемы добычи сланцевой нефти и влияние этого процесса на окружающую среду.

Ключевые слова: горючий сланец, сланцевая нефть, гидравлический разрыв пласта.

O. A. Sumsкая, N. N. Lithovnik
(Russia, Armavir)

EXTRACTION OF SLATE OIL – PROS AND CONS

Annotation: in article questions of extraction of light crude and oil of average density are considered. In particular problems of extraction of slate oil and influence of this process on the environment are analysed.

Keywords: combustible slate, slate oil, hydraulic fracturing.

На данный момент проблема уменьшения добычи легкой нефти и нефти общесредней плотности в нефтедобывающей отрасли является основной. Снижение запасов обычной нефти провоцирует нефтяные компании прибегать к другим источникам углеводородов. Одним из таких источников, одинаково с природными битумами и тяжелой нефтью, оказывается горючий сланец.

Горючий сланец – полезное ископаемое, содержит углеводородные соединения, из которых посредством перегонки извлекают нефть. Давая большой процент нефти, горючий сланец считается значимым источником органических веществ и кое-каких видов топлива. В составе горючего сланца есть кероген, который занимает 10–30 % от общей массы породы, в сланцах высокого качества – 50–70 %, также в составе присутствуют минералы.

Сланцевая нефть – специфичная нефть, получаемая путем пиролиза (термического воздействия) из горючих сланцев, термического растворения или гидрирования. Существует два типа запасов сланцевой нефти. Первый тип является обычной легкой нефтью, которая находится в низкопроницаемых коллекторах. Второй тип получают из находящегося в сланцевой породе керогена. Такая нефть является дорогостоящим удовольствием, при этом, из однотонного сланца, обогащенного нефтью, возможно извлечь всего 0,5–1,25 барреля нефти. Сланцевая нефть добывается из сланцевых залежей. Эти запасы образовывались веками из остатков животного и растительного происхождения, находящиеся либо в жидком, либо в твердом состоянии. Такая нефть может также извлекаться из других пород имеющих низкую проницаемость, путём получения сланцев шахтным методом с дальнейшей его переработкой или из пласта бурением горизонтальных скважин с последующими многочисленными гидравлическими разрывами [2]. Этот процесс наносит колоссальный ущерб экологии окружающей среды.

Извлечение сланцевой нефти и нефти низкопроницаемых пород связано с существенным расходом воды: для добычи 1 барр. нефти требуется от 2 до 7 барр. воды (от 317,8 до 1112,3 л). Именно такой огромный расход воды и является основным фактором, препятствующим развитию добычи нефти из низкопроницаемых пород. Метод гид-

равлического разрыва при добыче сланцевой нефти служит источником загрязнения грунтовой воды. Вместе с этим страдает и качество питьевой воды. Это чрезвычайно опасно для тех районов, которые подвергаются сильной засухе, поскольку в этих местах и так существует недостаток питьевой воды. Очень большое количество воды перемешиваются с химикатами и закачиваются под давлением в породу при таком способе добычи углеводородов.

Постоянно присутствует возможность утечки токсичных жидкостей из прудов-отстойников, как и неконтролируемых фонтанных выбросов, загрязняющих почву. Извлечение сланцевого газа засоряет воздух метаном и другими вредными веществами. Загрязнение может быть таким, что местным жителям придется защищать дыхательные пути, надевая респираторы. Медики выделяют возрастание онкологических заболеваний в районах добычи сланцевого газа, отмечены многочисленные случаи отравлений химическими веществами.

При добыче сланцевого газа происходит разрушение ландшафта, что несет вред сельскохозяйственным угодьям. Обычно, площадь месторождения насчитывает 140–400 квадратных километров, территория предназначенная непосредственно для буровых площадок составляет 2–5 % всей занимаемой площади. На этом участке пробурят примерно 3000 скважин. При традиционной добыче достаточно пробурить в сотни раз меньше скважин, чем для разработки месторождения сланцевого газа [2].

Гидравлический разрыв пласта или фрекинг, является источником постоянного шума, от него страдают окрестные жители, домашний скот. Также для проведения гидроразрыва требуется все время поддерживать заданную пористость пласта, что достигается использованием химических реагентов. От загрязненных канализационных вод избавляются методом закачки под землю. Имеются сведения, что это

может повысить возможность возникновения землетрясений. Вместе с тем, из-за землетрясений возрастает риск утечек из газовых скважин. Добыча топлива из горючего сланца, вероятно, приведёт к экономическому буму, который продержится не долго, при этом губя окружающую среду, сельское хозяйство, а возможно, и человеческие жизни.

Литература:

1. Коврига Е. В., Горovenko Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учеб. пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

2. Технология добычи сланцевой нефти: плюсы и минусы. Энергостростник. [Электронный ресурс]. – URL: <http://energovestnik.ru/articles.php?id=409>

Е. В. Коврига, О. А. Сумская
(Россия, Армавир)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы воспитания экологической культуры в России, как одно из важнейших условий выживания человечества. В частности проанализированы проблемы привития культуры утилизации и переработки мусора.

Ключевые слова: экологическая культура, бытовой мусор, проблемы утилизации.

E. V. Covriga, O. A. Sumskaya
(Russia, Armavir)

ENVIRONMENTAL CULTURE IS THE MOST IMPORTANT THE CONDITION OF SURVIVAL OF MANKIND

Annotation: the article considers the issues of upbringing ecological culture in Russia, as one of the most important conditions for human survival. In particular, analyzed the problems of the culture of recycling and garbage processing.

Keywords: ecological culture, household waste, problems of disposal.

Экологическая культура – наследуемый опыт жизнедеятельности человека в его взаимодействии с окружающей средой, способствующий здоровому образу жизни, устойчивому социально-экономическому развитию, экологической безопасности страны и каждого человека [1].

Одна из актуальнейших проблем современности – взаимодействие общества и природы. Зависимость человека от региона проживания, не оспаривалась никогда. Природную среду так же можно рассматривать как результат взаимодействия сообщества людей и природной среды их обитания. В настоящее время рост и масштабы воздействия человека на окружающую среду переросли в экологическую проблему. В современном мире, для того, чтобы хоть немного улучшить данную ситуацию необходимо с самого раннего возраста воспитывать экологическую культуру.

Экологическая культура – одно из важнейших условий выживания человечества на Земле. Адаптация людей к современным условиям жизни возможно только при усвоении, понимании и признании этой культуры. Необходи-

мость адаптации к современным условиям жизни возникла на фоне нарастания экологических угроз и их осознания [1].

Экологическое образование признано приоритетным в гармонизации отношений общества и природы [2]. Одной из важнейших проблем в экологическом воспитании является культура утилизации и переработки мусора. Бытовой мусор – это проблема всех народов и всего мира в целом, пришла к нам с появлением человека. В настоящее время она является одной из наиболее серьезных экологических проблем в нашей стране: за год от одного жителя России образуется около 400 кг бытовых твердых отходов. А эффективных способов утилизации неорганики пока еще не придумано. Все дело в том, что некоторые виды отходов не поддаются гниению и потому их бесполезно закапывать в землю, их нужно утилизировать. К таким разновидностям можно отнести практически всю производственную тару, химические продукты и вещества, представляющие радиационную опасность. Биологические остатки не представляют серьезной опасности для экологии, они прекрасно разлагаются. Однако и их нельзя бесконтрольно сваливать в мусорные кучи. Проблема твердых бытовых отходов особенно остро чувствуется в РФ ввиду отсутствия организации по их своевременной и повсеместной утилизации [3].

Проблема обращения с твердыми бытовыми отходами остро стоит перед властями нашей страны, с каждым годом уменьшаются площади территорий для организации полигонов. Оптимальным вариантом для решения этой проблемы является рециклинг – это возврат в промышленное производство многих материалов, которые содержатся в отходах промышленности, строительства и бытовой сферы. Один из оптимальных способов решения проблемы с утильсырьем, но его выполнение осложняется в нашей стране отсутствием отдельного сбора мусора [4]. В городах с налаженным механизмом сбора макулатуры и стекло-

тары проблема бытовых отходов стоит менее остро, чем в остальных. Для уменьшения количества бытовых отходов: помимо усовершенствования способов утилизации бытовых отходов, потребуется также решить вопрос с использованием более экологичных материалов при изготовлении, к примеру, упаковок для продуктов; для уменьшения загрязненности лесопосадок и других мест отдыха необходима организация работы с населением на экологические темы, а также введение жестких штрафных санкций за выброс неорганического мусора в неположенном месте. Проблема утилизации бытовых отходов может быть решена при наличии контроля над правильностью выполнения процедуры.

Чтобы мусор было легче перерабатывать, его нужно своевременно и правильно сортировать. К большому сожалению, в России это только вводится, а в Европе и ряде других стран разделение отходов давно используется. Например, в Германии бытовые отходы разделяют, как минимум на пять категорий: стекло, бумага, биомусор, пластиковая или консервная упаковка, другой мусор. Батарейки утилизируются отдельно: выбрасываются в специальные коробки в супермаркетах или других местах. И, конечно, ни одному немцу не придет в голову, выставить в неположенное место ненужную бытовую технику или вывезти в лесной массив старую мебель. В определенные расписанием дни такие предметы бесплатно заберут городские службы, либо в срочном порядке это осуществят коммерческие службы за отдельную плату. Самое неудобное в японских правилах сортировки мусора – это вынос определенных видов мусора лишь в установленные дни.

Для того чтобы правила разделения мусора не нарушались, в европейских странах существует целый ряд разных поощрений. В Испании за соблюдение правил утилизации раздают сладкие призы, в Нидерландах можно полу-

чить скидку на услуги ЖКХ. В Германии за сданную тару некоторых видов можно получить возвратный покупательский залог.

За неправильную сортировку мусора предусматриваются штрафные санкции. За выброс бытовых отходов, бытовой техники и прочих предметов в неположенных местах мусорная полиция может наказать очень внушительным штрафом, достигающим несколько сотен евро.

Цвета контейнеров для разделения мусора в странах Европы унифицированы (таблица 1).

Таблица 1 – Контейнеры для разделения мусора

Цвет контейнера	Тип отходов	Возможность переработки
Зелёный	Стекло (бутылки, стаканы)	Есть
Синий	Газеты, журналы и другие печатные издания	Есть
Желтый	Картон, пустые картонные упаковки	Есть
Черный	Органические остатки, пищевые отходы (например: компост)	Есть
Коричневый	Опасные отходы (батарейки)	Есть
Красный	Неперерабатываемые отходы	Нет
Оранжевый	Пластиковые бутылки и пластиковые упаковки	Есть

В общем, сортировка мусора – это довольно хлопотное, и не самое приятное дело, но зато очень полезное. Соблюдая правила сортировки человек, не только помогает переработке, но и заботится об окружающей среде. Очень хотелось, чтобы и в России люди стали больше думать об этом, научились сортировать мусор и выносить его в предназначенные для этого мусорные контейнеры. Ведь наши огромные территории тоже когда-то могут просто погрязнуть в миллионах тонн мусора. Не хотелось бы жить на свалке, и оставить нашим потомкам непригодную для жизни страну.

Литература:

1. Гакаев Р. А., Чатаева М. Ж. Экологическое образование и культура как приоритетное направление гармонизации отношений общества и природы // Теория и практика образования в современном мире: мат. VII межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – СПб.: Свое издательство, 2015.

2. Андреев М. Д. Экологическая культура как основа гармонизации отношений между обществом и природой // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7.

3. Коврига Е. В., Горовенко Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учеб. пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

4. Краснянцев С. И., Коврига Е. В., Сумская О. А. Проблемы утилизации современных энергосберегающих источников света // Межд. Студ. науч. в-к. – Пенза: Изд-во: ООО «ИТО Академии Естествознания».

Е. В. Коврига
(Россия, Армавир)

ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АРМАВИРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы загрязнения армавирского водохранилища, как практически единственное место отдыха горожан.

Ключевые слова: водохранилище, загрязнение, Водный кодекс, биологическое равновесие.

**E. V. Covriga
(Russia, Armavir)**

POLLUTION PROBLEMS OF THE RESERVOIR OF ARMAVIR

Annotation: the article considers the problems of contamination of the reservoir of Armavir, as virtually the only place of citizens.

Keywords: reservoir, pollution, Water code, the biological balance.

В настоящее время проблема загрязнения водных объектов (рек, озер, морей, грунтовых вод и т.д.) является наиболее актуальной, т.к. всем известно выражение «вода – это жизнь». Без воды человек не может прожить более трех суток, но, даже понимая всю важность роли воды в его жизни, он все равно продолжает жестко эксплуатировать водные объекты, безвозвратно изменяя их естественный режим сбросами и отходами.

Вода составляет большую часть любых организмов, как растительных, так и животных, в частности, у человека на её долю приходится 60–80 % массы тела. Вода является средой обитания многих организмов, определяет климат и изменение погоды, способствует очищению атмосферы от вредных веществ, растворяет, выщелачивает горные породы и минералы и транспортирует их из одних мест в другие и т. д.

Огромное значение вода имеет в промышленном и сельскохозяйственном производстве, она и транспортный путь, и источник энергии, и сырье для получения продукции, и охладитель двигателей, и очиститель и т.д. Общеизвестна необходимость ее для бытовых потребностей человека, всех растений и животных. Для многих живых существ она служит средой обитания.

Люди так же любят жить и отдыхать на берегах водоёмов. Если человеку предложить провести отпуск в саванне, джунглях, глухом лесу или на берегу моря, реки или озера, то большинство выберет именно последнее. Нас всегда тянет к водоемам. Вспомнить хотя бы популярные у городских жителей выезды на выходные «на шашлыки» на берег речки или озера, с купанием в этих водоемах.

К сожалению, жители г. Армавира последние годы практически лишены такого удовольствия.

Армавирское водохранилище, практически единственное место для купания горожан в летнее время, из года в год становится всё более мелким и главное грязным. И дело даже не в том, что вода цветет и практически не меняется, а в том, что из-за этого в воде появляются разнообразные возбудители самых опасных болезней, среди которых холера, лептоспироз, тиф и множество других.

Что такое армавирское водохранилище? В идеале – это связанная между собой система трёх водоёмов.

Первый – забор воды с Кубани и её очистка, второй – непосредственное использование воды горожанами: купание и т. д. и третий – поддержание уровня воды в предыдущем и выход её в реку.

Однако нынешняя действительность не совпадает с тем, как должно быть. Изолированный колодец заборной станции первого водохранилища, в который должны попадать сточные воды из города, а уж из него в водоём, разбит и не справляется со своими функциями. Из-за этого вода вместе с мусором и грязью стремительным потоком несётся прямо в водохранилище по соединительному каналу. Вследствие этого первое водохранилище, которое должно выполнять функции очистки, превратилось в заросли камыша и рассадник мусора. Оно высохло (его уровень опустился метра на два с половиной) и превратилось в болото [1].

Раньше первое водохранилище чистили, на нем работал земснаряд, очищающий дно, который не допускал появление иловых отложений и другого органического мусора. Из первого вода напрямую попадает во второе водохранилище по шлюзам.

Несколько лет назад специальные органы брали из водохранилища пробу. И оказалось, что вода не соответствует нормам. Естественно, появились таблички «купание запрещено».

О третьем водохранилище – так называемом выходе воды обратно в Кубань, можно сказать только то, что оно окончательно пересохло и теперь на его месте – лес.

Ко всему прочему, на месте общественного отдыха армавирцев разрушаются берега. И с этим тоже ничего не делают на протяжении многих лет. Согласно Водному кодексу Российской Федерации такие водные конструкции, как армавирский каскад бассейнов для хранения вод, должны иметь водоохранную зону. Однако у нас и это не соблюдается.

В «Правилах установления на местности границ водоохраных зон и границ прибрежных защитных полос водных объектов», утверждённых правительством РФ 10 января 2009 года, написано следующее: «Установление границ направлено на информирование граждан и юридических лиц о специальном режиме осуществления хозяйственной и иной деятельности в целях предотвращения загрязнения, засорения, заиления водных объектов и истощения их вод...» [1].

Однако такие таблички не спасают вышеупомянутые водоохраные зоны от загрязнений и засорений.

Справедливости ради нужно отметить, что в 2007 г. была предпринята попытка очистки пляжа. Его успешно почистили, в меру облагородили, и даже придумали запускать воду не из тухлого первого водохранилища, а из водо-

провода. Конечно, это в высшей мере разорительно, но как временный вариант вполне достойно.

Однако специалистами не был рассчитан гидрологический режим и вода регулярно «цвела». Остаётся надеяться, что у водохранилища появится хозяин, доведет до ума начатое дело, и сделает проточную смену воды. Возможно – с предварительно очищенного первого водохранилища, а лучше – с артезианской скважины! Ведь весь Новокубанск живет именно на такой воде, причем многочисленные скважины пробурены именно на берегу Кубани. И вполне возможно, что и в нашем районе есть подземные воды.

После этого желательно добиться установления в водохранилище так называемого биологического равновесия.

Биологическое равновесие – способность водоемов к самоочищению – интереснейшее явление природы. Оно обеспечивается совокупной деятельностью населяющих их организмов: бактерий, водорослей и высших водных растений, различных беспозвоночных животных. Каждый водоем – это сложная живая система, где обитают растения, специфические организмы, в том числе и микроорганизмы, которые постоянно размножаются и отмирают. Если в водоем попадают бактерии или химические примеси, то в условиях девственной природы процесс самоочищения протекает быстро и вода восстанавливает свою первозданную чистоту. Скорость самоочищения воды зависит от многих условий: количества загрязнений, поступивших в водоем; глубины его и скорости течения воды; температуры воды; наличия растворенного кислорода в воде; состава микрофауны, флоры и др. Однако следует помнить, что водоем обладает определенной способностью к самоочищению от загрязнений. Подобная способность водоемов не безгранична, наоборот она очень ограничена. Поэтому одна из важнейших природоохранительных задач состоит в том, чтобы поддерживать эту способность [2, 3].

Места вокруг армавирского водохранилища очень красивы, и весьма жаль, что они не доступны для отдыха горожан.

Литература:

1. Сайт Армавир.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://armavir.ru/novosti/2016/04/20/armavirskoe-vodохранилище-или-gryaznaya-luzha>
2. Черновский Л. А., Бонина О. М., Удальцов Е. А. Экология. Основы общей экологии и защита биосферы: учеб. пособие. – Новосибирск: СибГУТИ, 2008.
3. Коврига Е. В., Горovenko Л. А. Нормативы по защите окружающей среды: учеб. пособие. – Армавир: РИО АГПУ, 2017.

**Л. А. Горovenko
(Россия, Армавир)**

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации экологического воспитания студентов посредством информационно-образовательной среды высшего учебного заведения. При этом экологическое образование студентов рассматривается как синтез гуманитарной, естественнонаучной и технической составляющих.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, экология, экологическое воспитание.

**L. A. Gorovenko
(Russia, Armavir)**

THE USING INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF TECHNICAL UNIVERSITY FOR IMPLEMENTATION ECOLOGICAL EDUCATION OF STUDENTS

Annotation: in the article we consider the issues of implementing ecological education of students through the information and educational environment of the higher educational institution. At the same time, the environmental education of students is being considered as a synthesis of humanitarian, scientific and technical components.

Keywords: Informational and educational environment, ecology, ecological education.

В сферу деятельности любого технического вуза, как образовательного учреждения, входит не только качественная подготовка будущих специалистов, но и всестороннее воспитание личности потенциального руководителя предприятия. В связи с этим возникает задача внедрения новых аспектов воспитания в информационно-образовательную среду высшего учебного заведения.

Одним из таких воспитательных направлений является экологическое воспитание будущего инженера. Необходимость внедрения экологического воспитания в вузе продиктована крайне актуальными на текущий момент задачами сохранения и восполнения природных ресурсов нашей страны в условиях негативных изменений окружающей среды, происходящих под влиянием человеческой деятельности.

Экологическое образование студентов представляет собой синтез гуманитарной, естественнонаучной и технической составляющих и предусматривает целенаправленное формирование экологического стиля мышления, необходимых экологических, юридических, нравственных и эстетических взглядов на природу и место в ней человека, научного понимания проблем экологизации деятельности общества. При этом важно осознавать, что экологическое образование – это не просто учебный предмет (такой, например, как дисциплина «Экология»), а целый процесс, комплекс мероприятий в которых обучающихся побуждают, мотивируют к участию в управлении окружающей средой, к ликвидации негативных явлений, к нахождению способов улучшения экологической ситуации. Результатом экологического воспитания является экологическая культура личности.

Проблема заключается в том, как этого достичь практически. Очевидно, что традиционные формы и методы обучения могут оказаться малоэффективными, следовательно, нужно применять иные формы обучения для того, чтобы эффективно координировать различные дисциплины вокруг проблематики окружающей среды, являющейся центральной темой обучения.

Зарубежные специалисты по образованию в области окружающей среды неоднократно подчёркивали, что междисциплинарность предполагает, в частности, использование группового метода преподавания, в котором участвуют несколько преподавателей по различным учебным дисциплинам, способствует обучению, в котором учителя не противопоставлены, а объединены с учащимися. Это ведёт как к целостному подходу рассматриваемой проблеме, так и воспитывает определённые этические навыки в решении актуальных проблем окружающей среды путём кооперации, взаимного поиска и дискуссий.

На мой взгляд, для внедрения методов экологического воспитания целесообразно использовать возможности информационно-образовательной среды (ИОС) [1, 11–14; 2, 33–37; 3, 100–101].

Независимо от способа организации в вузе функционирования информационно-образовательной среды, в перечень её обязательных компонентов входят: программно-технический, информационно-методический и психолого-педагогический компоненты [4, 14; 5, 20–21; 6, 38; 7, 4]. В качестве средства реализации задачи экологического воспитания может быть использован психолого-педагогический компонент ИОС.

Психолого-педагогический компонент представляет собой совокупность психолого-педагогических приёмов и технологий, интегрированных с современными информационными технологиями и направленных на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов.

Особенностями данного компонента информационно-образовательной среды технического вуза является необходимость применять наряду с традиционными формами обучения также активные и интерактивные формы занятий [8, 199–200; 9, 344]. Предполагается, что организация занятий производится преподавателем по принципу «предварительного действия», т.е. заранее предусмотренной индивидуальной траектории обучения (как ни парадоксально это звучит), при этом преподаватель имеет возможность не только производить мониторинг «индивидуального» хода обучения каждого студента, но и управлять процессом обучения посредством «прямого» общения.

Таким образом, при использовании информационно-образовательной среды как средства реализации задач экологического воспитания студентов, мы имеем в нашем арсенале массу новых возможностей привлечь внимание

учащейся молодёжи к экологическим проблемам [10, 75; 11, 206–208; 12, 359].

Поводя итоги, можно сказать, что практический характер экологического образования ставит принципиально новые задачи, как перед содержанием преподаваемых наук, так и перед методами преподавания. Отсюда становится очевидной необходимость разработки новых современных методов обучения, соответствующих программ и пособий. Развитие экологического образования ставит задачи в деле реформы образования в целом. Это, безусловно, касается, как пересмотра содержания отдельно взятых дисциплин относительно вносимого ими вклада в общую проблематику окружающей среды, так и развития качественно новых методов преподавания, включая достижение необходимого синтеза естественных и гуманитарных наук.

Литература:

1. Горovenko Л. А. Методологические вопросы построения информационно-образовательной среды // Современные инновационные технологии как одно из условий совершенствования науки, производства и образования. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. АЦВО КубГТУ (22–24 марта 2001 г.). В 2-х частях. Ч. 2. □ Армавир: АФЭИ, 2001.

2. Горovenko Л. А. Педагогические аспекты эффективности применения автоматизированных обучающих систем с элементами искусственного интеллекта // Конкурентный потенциал вуза в условиях рынка образовательных услуг: теория и практика общественного опыта. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. (24–26 мая 2002 г.). □ Армавир: РИО АФЭИ, 2002.

3. Часов К. В., Белова В. В. Информационная образовательная среда кафедры как компонент педагогической

инноватики // Успехи современного естествознания. □ 2013. □ № 10.

4. Горovenko Л. А., Ключко В. И. Модели оптимального принятия решений при управлении процессом обучения в автоматизированной обучающей системе с элементами искусственного интеллекта // Современные инновационные технологии как одно из условий совершенствования науки, производства и образования. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. АЦВО КубГТУ (22–24 марта 2001 г.). В 2-х частях. Ч. 2. □ Армавир: АФЭИ, 2001.

5. Горovenko Л. А., Ключко В. И. Связь модели обучаемого и целей управления процессом обучения в интеллектуальной обучающей системе // Современные инновационные технологии как одно из условий совершенствования науки, производства и образования. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. АЦВО КубГТУ (22–24 марта 2001 г.). В 2-х частях. Ч. 2. □ Армавир: АФЭИ, 2001.

6. Горovenko Л. А. Построение архитектуры интеллектуальных обучающих систем нового поколения // Конкурентный потенциал вуза в условиях рынка образовательных услуг: теория и практика общественного опыта. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. (24–26 мая 2002 г.). □ Армавир: РИО АФЭИ, 2002.

7. Горovenko Л. А. Построение информационно-образовательной среды с элементами искусственного интеллекта: Автореф. дис. ... канд. тех. наук. □ Краснодар: КГТУ, 2002.

8. Горovenko Л. А. Систематизация учебного материала, использование средств мультимедиа // Нормативные технологии диагностики в современной экономике и обществе. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. / Под ред. А. И. Шарнова. □ Ст. Отрадная: Изд-во ОГИ, 2001.

9. Часов К. В. К вопросу об интерактивности в обучении // VIII Межд. конф. «Стратегия качества в промышленности и образовании». Варна, Болгария, 2012 / Межд. науч. журнал ActaUniversitatisPonticaEuxinus. □ № S1. □ 2012.

10. Горовенко Л. А. Проблема оптимального принятия решений при управлении процессом обучения в интеллектуальных обучающих системах и способы ее разрешения // Современные проблемы математики и информатики: Сб. науч. тр. Вып. 3. / Сост. Н. Г. Дендеберя, С.Г. Манвелов. □ Армавир: РИЦ АГПУ, 2006.

11. Горовенко Л. А. Некоторые аспекты представления знаний и организации интерфейса в интеллектуальных обучающих системах // Научный потенциал вуза – производству и образованию: сб. тр. по мат. межвуз. науч.-произв. конф., посвящённой 90-летию КубГТУ. □ Армавир: Изд. АМТИ, 2008.

12. Горовенко Л. А. Экспертная оценка электронного программно-методического комплекса // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. □ 2014. □ № 4.

Д. Е. Липаева
(Россия, Краснодар)
Хиро Накамура
(Япония, Токио)

ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА **(на примере образов визуальной культуры)**

Аннотация: в статье поднимается проблема единства человека и природы, характерная для жителей страны восходящего солнца. Речь идет о таких важных моментах для любого японца, как цветение сакуры, сад камней, гор-

ное отшельничество, звуки природы. Особое отношение к миру природы помогает обретению гармонии с окружающей действительностью и самим собой, о чем свидетельствуют образцы визуальной культуры, представленные кинематографом и аниме.

Ключевые слова: сад камней, шум дождя, сакура, гора, отшельничество, аниме.

D. E. Lipaeva
(Russia, Krasnodar)
Hiro Nakamura
(Japan, Tokyo)

ECOLOGY OF NATURE AND HUMAN **(on the example of images of visual culture)**

Annotation: The article raises the problem of the unity of man and nature, characteristic of the inhabitants of the country of the rising sun. These are important points for any Japanese, such as cherry blossom, rock garden, mountain hermitage, sounds of nature. A special attitude to the world of nature helps to achieve harmony with the surrounding reality and with oneself, as evidenced by the samples of visual culture presented by the cinema and anime.

Keywords: garden of stones, the sound of rain, sakura, mountain, solitude, anime.

Природа в японской культуре является неотъемлемой составляющей картины мира любого японца, вследствие чего сказать о том, что природа занимает важное место в жизни представителя страны восходящего солнца – значит, ничего не сказать, оставшись за гранью понимания той невидимой силы влияния окружающего мира на судьбы японского народа. Знаками этой силы нередко выступают цветущая сакура; сад камней; звуки природы, горы.

Сакура. На протяжении всей своей жизни японцы, даже будучи вдали от родных мест, всегда стремились вернуться домой в период цветения сакуры. Традиция любования сакурой, возникшая в эпоху Хэйан, не теряет своей актуальности и значимости в настоящее время. Период цветения сакуры недолгий, всего около недели, и японцы, отождествляя опадающую красоту цветов сакуры с быстротечной жизнью человека, погружаются в философские размышления, любясь цветущими деревьями в дни *о-ханамии*²⁵. Помимо раздумий о высоких материях на пикниках *о-ханамии* японцы устраивают чаепития, а также тренируются в стихосложении.

В полнометражном аниме «5 сантиметров в секунду»²⁶ сакура выступает романтическим звеном-связкой между главными героями в первой истории «Отрывок о цветущей сакуре» («Некоторые лепестки сакуры»). В момент вынужденного расставания Такаки Тоно и его близкой подруги Акари Синохара в воздухе кружатся и падают прекрасные лепестки цветов сакуры, символизируя эфемерность жизни (00:00:13). Впоследствии в своих письмах к другу Акари вспоминает об огромной сакуре «недалеко от дома» и пишет про свою мечту «встретить весну с Такаки-куном вместе», именно в пору цветения сакуры в Японии (00:05:20). Вновь молодые люди смогли встретиться только зимой, их первый поцелуй случился возле той са-

²⁵ О-ханамии – фестиваль цветения и любования сакурой в Японии. Не является официальным праздником, но, тем не менее, отмечается всеми, начиная с императорского дворца, откуда собственно он и получил свое распространение. В связи с территориальным расположением, фронт цветения сакуры движется с юга на север. Так более обеспеченные граждане могут в паломничестве насладиться мимолетной и изысканной красотой намного дольше.

²⁶ «5 сантиметров в секунду» (Япония, 2007) Режиссер Макото Синкай, композитор Ацуси Сиракава (Тэммон).

мой сакуры под хлопьями снега, который «похож на лепестки» (00:22:20).

В виде дополнения к романтическим сценам или как некий образ любви сакура встречается и в других режиссерских работах, как полнометражных, так и аниме-сериалах. В их числе:

«Кланнад» (режиссер Исихара Тацуя, 2007 г.). Ученик выпускного класса Томоя Окадзаки разочаровался в жизни и после трагической смерти обрел славу хулигана. Но внезапное возвращение в школу странной девочки Нагису Фурукаву изменяет его серую жизнь;

«Нодаме кантабиле» (режиссер Кэнъити Касаи, 2007 г.). История о двух талантливых пианистах, в которой у каждого был свой путь к мечте;

«Рыцарь-вампир» (режиссер Киёко Саяма, 2008 г.). В престижном учебном заведении Академии Кросс на ночном отделении учатся самые необычные студенты – студенты-вампиры.

«Твоя апрельская ложь» (режиссер Кёхэй Исигуро, 2014 г.). Юный Косэй Арима, будучи гениальным пианистом, после смерти знакомится с красивой и своевольной скрипачкой Каори Миядзоной.

Сад камней. Сложная, но в тоже время привлекательная и красивая система садоводческого искусства в Японии изначально была насыщена духовным смыслом. В то время сады располагались на территории храмов и дворцов. Основанные буддистами и паломниками, конструкции садов были схожи с нормами дзен-буддизма и не подчинялись никаким другим архитектурным канонам и стилевым признакам. Такие созданные из камней и песка сады, в которых отсутствовали зеленые насаждения, получили в Японии название «сад камней».

Основным элементом в таком саду является камень, чаще в первозданной форме. Остальная площадь сада

засыпается песком или мелкой галькой, поверхность формируется в бороздки с помощью граблей. Бороздки идут от дома по всему саду, охватывают камни кольцом. Пришедший сюда может представить что угодно, традиционно же считается, что песок – это «океан», а камни – «острова». По своей функциональности сады располагают к медитации, уходу от повседневной суеты и проблем. Помимо сада камней в Японии существуют сады, более приближенные к традиционным формам. Как правило, в таких садах высаживают цветущие деревья (слива, вишня, азалия), выходящее растение (глицина). Украшают задуманную композицию при помощи деревьев, бамбуков, кустарников, иногда мха. На территории сада также могут быть размещены беседки, каменные фонари, чайные домики. Заимствуя модели мироздания у скал, холмов, гор, ландшафтные дизайнеры прилагают все усилия для того, чтобы рукотворный участок воспринимался как естественный природный уголок.

Примечательно, что с целью вызвать у зрителя особое настроение покоя и созерцательности, режиссер популярного аниме-сериала «Темный Дворецкий»²⁷ вводит в сюжет японский сад камней, который разбит в поместье Сиэля. Здесь же, по замыслу Синохары Тосии, установлен суйкинцу²⁸, издающий глухой, «булькающий» звук (1.1; 07:57). Такое характерное для японских садов музыкальное приспособление настраивает на неспешные размышления (1.21, 04:42).

Звуки природы. Когда на улице идет дождь, молодой человек, не упуская любую возможность, торопится прочь

²⁷ «Темный Дворецкий» (Япония, 2008) Режиссер Синохара Тосия, композитор Ивасаки Таку. Сюжет действия разворачивается в викторианской Англии, в поместье Фантомхайва.

²⁸ Суйкинцу – музыкальный инструмент, получивший название «пещера водного кота».

из шумного и суетливого мегаполиса в тихий и почти безлюдный сад. Однажды он застает там прекрасную незнакомку. Так начинается аниме «Сад изящных слов»²⁹. Режиссер открывает перед зрителем тут способность природы, которую мы часто не замечаем, хотя эта способность дарит людям возможность беседовать друг с другом без слов. Капли дождя, стучащие по крыше беседки, шум ветра в зеленой кроне деревьев, раскаты грома и проблески молний – все это язык, на котором с нами говорит само мироздание.

В киноленте голос природы звучит в унисон с музыкой талантливого композитора Дайсукэ Касива. Лирические моменты сюжета сопровождаются музыкой в жанре ноктюрна, привнося особое очарование в картину анимационного фильма. Мелодия, несущая в себе мотивы светлой печали, не только созвучна летнему дождю. Звуки музыки, равно как и звуки природы, тонко откликаются на состояние и чувства героев, осознающих невозможность быть друг с другом. Но может быть начинающий сапожник Акадзуки и молодая учительница старших классов Юкино смогут стать счастливыми, благодаря долгим и практически безмолвным беседам в том саду?

Горы. В старой Японии будто бы существовал обычай – *убасутэ*. Опровергнуть этот факт, ставший городской легендой современной Японии, практически так же невозможно, как и подтвердить его подлинное существование, начавшееся в древности по указу деспотичного правителя. Как гласит легенда, *убасутэ* предписывало сыновьям уносить своих родителей, достигших преклонного возраста, умирать на гору Камурикияма (второе название горы *Убасутэяма*) во избежание голода в стране. Одним из вариан-

²⁹ «Сад изящных слов» (Япония, 2013 г.). Режиссер Макото Синкай, композитор Дайсукэ Касива. В главных ролях Ирино Мию, Кана Ханадзава, Фуми Хирано.

тов этой легенды стал полнометражный японский аниме-фильм «Познавательные рисованные истории: Гора Убасутэ»³⁰.

То обстоятельство, что именно гора стала местом своеобразного жертвоприношения, возможно, связано с образовавшейся на Японской земле в VIII веке секты горных отшельников *ямабуси*³¹, исповедовавших направление буддизма школы Сингон. Так горы, изначально почитавшиеся в синтоизме священными, стали идеальным местом отшельничества и полного слияния с природой для *ямабуси*. В некоторой степени способности *ямабуси* раскрываются в аниме-сериале «Самурай Кё»³².

Вне всяких сомнений, даже столь беглый экскурс по отдельным образцам визуальной культуры Японии как нельзя лучше иллюстрирует мысль о значимости природы в жизни японского народа, о ее глубоком влиянии на мировоззрение населяющих эту землю людей. Пожалуй, именно поэтому природу в японской культуре невозможно рассматривать отдельно от философии, ибо не человек помогает жить природе, а сама природа вдохновляет человека на жизнь.

Литература:

1. Лебедева А. Японский сад. – М.: Издательство «Вече», 2002. – 320 с., ил.
2. Николаева Н.С. Сад в японской культуре /Грани творчества: Сб. науч. ст. Вып.2 / НИИ теории и истории

³⁰ «Познавательные рисованные истории: Гора Убасутэ» (Япония, 1925). Режиссер-мультипликатор Санаэ Ямамото.

³¹ Ямабуси ((яп. 山伏) – скрывающийся в горах.

³² «Самурай Кё» (Япония, 2002). Режиссер Дзюндзи Нисимура. В главных ролях: Крис Кромер, Себастьян Арселус, Уэйн Грэйсон. В бродячем лекаре в минуты смертельной опасности рождается вторая сущность Кё, о которой никто и не знал до поры до времени.

изобразительных искусств РАХ; отв. ред. Е.Д. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 122 – 187.

3. Овчинников В. В. Сакура и дуб. М.: Аст, Астрель, 2012. – 605 с.

4. Штейнер Е. Приближение к Фудзияме. — М.: Слово, 2011. 352 с.

5. Ясунари Кавабата. Красотой Японии рожденный /Пер. с яп. языка Т.П. Григорьева. – М.: Издательство «Прогресс», 1971. – 30 с.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

А. В. Ламанов
(Россия, Краснодар)

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Аннотация: в статье затрагивается проблема влияния искусства, в том числе современной музыкальной культуры на формирование характера личности, ее взглядов и предпочтений. Система аргументации выстраивается в опоре на авторский эксперимент, в центре которого – опыт самопознания, осуществляемый сквозь призму окружающей субъекта культуры музыкальной среды.

Ключевые слова: искусство, социум, культура, музыка, воспитание.

A. V. Lamanov
(Russia, Krasnodar)

ART AND LIFE: EXPERIENCE OF MEANING

Annotation: in the article are reviews of problems influencing art, including the influence of modern musical culture

on individual character formation, it's views and preferences. The author argues his idea on an experiment which aim is self-knowledge, with the help of music to which he listened. In the end he made a conclusion on the importance and irreplaceability of art in the life of the young Russian generation.

Keywords: art, society, culture, music, upbringing.

Искусство... Трудно разобраться в том, что оно значит в жизни каждого из нас, отказавшись от расхожих истин и штампованной мысли. Разве может человек быть человеком без стремления прикоснуться к чему-то прекрасному, почувствовать, увидеть, услышать то, что заставит его сердце трепетать? Что же ещё поможет ему отличить себя от животного? Конечно искусство. Познание искусства. Стремление самому создать что-то, чего ещё не видел этот свет, стать частью чего-то большего, чем существование в теле.

Интересно, почему человек стремится к бессмертию, к тому, что непременно будет жить и после его ухода? Не думаю, что на это есть однозначный ответ, но я попытаюсь высказать исключительно свою точку зрения с тем, чтобы познакомившись с ней, каждый непременно захотел поделиться своим личным опытом.

Осмелюсь предположить, что стремление подростков писать стихи, рисовать, равно как и желание уже взрослых людей творить что-то свое (много знакомых моего отца занимаются выжиганием по дереву, создают какие-либо поделки в свободное время, подруги матери – вышивают и вяжут) обусловлено лишь одним: желанием оставить по себе след. При этом неважно, какой материал идет в дело, главное, что любое творчество, по сути, воплощает в себе мысль своего автора подобно тому, как каждый из нас несет в себе образ и подобие Создателя. При этом не что иное, как человеческое сознание выступает неким заветным

сундучком, в котором мы храним информацию о мире, ежедневно пополняя этот сундучок всё новыми знаниями.

У кого-то он полон по-настоящему золотыми монетами, которые накапливались и собирались долгие годы. Кто-то интересовался лишь хламом. Чей-то сундук доверху забит тряпьем, в котором иногда может попасться подлинно интересный экземпляр. Только и бродяга, и интеллигент, и люмпен, и аристократ – каждый из них одинаково дорожит своим сундуком: ведь он сам, своими руками, пополнял его день за днем. Исключение, пожалуй, составляют лишь те из нас, кому не довелось проявить самостоятельность в выборе той поклажи, для которой, собственно, и предназначен сундучок. Здесь, как правило, роковую роль играют родители, которые торопятся заполнить пустоту помимо воли владельца сундучка, полностью игнорируя его намерения и желания. Бездумно и безумно навязывая свои представления о жизни собственному чаду, пытаясь именно через ребенка осуществить свою несбытующую мечту, мамы и папы становятся тиранами, заставляя сына или дочь заниматься тем, что кажется им важным, отправляя в тот университет, который сам бы подросток никогда не выбрал.

Нежелание сопротивляться подобному вторжению в личное пространство с неизбежностью порождает ситуацию, в рамках которой сотни тысяч мужчин и женщин каждое утро вынуждены идти на нелюбимую работу, злиться, срываясь на близких людях и боясь себе признаться в том, что по-настоящему интересная жизнь прошла мимо, и однажды выбранный путь оказался неверным.

Упуская возможность реализовать себя в каком бы то ни было творчестве, мы, по сути, отказываемся быть людьми, поскольку никакое животное по велению души, исключительно бескорыстно, не способно что-либо созда-

вать. Только в процессе становления человечества, поколение за поколением, искусство порождает искусство, в чем и заключается его феноменальность и уникальность, ибо в природе энергии свойственно угасать при переходе из одного состояния в другое (если говорить именно о полезном использовании, учитывая, что часть её рассеивается). Искусство же, как вечный двигатель, без остановки порождает все новые и новые импульсы в воспринимающих его современниках и потомках.

Пожалуй, как и во всяком производстве здесь случается брак. Однако искренность тех, кому адресовано искусство – критиков, непритязательных любителей, искушенных аналитиков способствует тому, чтобы зерна были очищены от плевел. При этом неважно, что кто-то в итоге получит признание общества, кого-то это общество отвергнет. Дело в том, что если сама жизнь таких людей есть непрекращающееся творчество, они каждое ее мгновение будут проживать по законам искусства, т.е. по законам гармонии и красоты и только время покажет, кто есть кто, ибо самая главная проверка – проверка временем.

Здесь представляется необходимым обратить внимание на один весьма существенный момент. Поскольку любое произведение искусства есть детище автора, который формирует его «облик» подобно тому, как отец и мать закладывают в своем ребенке фундамент личности, ее характер и привычки, в обоих случаях речь может идти о рождении нового феномена, в котором обретают свое единство прошлое, настоящее и будущее. В целом диалог, определяемый взаимодействием воплощенного в произведении искусства автора и воспринимающей это искусство личности, приобретает такие вселенские масштабы, что, по сути, выступает аналогом состыковки двух космических кораблей. От успеха либо неуспеха такого предприятия может напрямую зависеть либо дальнейшее продолжение иссле-

дований и открытий, либо – растворение многолетнего опыта в бесконечном пространстве мироздания.

Именно поэтому столь важными для становления личности, способной ценить искусство, становятся не только семья, социальное окружение, но и то, с каким искусством мы живем в быту, что мы видим вокруг себя, какие песни у нас на слуху. Другими словами, развивая с малых лет готовность видеть прекрасное в созданном природой – распустившемся бутоне цветка, утреннем пении птиц, умиротворенном движении легких облаков на фоне голубого неба – мы создаем для себя устойчивый фундамент, который на фоне бесконечных трансформаций служит неким островком стабильности. Действительно, независимо от ситуации, человек, способный увидеть на картине мелкие детали и определить по ним тот скрытый смысл, который в них заложил создатель, без сомнения заметит тревогу или переживания других людей, что в итоге с неизбежностью откликнется желанием помочь.

Возвращаясь к вопросу о значимости того, какое искусство вписано в нашу повседневность, остановлюсь на конкретном примере, в центре которого – массовая музыка. Речь идет об эксперименте, который пару лет назад я провел над самим собой. К сожалению, никаких записей я тогда не делал, поскольку не думал, что это может пригодиться. Главным мотивом было одно: мой личный интерес и стремление найти причинно-следственную связь между тем, что мы слушаем и тем, как ведем себя при этом.

Итак, неделю я слушал только некогда любимую мной группу «Uma2rman». Как правило, большинство текстов песен этой группы отличаются особым пессимизмом, в них часто говорится о невозможности повлиять на ситуацию, когда человек брошен, остался один, когда он не знает, куда ему деться. При этом музыкальная составляющая вопреки словам чаще всего была отмечена бодростью, ма-

жорностью, подвижным ритмом, что позволяло сделать следующее предположение: внешне автор старается не показывать свою душевную боль и тоску.

Как я чувствовал себя в ту неделю? Ровно так же, как Сергей Крестовский в своих песнях. Все вопросы мне казались неразрешимыми, я видел огромную проблему даже в самых простых задачах, близкие говорили, что я опускаю руки и становлюсь «нюней», не способной на мужские поступки. Поскольку речь шла об эксперименте, подобные комментарии отчасти радовали меня, потому что подтверждали мою гипотезу, хотя в действительности (сейчас в этом уже можно признаться) в какие-то моменты ситуация действительно выходила у меня из-под контроля. Иногда, вопреки намерению, я был как раз тем героем песни, который вместо решения проблем лишь тоскует об отсутствии возможностей, забывая, что возможность есть всегда, особенно когда ты называешься мужчиной. (Как хорошо, что эксперимент не зашёл слишком далеко, и я смог безболезненно выйти из этого обречённого состояния).

На следующую неделю я решил слушать зарубежную группу «LimpBizkit». У них достаточно агрессивная тяжёлая рок-музыка, а вокалист «поёт» в жанре хип-хоп. Музыканты поют о царящей в мире несправедливости, продажности этого мира, а также о том, что только своими силами мы можем всё изменить. Примечательно, что именно на этой неделе я стал бегать, потому что невозможно устоять на месте, когда в наушниках звучит такая музыка. Стал более активен физически, но более молчалив. Думая о том, что нужно успеть сделать, я делал это. Однако к близким мне людям отношение немного изменилось: я стал настолько раздражительным, что даже небольшая мелочь выводила меня из себя, а лень и беспомощность со стороны других людей даже, стыдно признаться, вызывали во мне ярость. В итоге вместо слов поддержки с моего языка едва

не слетали слова осуждение, но, к счастью, мне удавалось тогда держать себя в руках и просто молчать. Не могу дать однозначную (положительную или отрицательную) оценку этому периоду, но точно знаю: эта музыка очень сильно изменила образ моих мыслей, особенно на фоне прошедшей недели. И по сей день я слушаю эту группу, когда занимаюсь спортом, особенно, когда бегаю, потому что «взрывные» припевы дают заряд энергии.

В то же время, я отдаю себе отчет в том, что нужно быть очень осторожным с такого рода музыкой по той простой причине, что малейший перебор может привести к утрате способности сочувствия и сопереживания. Кстати говоря, подобную музыку сейчас слушают молодые люди, которые ездят на автомобилях, включив её как можно громче, чтобы все слышали и знали, что они едут по дороге. Не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять причину такого поведения: ни много ни мало, это заявка на собственную значительность, которая, как правило, есть оборотная сторона внутренней пустоты и отсутствия того самого устойчивого фундамента, о котором упоминалось ранее. Перефразировав известное выражение, осмелюсь сказать: «Скажи мне, кто твой любимый исполнитель, и я скажу, кто ты».

Дальше следовал третий этап эксперимента и, как оказалось, последний. Тогда я только открывал для себя джазовую музыку, различные направления блюза, Фрэнка Синатру, Луи Армстронга, таких советских исполнителей, как Эдуард Хиль и Муслим Магомаев. Вот где я нашёл действительно себя, без прикрас и масок, такого «Я», с которым мне самому хочется жить и радоваться жизни. Эта музыка показала мне другой взгляд на мир, отличный от того, который преследовал меня до этого. Я стал понимать, что мир сам по себе прекрасен, что не мы боги, создающие и меняющие мир, а сам мир – Бог, который подарил нам

жизнь, поэтому нужно с любовью относиться ко всему и всем, ибо все мы его дети, равные друг другу и одинаково достойные счастья. Эта музыка открыла мне простую тайну: любой наш день может оказаться последним, поэтому нужно использовать его максимально результативно:

– просыпаться рано утром и до самой ночи ценностно переживать каждое мгновение жизни, откликаясь на зов тех, кто нуждается в тебе;

– делать только такие дела, за которые ты не будешь испытывать неловкость перед окружающими и самим собой;

– невзирая на усталость, идти к своей мечте;

– улыбаться каждому новому дню, стирая грусть с лиц близких людей, помогать им и быть рядом с теми, кто этого действительно достоин.

Я до сих пор отдаю предпочтение именно этим исполнителям, несмотря на то, что со времени моего эксперимента прошло два года, которые принесли мне знакомство со многими интересными музыкантами. Такое постоянство обусловлено тем, что именно эта музыка подарила мне великое знание. Его суть заключается в следующем: нельзя лежать, свесив ноги с кровати, когда Земля, преодолевая огромное сопротивление, движется вокруг Солнца. Ведь сбейся она с орбиты, остановись хоть на секунду, и всему нашему миру, всем нам придёт конец. Это знание налагает на каждого из нас великую ответственность перед нашей планетой, которая, несмотря ни на что, никогда не должна остановиться!

Тогда я забыл о том, что нужно сделать выводы относительно последней недели моего эксперимента. Я вообще забыл о нём, забыл, что нужно обращать внимание на моё отношение к людям и отношение людей ко мне. Я просто жил, радовался жизни и помогал радоваться другим людям. Чтобы прийти к истине, как говорится в одной английской

пословице, нужно стереть три пары сапог со стальной подошвой. Пока не знаю, стёр ли я хотя бы сотую часть первой пары, но та боль, которая каждый день присутствует у меня в ногах, заставляет меня, даже в самые пасмурные дни поверить, что я на правильном жизненном пути.

Нельзя не признаться, что многие осуждают меня за то, что я слишком заиклен на других, порой не обращаю внимания на себя, готов не есть и не спать, забывая о своих биологических потребностях в ситуации, когда я нужен другому человеку. Но мне, признаться честно, меня это не огорчает. Раньше я старался, обливаясь потом, доказать всем, что в моих действиях только свет, что это мой собственный выбор, но потом понял, что это бессмысленно. Мне стало даже немного приятно слышать подобную критику, ибо я понимал, что мне довелось прикоснуться к тайне, которую мои оппоненты вряд ли постигнут. Но за этим моим пониманием нет ни капли высокомерия или гордости, ведь я полностью осознаю, что мне со своим мировоззрением так много предстоит пройти дорог, чтобы приблизиться к тем великим, с приходом которых наш мир стал чище и лучше. Однако, смотря на улыбки окружающих меня людей, я понимаю, что живу в этом мире не зря.

Конечно, мой эксперимент трудно назвать научным, теоретически обоснованным и подтвержденным другими людьми, однако я все же осмелюсь сделать некоторые выводы по поводу всего вышеизложенного. Итак, первая гипотеза – мы то, что мы слушаем. Лично для меня это стало аксиомой, не требующей доказательств. Достаточно взглянуть наших сограждан, отдающих предпочтение «попсе», которая отмечена шаблоном, основанным на примитивной мелодии, статичном ритмическом сопровождении, бессмысленных текстах, нередко с речевыми ошибками, и станет ясно, на какие поступки способна эта масса.

В данном контексте показательными для меня становятся слова Сергея Табачникова – российский гитарист, который пишет исключительно инструментальную музыку. В одном из своих интервью композитор и исполнитель как-то признался в том, что его не интересует музыкальная мода, следование которой может поднять рейтинг, он не анализирует вкусовые предпочтения массового слушателя. Он просто пишет и играет ту музыку, которая в его сердце и люди, сердца которых стучат в унисон с его, сами находят своего автора.

Пожалуй, именно погоня за модой и славой убивает в музыке то, что дает ей право называться высшим искусством. С особенной очевидностью это проявляется сейчас, когда действительно талантливых музыкантов, которые были, есть и будут всегда, загораживают откровенные бездарии, зарабатывающие славу пошлыми нарядами, постыдными танцами и всем тем, что привлекает внимание толпы лишь своим внешним выражением. Неслучайно современным фанатам «попсы» группы интересны не столько творчеством в целом, сколько отдельными «хитами». При этом мало кто задумывается об истории жизни исполнителя, о его судьбе.

По-моему, утверждать, что ты, например, любишь Моцарта, можно только в том случае, если тебе небезразличен его жизненный путь, если ты знаком с трагедией А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» и, как минимум, способен поддержать беседу о самых значительных произведениях гения в разных жанрах. Точно так же каждый, кто осмелится сказать: «Я люблю слушать Бетховена» должен в действительности слышать не только его «хиты» – Сонату № 14 или пьесу «К Элизе», но знать историю создания этих произведений, интересоваться исполнителями, в репертуаре которых произведения Бетховена.

На первый взгляд, та музыка, которую слушает большинство и те песни, что звучат сейчас по радио, доносятся из окон автомобилей и т.п. заставляют испугаться за будущее, ведь дальше только хуже, но я с этим не соглашусь. Всегда и во все времена люди жаловались на современность, испытывая ностальгию по былому, но это лишь от того, что грязь всегда «бросается» в глаза. Что же касается хороших, добрых людей, как и прекрасных песен, которых, на самом деле, много, то они не стремятся обратить на себя внимание, они просто живут и, простите за просторечие, не лезут вон из штанов, чтобы что-то кому-то доказать. Отбросы всегда пахнут сильнее цветов, затмевая их, но тот, кто начнёт искать во тьме свет, всегда его найдёт, в том числе, и в самом себе. Самое время воскликнуть вслед за Прокофьевым: «Будем, как Солнце»!

Моя вторая гипотеза опровергает мысль о том, что мы слушаем ту музыку, которую требует наше тело. Точнее, то обстоятельство, что посредством динамики и ритма музыка действует на наш организм на уровне раздражителя, создавая определенные установки сознания на то или иное поведение, не является неизменным, раз и навсегда данным. Так, одна моя знакомая с развитым музыкальным вкусом говорила, что когда-то была приверженцем «попсы» и, однажды испугавшись своей зависимости от такой музыки, а также узости своих музыкальных интересов решила, что так дальше жить нельзя. Сначала она буквально насильно приучала себя к классическому наследию, по несколько раз возвращаясь к прослушиванию одного и того же произведения, хоть это и приводило ее в состояние дискомфорта. Но спустя какое-то время она заметила, что такая музыка ей нравится все больше и больше. Сегодня эта девушка слушает классику с огромным удовольствием и ее музыкальный вкус впечатляет.

Подытоживая все вышеизложенное, замечу: любое поколение можно приобщить к высокому искусству, только для этого нужны большие усилия. Если яблоко начинает подгнивать, надо сразу вырезать эту гниль, не давая ей распространиться на весь плод. С людьми так же: пока наш мозг не окончательно деградировал от того звукового хаоса, который нас окружает, нас ещё можно спасти.

**Ирма Межинская
(Россия, Грозный)**

КАЛЕЙДОСКОП

Лихою тройкой мчатся дни,
Стирая звук людских прелюдий,
Выстраиваясь в коллажи,
Узорами нелепых будней.
Переписать их не дано—
Густой елей по капле льется,
Как горечь в терпкое вино,
А в ложке дегтя —бес смеётся!
Круговоротом скучных дел
Ложится путь чужих скитаний,
Картинками игривых тел,
Калейдоскопом мирозданий!
Вселенским хаосом живём
И оседаем серой пылью,
И отраженьем за стеклом,
И на бумаге — ветхой, былью!

ЗАЧЕМ?

Затаилось в душе:
Зачем помогать?
Ведь мне никто не помог!
И место в автобусе —
Зачем уступать?
Не инвалид он без ног!
И делать добро
Зачем? И кому? —
Оно не вернётся назад,
Как много вопросов, а все потому,
Что в мыслях прячется страх!
И зависть, и черствость, и эгоизм —
Всю суть отравили ядом,
Но сдулся мнимый твой героизм,
Увидев глаза, упрекнувшие взглядом!
Очнувшись сейчас же, как от сна,
От злого и мрачного наваждения,
Порадуй добром, получишь сполна,
Каплю за каплей судьбы милосердия!

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Зал ожидания пуст,
Закрыла его на ремонт.
Остригла замшелый куст,
Выбросила старый зонт!
Мысли несутся вскачь,
Памятью жгут грехи,

Ты ушел и не плачь,
И строго уж не суди.
Пожелтел души календарь,
Вот и пришёл черёд
В прошлом оставить январь,
Даты стереть и – вперёд!
Ожидания зал открыт,
Вновь вбирает людской поток,
Твой секрет уж давно раскрыт,
С новым счастьем тебя, дружок!

Вот слышит голос неземной:
«Забудь обиды все, мой друг,
За чистую прими монету
Ты вечный этот тихий шёпот.
Но он внимать не стал, сказав:
«Ты замолчи, змея, и знай –
Я выбрал этот лёгкий путь:
В мгновенье кровью захлебнусь,
О гладь земную разобьюсь.

**Гордиенко Сергей
(Россия, Краснодар)**

ВЫБОР

Он шёл по улицам глухим,
Рождающим у мёртвых крик,
И не было других людей,
Кто вслед ему смотрел.

Порезав вены, человек
Свободен стал, и за забором
Уже не ищут душегуба,
Что зверя прятал от людей.

С упорством он идет вперед –
Уже давно не человек,
Лишь плоть людскую не успел
Отбросить прочь, что так близка,

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА 3

Зорина Е. А. Концептуальное осмысление ответственности личности в работах итальянских философов XX века..... 3

Гусарова М. А. Российское правосознание в философии славянофилов (на примере взглядов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского)16

Стойко О. А. Тенденции правовой жизни современного российского социума в аспекте идеи евразийской цивилизации: к постановке вопроса.....34

Крятова Г. А., Стаценко И. Е. Роль диалога в социально-гуманитарном познании44

Копенкина Ю. В. Диалог культур в пространстве социально-философского дискурса: опыт аналитики48

Менчинская Ю. М. Культура как диалог и диалог в культуре (на примере диалога о ценностях семейного микросоциума)71

Ашнокова Л. М., Шаваева О. А., Салех Хусам Семейные ценности как объект социально-философского анализа.....77

Цымбал Д. А. Социальный субъект в социокультурном пространстве: анализ исследовательских линий82

Похилько А. Д., Ромас Т. А. Индивидуальность в метрике социокультурного пространства87

Фомин В. Н. Интерпретация концепта «личность» в социокультурном контексте российского общества.....93

Пинчук А. Н. К вопросу об образовательных практиках в дистанционном образовании: мнение преподавателей и студентов.....98

Лугинина А. Г. Информационное поле как среда, формирующая виртуальное пространство106

Натхо З. А. Информационная взаимосвязь СМИ и общества в России.....113

Маркин А. В. Воздействие манипулятивных практик на социокультурное пространство в условиях информационной аномии120

Глечян Э. Р., Похилько А. Д. Нравственные основания правовой социализации молодежи в России.....128

Прохода П. В. Европейская толерантность как идея национального предательства136

Передерий В. А. К вопросу о противодействии экстремизму в контексте изучения толерантного сознания и культуры населения полиэтничного региона143

Сабирова А. М. Проблема свободы в цивилизационном развитии России150

Семенов А. А., Симоненко С. В. Российская культура как фактор единства и межкультурного взаимодействия на постсоветском пространстве.....157

Сергеев С. М. Провинциальная ментальность в социокультурном пространстве Юга России163

Хамдан Махмат Хамдан, Горовенко А. Д., Горовенко Л. А. Вопросы сохранения национальных традиций в современной африканской архитектуре170

Горовенко Л. А., Кузьмина Н. А. Идеи симбиоза природы и архитектуры как воплощение культурных перемен в обществе.....177

Липаева Д. Е. Восток в контексте современной визуальной культуры России.....	184
Сабирова А. М. Культурная традиция: ее осмысление в рамках народной культуры	194
ОБРАЗОВАНИЕ, ПЕДАГОГИКА, ИСКУССТВО	204
Шалин В. В. Все у нас впереди	204
Жданова О. И., Баныкина С. В. Толерантность в призме образования.....	210
Тажидинова И. Г. Спорт и искусство: потенциал взаимодействия	218
Бакуменко Г. В. Роль кино в современном социокультурном пространстве	224
Коваленко Д. Ю. Леонардо да Винчи: «La Gioconda» («Играющая»).....	231
Карнадолина Е. А. Визуальная культура	327
Волкова П. С. Искусство и провокация.....	243
Путечева О. А., Палапаниди А. Л. Национально-региональный компонент в творчестве кубанских композиторов начала XXI века	251
Лабутина Ю. Д. Роман с Мастером: проблема художественной интерпретации.....	271
Выбыванец Э. В. «Музыка второй половины XX – начала XXI вв.»: о структуре и содержании учебной дисциплины для студентов музыкальных специальностей вузов искусств	277

Лабутина И. Г. Особенности работы над дикцией и артикуляцией на занятиях по сольному пению в детской школе искусств	285
Буланая Л. В. Психологическая подготовка ученика к концертным выступлениям.....	293
Голубинская С. В. Вокалотерапия как средство адаптации первоклассников к школьному обучению	299
Лабутина И. Г. Методика реализация модели инновационной деятельности по развитию художественного мышления учащихся	307
Черникова А. Д. Образовательное пространство современного села.....	312
Крятова Г. А., Апенина О. А. Особенности диалога в технологии интерактивного обучения	320
Скрипниченко Л. С. Профессиональное самоопределение выпускников школ в современном социокультурном пространстве	324
Силантьева В. А. «Правоведение»: особенности дисциплины в системе высшего профессионального образования	332
ИСТОРИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРАВО.....	337
Ашхамахова А. А., Кочесоков Р. Х., Акинйойе Абиодун Концепция «конца истории»: методологические и аксиологические измерения	337
Упоров И. В. Конституция и общественная дискуссия в новейшей России: взаимосвязи уже нет.....	342

Семенов А. А., Марченко В. Д. Россия: цивилизационные основы и современность	350
Карапетян Е. А., Щедров Н. Э. Российская цивилизация: ее специфические особенности	356
Чикаева К. С., Ибрагим Аль Аллу. Особенности формирования дворянского сословия Северного Кавказа	361
Беликова Н. Ю. Государственно-религиозные отношения в процессе постреволюционной модернизации страны в 1920–30-е гг.	367
Байкова Н. В. Государственная антирелигиозная пропаганда в 1920-е годы на Юге России.....	374
Мвафулилва Маклин. Особенности государственно-правовой системы республики Замбия	381
Лазуревская Ю. А. Историческая память в современном социокультурном пространстве Юга России.....	386
ФИЛОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА	390
Поливина М. А., Оганесов Г. А. Языковая картина мира как отражение культурной традиции	390
Шкуропий О. И., Чубаш А. С. Концептуальное многообразие оттенков идеи мужества в русской языковой картине мира	394
Шкуропий О. И., Литовский А. П. Способы объективации концепта «мужество» в лексическом фонде русского языка	401

Карапетян Е. А., Зинченко О. И. Русский язык как средство межкультурного взаимодействия на постсоветском пространстве.....	407
Павловская О. Е., Кондратова А. В. Эргономическое поле Кубани как репрезентация социокультурного пространства	415
Горовенко Л. А., Розаева Е. В. Детская игровая площадка как экологически чистый объект воспитания личности	425
Чуракова М. М., Демьянко А. В. Социально-экономическая асимметричность регионального развития: специфика возникновения и основные характеристики.....	430
Сумская О. А., Квашина А. М. Экологические проблемы добычи нефти.....	435
Коврига Е. В. Последствия Чернобыльской аварии.....	439
Паврозин А. В. Экологический аспект развития техногенной цивилизации (жили-были две собаки...).....	443
Коврига Е. В., Сумская О. А. Природный газ – как экологичная альтернатива топлива для автомобилей	448
Сумская О. А., Литовник Н. Н. Добыча сланцевой нефти: «за» и «против»	452
Коврига Е. В., Сумская О. А. Экологическая культура – важнейшее условие выживания человечества.....	455
Коврига Е. В. Проблемы загрязнения армавирского водохранилища	460
Горовенко Л. А. Информационно-образовательная среда технического вуза как средство реализации экологического воспитания студентов.....	465

Липаева Д.Е., Хиро Накамура. Экология природы
и человека (на примере образов визуальной
культуры).....471

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА..... 478

Ламанов А. В. Искусство и жизнь: Опыт
осмысления.....478

Межинская Ирма. Калейдоскоп. Зачем? Зал
ожидания489

Гордиенко Сергей. Выбор.....491

Научное издание

Коллектив авторов

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Сборник статей

Статьи представлены в авторской редакции

В авторской редакции

Дизайн обложки – А. А. Багинская

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. – 29,0. Уч.-изд. л. – 22,7.

Тираж 100 экз. Заказ №

Типография Кубанского государственного
аграрного университета.
350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13